

Эстер Кей «Маршал»

Начнем с обращения к уважаемому читателю.

Откашливаемся, поперхнувшись печеным изделием а-ла Марсель Пруст (размоченная в чае мадлена. Я, в отличие от него, размачиваю в кофе). Начнем поиск утраченного времени. (Очень неудачное начало. Кто никогда не читал Пруста, тот не поймет, как много значила для него эта кондитерская штучка. А кто читал, тот вряд ли помнит. Потому что, чтобы вспомнить вкус мадлены, надо ее как минимум раз в жизни попробовать). Но оставим тему утраченного времени - именно потому, что не собираемся больше его трать. Весьма спекулятивно обращаюсь я к самым добрым из ваших чувств, читатель. Дело в том, что я написала роман. Роман называется "Маршал". В нем пять частей, одна другой динамичнее и веселее. В нем совершенно нет деструктивных, темных, физиологичных моментов. Он очень здоровый и с лица, и с изнанки. От каждой его страницы веет спортивной бодростью и крепостью созидания. Сначала он выглядит как детский, школьный девичий дневничок. Затем он приобретает свойства взросления и возмужания. В середине третьей части он уже было проседает под грузом самоанализа, но к концу ее бодро восстанавливает силы и бежит на армейские сборы. Четвертая и пятая части самостоятельного значения не имеют, это, так сказать, аппендиксы, побочные линии судеб, легко при желании отсекаемые. Просто по ходу дела вокруг главной сюжетной линии narosло еще несколько фабульных подводных кораллов рубинового и опалового оттенков, которым понадобилась соответствующая шлифовка и подсветка (это, кстати, - типичный для меня пример многослойной метафоры: отросток аппендицита, плавно переходящий в ветку кристаллов). Вот и все. А сейчас я процитирую Есенина, потому что он как раз подходит к деревенскому, лошадино-тракторному детству моего героя.

МАРШАЛ

Роман

"Жизнь моя! иль ты приснилась мне?

Словно я весенней гулкой ранью

Проскакал на розовом коне".

(С. Есенин)

Маршал, сколько себя помнил, всегда жил с родителями и бабушкой в станице Заветное. В те редкие минуты, когда он не безобразничал в школе, не был занят разминированием окрестных полей (что очень любили делать ребята его возраста и, увы, один раз даже действительно напоролась на мину и получили серьезные увечья), не возился, помогая отцу, с сельской техникой (отец был механизатором) и не выполнял поручений матери - так вот, в это свободное время он, бывало, выводил с разрешения колхозного сторожа на луг Серого коня и ехал на нем, погоняя его голыми пятками, к Дону ли, к озерцу ли поблизости. А там, пока конь пил водичку и тешился волей, Борька смотрел на все вокруг. Вечерняя степь, зарастающие краснотой облака, речная сырость, стрекот, тишь.

Пускаешь плоский камешек наискосок по воде - он несется, точно протрачивает, прыгает несколько раз по поверхности реки. Да только камешков еще поискать - их мало на песчаном берегу.

А распластавшись на песке, смотреть в небо - классно. В зареве заката, в жгутах и бинтах раненых облаков мерещилось ему что-то боевое, какие-то сражения, конница красная, воинства небесные.

Отводил Серого к сторожке, шел домой. Небо не хотело меркнуть, не уходило из его воображения, наоборот, все ярче разгоралось. Находила тоска.

Утянет у отца из пиджака сигарету и, чтоб мать не увидела и не запрягла на какие-нибудь подсобные работы, пойдет курить подальше, за загон. Корова мычит, ждет вечерней дойки. Маршал чувствует, что голова - как бы это выразиться - растет и сердце ... расширяется, что ли.

Вечером в клубе - танцы. Да какой дурак станет вправду танцевать? Вот разборки, наезды - когда махинские, скажем, ребята наехали на наших, и пошла крутая разборка - в этом, в сущности, интерес. А не в том, что кто-то там орет под фонограмму, и не в том, что девчонки как-то задиристо и завлекательно себя ведут. Это же тусовка - вот и надо тусоваться, делать вид, что ты вполне удовлетворен происходящим, и снисходительно принимать в этом участие.

Отдыхают на траве мотоциклы, и твой среди них. Верещат сверчки. Описывают дуги непотушенные окурки, беззаботно отбрасываемые в темноте на траву. Возле клуба - гулянье по двое, по трое и в компаниях. Хорошо!

Иногда от нечего делать он брал на себя роль стихийного лидера. Поэтому его и прозвали Маршалом. Когда драке недоставало предлога, то именно ему было свойственно таковой изобретать и заводит одну из враждующих сторон, увлекать ее за собой в битву. Можно было приревновать девчонок, можно - затеять словесную перепалку, придравшись к чьему-либо тупому выражению лица...

2. СТАНИЦА

"Была некая сила, в которую она крепко верила, столь же похожая на Б-га, сколь похожи на никогда не виденного человека его дом, его вещи, его теплица и пасека, далекий голос его, случайно услышанный ночью в поле."
(В. В. Набоков, "Другие берега")

Если вы живете в Ростове, то попасть в эту станицу для вас достаточно просто. Хотя, между нами говоря, - зачем вам вообще туда попадать? Однако есть, конечно, в жизни ситуации, при которых это необходимо... Например, после окончания ростовского вуза вас распределили в сельскую местность для обязательной годовой отработки. Или вы преподаете музыку в станичной музыкальной школе, живя при этом в городе. Разные могут быть причины... Во всяком случае, партия и правительство очень поощряют приток молодежи в село. И стимулируют его, пусть не слишком умело, но все же ...

Итак, вы встаете ни свет ни заря и добираетесь до высокого современного моста, перекинутого через реку. Над Доном встает дымчато-желтое солнце. Река с высоты не кажется столь огромной, какова она на самом деле: узкая лента тянется вдоль города - вам приходится прикрыть глаза ладонью, чтобы смотреть против солнца - и огибает пологий берег, на котором начинаются хутора и станицы.

Где-то там, среди этих населенных пунктов, затеряна и наша станица - Заветное. А транспортные средства - огромные, пыльные, грузовые - сплошной вереницей громяхают мимо вас по мосту. Рейсовый автобус никак не показывается. Что делать? Прострите руку вперед, подобно Моисею при Рассечении Красного моря. Уже через десять минут над вами сжалится мотоциклист с простуженным голосом, который предоставит вам сидеть за его спиной на мотоцикле или в его коляске сбоку, и - с ветерком! Начинается настоящая сельская дорога, которая вытрясет из вас всю душу. Впрочем, есть и другие варианты. Можно все-таки дождаться рейсового мини-автобуса и прекрасно устроиться в нем на мешках, ящиках, чьих-либо обутих в сапоги ногах, ближе к народу и его извечной правде.

Вот и остановка рейсового автобуса в Заветном, на так называемом "проспекте". Дальше, за остановкой, вдоль рядов запыленных тополей, вы видите две школы друг напротив

друга, через дорогу. Одна из них - общеобразовательная, а другая, поменьше, - музыкальная (вид нескольких выпотрошенных тракторов, что валяются у входа, в высоком бурьяне). Идя вдоль по "проспекту", вы видите продуктовый магазин, со склада которого пахнет халвой, но если халву когда-то и привозили, то, скорее всего, она уплыла на сторону, как и многие другие прибывающие из райцентра продукты.

Возле склада сидят вполне трудоспособные красноносые мужчины, все бытие которых нацелено на одну желанную точку: завоз спиртных напитков. Разговоры их однообразны и малосодержательны.

Пройдем далее, к роскошно застекленным витринам сельского универмага. Купить здесь можно все, точнее, платья и велосипеды. Но это уже выбор.

Платья в основном - бесформенные, расцветок радостных и жизнеутверждающих.

Одно из таких платьев облекало плотную, как большая картофелина, фигуру квартирной хозяйки, не очень старой еще бабулечки в платке, у которой поселились на год Галя и ее мама.

* * *

Разливая квартиранткам утренний чай, бабушка Романовна плавно и безостановочно рассказывала, что скоро Сеня, сын ее, привезет угля, и тогда она протопит сначала "хлигель" (так она именовала отдельно пристроенную кухню), а потом хату, и всем будет "тёпло" (именно так она произносила это слово) и хорошо... Маму она уютно и просто называла Яковлевной, Галю - Галечкой, а обеих вместе именовала не иначе, как "хозяйюшками"... Что касается чая, то его Романовна не просто пила, как пьют люди в городе, а "попивала" по-станичному - из блюдца, с сахаром вприкуску. И это все очень нравилось Гале: и сахарница с дешевыми конфетками и сахарными кубиками, и золотой мед в банке, и старинные, с тусклым блеском, изогнутые чайные ложечки, гордость хозяйки.

- Напились чаю - теперь почуманеем, побогатеем, - предложила Романовна, умиротворенно вздохнув.

"Чуманеть и богатеть" - значило сидеть после чаепития, спокойно сложив руки на животе, и рассуждать о погоде за окном, о намерениях соседей, разгружавших машину в своем дворе, и прочих проявлениях жизни, заметных через оконное стекло, обрамленное по краям веселенькой расцветки занавесочками.

Долго, впрочем, "чуманеть" не пришлось - ведь было первое сентября, день равно знаменательный и для мамы, приглашенной работать в должности завуча школы, и для Гали, числившейся теперь в восьмом классе...

3. ВСТРЕЧА

"Вся обомлела, запылала

И в мыслях молвила - вот он".

(А.С.Пушкин)

Школа стояла на открытом месте, за дорогой, окруженная тополями. Неподалеку виднелся колодец с древесным срубом. Наклонившись с краю, городская девочка Галя увидела в нем живую близкую воду и в ней - себя, свое лицо, белый воротничок школьного платья и букет темно-красных пионов и белых астр, который держала в руке. (Это Романовна наскоро срезала цветы в своем палисаднике, чтобы Гале было с чем прийти в школу первого сентября.

На площадке перед школой толпилось множество учеников. В громкоговорителе раздался голос, который очень просто и даже как бы фамильярно поздравил всех с началом нового

учебного года. Голос принадлежал директору школы, лысоватому невысокому человеку с рупором в руках. Кличка у него была непритязательная: Макуха.

Девочка-первоклассница, которой директор вручил школьный звонок-колокольчик, изо всех сил тряхнула им, наполняя площадку веселым звоном.

На этом торжественная часть закончилась, и старшеклассники, которые, казалось, очень сильно соскучились по школе, начали проталкиваться в вестибюль точно в автобус.

В классе Галю посадили за одну парту с приветливой рыженькой Мариной Охременковой. Классная руководительница, женщина суховатая и строгая на вид, пояснила свое решение посадить их вместе загадочной фразой: "Вы, думаю, найдете общий язык..." Но разгадка оказалась очень простой, потому что Марина уже в начале урока шепотом сообщила Гале:

- Я сегодня к вам приду.

- Да?

- К бабушке, то есть. Это же моя бабушка. Родная!

- Кто - Романовна?

- Ну да! Я буду часто приходить.

Начался урок литературы, который вела Ульяна Федоровна, она же классная руководительница... Благодаря шепоту Марины Галя по ходу урока узнавала о своих новых соучениках, кто что из себя представляет.

Ульяна Федоровна попросила одну из учениц прочитать наизусть стихотворение, которое "проходили" в прошлом году. Та, артистически подвывая, очень старательно прочла стих, на что Марина, поджав губы, сначала промолчала, а потом все же решила шепотом прокомментировать:

- Эта Ленка Белопольская думает, что она самая умная!

На перемене Белопольская подошла к Марине и Гале со своими подругами и в упор спросила:

- Ты новенькая? Откуда взялась?

Галя почувствовала в вопросе вызов и ответила в том же боевом духе:

- Из Антананариву!

- А не врешь? - недоверчиво спросила Белопольская. Однако Галина находчивость ей понравилась, и взгляд ее смягчился.

- Вру, - честно призналась Галя, - я ростовская.

- Теперь будешь заветинская, - вмешалась Марина, покровительственно положила руку на Галино плечо и увела ее в коридор, всем своим видом показывая, что инцидент исчерпан. Белопольская со своей свитой осталась в классе.

- Чего ты на нее злишься? - спросила Галя Марину, пока они прохаживались по коридору.

- Мне кажется, что она - или полька, или еврейка! Все евреи - противные. Буржуи.

- А что, все остальные в классе - русские?

- Ну, есть, конечно, и украинцы. И корейцы. Ты что, нашего Цая не заметила? Узкоглазый, а все-все сечет. Он у всех учителей - любимчик.

"Ну, вот и корейцам досталось... Интересно, что подумает Марина, когда узнает, что я еврейка", - невесело размышляла Галя. Но она сообразила, что, вообще-то для Марины не столь уж важно, какой человек национальности, а главное - выделяется он чем-либо или нет. И если выделяется - то надо его покритиковать. Чтобы знал, как выделяться!

Прийдя к такому выводу, Галя решила, что постарается ничем, ничем не выделяться!

Но не тут-то было...

Раздался звонок на следующий урок - физика.

- Все в класс, остолопы! Чего в коридоре табунитесь? - добродушно рявкнул могучего вида учитель.

"Это Кол", - с уважением прошептала Марина, делая Гале знак побыстрее садиться за парту.

Видя, что некоторые поленились вовремя достать из портфелей учебники, Кол для острастки приветливо дернул за ухо одного из парней. Тот запищал, но в то же время был, казалось, польщен вниманием педагога.

Урок проходил в быстром и, пожалуй, несколько истеричном темпе, с постоянными понуканиями:

- Кто подглядывает в ответы? Сам думай! Кочан дома забыл? Мантула, кол тебе! Дневник давай сюда! Какая тебе физика - на пальцах считать не можешь! Чуркистан...

Кол вызвал Галю к доске и велел дать определение инерции. Она, конечно, сумела это сделать, так как и раньше его знала, и сейчас, до того, как ее вызвали, в учебник успела подглядеть. Так же щедро, как Кол раздавал "колы", он с размаху решил поставить ей в дневник "пятерку" за грамотный ответ. Класс обомлел. Марина гордо заулыбалась, радуясь за подругу. Белопольская и ее свита сделали непроницаемые лица. Мальчишка, которого раньше Кол дернул за ухо, подбросил Гале записку:

"Поздравляю! Брыль."

Марина ревниво посмотрела на записку - надо же, какое внимание со стороны Брыля!

Она попросила у Гали лист бумаги и отправила Брылю ответ:

"Ты, что ли, в Печорины записался? Посмотрите на него, записочки девочкам пишет!"

Звонок возвестил о конце урока, и все резво помчались на перемену.

Гале хотелось поскорее поделиться с мамой новостью - получена первая пятерка, да еще по такому сложному предмету, как физика! Она взяла дневник и отправилась искать кабинет завуча. Кажется, он находится на третьем этаже...

Она поднялась по лестнице. Двое старшеклассников - на вид старше, чем она, наверное, ребята из десятого - преградили ей путь. Один лихо свистнул, глядя на нее, схватился за сердце и, нарочно падая, толкнул ее прямо в руки того, кто стоял сбоку. Тот, по доброте своей, поддержал, а как же иначе? Не дать же ей упасть?

- Пардон, пардон! - хором принялись извиняться оба. Подняв с пола Галин дневник, один из них, рослый смуглый парень, вслух прочел ее фамилию:

- Кричевская...

- Облом! Это ж новой завучихи дочка! Маршал, тикать!

Они вручили Гале дневник и поспешно покинули место происшествия.

...И жаль. Галя никогда еще не попадала, пусть и вынужденным образом, в объятия юноши, и, поскольку тот, на кого ее толкнули, напомнил ей своей внешностью смутный образ из сферы ее мечтаний, снов, желаний и фантазий, то ей было обидно, что образ куда-то исчез, недовоплотившись.

На следующей перемене Марина показала ей туалет во дворе. Впечатление незабываемое. Каменный сарайчик с выведенными мелом буквами "М" и "Ж" по сторонам, известковые присыпки вокруг зияющих дыр. Чтение надписей внутри заведения, на стенах:

МАКУХА!!!

ЗА...У

МАРИНА

МАНТУЛА ДУРАК

Я ЛЮБЛЮ МАРШАЛА

4. МОЛОКО

Лидия Яковлевна отработала свой первый день в новом учебном году, сложила все бумаги аккуратно на столе, закрыла кабинет и, выходя, увидела в коридоре дочку.

- Идем, мам! - сказала Галя, - я уже давно тебя жду!

- Почему же ты сама не пошла домой? Анна Романовна бы тебя накормила...

- Я пошла было, да только там...гуси! - обиженно сказала Галя, - сердитые такие, шипят как змеи. Шеи вытягивают и клювами по ногам бьют. Окружили меня всей стаей - и давай клевать мои ботинки...

Мама вежливо попрощалась со школьным сторожем и уборщицей и вместе с Галей вышла на улицу. Они были последние в школьном здании, так как и школьники, и учителя, и директор - все уже разошлись.

- Гуси, говоришь... Да, в городе ты, конечно, не видала ни гусей, ни коров...Кстати, нам надо договориться с соседями насчет парного молока, - вспомнила мама и добавила: - Ну, как прошел первый школьный день?

Галя весело махала портфелем, шагая рядом с мамой и предвкушая то, как они сейчас вместе свернут в переулок и бесстрашно пройдут мимо гусей...

- Ну, сначала была литература... - рассеянно рассказывала она, - а знаешь, со мной за партой сидит девочка, Марина, так она - нашей Романовны внучка! Родная!

Мама заинтересованно кивнула. Галя продолжала:

- Так вот... Второй урок был физика...Учителя зовут "Кол". Смешно, правда? А мне он...пятерку поставил!

- Да? За что же?

- За определение инерции.

- Ну, молодец какая! Поздравляю!

Галя замолчала, раздумывая, стоит ли говорить маме про двух парней, которые попытались с ней познакомиться на перемене. Наверное, маме их попытка покажется очень некультурной...

Воинственные птицы приближались к ним с громким гоготаньем, идя стайкой по переулку.

- Не обращай внимания, - сказала мама, - они к нам привыкнут. Надо будет набросать им арбузных корок, когда станем арбуз есть.

Романовна с нетерпением открыла калитку навстречу квартиранткам.

- Ну, где же вы, хозяйюшки мои?

В кухне аппетитно дымилась отварная картошка на блюде, политая подсолнечным маслом и украшенная кольцами свежего лука, а отдельно были нарезаны кусочки селедки и краюха хлеба.

- Садитесь, ешьте, - приговаривала Романовна, - своя картошечка, вкуснее не бывает! И арбузик вам нарежу сейчас...

Галя уселась на лежанку, поставив портфель на пол. Как здорово прийти после школьного дня сюда, в уютное жилище, к такой славной бабушке! Можно снять пионерский галстук и белый фартук, да и тугой бант в волосах сменить на простенький обруч...

За едой мама расспрашивала Романовну, у каких соседей дешевле и лучше парное молоко.

- Молоко? У Береговых, известное дело, - сказала бабушка, - у них комбикорму всегда полно, корова сытая...Это все ж не на нашей улице, а подальше. Хотите, я вам банку трехлитровую снаряжу, а Маринка моя вас до них проводит. С Маринкой-то познакомились?

- Еще бы, - сказала Галя, дую на картошку, - я с ней за одной партой сижу.

Под вечер пришла и сама Марина - рыженькая, деловая, оживленная. Принесла бабушке мешок с подсолнухами, села выбирать из них черненькие семечки и складывать в миску.

- Каленые семечки любишь? - спросила она Галю.

- Конечно. У нас в городе - десять копеек кулек.

- Ну, то в городе. А здесь - бесплатно, только потрудись.

Они принялись вместе выколупывать семечки, пока не закончили половину мешка.

- Ну, девочки, сходите за молоком, - сказала бабушка, - вот вам банка. Сейчас как раз вечерняя дойка.

Марина с Галей отправились к Береговым, а мама осталась дома - у нее было еще много работы. Лучи закатного солнца, падавшие в окно "горницы", освещали ее лицо, склоненное над бумагами. "План воспитательной работы на 1982\83 год" - так называлась толстая тетрадь, заполнявшаяся ее записями.

Идя вместе с Мариной вдоль домов с дворами, Галя заметила, что почти у всех заборы были выкрашены в синий цвет, а зубчики на заборах в белый, как и деревянные ставни окон. Во дворах виднелись спресованные в кубы и перетянутые бечевыми сухие травы, о которых Галя сама догадалась, что это, наверное, и есть тот самый упомянутый Романовой комбикорм, который заготавливают на зиму для скота.

Перед домами и палисадниками стояли лавочки, на которых под вечер можно было видеть лузгавших семечки бабушек. У некоторых домов стояли мотоциклы, машины. Иной раз на скамеечке сидела обнимающаяся молодая пара. Марина, конечно, все это комментировала.

"Они тут, в станице, все-все друг про друга знают," - подумала Галя.

Марина остановилась, указывая на дом.

- Вот тут Береговые живут.

И добавила:

- У них бабка - знахарка! Всякие болячки умеет лечить.

- Интересно, - отозвалась Галя.

За калиткой, гремя бидонами, показалась худенькая женщина в косынке.

- Вы за молоком? - спросила она девочек, впуская их во двор.

- Это она за молоком, - сказала Марина, кивая в сторону Гали, - ее мать послала. Знаете, завуч наша новая, из города. Они у вас каждую неделю брать будут. А почему у вас молоко? - смело спросила она, с усталым видом хлопаясь на скамейку. Галя присела тоже.

- Ой, поздно, - прибавила Марина, бросив взгляд на свои часики.

- Тридцать восемь копеек. Борька! - крикнула женщина, обращаясь к кому-то в глубине двора и скрываясь под навесом, - иди, налей, что ль, трехлитровку!

- Давай сюда банку! - сурово сказал Маршал Гале. Забрал прозрачную посудину и понес в прохладное место, где стояли бидоны.

- Ну, все. Я тебе больше не нужна, - сказала Марина и сложила губы сердечком.

- Нет, не уходи! - взмолилась Галя, - я дорогу обратно к бабушке не помню!

- Чего тут помнить? - удивилась она, - все прямо да прямо.

- А гуси! Вдруг я встречу гусей?

- Гусей уже давно по дворам загнали. Нашла чего бояться! - Марина решительно встала, - давай, пока! Меня ждут.

"Сейчас он вынесет молоко..." - трепеща, думала Галя.

Она проводила Марину беспомощным взглядом. Раздалось утробное коровье мычание.

Где тут у них коровник? Виден только дом, навес и гараж. От гаража воняет смазочными материалами и бензином.

Притворяясь, что ему безумно тяжело, с конвульсией штангиста на лице Маршал вышел из-за огороженного угла и поставил на скамейку рядом с Галей трехлитровую банку с пенившимся на поверхности парным молоком.

- Крышка где? - спросил он. Если бы она осмелилась поднять на него взгляд, она бы увидела, что он говорил почти сквозь зубы.

- Вот, - обретая дар речи, сказала Галя, - а можно сперва пенку отпить?

- Пей, кто тебе не дает.

Она осторожно подняла стеклянную банку и приблизила ее край к своим губам. Молоко оказалось таким плотным, теплым, вкусным, каким никогда не бывает городское, магазинное. А пузырьки, будто на молочном коктейле.

Когда апробация закончилась, он с усилием натянул на края пластмассовую крышку и, получив от Гали сорок копеек, пошел к матери за сдачей. Принес обратно две копейки и, не глядя на клиентку, с оттенком пренебрежения произнес:

- Давай донесу тебе банку до дома, а то еще разобьешь с непривычки.

- Нет, спасибо, - ликующе воскликнула она, - я сама!

Пока она дошла до двора Романовны, на улице уже окончательно стемнело. В воздухе протяжно дрожал собачий лай, недвижна была заоченелая зелень сада. Опустелые сараи и пристройки темнели в глубине двора. С улицы тянуло дымком сожженной листвы и свежестью осени. Ночная тишина захолонула, задышала безмолвно.

Зайдя во двор, она остановилась у калитки.

Слегка прикусив тронувшую ее лицо холодноватую веточку вишневого дерева, она почувствовала во рту горький, отчетливо-свежий, тонкий вкус.

За забором, тараня тишину, промчался мотоцикл.

5. ПОЛЕВЫЕ РАБОТЫ

"Надо, товарищи, используя всю мощь нашей экономики, пойти на то, чтобы окончательно разрешить проблемы современного села"

(Л.И.Брежнев)

"То и мужчинское дело, куда пошлет партия"

(М.А.Шолохов)

Не успели проучиться и двух недель в новом школьном году, как старшеклассников начали посылать на осенние полевые работы. То свекла, то картошка, то поздние дыни... Галина мама как завуч была, конечно, против такого отрыва от учебного процесса, но - что поделать - видно, сельское хозяйство Донского края остро нуждалось в юных помощниках.

Возле школы стояло два грузовика. Директор по кличке Макуха, которой он был обязан своей круглой лысиной на макушке, хлопотал о чем-то, бегая по двору, а за ним бегал завуч-организатор Фертих, то еле поспевая, то чуть не натыкаясь на спину директора. Что такое важное решали Макуха с Фертихом по поводу грузовиков и уборки овощей - этого Галя не знала. Она, как это стало уже привычно для нее за две недели, тракторку происходящих событий получала в готовом виде от Марины. На сей раз Марина поглядела скептически на директора, откинула за спину свою рыжую косу:

- Ух, опять придется ехать на эту дурацкую картошку или свеклу...Знаешь что? - сообразила она, - давай, пока они тут все обсуждают, к бабушке сбегает да мешок возьмем. Тогда и себе наберем овощей с поля.

Они быстро сбегали к Романовне и захватили пустой мешок. Пока их не было, грузовики заполнились. Кузов грузовика, в котором предстояло ехать их классу, был забит до отказа. К тому же и дотянуться до него надо было еще уметь! Марина, не смущаясь, задрала одну ногу, встала на какой-то крюк другой и, подтянувшись на локтях, перекинулась через бортик.

Галя стояла в нерешительности.

- Давай, давай, - торопила Марина.

Пытаясь запрыгнуть, Галя неловко скользнула и оцарапалась о железку, но все же залезла в кузов. Освоившись немного в толчее, она увидела, что и десятиклассники были тоже здесь.

...Глаза ее отыскивали Маршала, который в тот момент, по счастью, как раз не совершал ничего противоправного. (Устал от ночных разборок матери с отцом и находился по этой причине в депрессии, к тому же топорщились между зубов ошметки съеденной с утра вареной кукурузы, сколько он ни изгонял их искусным напрягом языка). По сравнению со сверстниками, раздававшими один другому щелчки по лбу, подзатылины, толчки и

затрещины, икающими, нарочно изображающими отрыжку и другие эксцессы, он показался Гале загадочным, задумчивым и вполне достойным ее любви.

Грузовик взревел и вслед за первым выехал со двора в жаркую пыль дороги.

В кузове было тесно и шумно. На поворотах машину заносило, и все валились набок с отчаянными воплями. Марина, ко всеобщему восторгу, все время меняла место, переходя из одного конца кузова в другой.

В первом грузовике было, надо полагать, гораздо спокойнее, так как там сидела сама Ульяна Федоровна, классная руководительница. Нелегко ей сегодня придется, подумала Галя. Целых три класса под ее началом: два восьмых и один десятый.

В первом грузовике девочки с большим чувством затянули песню о любви:

А ты такой холодный,
Как айсберг в океане,
И все твои печали
Под темною водой...

Второй грузовик также располагал хором. Исполнены были частушки следующего содержания:

Я гляжу! Вокруг станицы - все трава помятая!
А я сразу догадался - все любовь проклятая!

Солнце пекло. По обе стороны дороги начались поля. Решив, что картофельный участок уже здесь недалеко, нетерпеливый Брыль и его дружок Мантула принялись переваливаться за борт грузовика, чтобы улучшить момент и красиво спрыгнуть на ходу. Ульяна Федоровна, сидя в первом грузовике, конечно, догадалась об их намерениях, но что она могла сделать? погрозить им пальцем?

... Первым сиганул Брыль и, наверное, ушибся, но тут же бодро вскочил и побежал за едущим грузовиком. С криком "Спасите!" то же проделал Мантула. Девочки махали ему косынками, в восхищении от такого мужества.

Тут грузовики остановились.

Кругом были поля.

- Разбирай! - крикнул кореец Цай, указывая на корзины для сбора овощей. Марина потянула Галю за собой: "Быстро, а то достанутся дырявые!"

Она была права, последним прибывшим к раздаче достались поломанные и лохматые корзины. Но поскольку этими последними подоспевшими оказались те самые Брыль с Мантулой, которые первыми спрыгнули с грузовика, то этот факт их скорее обрадовал, чем огорчил. Потому что эти корзины можно было теперь творчески использовать: например, нацепить на головы, назваться индейцами и устроить ритуальные пляски. Так они и сделали.

Галя решила не поощрять Брыля и Мантулу своим вниманием, а заниматься делом. Девочкам надо было встать попарно по обе стороны от каждой грядки и подбирать картошку, оставшуюся на поле после машинной уборки урожая. А мальчики должны были относить наполненные корзины к трактору и выгружать в прицеп.

За работой Марина все спрашивала Галю о том, как ей жилось раньше в городе, какая у них там квартира и почему вдруг сейчас ее мама и папа не вместе.

- Развелись, наверное, - предположила Марина со свойственной ей грубоватой откровенностью.

- Ничего подобного! - ужаснулась Галя, - мы с мамой только на время сюда переехали. Мои родители и не думают разводиться!

- А мои думают, - грустно сказала Марина, - очень глупо, я считаю. Вот если бы я была замужем, то ни за что в жизни не стала бы разводиться.

- Ну, сначала надо выйти замуж...

- А это у нас запросто! - воскликнула Марина...

У Марины был поклонник: Сашка Латышев. Она называла его Солнышком, потому что он был круглолицый и веснушчатый и в ответ на все ее реплики широко и довольно улыбался. Он-то и относил их с Галей корзины к трактору, своим послушанием способствуя созданию здоровой трудовой атмосферы.

Но Брыль и Мантула тоже жаждали пристроиться в качестве помощников именно к Гале с Мариной, и это осложняло положение. Потому что какие из них работники? У них только шуточки на уме.

- Не тяжко ли вам, леди, копать в земле без перчаток? - поинтересовался Брыль у Гали. А Мантула повалился прямо на грядку, преграждая девочкам путь, и возопил:

- Я сражен любовью... Какие перышки! Какой носок! И верно, ангельский быть должен голосок... Спой, цветик, не стыдись!

Галя решила показать, что и она умеет за себя постоять, не все же Марине за нее вступаться? И она ответила:

- Вы бы лучше надели опять ваши корзины на головы, они вам очень к лицу!

- Это все говорят, - гордо согласился Брыль. Марина захохотала.

Тут к ним подошел заведующий трудовым сектором Цай и строго указал на недостатки их совместной деятельности. Он переместил Брыля на другой участок. И тут... на поле раздался взрыв!

Ну, положим, не очень страшный взрыв, а так - рвануло что-то.

- Мина! - завопили девчонки.

- Где мина?

- Ложись!

- На минное поле нарвались!

Но это, оказывается, была всего лишь так называемая "поджига" - что-то вроде самодельного пистолета, из которого Маршал начал было отстрел негодных корзин. Хоть Ульяна Федоровна и не была классной руководительницей Маршала, а ростом он был даже выше ее, все же он вполне вежливо предоставил ей конфисковать его оружие, которое она, отобрав, обещала показать "завучу! да, да! непосредственно завучу"! "Подумаешь, угроза", - было написано на лице Маршала.

Ульяна Федоровна выглядела очень воинственно.

Она начала было отчитывать его, но тут новая проблема отвлекла ее внимание. Брыль и Мантула куда-то пропали! Поначалу, когда Цай их разлучил, они вроде бы работали себе потихоньку. (Надо было видеть, как брезгливо влачил корзины оскорбленный в своих лучших намерениях Брыль). Потом им это наскучило, они сбежали с поля и спрятались под трактором.

- Куда эти деятели подевались? - в недоумении спросила Ульяна Федоровна, вертя головой в разные стороны.

- Они сказали, что нащупали мину и пошли вызывать команду саперов, - с готовностью доложила Белопольская.

Марина прошептала, обращаясь к Гале:

- Ой, что сейчас будет...

Маршал тем временем счел, что его беседа с Ульяной Федоровной завершилась, и спокойно пошел себе куда-то. Надо сказать, что вообще все десятиклассники вели себя более вольно, чем ученики восьмых. Старшие позволяли себе и картошкой бросаться друг в друга, и меняться местами безо всяких на то указаний.

Галя все же продолжала, несмотря на все эти помехи и происшествия, без усталости кидать картошку в корзину и продвигаться вместе с Мариной вперед по полю. На соседней грядке работала Белопольская с подругами. Марина ревностно следила за темпом работы Белопольской и старалась не только не отставать, но и перегонять ее бригаду.

Тут Маршал откуда-то выехал на лошади и поскакал по полю.

Для остальных ребят это было не так уж удивительно. Они объяснили Гале, что тут рядом, поблизости от станицы, живут цыгане, и у них возле табора полно пасущихся на выгоне

лошадей. Да любой мальчишка из станицы мог скакать на лошади без седла! Но для нее это было захватывающее дух зрелище.

Брыль с Мантулой позабыли, что их ищут, и высунулись из-под трактора, чтобы посмотреть на пронесшегося на коне Маршала.

- Вот это да! - протянул Брыль. Он пожалел, что ему не пришла в голову такая блестящая идея - прокатиться на коне на глазах у всех. Точнее, на глазах у этой новенькой, городской.

Цай заметил высунувшиеся из-под трактора головы, но ему надо было уже подводить итоги, хвалить победителей соцсоревнования, и поэтому он махнул рукой на нарушителей дисциплины.

Первой справилась с нормой бригада Белопопольской, работавшая по соседству с Галей и Мариной. Ульяна Федоровна, все еще не расставаясь с пистолетом Маршала, поздравляла победителей, дошедших до конца поля со своими корзинами и радостно улюлюкавших.

- Ну, ничего, - сказала Марина, снисходительно принимая вест о трудовой победе Белопопольской, - считай, что этот раз мы им подарили...

6. ДЕДУШКА

...Ростов, родной город, отдалился в Галином восприятии на второй план, а вместе с ним отошел куда-то в сторону и дедушка, лучший друг, рассказчик историй, слушатель и советчик ее.

- Что же это вы - зазнались? Три недели как домой носа не кажете?

- Ну, дедушка, ты же понимаешь, там все новое, привыкнуть надо было.

- Так совсем отвыкнешь от нас...

- Ну, что ты...

- Расскажи, что там за школа, что за люди.

- Милые люди и замечательная школа. Не сравнить с городской!

- Почему же?

- Во-первых, потому что все как-то просто, неофициально... А во-вторых, мне кажется...я, знаешь, всех там люблю. А особенно - Маршала.

- Ну, ну. Кто же этот Маршал?

- Он - Боря.

Дедушка огорчился.

- Позвольте, - заговорил он отчужденно, - вы бы лучше учили наизусть то, что я вам задал, а не влюблялись во всяких маршалов.

Он имел привычку переходить на "вы", когда бывал ею не доволен, будто был вовсе не дедушкой, а домашним учителем, репетитором. И в самом деле, он давал ей уроки и сумел передать внучке многое из того тайного, еврейского, что знал: язык, традицию, законы.

Он не передал ей, однако, веру в незыблемость этого всего. Не хотел делать из нее фанатичку.

Галя накрутила на палец прядь темных волос.

- Я учила, дедушка. Каждое утро, честно. Можешь проверить! Вот тетрадка!

- Втирайте мне очки. Я уже не спрашиваю, какой едой вас там кормят!

- Дедушка! Ты же знаешь, что я даже не ем мяса! Я стараюсь выполнять все, что ты мне говоришь.

- А есть ли у меня право ? - грустно спросил дедушка, обращаясь ни к кому. Вздохнул и продолжал:

- Ну, так рассказывай. Какой же национальности этот твой Маршал?

- Я не знаю. Слышишь, дедушка, у них во дворе корова, и...

- При чем тут корова? При чем? - горестно воскликнул дедушка. - Моя внучка влюбилась в русского, а я должен слушать про какую-то корову?

- Но почему тебя это так огорчает? Я буду дружить с ним. Я буду рассказывать ему все те чудесные истории, которые слышала от тебя. Про Тору, про Бердичевского Ребе, твоего предка. Я уверена, что Маршал не имеет ничего против евреев.

- Ничего против!!! - взорвался дедушка.

Но тут же успокоился, сказал себе: глупая голова, старик, почти семьдесят лет как все разрушено и все женятся как попало, чего ты хочешь от своей милой, дорогой, послушной внучки?

- Я не должен в это вмешиваться, - сказал он, - и я не буду.

Галя испуганно молчала.

- Только, - прибавил дедушка, - не рассказывай мне больше ничего про эту твою "любовь".

- А евреев там, в этой станице, нет? - спросил дедушка, помолчав.

Начитанной Гале подумалось, что с такой же грустью мог спросить Лис в сказке Экзюпери "Маленький принц": а есть ли лисицы на той планете?

- Есть одна очень странная женщина, Эсфирь Соломоновна, но она не живет в станице, а приезжает только два раза в неделю из города. Она преподает в музыкальной школе.

7. Эсфирь

"Но это был сам Бетховен, который, послушав игру маленького Карла, согласился заниматься с ним."

(Альшванг, "Бетховен")

Стояла осень. Радостно-синее небо лилось сквозь желтые ладони кленов. Бабушка Романовна вставала раньше всех, и тогда из ее комнаты доносился торопливый шепот молитвы, перемежаемый вздохами.

Галя слышала его, просыпаясь ранним утром на пышной деревенской постели с пуховым большим одеялом, у которого был запах чего-то старинного и слежавшегося.

К чему бы этот шепот? Галя вслушивалась. Нельзя сказать, чтоб она это глубоко понимала. Но она понимала, что это глубоко.

- Мам, - взволнованно сказала Галя как-то утром, видя, что мама проснулась, - знаешь, а по-моему, бабушка Романовна... в своей комнате... Б-гу молится!

- Это все пережитки прошлого... Никакого Б-га нет... - возразила мама.

- Нет?

- Нет.

- А что же тогда бабушка произносит? Она молится! Так же, как и наш дедушка!

- Пережитки это все, говорю я тебе! Наукой доказано, что Б-га нет! Понимаешь?

- Понимаю.

- Ну и слава Б-гу, что понимаешь.

- Как это - "слава Б-гу", если Б-га нет? - встрепенулась Галя. Но мама уже вышла в сени, где стоял умывальник, похожий на самовар с носиком.

...Запираясь в своей комнатке в их городской квартире, дедушка молился по утрам, накинув еврейское молитвенное покрывало и перетянув особыми ремешками свою левую руку и лоб. А у бабушки Романовны имелась своя какая-то система.

После обеда Галя торопливо убирала со стола арбузные корки и выбегала на улицу кормить гусей. Как легко дышалось под открытым небом!... Гуси вырывали друг у друга корки, издавали кличи, хлопали крыльями.

Однако эти воинственные птицы не обладали чувством благодарности и по-прежнему сердито шипели на Галя, когда она шла мимо них в школу или возвращалась домой.

Раз в неделю она занималась в музыкальной школе. Это было маленькое строение, в котором до революции, по рассказам, размещалась гимназия. На первый и единственный

этаж его нужно было подниматься по красивой старинной лестнице. Внутри было очень торжественно и тихо, и из этой особой тишины, оттененные ею, выплывали звуки фортепиано.

Учительница была всего одна, и преподавала она не хор пионерской песни и не сольфеджио и не теорию музыки, а собственно музыку.

Она была невероятно изящна и странна, эта маленькая немолодая женщина с затененными подглазьями и уложенными в высокую прическу волосами, и странны были ее легкие шаги и дым ее сигареты возле фортепиано в пустой школе с узким коридором и рядом классов.

В здании - пусто и одиноко, учительница приезжает к трем своим ученицам из города только дважды в неделю, но что за чудная эта встреча!

Вы идете по коридору, чувствуя вкус сигареты невидимо чьей, распахиваете двери классов, но все они пусты, и только в одном из них вы наконец находите плачущее фортепиано и плачущую женщину.

"Здравствуй! - извинялась она, - не обращай на меня внимания. Садись и исполняй..."

Не было учета посещаемости, записей в дневник и замечаний.

Был Шопен, с его бриллиантовыми вальсами...темно-бархатный Бетховен...благородный Григ...Моцарт, бурный и праздничный, как шампанское... праведный и правильный Бах - как лесенка, по которой тебя пускают бегать вверх и вниз, перепрыгивая через разное количество ступенек...теплый, как парное молоко, Чайковский...

Впрочем, думала Галя, какое право классифицировать имею я, девчонка, тычущаяся пальцем в музыку...

Пока Галя играла, учительница курила с закрытыми глазами. Звали ее Эсфирь Соломоновна. Иногда она разговаривала сама с собой стихами, которые, похоже, сама и сочиняла:

- Я принимаю каждую из стен -

За ту, несбывшуюся, Стену Плача...

И, не дождясь желанных перемен,

Ужель мечту свою еврейскую утрачу?..

Или еще такое:

Мой Тихий Дон! Мой Тихий Иордан!

Еврейский дух зачем мне Б-гом дан?

Слова эти были загадочны, но Галя помалкивала и ни о чем не спрашивала.

Сентябрь был на исходе. Ночи холодали по-зимнему, поля замирали, тихо стояли заиндивевшие в росе стога.

... В тот вечер Маршал долго смотрел на тускнеющий закат. Душа его приходила в восторг от соприкосновения с таким огромным, нескончаемым, исполненным столь ярких и в то же время тончайших оттенков небесным простором.

Нашла вечерняя сырость, и комары вились кругом. Купаться не хотелось. В камышах пели лягушки. Маршал отмахнулся от назойливых комаров и решил - хватит, пора домой.

Он запрыгнул на коня и поскакал по степи.

Дома мать пекла блины на ужин. Бабушка по своему обыкновению толкла в ступе лекарственные травы. Она была знахаркой, а иногда казалась ему и чем-то вроде колдуньи - такой у нее бывал взгляд и такие поговорки загадочные... Пожилой колхозник, страдавший от какой-то хвори, терпеливо сидел на табуретке у двери в горницу, почтительно дожидаясь, пока она примется за его исцеление.

Маршал помог отцу мыть машину в гараже, задал корму корове Красульке, а потом весь вечер сидел дома и смотрел на еврейские буквы, черневшие на желтых страницах старой потрепанной книги, которую он вытащил из сундука. Этот сундук назывался "топчан". На нем можно было спать, а внутри его хранились книги и разные старые вещи. А еще он служил опорой бабушке, которая делала своеобразный массаж своим пациентам, топча их

ногами по спине и при этом придерживаясь обеими руками за топчан. Топтание было испытанным знахарским средством, помогавшим при позвоночных болях. Сеанс топтания длился минут десять, а пациент при этом должен был лежать на полу на животе.

Вот и сейчас бабушка принялась топтать спину пожилому колхознику, поглядывая при этом на Маршала с каким-то странным выражением, точно ей не нравилось, что он брал в руки еврейские книги. Она переступала своими обутыми в шерстяные толстые носки ступнями по каким-то известным ей, особо ответственным участкам спины труженика.

...Эти таинственные книжки оставили здесь евреи, беженцы с Западной Украины, которые прятались под Ростовом и потом эвакуировались дальше, на восток. От неминуемого, казалось, расстрела в печально знаменитой Змиевской балке они спаслись благодаря укrywшим их на несколько дней Бориным бабушке с дедушкой. С тех пор то ли забытые в суматохе, то ли намеренно брошенные ими книги так и остались в бабушкином доме. Часть их отец спалил зимой вместе с дровами, а часть - из любопытства - Маршал припрятал.

Буквы в них были необычные: не кириллица и не латинский, а какой-то совсем другой, загадочный и чудной, шрифт. И Маршалу иной раз казалось, что небо, которое он видел за рекой, - красные облака и вечерняя заря, - звали его в ту же тайну, что светилась на страницах этих книг. Что, казалось бы, общего между небом и буквами? Бывает, что облака принимают форму причудливых букв. А может быть, он просто мечтатель, выдумщик, вот ему и мерещится всякое...

Сначала он не задумывался о том, что его интерес к этим книгам и мысли о "новенькой" - Гале, как-то между собой связаны.

Кто-то из учеников, обиженный на ее маму-завуча, недавно упомянул об ее еврействе в нелестных выражениях, и Маршалу вдруг стало ясно, что между тайной книг и Галей есть некоторая связь.

Таких красивых девчонок, как она, в станице раньше не бывало.

Это была даже не красота, а что-то и трогательное, и гордое, и тоненькое, и беззащитное в облике...очень родное, одним словом. Берущее за душу.

Она приходила за молоком раз в неделю, в определенный день и час, но Маршал избегал показываться дома в это время.

Если он к Гале подходить не будет, то есть шанс, что у нее от него останется какое-то дымчатое, размытое, но, во всяком случае, не отрицательное впечатление. А если подойдет и заговорит - то через пару минут уже все будет кончено. Он как ляпнет что-нибудь! Сто раз пожалеет о том, что вообще рот раскрыл! Будет готов под землю провалиться.

Фу, блин...сколько умственных усилий, стратегии и тактики - ради какой-то там городской.

Он сунул книги обратно в топчан. Все равно ничего в них непонятно.

...И все-таки, когда она в очередной раз появилась у калитки их двора, он почему-то оказался дома.

- Я слышал, как ты на пианино играешь, - сказал он, отдавая ей банку с налитым молоком.

- Откуда ты знаешь? - спросила она не быстро, а так, чтобы успеть за это время опустить и снова поднять свои темные ресницы, - разве ты бываешь в музыкальной школе...

Маршал не заметил ее маневра, потому что в ту секунду отвлекся, чтобы сделать шаг в сторону и, нагнувшись, поймать под смородиновым кустом выбежавшего из курятника цыпленка. Приютил его в своей ладони и, приблизив к своим глазам, продолжал разговор:

- А я так просто зашел туда. И стал слушать. Думал, твоя учительница играет, а оказалось

- ты. Чего распищался? По мамке соскучился? - обратился он к цыпленку.

- Ты что, и в класс заглянул? - Галя отставила банку на скамью и села, расправляя на коленях юбку. - Дай мне его поддержать.

Маршал осторожно переместил желтый комочек на ее подол.

- Да. Я удивился: кто это тут может сигареты курить? Смотрю, а эта, как ее, Эсфирь дымит вовсю! Городские бабы, значит, курят...

- Она, наверное, какая-то одинокая, - высказала Галя предположение, давая цыпленку клевать свой палец, - плачет часто, стихи странные читает... Но мне с ней очень интересно.

- Еще бы, вы же обе еврейки, вот вам и интересно, - бросил Маршал, не подумав.

- Ну и что? - ответила Галя, как бы обороняясь от некоего обвинения, - тут, в станице, не только русские и украинцы живут! И корейцы есть, и немцы.

- Корейцы, говорят, собак едят, - охотно переменял тему Маршал, почувствовав, что упоминанием о еврействе только напрасно ее смутил.

Галя вздрогнула.

- Хочешь, я тебя научу на лошадях кататься? - предложил он, желая чем-то ее заинтересовать, чтобы она не ушла, и осознавая, что последние его реплики были не особенно удачны.

- Хочу, - отозвалась она после паузы, во время которой любовалась исключительно цыпленком.

- Тогда... приходи к водонапорной башне завтра в четыре часа. А оттуда на луг пойдем...

- А лошадь - чья? Цыганская? - Галя уже опять смотрела на него, и он увлеченно разговаривался:

- Да нет, колхозная. Там их две. Я со сторожем договорюсь, он нам даст покататься. А ты что думала - я на цыганских езжу?

- Так ребята сказали.

- Ничего они не знают. У меня сторож, дядя Вася, лучший друг. Я ему сигареты ношу. А лошадей у него две: Серый и Звездочка. Я тебе Звездочку оседлаю, она смирнее. Серый иной раз как понесет, сладу с ним нет.

Он опустил на корточки, нежно сгреб цыпленка с ее колен. Она успела заметить марку часов на запястье его смуглой мускулистой руки - "Восход".

- Договорились?

Она кивнула.

- Ну, пока... - Он понес цыпочку вглубь двора.

В тот день и на следующий, когда они встретились, все еще держалось бабье лето - грело солнышко, слышалось птичье пение и стрекотанье насекомых. Галя с любопытством городского человека отметила про себя то, как живописно были скошены в стога сухие пахучие травы степи. На одном стоге виднелись заброшенные наверх вилы. Посреди луга стояла сторожка. В ней сидел, покуривая "Беломор" и слушая радио, сторож дядя Вася, чье имя Галя уже знала от Маршала. Где-то вдалеке на поле, на самой линии горизонта, возились казавшиеся маленькими комбайны. "А там, за дорогой, видишь, - гранулятор", - рассказывал Маршал, - а напротив - элеватор".

Дядя Вася в честь гостей начал было нарезать колбасу, расстелив на столе вчерашнюю газету, но Маршал сказал ему:

- Да мы не голодные, дядь Вася. Нам бы только седло для Звездочки, и все. Можно? А я на Сером и без седла обойдусь. Мы на полчаса, покатаемся и обратно лошадей привяжем, ладно?

- Да бери на здоровье, - махнул рукой сторож, зевая, - слышал, в новостях по радио передали, что вроде бы сам Брежнев в Ростовскую область приедет?

- Нет, не слышал. А чего ему тут делать?

- Ростсельмаш смотреть будет, комбайны проверять. Может, и к нам в станицу завернет...

- Пусть заворачивает, мне-то что.

- То и я говорю. А может, в магазины чего завезут! Пусть бы приехал... - дядя Вася вздохнул, - ну, идите, катайтесь себе!

Маршал и Галя вышли из сторожки и направились дальше по лугу. За одним из стогов паслись две лошади. К вбитому в землю колу была привязана веревка, конец которой был закреплен на уздечке каждой из лошадей, к тому же стреноженных.

Маршал нагнулся и начал их расстреноживать, а Галя тем временем наблюдала за животными, которых, пожалуй, впервые в жизни видела так близко. Серый конь в яблоках выглядел немножко злым, глаз его смотрел на Галю сердито, а, когда она обошла его с другой стороны, то и второй глаз показался ей угрюмым - может быть, из-за досаждавших ему кусачих осенних мух, садившихся прямо на веки. А Звездочка, гладкая смирная лошадка карей масти с черной гривой, отнеслась к Гале очень доброжелательно, выражая похлестыванием хвоста свою симпатию и приветливость.

Маршал оседлал лошадь и показал Гале, каким образом нужно на нее забираться: ногу вставить в треугольную железку, свисавшую с одного лоснистого бока Звездочки, подтянуться, схватившись руками за скобу седла и - перекинувшись, сесть и вставить другую ногу в такую же железку с другой стороны. Он делал это запросто, Галя же вдруг оробела и почти отказалась от своего первоначального плана.

Тогда он притащил деревянный ящик и поставил его рядом со Звездочкой. Теперь Галина задача стала гораздо проще. Она встала на ящик, левой ногой уперлась в треугольную скобу, свисавшую с бока Звездочки, подтянулась, перекинула вторую ногу - и совсем неожиданно обнаружила себя сидящей на лошади посреди луга, с поводьями в руках. Чувство восторга и уверенности в себе наполнило ее: еще бы, лошадка такая славная, и седло удобное, и ноги не болтаются по сторонам, а упираются в эти, как их называют, стремена... Маршал объяснил ей, что, если она потянет повод на себя, то лошадь должна будет остановиться, а если будет сильнее, скажем, тянуть левый край - то лошадь повернет влево, а если правый - то вправо. А чтобы заставить лошадь скакать быстрее, надо причмокнуть губами, присвистнуть и слегка побить ногами по ее бокам.

Звездочка тихо двинулась и пошла себе по лугу. Маршал вскочил на Серого коня, сказал ему "гоп-гоп" и пустил его привычной рысью. Тогда и Звездочка, не спрашивая Галиного мнения, тоже решила поскакать быстро. Травы и стога замелькали в Галиных глазах, линия горизонта запрыгала вдаль. Стайка куропаток, которых они спугнули, с шумом разлетелась почти из-под самых ног лошадей. Сначала Гале было страшновато: небо все время меняло свое обрамление, степь оказалась живой, неостановимой, тряска вызывала чуть ли не тошноту... Хотя и было бы, конечно, неплохо, если бы лошадь вдруг понесла, и она, слабенькая наездница, очутилась бы в придорожной траве, вся в ушибах и ранениях, требующих маршальского внимания ("О, ты жива?" - он припадает к своей распростертой среди ромашек подруге...) Но что поделать, Звездочка, отличавшаяся на редкость смирным характером, скакала все ровнее, и упасть с нее Гале не удалось.

Когда они спрыгнули с лошадей, Галя предложила их напоить, но Маршал ответил, что после быстрой езды никогда нельзя давать сразу питье. Лошадь от этого может заболеть. Обычно ждут около часа и тогда только поят.

Он привязал лошадей к колу и стреножил. Они мирно принялись щипать травку. Звездочкину упряжь он отнес к дяде Васе в сторожку, и они с Галей зашагали в направлении станицы.

- Хочешь, в другой раз к пруду поедем? - предложил Маршал.

- Конечно, хочу! Здорово так! А как ты думаешь... - поделилась Галя своими опасениями, - если нас по дороге вместе увидят, то будут смеяться? Знаешь, всякие там дураки могут шуточки отпускать.

- Ничего смешного нету, а кто смеется, тот и дурак.

- Разве ты этого не боишься?

- Я - не боюсь, - заявил Маршал.

- Почему?

- Потому что ровно через год я уже буду в армии служить! Если хочешь, могу тебе письма писать. Что я, и тогда должен кого-то бояться?

- Нет... - неуверенно ответила Галя.

- Ну, а если я точно знаю, что через год не буду бояться, то чего мне бояться сейчас?

Галя счастливо вздохнула. Но тут же вспомнила, что у нее есть еще одна проблема:

- А если меня мама спросит, где я была - то что отвечать?

Маршал пожал плечами.

- Скажи, что на лошади каталась.

- Но это же опасно - в первый раз в жизни на лошади..! Мама расстроится. И к тому же...

- Что?

- С мальчиками гулять нельзя, это нескромно! - процитировала она маму.

- Правильно, - хладнокровно согласился Маршал. - Но мы не гуляем, - поправил он, - мы дружим.

Она была слишком худенькая и с такой девчоночьей конфигурацией, что соблазн перейти от дружбы к чему-то другому был для него не велик. Ее прелесть была совсем в другом.

- А какая разница - гулять или дружить?

- Если бы я к тебе лез обниматься, то это бы называлось "гулять".

- А.

Разобравшись в станичной терминологии, Галя успокоилась на достигнутом.

После чего Маршал посмотрел на часы и сказал: - Уже шесть часов. Пошли к нам, а?

Посмотришь, как моя мама корову доит.

Она согласилась. Только спросила, как зовут его маму, и взволнованно последовала за ним.

- А почему мы не по улице идем?

- Я тебе другой вход покажу, со стороны картофельного участка. Через поле напрямик там будем.

... Корова, большая и добрая, с видимым удовольствием предоставила матери Маршала, Марии Александровне, подсесть к ней сбоку и надоить пару литров молока. И Галя тоже попыталась потянуть коровье вымя, но у нее не получилось: для этого нужна была сноровка. Мать Маршала с интересом смотрела на городскую девочку. Она была приятно удивлена тем, что ее сын привел подругу, и деликатно воздержалась от расспросов. Маршал почему-то вдруг сообразил, что ему совершенно не хочется, чтобы Галю увидели также и его отец, и бабушка... Ну уж нет! Это совсем ни к чему! Мама - это еще ладно (такое у него было ощущение, что с мамой это как бы нормально, естественно, пусть она знает про Галю...но никто другой!)

- Идем, - быстро сказал он Гале, и они пошли через огороды к выходу в переулок.

- Слушай! - предложил он перед тем, как попрощаться, - давай, я тебе буду записки в музыкальной школе оставлять? Возле лестницы, за зеркалом! Подписываться буду ...

Дубровский. Идет?

- Идет, - согласилась она, - пока!

Дойдя до ближайшего поворота и будучи уверена, что он ее уже не видит, она побежала, подпрыгивая от радости, вспоминая гарцующую посреди степи Звездочку и даже в чем-то уподобляясь ей...

Дубровский. Записки. А все же Маршал не на всех уроках валяет дурака, раз про Дубровского знает.

Когда Галя вошла в хату Анны Романовны, мама встретила ее приветливой улыбкой. Но от проверки ученических тетрадей все же не оторвалась.

- Мам, я лошадей видела... - решила поделиться свежими впечатлениями Галя.

- Да? - рассеянно сказала мама, сверяя оценки в тетрадях с колонкой в классном журнале.

- Здорово так! Мне даже самой покататься захотелось.

- Нет, без взрослых нельзя! - последовал именно такой мамин ответ, которого Галя и ожидала, - лошадь может и лягнуть, и сбросить всадника. Это очень опасно! Подожди, вот папа приедет нас проведать, с ним и пойдете...

- Но мне один десятиклассник показал, как кататься.

- Какой еще десятиклассник?.

Наконец-то удалось отвлечь маму от ее занятия!

- Мы с ним... встречаемся, - произнесла Галя как можно двусмысленнее, чтобы можно было подумать, что они уже почти собираются пожениться. И покраснела от удовольствия, сообщив такую сенсационную новость.

- Не выдумывай, - махнула рукой мама, снова взяла ручку и продолжила писать, - это все глупости. Сначала надо школу закончить, а потом "встречаться".

И все... Никакого особого значения мама услышанному не придала. Даже продолжать расспросы не стала, к Галиному разочарованию...

Тогда Галя решила, что и не будет рассказывать о замечательном катании на лошадях. И имя Маршала не назовет. Вот как здорово: теперь у нее есть тайна!

...Да, кто бы мог подумать... На нее, восьмиклассницу, обратил внимание десятиклассник! Это было так лестно, так возвышало ее в собственных глазах.

Кому бы все-таки рассказать об этом? Может быть, дедушке?

Галин дедушка, как большинство евреев того поколения, в детстве был религиозен, ибо получил соответствующее воспитание в почтенном семействе, генеалогия которого восходила к самому Бердичевскому Ребе. В юности он, однако, бросался в революционные крайности и чуть было не стал красным комиссаром. Его отрезвила беседа с одним цади́ком, праведным евреем-чудотворцем, которого они с товарищем пришли "брать" на допрос в НКВД по делу культовых организаций и связи с заграничным капиталом.

- Миров много, Б-г один. - Усталый взгляд цади́ка был под стать его философскому высказыванию.

- Так что ж?

- Если бы было наоборот, ваш револьвер бы меня испугал.

Дедушка и его товарищ не оставили "контру" в покое, экспроприировали его вещи и вышли было, но...на улице принялись ругаться между собой. И товарищ дедушку очень стал обижать и называть всякими плохими словами. Потому что дедушка проникся тем, что сказал ему цади́к. Миров-то ведь действительно много, власть вдруг сменится - а Б-г один, перед Ним придется ответ держать.

Тут и настал конец дедушкиной карьере. Добровольный конец. Поступил в медучилище, рассудив так: какую профессию ни выбери, все равно субботу нарушать придется...зато врачу нарушение субботы не вменяется в грех - он ведь лечит людей! Все-таки совесть чище будет.

Проработал он почти всю жизнь простым участковым врачом. Простым, да не простым. От кашрута не отступал, Тору учил в одиночку, был хоть и "мэгулах" -безбородый, но в каких-то вещах очень упрямый.

А под старость решил даже записать все, что рассказывали в семье его родителей о хасидских дворах и, особенно, о самом близком - Бердичевском.

Записи вел на хорошем идише, с той старческой преданностью писательству, с какой многие люди его возраста пишут воспоминания о революции и войне. Некоторые истории он выписывал также и из книг, а некоторые восстанавливал по своим же юношеским дневникам.

Кто будет читать эти записи? Кому они нужны?

Галю, правда, он научил ивриту - еженедельно проверял старые и задавал новые упражнения, разработал для нее даже специальный словарь . Ну, а кроме Гали, пожалуй, никто эти записи не востребует. Разве что Мошиах придет, коммунизм растает, и какие-нибудь энтузиасты будут

сбирать материалы для книг о праведниках прошлых веков. Мечтать не вредно.

А пока что свои записи Яков Израилевич держал в пухлой канцелярской папке, на коей для конспирации написал :

"Изыскания о творчестве А.С.Пушкина.

А.С.Пушкин в Одессе и Молдавии.

А.С.Пушкин и семейство Раевских.

А.С.Пушкин и...т.д."

Вот так, брат Пушкин. А что? По живости и непосредственности восприятия он вполне годился бы быть лидером какого-нибудь хасидского движения, если б родился евреем. Умный, верующий, озорной, парадоксальный.

Одна из записей в папке гласила:

"Воздел Бердичевский Рав руки к небесам и промолвил:

- Всевышний, Владыка мира! Как же это получается? Добрые и святые вещи спрятаны в пыльных книгах с мелким шрифтом, так что трудно корпеть над ними и читать. А грехи, соблазны - все в цвете, наглядно, вкусно и выпукло, сразу бросается в глаза и пробуждает желание. Почему же такая неравная борьба между добром и злом? Не спрашивай с нас строго, Отец! "

Он был большой защитник грешных перед Создателем, этот Бердичевский Рав. Самому-то ему мелкие буквы священных книг светили куда ярче, чем самое яркое солнце, но он говорил от лица заурядных людей, чье восприятие не таково.

...Дедушка писал по утрам, после молитвы. Потом играл в шахматы с соседом. Потом смотрел телевизор. Потом гулял, обедал. Дни его проходили однообразно, спокойно. Но какой-то, и немалый, элемент подвига в них был.

Потому что кто еще в застойном Союзе вспоминал о Бердичевском Ребе?

ПЕРВЫЙ СНЕГ

В конце ноября зарядили дожди. А потом, за одну ночь, почва покрылась тонкой корочкой инея, листья, лежавшие на земле, заледенели, и погода установилась ясная, зимняя, но бесснежная.

В хате у Романовны было натоплено, а в сенях и во флигеле - морозно. Похожий на самовар умывальник примерзал на днище, и вода из носика его лилась еле-еле. Льдинки попадались в колючей струе воды и обжигали руки и лицо.

Однажды утром Галя проснулась затемно, часов в шесть, разбуженная чувством какого-то таинства, творящегося в мире.

И точно: белое свечение лилось из окон. Выпал свежий первый снег. Он осенил собою скудную оголенность улиц и дворов. Занес целым слоем низенькие крыши, деревья, зубчики заборов, опушил даже старый трактор на задворках школы.

С утра уроки тянулись томительно.

Брыль с Мантулой на перемене набрали во дворе снега и, опоздав минут на десять, явились в класс, когда учительница анатомии громогласно изъясняла незаурядные свойства подкожного слоя и эпителиальной ткани.

Они ввалились на порог, шумно и радостно дыша, с полными снега шапками в руках.

- Живо по местам, дневники на стол, - сухо скомандовала анатомичка и повернулась к таблице "Эпидермиса".

То была роковая ошибка с ее стороны!

Как только она отвернулась, Мантула вынул из шапки снежок и запустил им в толстого Матрохина на задней парте... Весь класс ждал подобного события и возликовал. Только Матрохин обиженно произнес, тряся тетрадкой, которую намочил снег:

- Сдурел, Мантула! Ну, хорош кидаться!

Но Брыль с Мантулой не только не перестали, а, наоборот, открыли огонь по всей передовой линии!

- Бац! Кайф! Четко! А ну, еще ! - снежки разлетелись по всему классу. Писк, визг, девчонки вскакивают, книги и тетради мокнут...

Учительница остолбенела. На ее глазах мокрый снежок угодил в наглядное пособие - скелет, стоявший возле учительского стола. Ребра скелета хрупко забряцали посреди всеобщего хохота.

Галя сначала посмеялась было вместе со всеми, а потом подумала: чего радоваться! Ведь маме как завучу придется теперь наказывать Брыля с Мантулой... Видите ли вы связь между нарушениями школьной дисциплины и свободным временем завуча? Связь самая прямая и безотрадная. Учительница анатомии пожалуется завучу. После уроков все нарушители порядка унылой чередой будут доставлены в мамин кабинет, влекомые за уши, и там мама будет наспех клеймить их позором, а Галя - ждать под дверью кабинета. И опять они с мамой уйдут из школы самые последние, как это очень часто бывает. Зайдя к маме в кабинет после уроков, Галя убедилась в правильности своих опасений. На повестке маминого дня были еще всякие воспитательные беседы, заседания, проверка отчетности...

- Иди, доченька, я попозже освобожусь и приду, - сказала она, вздыхая.

Ну вот, и не поговоришь. Ведь мама и дома, когда с работы приходит, тоже занята.

Галя взяла свой портфель и направилась к выходу.

Перед школой было неспокойно. В кустах складировались, точно боевые заряды, крепко слепленные снежки. Выходивших из школьного вестибюли девчонок тут же, без суда и следствия, подвергали снежному обстрелу, и они бросались врассыпную. Некоторых, в индивидуальном порядке, мальчишки и дальше преследовали и намывливали снегом. Щеки у девчонок были красные, глаза сверкали, в растрепанных косах блестели снежинки. От хохота и визга вздрагивали вороны на ветвях деревьев.

Прорвавшись через линию огня, некоторые отчаянные школьницы возвращались обратно в гущу битвы, чтобы снова вопить, отбиваться и удирать.

Галя решила смело идти вперед, но первый же снежок, пущенный ей в затылок, заставил ее в растерянности остановиться, а следующий за ним, ударивший по щеке, даже как-то напугал. На шее и на спине за воротом пальто, куда попал снег, стало противно-холодно и мокро...

- Чего стоишь, беги! - выкрикнула Марина, высовываясь из подъезда школы.

Но куда бежать-то? Назад, в школу, или вперед, подальше от двора?

Галя побежала вперед по школьному двору, пригнув голову, а мальчишки, в том числе Брыль с Мантулой, помчались за ней, обстреливая снежками со всех сторон и грозясь натереть снегом, как только ее изловят. Зацепившись ногой за кочку, она споткнулась и шлепнулась на бегу, что было совсем уж обидно.

Она вскочила на ноги, и тут как-то очень буднично и спокойно рядом с ней оказался Маршал. Он поднял оброненную ею варежку. Отлетевший при падении на несколько метров Галин портфель был поднят и подан уже не им, а присмирившим под его взглядом Мантулой.

- Идем, - сказал Маршал Гале.

Мокрой от снега спиной она чувствовала удивленные взгляды ребят. И от восторга ей стало так тепло, как будто было самое что ни есть лето!

- Куда? - прошептала она, обращаясь к нему.

Он пожал плечами и продолжал идти. В молчаливом согласии они миновали трактор и оказались во дворике музыкальной школы.

Поднялись по старинной лестнице, поискали выключатель в темном коридоре возле фортепианного класса, но не нашли, попали в беловатый сумрак классной комнаты, и все происходящее слилось со сном. Галя, сбросив пальто и волнуясь, подошла к самому знакомому предмету - пианино. Села и заиграла какую-то мудреную баховскую фугу. Она не могла сосредоточиться, сбивалась и бросила это занятие. В окно подглядывал тусклый снежный туман. Обернувшись, увидела, что Маршал тем временем уже повесил ее пальто на горячую батарею, там же разложил ее мокрые варежки и шарф.

Она закончила играть и подошла к нему доверчиво, как ... как в заповеднике подходят к посетителям грациозные большеглазые лани, выжидательно глядя.

Он поискал в кармане куртки конфету, которую мать сунула ему утром перед уходом из дому. К счастью, карамель нашлась, и он протянул ее Гале.

Она молча приняла сей скромный дар, но разворачивать карамель не стала, а только положила ее в карман школьного фартука. После чего сделала шаг навстречу Маршалу, преодолела внутреннее сопротивление стыдливости и решилась на то, что целых три месяца - сентябрь, октябрь и ноябрь - было пределом ее самых дерзостных мечтаний. А именно - благодарно положила голову ему на плечо и тихонько вздохнула. Так счастлива она не была еще никогда в жизни.

О, как волнующе несло куревом от его расстегнутой синей куртки!

Маршал стоял, не верил ни своим глазам, ни своим ощущениям, и не осмеливался предпринять решительно ничего.

Ведь раньше он не знал, что она в него влюблена! И вдруг это стало так ясно... Да, это была она, красивая Галя, дочка завуча, городская девочка, о глазах которой он каждый раз вспоминал с непривычным волнением. И она стояла так близко, что ее дыхание щекотало ему шею.

Какого ответного действия она от него ждала? Не стихи же он ей будет читать. Если бы он начал зажимать ее по стенам, как это было принято в среде его сверстников, то, возможно, она бы пожалела о проявленной инициативе. А поиск баланса между суровым зажимом и вот таким аморфным нынешним бездействием очень его, по правде говоря, нервировал. Он отстранился от нее, вынул пачку сигарет, закурил с отчужденным видом.

- Я, наверно, пойду домой, - проговорил он сухо. Она сняла с батареи свое нагретое пальто и варежки, но он не дожидаясь ее, вышел из музыкальной школы первым.

Его шаги были, впрочем, бесцельны. Он никуда не торопился. Он шел долго, долго по мокрому снегу, остро вглядываясь в жемчужно-безмятежное небо, в кромки жнивья, в пустые полосы полей, в телеграфные столбы и провода, в мерзнувших ворон и воробьев, сочувствуя всему и влюбленно отождествляя себя со всем.

...Прийдя домой, он услышал разговор отца с матерью насчет коровы. Отец решил забить корову на мясо, потому что у соседей намечалась свадьба и они предлагали за свежую говядину хорошую цену. А Красулька, то есть корова, была уже не такая молодая, и, если сейчас ее не забить, то потом, может, на нее уже и не будет спроса. А молоко, которое с нее получают, - это не доход. Копейки.

12. Красульку забили

"...Как я буду жить, я не знаю, я еще не задумывался...У нас была корова. Она давала молоко отцу, матери и мне...Потом она умерла. Корова отдала нам все, что у нее было - молоко, мясо, кожу, потому что она была добрая. Я тоже хочу, чтобы всем людям нашей Родины была от меня польза. А нашу корову я никогда не забуду."
(Андрей Платонов)

"У нас теперь молока не будет, корову на мясо забили", - таково было содержание записки, вставленной Маршалом за раму зеркала в музыкальной школе.

Галя прочла записку и стала плакать не сразу, а после того, как вспомнила имя коровы. Если бы не это имя - Красулька -, то, может быть, у нее бы и вовсе не зашипало в носу и она бы совсем даже не стала плакать. Когда не знаешь, как зовут корову, то не все ли равно, забили ее или нет?

Но в том-то и дело, что Галя знала ее имя. И это делало корову очень близкой и милой. И жалко ее было очень-очень.

...Маршал подждал Галю после урока музыки. Когда его темный силуэт отделился от стены в коридоре музыкальной школы, она не сразу поняла, что это был он.

- Я тебе здесь вчера записку оставил, - сказал он, - потому что не хотел, чтобы ты подошла к нашему двору и увидела коровью шкуру, которую растянули на кольях... Я подумал, что тебе будет больно это видеть.

- Да я-то что, - возразила Галя, - Красульку жалко!

На улице тупо и уныло молотил дождь. Мокрые вороны орали, сидя на оголенных ветвях, столбах и проводах. После чистого снежка - теперь все дороги развезло.

"Вот именно, развезло. Меня развезло. Ну, чего я тут стою? - подумал Маршал, - сказал ей - и хватит, нечего зря стенки подпирать."

Он посмотрел в окно. Ему очень не хотелось уходить, и дождь был кстати.

Он сел на ступеньку возле теплой пыльной батареи, вернее, просто обвис и сполз, спустился вниз по стене там же, где стоял. Галя с готовностью приняла то же сидячее положение, уютно устроившись возле перил. И голову приклонила к этим самым перилам не без изящества.

- А у меня в городе ежик был, - сообщила она, - он однажды вылез на балкон и упал вниз. Милый был такой, маленький, доверчивый. Я просто не могла забыть этого, целый год, наверно. А у тебя ежика не было?

- Нет, - сказал он, не глядя на нее, - я обо всяком таком думал, когда летом рыбу ловил. Насаживал червяка на крючок, забрасывал удочку, а потом мне становилось не по себе. Я пытался представить себе, что он чувствует. Есть у него эти, как их называют, рецепторы, которые боль воспринимают, или нет?

- Есть, наверно. Рецепторы есть даже у простейших организмов. Мы по анатомии проходили, - вставила реплику Галя, хотя и ощущала, что он сейчас скорее беседует с самим собой, чем с ней. А Маршал продолжал:

- Или взять, скажем, рыбу. Ловишь ее, бросаешь в садок, она себе там плещется. Потом, пока до дому дойдешь по жаре, глядишь - она уже вся уснула. А каково ей было, когда ее вынули из воды? Больно или нет? Я про это думал, но немножко. Потому что если думать про это много, можно, мне кажется, свихнуться...

- Я думаю, что во всем есть душа, - сказала Галя, - и в червяках, и в рыбе.

- А зачем вообще кого-то убивать?

- Наверное, так надо. Ведь мы же должны чем-то питаться.

- Можно овощи есть.

- А вдруг овощи тоже чувствуют?

- Ну, уж это ты слишком! Тогда и по земле ходить нельзя: может, ей больно, когда по ней ходят!

- Странно, - сказала Галя, - это такая важная вещь: знать, как вести себя, чтобы никому не делать больно. А в школе этому не учат. Ни на одном уроке!

- Школа - фуфло, - резко сказал Маршал, - я лично хотел еще после восьмого класса уйти и начать работать, но мать свое заладила: учись, сыночка, потом в институт поступишь! А что там, в том институте?

- Институт, наверно, это лучше, чем школа. Там интересно учиться. Я вот, например, поступлю на факультет иностранных языков, получу диплом, а потом буду по разным странам ездить, переводчицей. Такая у меня мечта. А у тебя есть какая-нибудь мечта? Маршал пожал плечами.

- Мечты - это у девочек. Должна быть не мечта, а цель жизни.

- Какая, например?

- Очень просто... Понять, зачем ты родился. Это во-первых. Во-вторых, когда уже знаешь, в чем твоя задача, то - соответственно - эту задачу и выполнять.

- Но человек рождается случайно! Хромосомы комбинируются, и он формируется и появляется на свет. Никакой особой задачи тут нету, - сказала Галя со знанием дела.

- Есть, есть, - ответил Маршал с сосредоточенным лицом, - иначе зачем бы вся жизнь была?

Галя подумала и вдруг призналась:

- А вот мой дедушка думает, что есть ... Б-г! Мама и папа так не думают, но дедушка все равно за свое держится. Он... религиозный!

Выдав эту страшную тайну, Галя испытывающе посмотрела на Маршала.

- Твой дед - еврей? - спросил он.

- Да, - виновато сказала Галя.

- А у меня дома книги еврейские есть. Наверное, тоже религиозные. Я на них смотрю, и мне интересно становится: узнать бы, что в них написано.

- Откуда у вас эти книги? - удивилась Галя.

- С войны. Дед с бабкой беженцев в дом взяли.

- Евреев и коммунистов расстреливали первыми, я так слышала.

- Та семья все же успела убежать до оккупации. А часть вещей бросили.

- Вот бы посмотреть на эти книги, - сказала Галя.

- Приходи, посмотришь.

- О чем беседуют молодые люди? - несколько бесцеремонно спросила Эсфирь Соломоновна, закончившая свои бурные аккорды и собиравшаяся выйти из помещения школы. Ее рабочий день подошел к концу.

- О жизни, - ответил Маршал, чиркая спичкой.

Эсфирь Соломоновна встала у стены, как будто ей куда не надо было спешить, и внимательно посмотрела на него.

- Если о жизни, то это серьезный разговор, - произнесла она, - можно и мне в нем поучаствовать?

- Участвуйте, - пожал плечами Маршал (таким же тоном он мог бы сказать "Проваливайте"), - все равно дождь на улице, как из ведра.

- Если хотите, я вас чаем угощу, - предложила она, - у меня тут есть термос!

Она принесла из класса термос и три надетых на его головку стаканчика. Разлила горячий напиток, который оказался чаем с мятой, и уселась на принесенный Галей стул в сумраке коридора.

- Как вы думаете, Эсфирь Соломоновна, - заговорила Галя, - коровам больно, когда их забивают?

Наступило молчание. Все трое смотрели на термос с блестящей надписью "Терек", стоявший на ступеньке, где сидели Маршал с Галей.

- Похоже на "Алису", чаепитие в падающем доме, - сказала сама себе Эсфирь.

- Что-что? - не понял Маршал, никогда не читавший "Алисы". Галя читала, но не поняла, чем похоже.

- Государственная система вот-вот рухнет, а мы чай пьем, - несвязно изрекла Эсфирь, делясь с юными слушателями свойственным ей в иные минуты диссидентским видением мира. - А может, она никогда не упадет. Она только будет вечно стремиться к падению, и мы еще успеем выпить очень много чая.

Она резко и сухо рассмеялась.

- А как все-таки с коровами? - переспросила Галя.

- А коровам лучше, чтобы их не ели, а рисовали летающими, как Шагал.

- А вот мне, - сказала Галя, желая перевести разговор в более понятное для Маршала русло, - дедушка запрещает есть мясо. Говорит, что надо есть только такое, которое...как бы...специально для евреев. А такого мяса не достать. Вот я и не ем никакого.

Эсфирь недоверчиво окинула ее взглядом:

- Ты это серьезно?

- Ну да.

- Фантазер твой дедушка, - нервно отреагировала Эсфирь, - это все отжившие ритуалы.

- Мой дед в войну евреев в своем доме прятал, - перевел на другое Маршал, боясь, что Галя обидится на Эсфирь за ее реплику, - они даже книжки свои у нас оставили. Странные такие книжки, сзади наперед читаются. Хотите, я вам их как-нибудь принесу?

Эсфирь Соломоновна величественно кивнула. Ее речь вдруг стала торжественной, полилась как по-писаному:

- Евреи - это Б-жий народ. Народ Книги. Всевышний явил через евреев Свой Закон...

Ее тон вызвал у Маршала желание иронизировать.

- А вот вам, - сказал он насмешливо, - по вашему Закону, разрешается курить?

- Мне? То есть женщинам вообще? - смутилась она, - думаю...что нет.

- А почему же вы дымите, как паровоз ?!

Эсфирь Соломоновна закашлялась, потом сказала уже более естественным тоном:

- Видишь ли, мои родители все законы соблюдали, и меня тоже в еврейском духе воспитывали. Но с тех пор, как они умерли, я уже не могу так продолжать. В принципе веру я храню, но ритуалы... почти нет.

Эсфирь Соломоновна вздохнула.

- Если бы я могла уехать в Израиль и свободно себя чувствовать, то я бы все соблюдала. А здесь - почти невозможно! Где я, скажем, еду кошерную возьму?

- А это что такое? - спросил Маршал.

- Это пища, приготовленная под наблюдением евреев, в соответствии с еврейскими религиозными законами. Например...молоко. Если еврей сам доил корову или наблюдал, как кто-то другой доит, то молоко - кошерное.

- Значит, если мне разрешат смотреть, как доят корову, то молоко получится кошерное... - поймала Галя собственную свою, периодически ускользавшую, мысль.

- Да, если ты еврейка, то молоко, надоенное под твоим наблюдением, является кошерным,

- подтвердила Эсфирь Соломоновна и тут же испуганно добавила: - но, вообще-то, я вовсе не собиралась посвящать вас в эти детали. Я хотела лишь помочь вам в обсуждении жизненных вопросов. Цель жизни и так далее.

Они помолчали.

- А почему, - спросил Маршал, - вы так уверены, что еврейская точка зрения - самая правильная? Ведь сколько наций есть на свете! И украинцы, и немцы, и корейцы... И у каждого народа - своя вера. Кто докажет, что правы евреи?

- История это доказывает, - сказала она с уверенностью, - ведь иудаизм гораздо древнее, чем другие монотеистические религии. Следовательно, они произошли от него, а не наоборот. Еврейство - источник всей духовности в мире, всех понятий о добре и зле, всей идеи Творения.

- Что это такое - "моно...монотеистические"? - сбивчиво произнес Маршал.

- Это значит - признающие Единого Творца.

- Так в чем же, по-вашему, цель жизни? - снова спросил Маршал.

- Честно говоря, - ответила Эсфирь Соломоновна, - я не знаю, есть ли у меня моральное право вас просвещать. Ты правильно заметил: у меня и у самой - раздвоение в душе. Надо бы вам с кем-нибудь в синагоге поговорить...

- Нет, нет, - запротестовала Галя, - в синагогу идти очень опасно! Туда только старикам можно. Мой папа раз пошел, так ему сразу показалось, что его там сфотографировали спрятанной камерой и передали куда следует! Он целый месяц после того боялся телефонную трубку поднимать!

- Мне эти истории знакомы, - сказала Эсфирь Соломоновна, - мы с моим мужем уже несколько лет "в отказе" сидим. Как вы думаете, почему я в сельской школе преподаю? Я ведь преподаватель консерватории. Но как только я подала заявление на выезд в Израиль, меня уволили.

Галя недоверчиво посмотрела на учительницу. Что значит "сидеть в отказе"? Что значит - "уволители"? Странная она, эта Эсфирь!

Маршал встал и подошел к посветлевшему окну.

- Дождь кончился, - сказал он, - я вам только последний вопрос задам. Можно?

- Задавай.

- Почему люди должны убивать животных? Разве это правильно?

Эсфирь Соломоновна задумалась. А потом вдруг рассказала нечто такое, о чем большинство советских школьников никогда в своей жизни не слышали! О всемирном потопе!

- В поколениях до потопа, - добавила она, - людям было достаточно растительной пищи. А после потопа все изменилось. Ной вышел из ковчега и увидел радугу. Всевышний сказал ему, что это - знак завета. Началась новая эпоха в истории человечества, и Б-г разрешил использовать в пищу мясо животных.

- Значит, можно убивать, - удивился Маршал.

- Есть, видишь ли, такой способ забоя, при котором перерезание жил происходит безболезненно. Это одна из тайн еврейской традиции. До революции в каждом еврейском местечке были такие люди, шойхеты, которые долго учились всем тонкостям этой профессии... У них ножи были острые, как бритвы, и они знали тайну безболезненного перерезания жил. Животные ничуть не пугались таких резников и даже сами шли к ним навстречу, как будто желая поскорее выполнить свое предназначение.

Маршал посмотрел на Галю. Удивительное дело! Чтоб корова сама шла на убой! Чудеса, да и только...

Дождь перестал барабанить по подоконнику.

- Смотрите, радуга, - воскликнул Маршал после того как с беззвучным зевком взглянул в серое окно, - точно, как после потопа... Правда, недоделанная какая-то. Хилая.

- Она не хилая, она просто тонкая и нежная, - возразила Галя, посмотрев.

- Что-то у нее цвета нестандартные, - придралась Эсфирь. - Радуга для дальтоники, по спецзаказу.

13. ТЕНЬ ГРАФА ПОТОЦКОГО

Со следующей недели Галина мама договорилась о покупке молока с соседями Романовны, Линьковыми, поскольку у Береговых коровы больше не было. Галя попросила, чтобы ей разрешили смотреть, как происходит дойка. Линьковы не возражали, только сказали ей приходить по утрам. Вставать ей для этого приходилось рано, но зато теперь она могла запросто гладить большую добрую корову по ее гладкой коричневой шерсти и наблюдать за ней во время дойки.

Гале запомнилось, как Эсфирь сказала, что, если еврейка наблюдает за доением коровы, то молоко получается кошерным.

Кошерное молоко! Галя отпивала из кружки пену, получая удовольствие просто от необычности этой мысли: "Я пью кошерное молоко". Вот дедушка-то обрадуется, когда узнает!

Маршалу довелось еще несколько раз послушать Эсфирь - она ему зачем-то про графа одного рассказала, который еврейство принял. Интересная была история.

...Галя подошла к двери музыкального класса, и до нее донеслись обрывки разговора Маршала с Эсфирью:

- А когда вы мне историю про графа Потоцкого и Зарембу рассказали, я и вовсе...размечтался. Представил себе, как будто тоже учусь в этой, как ее, иешиве... А потом будто бы ведут меня на казнь и приговаривают к сожжению за еврейскую веру. А я вроде как иду в огонь и кричу...

- "Шма, Исраэль", - подсказала ему Эсфирь Соломоновна.

- Да, точно, вот это самое. Как Потоцкий. И сгораю, стало быть. Дотла.

В начале декабря восьмые классы принимали в комсомол.

Районный комитет комсомола находился в городе, и по случаю дня приема в ряды юных коммунистов уроки для восьмиклассников отменили. Было подано два автобуса, и ребята весело расселись по местам, радуясь возможности пропустить школу.

Некоторые - такие, как Цай и Белопольская, - полагали, что вступать в комсомол - вещь очень трудная и ответственная, и всю дорогу вздыхали и страдали: ах, только бы их приняли в ряды ВЛКСМ! Только бы не отказали в доверии!

Какие вопросы будут задавать там, в райкоме? Вдруг спросят про даты и решения всех съездов партии? А вдруг про темпы пятилеток? А может, о Днепротресте или о тракторостроении? Или о роли комсомола в годы войны? И разве все упомнишь? Столько трудовых подвигов совершено, столько этапов пройдено. Это ж какую память надо иметь. А вдруг от волнения запнешься и не то скажешь? Страшно!

...Вот оно - большое серое здание, перед которым красуются клумбы с цветами, слегка увядшими на морозе, но живыми. Школьникам велят ждать у входа, потом начинают "запускать" внутрь по трое. Вызванные скрываются за массивной, обитой черной кожей дверью с толстой блестящей ручкой.

Не желая мерзнуть на улице, Галя попросилась на прием в числе первых. Марина рвалась в комсомол по той же причине.

Они втроем с Цаем были допущены в кабинет, в котором стоял большой полированный стол, мягкие кресла и красивый шкаф темного дерева. Прием производили четверо строгих женщин и один мужчина со значком на лацкане пиджака.

У Марины и Цая, которые зашли вместе с Галей, спросили об их общественных нагрузках и успеваемости. Цай был кореец, поэтому у него переспросили звучащую несколько необычно фамилию. Вот уж кто знал историю комсомола и партии назубок! Но у него ничего такого не спросили. Только уточнили фамилию и сразу выдали комсомольский билет со значком.

Марине задали вопрос о пятилетках, она не сумела ответить.

Ей дали билет и значок.

Галя спросили:

- Сколько стоит книжечка, в которой напечатан Устав ВЛКСМ?

- У этой книжечки нет цены, - ответила она сурово, - при Гитлере за нее могли бы расстрелять.

(Она знала, что нельзя называть цену брошюры - "три копейки". Их предупредили. Это был вопрос с "идеологическим подтекстом".)

Ей выдали комсомольский билет и значок.

В тот день приняли в комсомольцы всех, по плану. У тех, кто заходил в конце, уже ничего не спрашивали.

По дороге в станицу, сидя в шумном переполненном восьмиклассниками автобусе, Галя попыталась как бы прислушаться к себе:

- Ну, вот я и комсомолка. Что-то во мне изменилось? Я стала лучше? Да вроде бы нет...

Нас ведь всех приняли, как стадо! Мы все как будто упали в один большущий торт...

Скоро новый год. В школе запахло мандаринами, елкой, вкусными вафлями... Чуть ли не каждый день бывали репетиции праздничного спектакля, а кто не годился в актеры, тот вырезал из картона реквизит и разукрашивал большой спортивный зал, в котором будут один за другим проходить конкурсные новогодние представления всех классов. Галя, которую назначили Снегурочкой, прилежно зубрила свою роль и примеряла картонную корону. Цай совсем забегался: столько всего надо было организовывать! Он-то и раздавал наиболее активным своим помощникам мандаринки и вафли. А Брыль с Мантулой и на этот раз только мешали всем. Возьмут себе то одну роль, то другую, а текст наизусть не учат, только паясничают, смешат ребят и всю репетицию срывают! Стыдились бы: а еще комсомольцы.

14. Слушай, Израиль!

"Черное, черное небо. Злоба, грустная злоба Кипит в груди... Черная злоба, святая злоба... Товарищ! Глади в оба!" (А. Блок)

Маршал ждал Галю в коридоре музыкальной школы, чем-то очень взволнованный.

- Меня в комсомол приняли, - сообщила она, спеша поделиться новостью, и указала на прицепленный к ее школьному платью значок. Но комсомольский значок Маршала ничуть не впечатлил...

- Можно и беспартийным оставаться, - сказал он, махнув рукой.

Гале так хотелось его чем-нибудь удивить и обрадовать, что, потерпев неудачу со значком, она принялась рыться в сумке и вытащила из нее свою выкрашенную в золотой цвет картонную корону.

- Вот, смотри! Меня Снегурочкой выбрали! Из всех восьмых классов! - она надела корону себе на голову и повернулась к нему в профиль, чтобы было похоже на королевский лик, как его чеканят на монетах.

- Да ты послушай меня! - раздосадованно ответил Маршал. - Что ты то с комсомолом своим, то с короной этой дурацкой!

Галино лицо утратило веселость. Она сняла корону и посмотрела на него с удивлением.

- А что такое?

- Что такое, что такое, - повторил он все еще сердито, - во-первых, моя бабка померла. А во-вторых, мне вчера мать рассказала, что я, оказывается, еврей!

- Ты - еврей? - опешила Галя. Корона, которую она все еще держала в руке, выглядела теперь особенно неуместной. Она прибавила:

- Мне очень жаль, что твоя бабушка... Извини, я не знала, что у вас такое случилось.

Она терпеливо ждала, пока он снова заговорит.

Маршал выговорил это нарочито грубо - "бабка померла" - именно потому, что любил бабушку. Три дня назад она отравилась, хлебнув неправильно приготовленного раствора - судя по запаху, подбавила туда бензина, и Маршал подозревал - уж не нарочно ли? Не хотела доживать становившуюся в тягость жизнь? Хоть бы слово ему сказала. Или не доверяла? Или крыша у нее уже поехала? Криком кричала, видно, внутренности ее жгло огнем... лицо покрылось бурыми и коричневыми пятнами, у рта выступила пена... потом из груди ее все время вырывался хрип и она только лежала, хрипя, на своей постели в углу под иконой. Он человеческих смертей раньше не видел, и эти трое суток его измучили, потрясли, заставили многое передумать. А тут еще мать со своим признанием.

Маршал отвернулся и стал смотреть на трещины подоконника, чтобы легче было сосредоточиться.

- Столько лет моя мать молчала, а теперь, как увидела, что я с тобой дружу, - решила мне все рассказать... Вообще, так: бабушка с дедушкой ее только воспитали, а настоящие ее родители были совсем не они. Она родилась в еврейской семье, которая пряталась от фашистов в доме дедушки с бабушкой. И если бы эта семья не успела убежать, то их бы всех расстреляли в Змиевской балке!

- Что же, они...то есть родители... ее, получается, бросили? - недоумевала Галя.

- Война же была! Им убежать надо было, эвакуироваться. И детей у них было чуть ли не семеро. А младшая дочка заболела тифом. А до этого у них еще другой ребенок, совсем маленький, от тифа умер. Вот они и подумали, что, если они ее с собой возьмут, то в дороге она умрет. А если оставят - то, может, выживет. И тогда после войны они смогут ее разыскать. А у бабушки с дедушкой своих детей не было, они и обрадовались. И сумели спасти мою маму. Бабушка ведь умеет всякие травы варить, исцелять... Умела, вернее.

Маршал уселся на ступеньки. Галя тоже села возле пыльной теплой батареи, погреться. Он принялся заново восстанавливать для Гали и заодно для себя самого вчерашний его разговор с матерью:

- Представляешь, сижу я вчера после поминок и книжки эти старинные еврейские рассматриваю. Ну, те, что с войны у нас остались. А мать подошла и спросила, что мне в них так интересно. Потом стала говорить о тебе. Ты моей маме очень нравишься... И тут мать возьми да и скажи: "знаешь, - говорит, - Боря... бабушка Варя-то меня спасла". Я говорю: "Как это так?" А она говорит: "Твои настоящие дедушка с бабушкой - евреи. Только неизвестно, где они." И начала мне про войну рассказывать, как это все произошло. А потом повела меня на огород.

- На огород? Зачем?

- У нее там, оказывается, тайник. Банка стеклянная со сложенными старыми документами, фотографиями близких. Это она от отца прятала, не хотела, чтоб ему в руки попали. А я думаю, ему-то какая разница. Ему - что еврей, что эскимос...

- Ты с ним об этом разговаривал?

- А зачем?

Галя заговорила взволнованно, считая своим долгом убедить Маршала в своей правоте:

- Может, тебе лучше русским оставаться? По отцу! Знаешь, как это неприятно, когда все вокруг знают, что ты еврей! Я тебе говорю по собственному опыту!

Маршал посмотрел на Галю с отчуждением. Казалось, он даже разозлился на нее.

- Что значит - "оставаться русским"? Я не русский! Я - еврей. Так мать сказала. Раньше я этого не знал. А теперь знаю.

- Ты думаешь, что быть евреем - это так здорово?

- Не в том дело.

- А в чем?

- Просто теперь мне понятно, почему я такой... Почему эти книги еврейские всегда мне были как родные.

- Вот обрадуется мой дедушка! - воскликнула Галя.

- Почему?

Она пожала плечами.

- Он ведь знает про нас с тобой.

Маршал, казалось, пропустил эти слова мимо ушей.

- Твой дедушка читает по-еврейски? - спросил он с живостью, думая о своем.

- Еще как!

- Вот он-то мне и нужен. Книги ему покажу. Пусть он мне растолкует, что в них.

- Ты приедешь к нам? - обрадовалась Галя. - В город?

- Каникулы ведь будут!

- Ну, и что?

- Самое время в город смотаться. Скажу отцу, что на рынок еду. Он мне, как обычно, велит цены разузнать. А после рынка к вам заскочу. Какая ваша улица?

"Братцы! - взывает еврей, - давайте веселиться!"

(Ш. Алейхем)

Триумфально исполнив роль Снегурочки (в одном месте, правда, текст подзабыла, но от себя наболтала неплохо) - Галя уехала вместе с мамой в город на короткие полторанедельные каникулы. Ростов стоял точно в театральном убранстве: облепленные мокрым снегом, ветви деревьев гнулись к земле, фонари на проспектах отбрасывали мутные круги, огоньки елок на площадях светились весело и беззаботно. По телевизору

передавали такие интересные праздничные программы! Но Галина любовь не давала ей ни от чего получать ни малейшего удовольствия: она только и думала о том, как бы услышать тарахтенье мотоцикла под балконом, увидеть приехавшего на нем Маршала. Он не приехал.

Наступило десятое января, и папа проводил Галю с мамой до автовокзала, откуда их путь лежал в станицу.

Прошел первый школьный день, потом второй, потом третий...

Маршал совершенно отдалился.

"Разлюбил", - драматично сформулировала про себя Галя. Может, она его чем-то обидела?

Кажется, ее слова о том, что не стоит быть евреем и лучше, как она выразилась,

"оставаться русским", ему не понравились...

Думала она, думала, как вызвать его на разговор, и вот что придумала:

Скоро - День Советской Армии, 23 февраля. В этот день все мальчики в школе получают подарки. Бывают подарки стандартные, преподнесенные от всего женского коллектива, а бывают индивидуальные. Индивидуальные - никто никому не запрещает дарить, даже записку вложить можно.

- Мам, а что это у тебя на столе? - спросила Галя с невинным видом, сидя в кабинете завуча и указывая на самодельный пистолет, принадлежавший Маршалу и отобранный у него в свое время Ульяной Федоровной.

- "Самопал" - кажется, так ребята его называют. У Берегового в сентябре отобрали. Вот ведь... - произнесла мама устало, с некоторым раздражением, - спрятать куда-то надо эту железку. Место на столе занимает.

- Давай я спрячу, - предложила Галя.

- Куда, например?

Галя осмотрелась.

- Можно на шкаф забросить!

- Не трогай, пожалуйста, - испугалась мама, - а то еще выстрелит!

- Нет, только если поджечь, то выстрелит, - сказала Галя со знанием дела, - это же самопал-поджиг!

Она забралась на стул и аккуратно уложила самопал поверх пыльного шкафа.

Как только мама вышла куда-то из кабинета, Галя снова влезла на стул, нащупала самопал и осторожно спустилась вместе с ним на пол. Поискала, во что бы его завернуть. Увидела старую "Учительскую газету" и обернула его ею: теперь сверток не вызывал подозрений и с ним можно было выйти наружу.

А мама-то и не заметит, что самопал исчез, потому что теперь она думает, что он спрятан в надежном месте...

...Схватив Галю за руку, Марина выпалила:

- Ты кому дарить будешь?

- Что дарить? А...-Галя сделала вид, что только сейчас вспомнила, и протянула : - Точно-точно... Завтра - День Советской Армии...

- А что ты будешь дарить?

- Не знаю. Что все, то и я.

Марина вышла из себя:

- Да я не говорю про коллективные подарки, балда! Я говорю про личные!

Галя пожала плечами:

- Какие еще личные...

Марина увлекла Галю за собой к подоконнику и вытащила из портфеля плоский сверток.

- Лично я - Солнышку вот что подарю...

В свертке был самый настоящий галстук, мужской, к костюму! Ничего себе подарок!

- Как? Ничего? - восторженным шепотом спросила Марина.

- Ничего, смотрится, - сказала Галя.

- Да ты пощупай! Качество, а? И искра!

Галя послушно дотронулась и похвалила:

- Точно, качество. И искра.

Не видела она там никакой искры.

Она прямо-таки позавидовала Марине: так запросто купила галстук своему Солнышку!

Значит, у них любовь... Не иначе...

А она подарит Маршалу его самопал, перевязанный бантиком, а на поздравительной открытке напишет: "Не разбрасывай свои игрушки..."

16 . День Советской Армии

На следующий день Галя пришла в школу и увидела у дверей класса мальчиков, которых почему-то не пускали внутрь. Звонка на урок еще не было.

Галя постучалась в дверь.

- Это я! Что вы там делаете?

- Сейчас откроем, - Маринина рука втянула Галю внутрь и заодно дала щелчок по лбу Брылю, который сунулся было тоже.

- Но-но, - обиделся Брыль, - полегче с защитниками Родины!

Допущенная в класс, Галя с интересом осмотрелась. Марина демонстрировала ей плоды своих трудов. Другие девочки тоже постарались на славу...

На стене висело огромное приветствие в форме цветного плаката: "Да здравствует Советская Армия!", по шторам спускались с окон гирлянды из фольги. Бригада Белопольской разрисовывала доску мелками всевозможных цветов. Остальные девочки суетливо распределяли по партам подарки.

По всему классу прыгали воздушные шары.

- У тебя волосы электризуются? - спросила Марина.

- Что-что? - удивилась Галя. Но тут же вспомнила, что Кол на одном из последних уроков объяснял им принцип действия электричества и, в частности, демонстрировал опыты с наэлектризованными воздушными шарами, которые с легкостью "приклеиваются" к потолку.

- Иди, вставай на стол, бери шарик и три об свои волосы, чтобы наэлектризовался.

На потолке, заслоня плафоны, уже колыхалось несколько "приклеенных" таким образом шариков.

Галя поставила стул на стол, разулась, влезла на него и попыталась натереть шарик о свои волосы. Вроде бы получилось. Шарик прилип к поверхности потолка. А Марина с забавным усердием надувала все новые и новые шары. Галя успешно наэлектризовала с десяток и после этого приводила в порядок свои волосы, распушившиеся так, как будто их старательно начесывали.

- А кто у нас тут сидит? - спросила Галя, подойдя к парте, на которой лежал лишь малюсенький стандартный подарок "от коллектива", что свидетельствовало о малой популярности того, кто за этой партой сидел.

- Матрохин, - ответила Белопольская.

Ну, понятно, толстяк Матрохин по кличке Матрешка.

Галя достала из портфеля новенькие миниатюрные шахматы в коробочке. Она принесла их специально - подарить кому-нибудь самому непопулярному. Чтобы восстановить справедливость. Потому что в своем классе она все равно никого особо не выделяет - ведь любит-то она десятиклассника Маршала.

Она подписала поздравительную открытку Матрохину, и тут мальчишки с силой забарабанили в дверь, так как прозвенел звонок.

- Ну, потерпеть, что ли, не можете? - рассердилась Марина, - для вас же стараемся!

В дверную ручку был вставлен одной своей ножкой стул, который и позволял двери выдерживать натиск мальчишек.

Марина взялась за стул, вынимая его.

- Раз, два, - торжественно провозгласила она.
- Подожди! - Галя положила шахматы и открытку на стол Матрохина и отбежала на свое место.

- Три!

Двери будто лопнули, распахнувшись, и в класс ворвались мальчишки.

Последним зашел Матрохин, рассеянный и безучастный ко всему.

Классная комната наполнилась шуршанием оберточной бумаги, смехом и разговорами.

Конечно, мальчики старались не выказывать "телячьих восторгов", разворачивали хрустящие свертки и распаковывали коробки как можно равнодушнее.

Матрохин, который раньше никогда Галю не интересовал, но за которым она теперь все же решила понаблюдать, прижал неожиданный для него подарок к груди и быстро испуганно осмотрелся, точно боясь, что у него это отнимут. Увидев открытку, он прочел ее внимательно, как будто не веря, что подарок действительно предназначен ему.

Зашла строгая и торжественная Ульяна Федоровна. Все встали, кроме Брыля.

- Паша, что такое? - удивилась учительница.

- Заигрался, прошу прощения, - сказал Брыль, вскакивая и изображая стыдливость. Его стол был так завален подарками, что ему некуда было положить учебники.

Мантула тоже оказался в центре внимания девочек. Он удостоился двух конструкторов, светильника в форме футбольного мяча, романа Жюль Верна, трех значков и одних солнечных очков.

- Так-так, - рассуждал он, - я нацеплю все значки, возьму Жюль Верна и буду читать его в темных очках, а чтобы не было темно - включу светильник!

Вообще-то он относился к девочкам с мужественным презрением. Может быть, поэтому скромные дарительницы и пожелали остаться неизвестными.

- Поди к доске, - сказала Мантуле Ульяна Федоровна.

Он подошел, но писать на доске оказалось совершенно невозможно. Она была так красиво и густо разрисована цветными мелками, что Мантула, занесший было руку над этим произведением искусства, тут же со страдальческим лицом обернулся к Ульяне Федоровне:

- Не могу-у...

Уроки были сокращенные, учителя добрые, повсюду пахло тюльпанами и свежестью мимозы. Размягченные подарками, учителя повествовали о своей далекой послевоенной юности... Сделали подарок и старенькой вахтерше. Она в войну была в партизанском отряде. Ей преподнесли большой черно-красный платок с бахромой, и она, прослезившись, запричитала:

- Да что вы, для чего это, куда мне такая красота!?

Вообщем, это был не день, а картинка.

Но правда жизни все же была сурова. И заключалась она в том, что Маршал не пришел в школу. Пропустил такой день. День Советской Армии!

... Зато за зеркалом в музыкальной школе Галя внезапно обнаружила клочок бумаги, на котором было написано: "Жди меня здесь завтра в 4".

17. Планы Маршала

- Ты почему сегодня в школе не был? - спросила Галя, радостно встречая Маршала возле класса Эсфири, - я-то тебе подарок принесла!

Она вручила ему самопал, перевязанный ленточкой, - тот самый самопал, который был конфискован у Маршала Ульяной Федоровной осенью на уборке овощей и передан "непосредственно завучу"...

Он усмехнулся, увидев свое грозное оружие.

- Спасибо. Это ты у своей матери выкрала?

- Ну уж... не выкрала! Взяла, скажем... - обиделась она.

- Как взяла, так и верни. Мне он все равно не нужен. Не обижайся, ладно? Я уже не такой дурак, чтоб с самопалом играть.

Галя вздохнула. Опять не угодила любимому человеку, вот ведь незадача!..

- Я тебе что-то покажу, - сказал он таинственно, - смотри!

Они подошли к подоконнику, на котором были разложены старинные, поеденные червячками, удивительные книги.

- Вот они. Смотри, какие буквочки! - произнес Маршал с несвойственной ему обычно нежностью, - ты в них разбираешься?

Галя взяла в руки первую книгу.

- Тора, - прочла она на иврите, - Хамиша Хумашей Тора.

- Переводи, - попросил Маршал.

- Пять книг Торы. Это примерно как Ветхий Завет. Ну, Библия.

Он лишь смутно знал слово "Библия", но внутренне ему было понятно, что речь идет о чем-то б-жественном, о некоем законе, о правде, которая почему-то под запретом.

- А это?

- Сидур. Книга молитв.

- А это?

- Не знаю. Ты же хотел к нам приехать - вот дедушка бы тебе все и объяснил.

- Я был у вас. То есть не у вас дома, а вообще в городе. В синагоге.

- Как???

- Очень просто. Я приехал, отыскал синагогу возле Центрального рынка. Она была закрыта на замок. Я долго ходил вокруг, и мне даже нравилось, что она закрыта. Потом подошел человек в пальто и шляпе, начал греметь связкой ключей. Я спросил его, можно ли зайти. Он был так похож на тебя, что я сразу решил, что это и есть твой дедушка. Он впустил меня в зал, подозрительно при этом оглядев. Зажег в углу электрические лампочки в плафонах шестиугольной формы - будто шестиконечные звезды. Поправил пыльные бархатные покрывала на возвышении в центре зала. Начал отодвигать ряды скамей. Я молча стал ему помогать. "Будут ремонтировать часть зала", - объяснил он. Потолок в синагоге - высокий, со странным узором. В одном углу штукатурка потрескалась. От этого угла мы и отодвигали скамьи.

- Ты только смотрел вокруг, ни о чем не спрашивал? - удивилась Галя.

- Я был как во сне. Мне было как-то все само собой ясно. Как будто все встало на свои места внутри меня. Знаешь, моя бабушка умела вправлять косточки в позвоночнике. Вот и здесь было такое чувство, как если бы что-то вывихнутое, мешавшее - наконец-то расправилось. Мне не хотелось разговаривать. Твой дедушка сел, взял книгу и начал бормотать какие-то слова, читал и покачивался. Я тоже взял книгу, уселся и молча в нее уставился. Потом пришли другие старики. Они кашляли, грохотали скамьями, кряхтели, усаживаясь. Я даже почувствовал себя таким же, как они, стариком...Когда за окнами стемнело, один встал и зажег восемь свечей. Они пели какую-то песню, очень домашнюю. Такую песню поют дома, когда все вместе - уютно, тепло. Так мне показалось. Но старики были, наверное, все одинокие.

- Не обязательно одинокие, - сказала Галя задумчиво, - просто боятся приходить с семьями в синагогу. Ну, продолжай. Ты так там и сидел?

- Да. Долго сидел. До прихода уборщицы. Потом подумал: вот бы остаться здесь и заснуть!

- Зачем?

- Посмотреть, что будет.

- А что могло быть?

- Ночью, в синагоге, один... Вдруг бы я услышал какие-нибудь голоса. Они бы мне все объяснили.

Галя решила помочь ему поскорее выйти из того волшебного оцепенения, в котором он находился.

- Ну, я рада, что ты оттуда ушел и никаких голосов не слышал. И вообще, в синагогу ходить опасно. Могут из комсомола исключить.

- Что ты пристала со своим комсомолом! - вспыхнул он - и тут же стал обычным, нормальным Маршалом.

Тем временем Эсфирь Соломоновна завершила свой урок музыки и отпустила последнюю ученицу домой. Галя и Маршал, держа в руках старинные книги, вошли к ней в класс.

- Что это у вас, киндерлах, дети мои? - с удивлением произнесла Эсфирь Соломоновна, - что за фолианты вы мне принесли?

- Я же вам обещал показать еврейские книги, которые с войны остались, - напомнил ей Маршал.

С корешков книг сыпался коричневатый прах. "Житомир", "Лемберг", "Златоуст" - значилось на титульных листах старославянским письмом.

Галя похвалилась:

- А мой дедушка такие книги запросто читает! У него их - целый шкаф!

- Меня интересует древнееврейский язык, - сказал Маршал серьезно, обращаясь к Эсфире Соломоновне, - где я могу его выучить?

- Это опасное занятие, Боря, - ответила она, - ведь это "язык инакомыслящих"! В наше время, увы, его преподают лишь еврейским писателям Биробиджана, а также агентам КГБ, для общего развития. А еще... существуют две подпольные иешивы, насколько я знаю. В Самарканде и в Киеве. Там учатся еврейские парни.

- Самарканд - явно не для меня, - решительно сказал Маршал, - а Киев - очень даже подходяще. Знаете, почему?

- Нет. Я телепат, по-твоему?

- ...потому что мои родители все время спорят между собой, учиться ли мне до конца средней школы или идти работать. Отец хочет, чтоб я поскорее профессию приобрел. У отца есть в Киеве брат. Он в ЦУМе работает. И он как раз приглашает меня к себе, чтобы я пожил у них и выучился на работника торговли. И если я к нему поеду, то мне отец и денег даст. А там я найду эту, как ее, иешиву и буду заодно в ней учиться!

Галя вздохнула. Ну вот: теперь из-за своего еврейства Маршал помчится еще, чего доброго, в Киев...и совсем забудет ее! Лучше бы его мать не открывала ему того, что он еврей...

Эсфирь Соломоновна внимательно слушала его, а он продолжал делиться с ней своими мыслями. И Галя чувствовала себя "третьей лишней" в этой беседе. Да, трудно было любить Маршала. Сплошные страдания!

- Я почему-то очень рад тому, что моя мама еврейка, - сказал Маршал, - у нас в доме эти книги столько времени лежали...и каждый раз, когда я на них смотрел... точно тепло какое-то внутри чувствовал. Как будто тайна из-под букв светилась. Отец хотел было книги на растопку использовать, а я не дал. Подожди, говорю, может, продадим. А он говорит: "Да кто ж такое старье купит?" Так я решил их припрятать. Придет время, думаю, еще выучу эти буквы, пойму, что тут написано. Чувствовал, что они - святые, волшебные.

Маршал завернул старые книги в целлофан.

- Уеду в Киев к дядьке, - решительно заявил он, - а там будь что будет!

- А небо тебе больше не нравится? - спросила Эсфирь, - ты его в полосочку хочешь увидеть? Или в горошек? Или в сеточку? За иешиву-то знаешь сколько годков дают?

- Не пугайте, пуганые мы... - огрызнулся он по-детдомовски и скорчил рожу, как настоящий еврейский босьяк.

... Галина мама, возвращаясь с работы, с удивлением увидела брошенный возле забора мотоцикл.

Маршал беседовал с Галей во дворе. В руках у него был самый настоящий железнодорожный билет до Киева. Но этого мама пока еще не заметила. Она лишь удивилась, увидев свою дочку беседующей с Борей Береговым из десятого класса.

- И как это тебе родители разрешили одному в Киев ехать? - не верила Галя своим глазам, глядя на дату билета, - а как же школа? Ты что, десятый класс не закончишь?

- Я же тебе говорил: меня отец и раньше хотел в Киев отправить, - терпеливо, как маленькой девочке, разъяснил Маршал, - в общем, все.

Галя только тут осознала, что он явился лишь затем, чтобы попрощаться с ней, так сказать, поставить перед фактом.

В этот драматический момент мама открыла калитку.

- Здравствуйте, Лидия Яковлевна, - обратился к ней Маршал с редкостной для станицы вежливостью.

- Это ты с ним на лошадях каталась? - вдруг "озарило" маму при взгляде на него. Будучи педагогом, она сдержала свои эмоции и ответила на приветствие Маршала:

- Здравствуйте, Борис. Как поживаете?

- Мама, он едет в Киев, - горестно воскликнула Галя. Но мама не обратила внимания на ее слова.

- Если вы пришли, Береговой, чтобы поговорить со мной насчет вашего огнестрельного оружия, то знайте: самопал я вам возвращать не намерена! - сурово сказала мама, - даже и не просите, молодой человек. Это опаснейшая вещь для общества.

"Мама, ему не нужен самопал! - едва не воскликнула Галя, - он едет учиться в киевскую иешиву!"

И тут к ним подошла добродушная Романовна...

- Борька! - сказала она ласково, - чего ж ты без цветов-то к невесте приходишь?

Маршал сузил ставшие вдруг злыми, как у Серого коня, глаза.

- Я поехал, - бросил он, заводя мотоцикл.

- Я тебя провожать приду, на вокзал! - воскликнула ринувшаяся за ним Галя.

- Не надо!

Сказал что-то энергичное в адрес мотоцикла, и тот завелся. Через секунду мотоцикл тарахтел уже за поворотом.

Галя ощутила себя совершенно ненужной ему, и это было ужасно. Ах, бабушка Романовна, зачем у вас такой длинный язык! И мама тоже, какая непонимающая!

18. Проводы

Ростовский вокзал, по залам которого гулко прокатывались радиоволны объявлений, был многолюден и ярко освещен. Над железнодорожными путями проходил мост, с которого были так страшновато-четко видны проносившиеся внизу поезда. Некоторые составы шли без остановки, некоторые - сопели, присвистывали и, громыхнув всеми вагонами, замедляли ход. Запах гари стоял в мартовском воздухе. Привокзальные огни светились в вечерней тьме.

Галя поглядывала вниз, на поезда, идя по мосту быстрее всех и на ходу снимая перчатки с нагретых волнением рук.

Она спустилась у третьей платформы и пошла вдоль поезда. На перроне, месая сапогами смешанную со снегом грязь, толпились люди - прощались, обнимались, посылали воздушные поцелуи отъезжающим.

- Где восьмой вагон? - спросила Галя у проводницы. Та махнула рукой:

- Назад иди! Нумерация с хвоста!

И тут Галя увидела Маршала. Он стоял со своими отцом и матерью на перроне.

Она решила не мешать им, остаться стоять незамеченной в стороне.

Через минуту гудок паровоза и голос дикторши уже возвестили об отправлении киевского поезда. Маршал поцеловал мать, обнялся с отцом и стал подниматься с вещами в вагон. Тут, повернув голову, увидел Галю.

Галя только успела сказать ему:

- Пиши!

А он успел лишь ответить:

- Буду!

И проводница подобрала лесенку, соединявшую дверь вагона с перроном, так как поезд уже медленно покатился, вызывая у всех провожавших инстинктивное желание идти, шагать, пытаться не отстать от его хода...

У всех? Или только у Гали?

Какая разница...

- Это ты - Галя Кричевская? - спросил Галю отец Маршала, останавливаясь.

- Да.

- Ну, будем знакомы.

Она смутилась. Пусть только не подумают, что она его невеста! Никакая она не невеста!

- Молодец, что проводить пришла, - сказала мать Маршала, - а то бы он в дороге места себе не находил. Ты его не забывай.

- Молодые вы, конечно, - добавил отец. - Рано еще о чем-то серьезном думать. Но, кто знает? Может, чего толковое из этого и выйдет.

Маршал смотрел в темное окно вагона, лежа на верхней полке. Поезд мчался вдоль заснеженных равнин. Вагон трясся, вздрагивал, мотался из стороны в сторону, и от этого позвякивали ложечки в стаканах чая, стоявших в железных подстаканниках на столике. Свет лампы был совсем тусклый, ночной. Нижние полки занимали два украинца, говоривших между собой на своем языке. Маршал все в их разговоре понимал, потому что слова звучали почти как по-русски. Но он не вслушивался, так как думал о своем. О том, что он теперь будет жить как еврей. Но что это значит - жить как еврей?

... А Галю он не забудет. Она хорошая. И она его любит. Девчонки так запросто говорят это слово - любит! Как будто им понятно, что это значит. Он бы лично так не выразился. Он бы сказал о ней: она мне предана. Она меня будет ждать.

... Но вдруг его не примут в иешиву? Может, они таких, как он, у которых только мать еврейка, не принимают? Вдруг он не настоящий еврей? Нет, нет, тут же успокоился он. Эсфирь ведь сказала, что еврейское происхождение определяется по матери. А чтобы убедить начальника иешивы, Маршал покажет ему те документы, которые десятилетиями хранились в банке на их огороде.

...Дяде, брату отца, живущему в Киеве, он, конечно же, ничего этого не расскажет. Просто начнет учиться на товароведа, будет жить в дядином доме и потихоньку разыскивать синагогу, иешиву. И обязательно найдет...

... Да, - настороженно ответила мама, выслушав Галины откровения,

- удивительная история. Честно говоря, я и не знала, что где-то в Союзе еще существует иешива... А откуда это стало известно Борису?

- От моей учительницы по музыке! Ее Эсфирью звать. Она нам столько всего...еврейского...рассказывала! - воскликнула Галя.

Тут уж у мамы и вовсе голова пошла кругом... Столько лет она нервничала по поводу того, что в их квартире дедушка - верующий, тайком "культ отправляет". Так старалась всячески заглушить все ростки Галиного интереса к еврейству! И вот, пожалуйста, в станичной глухомани вдруг находится преподавательница музыки - еврейка, которая всю эту мамину просветительскую работу на нет сводит!

- Как же эта Эсфирь оказалась в Заветном? - осторожно поинтересовалась мама.

- А ее, - прошептала Галя, - из консерватории уволили. За то, что на выезд в Израиль документы подала!
- Мама забеспокоилась еще больше.
- Тебе лучше бы с ней не общаться, - сказала она, - кто знает, что у нее на уме? Очень подозрительная, судя по всему, личность!
- Ты не хочешь, чтобы я ходила к ней заниматься музыкой? - испугалась Галя.
- Музыка - это одно, а в разговоры себя втягивать не позволяй. Скажи, что тебе не интересно тратить время на болтовню!
- Но мне очень даже интересно!.. Она нам объясняет про Тору, про Всевышнего, про всемирный потоп, про кошерную еду...
- Ш-ш, - перебила испуганная мама. Настороженно прислушалась к шуму рейсового автобуса, как бы проверяя, удастся ли ему заглушить удары ее сердца, которое вдруг заколотилось от страха. Но в автобусе все было как обычно - веселое кряхтенье сельских бабушек, возвращавшихся с городского базара со своей копеечной прибылью, квохтанье цыплят в ящике, разговоры корейцев, сидевших в проходе на мешках с каким-то товаром, пара пьяненьких мужичков, с трудом удерживавших равновесие стоя - словом, вся привычная действительность, вся серенькая житейская канва, российская непролазная обыденность. Скучная, но совсем нестрашная.
- Ладно, - сказала мама, - как-нибудь потом поговорим.

19. Клеопатра

В марте вся станица взволновалась: в клуб привезли на просмотр импортный фильм. Да не просто импортный, а американский! Да еще и название-то какое: "Клеопатра"!

Афиша возле клуба изображала не совсем одетую "роковую женщину" Клеопатру с клубком змей на шее. Маринин поклонник Сашка Латышев очень вовремя вспомнил, что билетерша клуба - его тетя, и к Международному Женскому Дню сумел достать целых шесть билетов.

Комсорг Цай был в ужасе от афиши, однако сумел проявить политическую гибкость и записал в своей тетрадке:

"Восьмое марта - знакомство с буржуазным киноискусством, разоблачение его порочных коммерческих принципов."

Вечером Галя зашла за Мариной. У ее родителей, колхозников, был довольно богато обставленный дом, в котором имелся даже цветной телевизор. По экрану плавно двигались красавицы в русских сарафанах и кокошниках - передавали, как обычно, концерт в честь праздника.

- Что бы мне такое одеть? - бормотала Марина, роясь в сундуке с нарядами. Издав торжествующий клич, она подбежала к трельяжу, держа в руках нечто золотистое.

- Это мы ... - начала она и натянула платье через голову. Где-то оно застряло, и Марина уже из платья бубнила:

- Это мы...

Наконец голова пролезла:

- Это мы с мамой по журналу мод шили!

Фасон был совершенно фантастический. Сверху платье отличалось пышностью в стиле буфф - рюши, складки... Черный широкий пояс застегивался на бедрах, и все то пышное, что было наверху, свисало вниз. Юбка же была на диво узкая. Желтый искусственный шелк блестел и шуршал.

Марина прервала созерцание самой себя в зеркале, полезла в шкаф и достала с полки коробочку с тенями.

- Давай краситься.

- Не умею.

- Тю! Научишься!

Накрашенные, они стали как две куклы. Перед выходом на улицу Галя все-таки смыла с век и черные стрелы, и зловещие тени, и заодно с губ - "роковую" помаду. Все равно Маршала в станице нет. Для кого же ей стараться быть красивой?

Со двора постучали в окно.

Мартовская ранняя темень, душистый ветер и четверо парней встретили их на улице.

Марина первым делом проявила заботливость и сказала Латышеву, чтобы он застегнул свою куртку, потому что холодно и он может простудиться.

На вечерний сеанс у клуба собралось много народу. Молодежь толпилась перед клубом, парни курили, девушки звонко смеялись.

Перед началом фильма на сцену вышла лекторша из областного общества "Знание" и тонким птичьим голосом стала рассказывать о том, какой пустой и аморальный фильм сейчас покажут. Все ждали, пока она кончит говорить, чтобы скорее увидеть этот пустой и аморальный фильм.

И вот разошлись по сторонам края тяжелого бархатного занавеса, вспыхнули наконец яркие кадры чужой, сказочной, невозможной жизни. Цезарь, флотилия, битвы, сцены с Клеопатрой, выскакивающей из развернутого ковра. Маршала в фильме не было, и некуда его было прифантазировать, приспособить, не вписывался его образ в ткань роскошного действия. Он где-то в Киеве. О Киеве Галя знала мало и понаслышке: Крещатик и каштаны. Даже страстные поцелуи Цезаря и Клеопатры никак не могли быть перенесены на тихий, нежный фон ее страданий. Это был не ее мир. Он раздражал своей громкостью, откровенностью.

- Вы что-то заскучали, леди, - с ухмылочкой подметил Брыль, протягивая ей в темноте складную лягушку из бумаги.

...В воскресенье, когда Галя с мамой снова были дома, в городе, отец вручил Гале пришедшее по почте на ее имя письмо, с удивлением и не без иронии говоря:

- Молодой человек какой-то тебе пишет...

Она сразу разволновалась, взяла запечатанное письмо и пошла с ним по квартире, ища подходящее место присесть и раскрыть конверт. На кухне? Нет, там мама возится с посудой. В дедушкиной комнате? Там так сильно пахнет лекарствами, что...впрочем, какая разница. Дедушка как раз спит, а она тихонько войдет и прочтет письмо. Так она и сделала.

И вот что было в письме:

" 17 марта.

Привет, Галя. Пишу тебе, находясь в доме у дяди. Как твои дела? Я тут подрабатываю в ЦУМе учеником товароведа. Все вокруг новое, интересное. Не знаю, как найти иешиву. Синагогу отыскал, но там мне не дали адрес иешивы - боятся, наверное. Ведь иешива - подпольная. Синагога - красивая, старинная, на улице Щековицкой. Я там познакомился с одним старичком. Стал его спрашивать о молитвах. В еврейском молитвеннике часто встречается слово "Борух". Оно означает - "Благословен". Это слово может быть и личным именем. Так мне старичок объяснил. Он там, в синагоге, сторожем работает. Я ему помог ворота синагогальные починить - они были сломаны. Так мы и подружились. А другие старики на меня смотрят подозрительно. Они по утрам молятся в большом нижнем зале. Накрываются белыми молитвенными покрывалами и читают вслух свои молитвы. Красиво.

А иешиву я найду, обязательно.

Пока!

Знаешь, я тебе, наверное, буду редко писать. Только если что-то важное случится. Потому что когда я тебе пишу, то как бы вижу твой образ. И мне это мешает. Я хочу быть пока что сам по себе. Ладно? "

...Галя сидела и счастливо вздыхала, весенний ветерок пробирался через форточку и колыхал занавеску в дедушкиной комнате, во дворе пищали детишки, чирикали птички, солнце игралось с листвой, то убегая, то вновь застилая ее приливом золотого света, и не было конца этому доброму, радостному воскресному утру.

Дедушка проснулся и посмотрел на нее.

- Принести тебе чаю? - спросила она, - с пряником?

- Принеси, принеси, - отозвался он, - и холодной воды тоже, таблетку запить.

Попив чаю, дедушка завернулся с головой в белое покрывало и уселся читать молитвы.

Галя посмотрела на него и подумала строчками, которые запомнились ей из письма Маршала:

"Старики накрываются белыми молитвенными покрывалами и читают вслух свои молитвы. Красиво!"

Действительно, это было красиво. Дедушка сидел, как ангел белокрылый.

- Дедушка, как эта штука называется? - спросила Галя шепотом, указывая на покрывало.

- Талес, - сказал он, не поворачивая к ней головы.

Весна пришла и сумела скомкать остаток учебного года очень быстро... Первого апреля был день смеха, и это выражалось в том, что все дурачили друг друга. Как ? Например, посылали по всему классу записочки, подписанные чужими именами...

Марина послала записку Белопольской, подделав почерк Цая, как будто он признавался ей, Белопольской, в любви... Вот умора-то! И сердце пронзенных по краям записки штук пять нарисовала, чтоб силу чувства подчеркнуть.

А Цай сидит себе, ничего не подозревает! Вдруг Белопольская получает подписанную его именем записку, краснеет, подпрыгивает на стуле, начинает оборачиваться в его сторону и стрелять глазами...

Кол, ведя урок физики, то и дело раздавал замечания:

- Что за турбуленция здесь происходит? А ну проветри голову! Или башку дома забыл?

Где твой кочан? Чего вертишься?

Башка, кочан и голова у него были синонимами.

Но не успел Кол вникнуть в суть дела и отобрать у нее записку, как класс грохнул хохотом за его спиной: оказывается, в него кто-то бросил цветочек с липкой лентой, который слетел было, да все же зацепился сзади на его пиджаке.

Цай подобострастно подскочил, чтобы снять с уважаемого учителя этот неуместный цветочек, и тут Белопольская одарила одноклассника таким влюбленным взглядом, что он застыл на месте, ничего не понимая. И, когда у него раскрылись глаза на ее чувства, он смело распорядился снятым со спины Кола цветочком по своему усмотрению. А именно, подбросил его Белопольской, проходя мимо нее к своему месту за партой.

Подстроившая все это Марина от восторга захлопала в ладоши.

Авторитет Кола был спасен прозвеневшим звонком, потому что класс так разгулялся, что учителю не помогло бы его львиное рычание... День вранья, день любви... Солнце в мокрых от дождя окнах. На Галину парту то и дело приземлялись дурацкие записочки от Брыля и Мантулы, так что в конце концов она перестала их раскрывать.

20. Домовой

- Дяденька, - беспризорным голосом сказал Маршал, - здесь находится иешива?

Реб Мордхе, сухонький человек средних лет с пепельной бородой и в пыльной кепке, сделавшийся за долгие годы конспиративной работы очень незаметным и каким-то серым, как будто из старого, довоенного еще, кинокадра изъятым, - похлопал себя по карману, проверяя, куда положил ключи, и, медленно подняв глаза, обвел подростка взыскательным взглядом.

- Кто тебе такое сказал, мальчик, - подал он реплику без вопросительной интонации. - И в какой энциклопедии ты вычитал это слово: в Детской? или в Малой академической?

- Я еврей, - сказал Маршал бесхитростно и для убедительности (и еще - чтобы удержать, чтобы тот не ушел, не растворился) схватил собеседника за рукав. Намеревался взять его за руку, но руки в рукаве не оказалось, и он испуганно отпрянул.

- А вы - инвалид войны, да? - сказал он с уважением, уже не зная, как дальше себя вести. Может быть, у них тут требуется какой-то пароль. Какой же, какой пароль это может быть?

- Допустим, что ты еврей, а я инвалид войны, - сказал человек, начиная быстро спускаться по лестнице, - но какие из этого следуют выводы?

- Пойдите, - сказал Маршал умоляюще, - вы хотите потеряться, да? Чтобы я вам на хвост не упал?

- Я не пойду за вами! - Маршал повысил голос, видя его уже лишь частично, в глубине лестничного проема, и слыша шорох удаляющихся шагов.

"Я не пойду за ним, - печально сказал он сам себе, - если я пойду, будет только хуже."

Он сел на ступеньку, понуро положил голову на руки, обняв ими колени. Сидеть так было ему не впервой. Он даже курить не хотел: это придало бы ему разбитной, хулиганский вид, а здесь ведь совсем другое надо. Здесь надо, чтобы поверили.

- Ун ву из дер шлисл... эр вэт шпэтер кумн, обэр дер шлисл дарф зайн до, ци ин почтовый ящик, - тихий шорох, шепот на незнакомом языке вывел Маршала из дремотного забытья.

Он быстро вскочил и бесшумно освободил проход, взлетев этажом выше.

Наблюдательный пункт был весьма удобен. К двери приближались трое. Один был черняв, бородат, двое других - вроде грузчиков в кепках, с квадратными упаковками в руках. Бородач поискал, нагнувшись, под половичком. Маршала осенило: вмешаться. Будто он здесь свой, часовой на стреме.

- Нету, нету ключей, - тихим голосом произнес он, - не ищите. Я вот тоже ожидаю.

- За грузом присмотрите? - сказал бородачатый, - мы не можем здесь оставаться.

По его знаку двое других опустили коробки на пол перед дверью.

- А что ему сказать-то? - находчиво вернул Маршал.

- Все БАДАЦ, передай.

Они повернулись уходить, и у Маршала радостно заколотилось сердце. Теперь он обладал загадочной паролевой фразой: "все бадац". Это, наверное, на их жаргоне означает - дело в шляпе. Или что-нибудь в таком роде.

Некоторое время в подъезде было тихо. Потом стукнула дверь, боязливо звякнула цепочка. Выглянула старушка.

- Ктой-то тут приходил, - предположила она вслух, зорко вглядываясь в коробки на лестничной площадке. - Опять ошиблись! Мою, чать, доставку не туда принесли!

- Какую еще доставку, - сухо ответил Маршал.

- Из собеса, какую! А ты чего тут сидишь, караулишь, что ль?

- А я домовый, - любезно сообщил Маршал голосом Брыля, - и по совместительству - коридорный. Я тут у вас теперь всегда заседать буду.

- Вот это правильно, - одобрила старушка, - за этой квартирой нужен глаз да глаз. А то они чегой-то все двигают, двигают, не пойми чего там делают. Так вы, значит, при исполнении?

- При исполнении, - согласился Маршал.

- Я тебе в случае чего содействие окажу, - пообещала старушка. - Давно пора их на чистую воду вывести. Бундовцы они, троцкисты! Сектанты окаянные!

- Бабка, смойся, - приказал Маршал деловым голосом. - Не мешай работать.

- Не мешаю, голубчик. Прости старую.

Дверь скрипуче затворилась, защелкнулись щеколдочки, затянулись цепочки.

"Все бадац", - повторял Маршал, чтобы не забыть. "Все бадац".

То у Марины, то у Белопольской дома ребята устраивали вечеринки под музыку "Битлз" (которую Цай воспринимал скептически, но, поскольку он успел к тому времени окончательно влюбиться в Белопольскую, то все же терпел, хотя это и была музыка явно буржуазная, непролетарская...)

Галя на этих вечеринках тоже бывала, правда, не как заинтересованный участник, а как посторонний наблюдатель. Марина пыталась готовить в честь всей компании бутерброды с сыром, запеченные в духовке, однако надо было хорошенько поковырять их обгоревшую поверхность, чтобы понять, что это-таки были бутерброды с сыром. Цай танцевал под медленную музыку с Белопольской. Брыль и Мантула считали своим долгом развлекать сидевшую в кресле с учебником в руках Галю, а Марина тщательно соскабливала обгорелые корки со своих бутербродов и кормила ими и без того упитанного Латышева.

Брыль прочитал недавно "Мастера и Маргариту", и его остроумие изрядно обогатилось булгаковскими образами. Он избрал для себя роль Кота-Бегемота, что выражалось в его попытках повиснуть на люстре, а также в подобострастном величании Гали "королевой", "мадмуазель" и прочими галантными прозвищами. Мантула же, тщательно изучивший историю ансамбля "Битлз", решил, что ему подойдет быть ударником Ринго Стар, и барабанил в подражание Стару на чем придется.

За весенние месяцы восьмиклассников ни разу даже не послали на поля сажать картошку - предполагалось, что все они в эту ответственную пору сидят над книгами и готовятся к переводным экзаменам. Ведь после восьмого класса министерство образования обычно "отсеивает" из школ малоспособных ребят, предоставляя им поступать в техникумы, ПТУ, а то и сразу на ферму, на вспомогательные работы. Марина ничуть не боялась быть "отсеянной": она уже знала, что учеба - не для нее, и собиралась выйти замуж за Латышева, как только получит паспорт. А зарабатывать деньги она намеревалась пошивом и починкой одежды - принимать у станичников заказы и выполнять их, что называется, "на дому". Что же касается Цая, то он готовился к экзаменам изо всех сил вместе с Белопольской, потому что оба они хотели всегда и во всем быть отличниками. Галиной маме кто-то сказал, что для поступления в вуз гораздо важнее предъявить справку из школы рабочей молодежи и характеристику с места работы, чем обыкновенный, пусть даже блестящий, аттестат. Стать представителем рабочего класса - вот гарантия зачисления. Мама и папа долго советовались со знающими людьми и в конце концов запланировали для Гали курсы машинисток и продолжение учебы уже не в дневной, а в вечерней школе. Надо было ранней трудовой биографией уравновесить, что ли, свое еврейское происхождение, скрыть которое не получалось. Таким образом, Гале предлагалось по возвращении в город резко повзрослеть. Ну что ж - она против взросления не возражала.

...Завершился учебный год. Наступил день отъезда из станицы. В последний раз Галя сбегала к Линьковым за молоком, прошептала на ухо корове "До свиданья, коровушка!", заодно купила у соседей и свежего творога, который они сами изготавливали.

Перебегая через дорогу к соседям и обратно, Галя уже ничуть не пугалась стайки гусей, хотя они и покрикивали, и тянули к ней свои шеи так же воинственно, как раньше...

Романовна готовилась к прощанию с квартирантками. Повязала нарядную косынку на голову, поставила на стол бутылку водки, стопочки. Момент наступал торжественный, и ей то и дело хотелось вздохнуть. Так уж она привязалась к своим "хозяюшкам"!

Галин папа, приехавший в станицу, помогал маме укладывать вещи в картонные коробки. Свои книжки и одежду Галя сложила сама и теперь только ходила по хате, с грустью разглядывая все то, с чем предстояло прощаться: беленую русскую печь, лежанку, занавесочки, кружевца на столе, буфет с бабушкиной посудой и портретиками ее погибшего на войне мужа, простенькие открытки с поздравлениями к октябрьским и другим праздникам, бережно хранимые Романовной, окно хаты, через которое Галя

раньше, бывало, так взволнованно высматривала пронесившегося по улице на мотоцикле Маршала...

- Вот вам от нас, - сказала мама Анне Романовне, - покрывало, на память...

Какой папа молодец, не забыл - выполнил то, о чем мама его неделю назад просила, и привез из города для бабушки Романовны роскошное покрывало на кровать!

Она так и ахнула от такого подарка.

- Я это для сына буду хранить. Спасибо! Мне-то и старое хорошо...

- Ну, хоть постелите, полюбуетесь! - предложила мама. Романовна расправила покрывало на диване. Всплеснула руками, глядя на красивые цвета и узоры, и сказала:

- Вот Сенечка мой жену свою порадует!

- Ну, на здоровье...

Папа налил в стопки водку, и Романовна, отпив, сразу вспотела, лицо ее покраснело, нос заблестел...

- Дорогие мои! Как же я по вам скучать буду!

- И мы тоже, - сказала Галя. Она, сморщившись от запаха, тоже отпила водки, и теперь вся хата в ее глазах расцветила радужными оттенками.

Сенечкина машина подъехала ко двору, и папа с мамой стали относить вещи и укладывать их в багажник. Галя помогла им, а потом вбежала в хату еще раз попрощаться с этим ставшим почти родным домом.

- Галя, к тебе пришли, - позвала ее мама со двора.

Вся компания явилась на проводы: Брыль с большим подсолнухом в руке, Мантула с гитарой, Цай в пиджаке, на лацкане которого красовался комсомольский значок, Марина в нарядном платье, Белопольская, глядевшая, как обычно, исподлобья с умным видом, Сашка Латышев с улыбкой на круглом лице и даже...толстый Матрохин - тот самый, которому Галя когда-то подарила карманные шахматы на День Советской Армии.

Брыль вручил Гале огромный желтый подсолнух, при этом продекламировал:

- Светить всегда, светить везде,

До дней последних донца!

Светить - и никаких гвоздей,

Вот лозунг мой - и солнца!.. И подсолнуха тоже!

- Сразу видно, что экзамен по советской литературе хорошо сдал, - похвалила его Галя, принимая подсолнух.

А Марина развернула сверток, который до этого держала спрятанным за спиной:

- Вот тебе! Занавеска на окно! Сама сшила!

- Ой, какая прелесть, - восхитилась Галя, - спасибо!

Марина отвела ее в сторонку, сказала, что очень жалко, что им надо уезжать из станицы, и поцеловалась с ней на прощанье.

Мантула заиграл на гитаре. Он с некоторых пор отпускал волосы, и теперь уже был достаточно длинноволос, чтобы сойти за одного из музыкантов "Битлз". А Брыль выучил пару строчек песни на английском и подпевал, при этом мурлыкая и мяукая, чтобы не забыть, что он - Кот-Бегемот. Белопольская и Цай преподнесли Гале хорошую советскую книжку - "Донской край. Сборник поэзии". А Матрохин и Латышев только застенчиво улыбались.

Галя и ее родители разместились в машине, на которой сын бабушки Романовны, Сеня, должен был отвезти их до города.

Брыль с Мантулой вскочили на свои мотоциклы и начали было ехать за машиной, но вскоре отстали. За окнами машины мелькнули тополя школьного двора, колодец с древесным срубом, а потом "прошпект" перешел в ухабистое шоссе, ведущее к мосту через Дон.

Детство кончилось.

"Все БАДАЦ" и "Шма Израэль", две эти кодовые фразочки, сказанные Маршалом при второй встрече с реб Мордхе, возымели свое действие. Только одно еще мешало ему

принять нового парня в ряды учащихся: то, что Маршал никем не был сюда прислан. Прочие ребята приезжали по направлению, с кем-то были знакомы, кто-то о них заранее договаривался. Дети отказников были, само собой, наперечет. Они и составляли костяк группы. Самоотверженность была главным их качеством: так их воспитали родители. Еврейство сидело в них крепко, ничем не выбьешь. И знания уже имелись порядочные. Боря Береговой казался реб Мордхе искренним парнем, его намерение изучать Тору сомнений в нем не вызывало, но, даже и доверяя, он не очень представлял себе, каким образом можно будет присоединить его к группе. Ребята знали уже столько, что наверстать и сравняться с ними новичок сможет только где-то за полгода. Да и места для постоянного проживания на квартире для него просто не было. Реб Мордхе решил за ним еще понаблюдать и на первых порах позволил ему лишь приходить на уроки. Квартира, где ребята занимались, была вовсе не там, где Маршал поначалу его подкарауливал. Та была явочная - в основном, для ночевки гостей, и заодно служила складским помещением. А иешива располагалась в домике со двором, куда соседские дома выходили не окнами, а глухими стенами.

21. МАРШАЛ В ИЕШИВЕ

"Неправда, что я в Кембридже занимался пустяками. Неправда, что я ничему не научился."

(В.В. Набоков, "Другие берега")

Маршал не узнавал себя.

За год, проведенный в Киеве, всего пару раз, может, он задумывался над тем, поменялся ли его облик и видна ли в нем та суровая целенаправленность, которая приобретается изучением Торы. Появившаяся темная растительность по бокам смуглого лица, более устойчивое звучание голоса и очень нравившаяся ему черная шляпа с определенным (ни на сантиметр не больше положенного) загибом поля спереди - таковы были новые атрибуты его внешности. Но, может быть, и они, и ироническая улыбка, гастролировавшая на его губах пока не стала привычной, - не были совсем уж его достоянием. Все, на самом деле, было в подражание кому-то, на кого быть похожим ему по тем или иным причинам невероятно хотелось. Он с поразительной быстротой бросил прежние привычки - стоять, к примеру, развалясь, с руками в карманах, нагло глядеть на собеседника (школьного учителя, завуча, директора) и время от времени поплевывать вбок с выражением лица, ясно говорившим: "Ну-ну, попробуйте наехать на меня", либо, к примеру, строить рожи, на что раньше был мастер, или, подняв в воздух какого-нибудь щупленького однокашника, предоставлять ему барахтаться и просить пощады... Вместо всего этого усвоил он тихую повадку новичка, который осторожно делает первые шаги в незнакомой игре, наблюдательность пришельца, страстно желающего быть в эту игру принятым, и даже внешние проявления любви и почтения к святым предметам перенял сразу и безоговорочно. Относиться почтительно требовалось к Сидуру, Сефер-Торе, кипе, цицис, мезузе, - словом, ко всему тому, что вплотную примыкает к Б-гу. Он видел, что почтение это, проявляемое и старшими, и сверстниками, - не внешнее. Ему ничто в этом их отношении к Б-гу не казалось фальшивым, преувеличенным. Наоборот, вести себя иначе, без оглядки на Тору, представлялось теперь грубой, недостойной человека фальшью.

Он еще никогда не разочаровывался в людях и поэтому не искал, не предполагал в своих учителях лицемерия и не собирался проверять, подчиняют ли они всецело свою жизнь тем принципам, которым обучают молодежь. Это было как-то само собой понятно, что, говоря о Б-ге, они именно имеют в виду Б-га, а не, скажем, свою зарплату или свое общественное положение. А может быть, им и не светила никакая зарплата, они только сводили концы с концами, жили на грани бедности. Общественное положение? Преподаватель Торы, в

СССР, в 1983\4 году? Ниже дворника, презренной ээка. Человек вне системы. Человек, поставивший себя и свою семью вне общественных рамок. Человек, которому суббота дороже блага Родины? Безумец.

Вот это и пленяло, вот это и было неотразимо в маршальских глазах. Нашел что-то, что обладало непреходящей ценностью и что таилось в хмуром однообразии киевских дней, как волшебный узор, составленный вполне бытовыми деталями. Откуда бралась святость в шабат? Почему как-то иначе посвистывал чайник, поставленный на металлический лист, накрывавший огонь в субботу? В каких физических параметрах передашь ощущение чистоты рук после их ритуального омовения и как выразишь тусклую глухоту нечистоты этих самых рук, пока вода из кружки еще не пролилась по ним освежающей волной?

Было что-то чудесное и в совершении прочих добрых поступков, называемых заповедями. Вопросы о том, кому делаешь добро, не существовало. Ты вплывал в сам поступок, а, когда выплывал, поступок был уже завершен и засчитан. Ощущение при этом было такое, будто кто-то внутри тебя, очень хорошо тебе знакомый, доволен тобой и улыбается. А ты всего лишь надел тфиллин, или дал цдаку, или сказал благословение до либо после еды. В чем здесь добро, при чем здесь добро? Добро, по старым его понятиям, это было что-то приторное, притворное, тимуровское - бабушку через дорогу перевести, что ли... Было непрестижно совершать добрые поступки, окружающие сочли бы это глупостью либо подхалимством. Общество скрыто внушало своим членам, что добрый человек - идиот. Ради кого старается?

А тут, в еврействе, добро имело смысл. Было слово, и был в нем смысл. Получателем эффекта доброты являлся Невидимый Б-г. Попутно доброта приносила плоды тем, кому предназначались собранные деньги или, скажем, тем, для кого ты начистил картошку и приготовил еду. Но не было в этом примитивного "ты - мне, я - тебе". Главное было в том, что Б-г получил от тебя исполненную заповедь, а вышло от этого добро и людям - прекрасно, но это - побочный эффект.

... Когда голова полна всеми этими мыслями, сравнениями, а сердце занято внутренней работой, то, естественно, и выражение глаз меняется, и весь ты становишься другим.

Но и при всем этом, внутреннем, Маршал был не так уж равнодушен и к внешнему.

Например, ему льстило, что нездешнего покроя плащ, который ему подарил знакомый американец, делал его похожим на иностранца. Он не без удовольствия замечал, что от станичника в его облике остались лишь широкие плечи и твердость мозолей на руках, привыкших работать с лопатой, вилами и прочим сельским инвентарем.

Наглый взгляд иногда использовал для дела - если на улице кто-нибудь с удивлением замечал белевшие из-под его куртки цидис, то именно таким взглядом ("Попробуй на меня наехать!") любопытный прохожий и отшивался.

Одним из ребят, повлиявших на Маршала наиболее сильно, был некто Лева Цфасман (сам он, как ни странно, потом выбыл из иешивы и религиозным не стал) - двадцатитрехлетний философ-экзистенциалист, поклонник Камю и Пруста, которых он неведомо где выкапывал и трепетно переводил на русский язык, урывая время от уроков. Был у него на тумбочке и затрепанный Джойс, и залитый бурой чайной заваркой Кафка (Маршал так никогда и не понял, почему стать большим жуком - это такая важная человеческая привилегия). Цфасман был некрасив, с впалой грудью и вислыми плечами, с очками, квадратно увеличивавшими глаза, и, вечно горбясь, смущаясь, суя палец в нос, еще подбавлял себе некрасивости своим замкнутым поведением. Изъяснялся он эгоцентрично, предоставляя окружающим догадываться, что хотел сказать и на что намекал той или иной заумной фразой.

Маршалу было жалко смотреть на его сильно искривленную спину, и он раз его дружески по ней похлопал, вспоминая бабушку и думая, что вот бы она, может, такой запущенный позвоночник как-нибудь выправила. Цфасман, сгорбленный в темном углу над книгой, пугливо отбросил его руку, наверное, думал, будут бить - а заметив маршальскую

доброжелательность, соизволил приобщить его к своим открытиям - "сядь, послушай, какой пассаж! Река времени! Абсолютность личностного восприятия! Поток сознания!" Потом долго бормотал по-французски, завораживая Маршала своим воркованьем. Он, конечно, знал, что студенту иешивы, мягко говоря, не рекомендуется почитать посторонние книжки. Нужно погружаться в сокровищницу Высшей Мудрости, а не приходить в восторг от всяких там нееврейских поэтов, философов, бродяг, остроумцев, страдальцев, умников, пьяниц и самоубийц. Тем не менее, у него была своя теория на этот счет. Он считал, что они все в каком-то смысле идут в ногу с Торой.

- Это все точно, точно как по хасидуту, - объяснял Цфасман, - все, понимаешь, один к одному. Баал-Шем-Тов ввел новое измерение, и такой же процесс пошел в литературе - спроецировался от еврейства на весь мир. В математике - теория относительности. Ощущение гибкости, взаимоподменяемости всех элементов сотворенного, текучесть зыбких истин...

22. ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

А Галин дедушка вскоре оставил мир земной... Перед кончиной он велел Гале пойти в синагогу и привести оттуда людей. Галя сделала все, как он просил, и их дом наполнился говорившими на идиш старичками, которые хлопотливо принялись что-то обсуждать с Галиными родителями. Бородатый еврей средних лет, реб Иося, вынул перочинный ножик и сделал надрез на маминой кофте... Это было знаком траура. Потом старики громко читали молитвы, потом маленький автобус вез их всех на кладбище... Обернутое в белое покрывало дедушкино тело было погружено в очищающую стихию земли. Оно скрылось под холодным черноземом.

На следующий день мама со строгим видом позвала папу и Галю для важного разговора. Она сказала, что в кухне мясная и молочная еда и посуда отныне будут разделены. В память о дедушке. Потому что на таком порядке он в свое время настаивал, но по определенным причинам (при этих словах мама с некоторым упреком посмотрела на папу) с его желанием не посчитались...

Потом мама отправилась в синагогу и заказала для упокоения и возвышения дедушкиной души "кадиш". Галя с удивлением обнаружила, что мама знает очень много еврейских обычаев, традиций, только скрывала это раньше. И в Б-га, как вдруг выяснилось, верит. Иначе зачем бы "кадиш" заказывала? Ведь это - молитва! Обращенная к Б-гу! Значит, Б-г, по маминому мнению, существует!

Подошло время, когда русские бабушки обычно красят яйца, то есть Пасха, и тут...мама решила опять сходить в синагогу, на этот раз для того, чтобы купить там мацы. Что за странный хлебец с дырочками эта маца! Вот такую, стало быть, пресную дырчатую коврижку и ели евреи, выходявшие из Египта? Так Эсфирь Соломоновна в свое время объяснила Гале и Маршалу...

Галя теперь поняла: семья их все-таки не такая уж атеистическая. На философские и теологические вопросы ни мама, ни папа, пожалуй, ответить бы не смогли, но зато сколько всяких деталей еврейского быта они, оказываются, знали! И стоило дедушке скончаться, как все их познания всплыли на поверхность. Неужели они и мацу на Песах вдруг решили есть исключительно в память о нем?

- Может, мы когда-нибудь сможем поехать в Израиль? Насовсем? - осторожно поинтересовалась Галя.

- Нельзя нам. Невыездные мы. Отец же над военным проектом работает!

- Ну и что! Эсфирь Соломоновна тоже невыездная была, а теперь все-таки выехала! И вообще, мам, я иврит учить хочу. Дедушкины книги что, некому теперь читать будет!?

Вот так парадокс: пока дедушка был жив, все его "религиозные причуды" тщательно скрывались как что-то нежелательное, опасное. А когда он ушел под холодный чернозем,

при этом взлетев куда-то в небо в виде бестелесной души, то все в семье точно перетряхнулось. Как будто его душа мистическим образом расширилась там, наверху, стала такой большой, теплой, ощутимой, и смогла заполнить своим сиянием весь дом. Вся квартира была теперь как бы полна дедушкиной душой... Особенно его комната. Там имелось множество тетрадей, исписанных буквами на идиш, старые молитвенные принадлежности, книги, фотографии каких-то раввинов, а у дверного проема - вбитый гвоздями пергамент, почти незаметный, тоже, наверное, связанный с чем-то божественным...

Приехав записаться на курсы иврита и поговорив с исполняющим обязанности раввина Иосей, Галя получила от него приглашение прийти в синагогу на субботу. В последующие недели начала открывать для себя совершенно новую перспективу: мир еврейских суббот, древних молитв, возвышающих душу песен. Обнаружила в кабинете Иоси полочку с книгами на русском языке, из которых явствовало, что Творец мира избрал евреев и велел им служить Ему особым, еврейским, образом... Когда и Эсфирь, и дедушка в свое время об этом говорили, то ей верилось и не верилось, а тут, в книгах, было черным по белому на русском языке написано: избранный народ!

Ну, раз избранные, то, значит, никак нельзя продолжать жить прежней жизнью. Надо что-то менять.

... Иося внимательно выслушал Галю и, казалось, был очень рад этому ее стремлению влиться в то, что в книгах называлось "полноценной еврейской жизнью". Только вот беда, ответил он, разводя руками, - нет пока что в Ростове такой "полноценной еврейской жизни", есть лишь попытки ее, эту жизнь, мало-помалу наладить, воссоздать. Хочешь принимать в этом участие - пожалуйста!

Исполнявший обязанности раввина Иося отличался большим организаторским талантом. Он принялся налаживать общинную жизнь сразу же, как только политическая ситуация в стране стала это позволять. Однако семидесятилетний перерыв в еврейской жизни сказывался очень сильно: никто не шел в синагогу даже и тогда, когда это уже не было сопряжено с особым риском. Просто не было у евреев, кроме двух десятков молившихся по утрам старичков, никакой потребности ни в чем духовном, традиционном. Евреев в Ростове насчитывалось тысяч двадцать, но все они предпочитали обходиться без синагоги.

Разве что на какой-нибудь традиционный праздник, память о котором сохранилась в семьях, душа у человека просыпалась, звала его к своим, за еврейский стол. Или же, когда через городскую газету синагога давала объявления об уроке иврита и английского, то тоже можно было рассчитывать на приход публики. Этими двумя путями Иося и собирал народ хоть изредка в синагогу, пытался пробудить интерес к общинной жизни. - Как бы порадовался за меня дедушка! Теперь уже и я становлюсь настоящей еврейкой! - думала Галя, сидя в офисе и стуча на электрической пишущей машинке. Сколько всяких интересных материалов ей довелось прочесть в процессе печатания! Были и статьи для стенгазеты о датах еврейского календаря, и брошюры "Свода законов еврейской жизни", и рассказы о цадиках (праведниках), и тексты песен, и рецепты праздничных блюд... Все эти публикации ей нужно было красиво оформлять и вывешивать в коридоре синагоги для всеобщего обозрения.

Мама с удовольствием возилась на кухне, радуясь тому, что дочка у нее под боком и что не надо за нее волноваться... Даже можно по нескольку раз на день спуститься из кухни на первый этаж в секретарскую и угостить ее то пирожком, то яблочком... Чего еще материнскому сердцу желать?

Каждое утро они с мамой радостно выходили из дома и садились в дребезжащий трамвайчик, который довозил их до Центрального рынка, а там мама закупала для синагоги разные овощи, рыбу. И вот, в одном из переулков, отходивших от рыночной

площади, перед их глазами вставала величественная и настрадавшаяся за семьдесят лет синагога. Внутри, в голубых стенах и высоких узорчатых потолках ее, звучало молчаливое приветствие: "Здравствуйте, Лидия Яковлевна и Галя... Всевышний, Б-г Израиля, очень рад вас здесь видеть". Так, по крайней мере, чудилось Галиному утонченному слуху.

Она улыбалась, встречая приходивших на утреннюю молитву старичков, которые прежде привыкли чувствовать себя запуганными и бедными, а теперь, похоже, стали ощущать чудесную безопасность своего молитвенного собрания...Взмахивали своими белыми талесами с кистями и усаживались молиться, держа в руках старинные коричневые книги...

Мама и Галя с помощью Иоси заносили продукты наверх, на второй этаж, и принимались за готовку. А иногда у Гали оставалось время еще и помолиться до начала рабочего дня в офисе.

Разбирая еврейские букочки и сопоставляя их с русским переводом молитвы, она испытывала огромное наслаждение узнавания. Какое счастье, что благодаря бабушке она и раньше немного знала иврит, а теперь - припоминала!

...А как же поступление в вуз, карьера, родительские планы относительно ее будущего?

Она помалкивала, не лезла в споры. Папа занимался каким-то очень увлекавшим его проектом в своем КБ. Мама ничего не сказала ему о Маршале. Тому факту, что жена и дочь его все больше связывались с синагогой, он большого значения не придавал.

Предполагалось, что это - не более, чем хобби. Вот закончит Галя свою вечернюю школу, подаст документы в престижный вуз - и тогда начнется та самая "правильная жизнь", к которой ее готовили. Она, конечно же, выйдет замуж только на последнем курсе, за человека с солидной профессией.

Мама помогала держать папу в полном неведении, втайне надеясь, что, может, все само собой у них с Маршалом рассыпется. Их любовь, конечно, достойна уважения, но кто знает? Он Гале ничего, по сути, не обещал. А помощь синагоге была для мамы своеобразной данью бабушкиной памяти. Работать где-либо официально ей просто не стоило, у нее уже была учительская пенсия по выслуге лет.

В Галином же понимании все увязывалось в один узел: Маршал, синагога, стремление следовать тайным традициям предков. Только раз она нарушила свою верность этому идеалу. Заскучав, пошла с подружкой в клуб на рок-н-ролл, и там ее немножко сбили с избранного пути. Но ненадолго.

23. ЛЕВКИН ТРАКТАТ

У Цфасмана имелся и собственный трактат - "О взгляде еврея на мир", где перечислялись особенности мировоззрения религиозного еврея. Выглядел трактат как зачаток будущей энциклопедии.

"Отличаясь от других существ по своей б-годанной сути, (читал Маршал) - еврей смотрит на мир иначе, чем все остальные, и вот ряд примеров, раскрывающих тайное и особенное его отношение к:

- Луне,
- Солнцу,
- Времени,
- Пространству,
- Деньгам,
- Женщинам,
- Питанию,
- Отдыху,
- Поездкам,
- Своему "Я",

- Экологии,
- Мировой истории,
- Мировой науке...и т. д.

Еврей в каком-то смысле - нигилист. Как Базаров. Он отрицает все, что не идет в ногу с Торой, по тому что только Тора "говорит дело". (У Базарова такой "Торой" были немцы: "Немцы, мол дело говорят, я и соглашаюсь") Давайте посмотрим, на чем же основано отрицание евреем всей мировой данности и противопоставление ей себя!

Всевышний хочет от нас, созданных Им творений, выполнения определенных задач. У нас есть возможность осознать, каковы эти задачи, и попытаться их решить. Прямого диалога с Небом удостоивается не каждый, поэтому необходимо выработать какой-то реальный, земной подход к поиску истины. Несомненно, что Б-г снабдил нас необходимой долей логики, разума, честности, тонкости восприятия, которая сделает возможным этот процесс постижения. "Б-г не предъявляет Своим творениям невыполнимых требований". Значит, приложив определенные усилия, мы достигнем цели. Когда же нам удастся понять, для чего мы живем, наступит время принятия определенных обязательств.

Всевышний говорил с людьми прямо и явно, в определенный летний день, пригласив их на встречу у подножия небольшой горы в пустыне Синай...

Синайское откровение не отрицается никем и ничем (даже теми религиями, которые в своих догматах доходят до полной противоположности еврейству).

Синайское откровение имело место в присутствии трех миллионов людей, а не одной-единственной романтической личности "пророка-мученика".

Синайское откровение дало нравственную основу всему человечеству.

Почему же мы такие забывчивые? Куда улетучилась наша историческая память? А если не память, то простая элементарная логика, разве она не обязывает воспринять всерьез слова, глобальность и б-жественность которых так или иначе послужила основой для всех прочих теорий?

Мы выросли на определенных этических моделях. Откуда эти модели? Откуда понятие о добре и зле? Откуда нравственный императив?

С Синая!

И даже восточные премудрости восходят не к кому иному, как к Аврааму, который, как известно, "услал на Восток с дарами" своих рожденных служанкою сынов... Дарами этими были идеи каббалы, но не в их чистом и святом виде, а как осколки б-жественной мудрости, похожие на разбитые стекляшки, на стенках которых сохранилось чуть-чуть от вкуса напитка, который наполнял сосуд.

Подвергая научному анализу истинность наших сведений о Б-ге, мы убеждаемся, что первоисточником является Синайское откровение.

Ни у кого нет аргументов, которые бы отрицали факт откровения на Синае.

Евреи обязаны донести до всего человечества "Б-жьё весть".

Мудрость, которой удостоились другие народы, не является б-жественно-цельной, если она не передана от Б-га к Моисею в присутствии миллионов свидетелей. Мистика других народов, несомненно, мудрость, но источник ее - "Разбитие сосудов". Еврею следует предпочесть "цельный сосуд".

(С этой фразой Маршал не сумел разобраться - ведь сам же Цфасман не предпочитал цельные сосуды, а именно копался на свалках мировой

мысли, среди ржавых банок и грязных осколков, не боясь пораниться или заразиться чем-нибудь - так что получалось противоречие. Видимо, его просто порыв вдохновения донес до этого лучезарного вывода, а, может, он раньше так действительно думал.

После всего этого предисловия Цфасман переходил к собственно перечислению примеров еврейского взгляда на:

- Солнце,

- Луну, и т.д.

Вот как (в стиле славянской вязи, старомодным каким-то языком) трактовался вопрос об отношении к женщине:

" Известно из множества романтических книг, развращающих молодые умы, что наилучшим средством избавления от невинности, которая так отягощает юношу в пору его возмужания, является вступление в связь простую и бездумную, чисто физиологичную, с какой бы то ни было подходящей для этого женщиной, и уже после этого, поняв, что к чему, наш юноша будет готов к поискам любви истинной.

Не таково разумение веры иудейской.

Понятия духовной чистоты и нечистоты столь сильны в нашем народе, что любой нормальный еврей отнесется к вышеописанной модели возмужания с самой искренней брезгливостью. Позволить себе связь только для того, чтобы побыстрее проскочить стрессовый этап своего развития? Но на этой женщине нет никакой освященности, никакого знака принадлежности ему, он не берет на себя ответственности за ее дальнейшую судьбу! И его впечатление от первого акта близости (а первое впечатление, как понятно, очень сильно в восприятии любого человека) будет несвятым, не поднимающим его на более высокий духовный уровень! Это ли не значит вредить самому себе?"

На этой строчке Маршал задержался и перечитал ее несколько раз.

Иногда Галя казалась ему слишком далекой звездой, и хотелось как-то поконкретнее реализовать свое чувственное стремление, которое, к счастью, пока что не обрушилось ни на какую из предлагавшихся ему в свое время девиц Заветного, однако теперь, в первый год учебы в иешиве, нарастало в нем с вполне закономерной силой.

И, в общем, мудрый Цфасман дал ему великолепный отвод, "отмазку" для отражения подобных атак. На общих уроках по хасидизму тоже были отсылки на эту тему, но там все носило более абстрактный характер. Цфасман же написал не в бровь, а в глаз, грубо и точно. Прагматический подход, изначально свойственный коренному станичнику, который, не слишком мучаясь угрызениями совести, пошел бы, может, прямо из иешивы на первую попавшуюся тусовку искать себе приключений, наткнулся на суровое предостережение цфасманского трактата. **ТЫ УТРАТИШЬ ЧТО-ТО ОЧЕНЬ ЦЕННОЕ, ПОДМЕНИШЬ ЕГО ГРЯЗНЫМ, СЛУЧАЙНЫМ, ЭТО БУДЕТ ПРОСТО ОБИДНО И ЖАЛЬ.**

Ладно. Проехали.

Дальше шло про луну: что она еврею лучше знакома и ближе, чем Нилу Армстронгу, прыгавшему по ней в скафандре. Что нам она нужна для освящения времени, делящегося на месяцы и дни...

Многое из общения с Цфасманом Маршал зафиксировал в своей записной книжке. Потом Цфасман исчез. Его в иешиве слишком прижали дисциплиной - и, наверное, он решил уйти и искупнуться в реке времени, которую так любил.

А Маршал все же предпочел дисциплину этому странному цфасманскому состоянию духа, этому полупадению Пизанской башни, этому вневременному блужданию в поисках утерянного рая.

Другие ребята были попроще - очень хорошие, очень честные, удивительно чистые и наивные. Он не был такой чистый и наивный, как они, и иногда даже немного завидовал этим их качествам. Была парочка мальчишей-плохишей - ворюг, скользких личностей, которые прошмыгнули через иешиву, как крыса через коридор, и ушли в неизвестность, забрав себе деньги из цдочницы. Были серенькие, непонятные парнишки - так себе, вроде и соблюдают, и учатся, - но не верилось ему в их учебу и их соблюдение. Наверное, родом из неблагополучных семей, школьный аттестат плоховат, некуда приткнуться - ну и подались в иешиву.

Реб Мордхе и его заместитель на каком-то этапе выделили Маршала из всей разношерстной группы и даже стали с ним советоваться по разным вопросам. Совещаясь с ним втроем насчет того или иного парня, пользовались известным хабадским ярлыком: "Хицон" или, противоположное - "Пними". Студент определялся как ориентированный на внешнее, мирское, на шелуху, - либо как стремящийся к самому внутреннему, серьезному восприятию изучаемого. Это было определение, полное внутренней динамики. "Хицон" означало стрелку к внешнему, к пустоте, суете. "Пними" - стрелка, ведущая вовнутрь, к самому себе, к своей б-жественной сути.

Маршал сам себя раскусить не мог, не вполне понимал, к какой категории он относится. По своим природным качествам он был "Пними". Но в этом ограниченном статусе оставаться не желал. Читал массу художественных книг параллельно с изучением книг священных. А ведь светские книги как раз подпадали под термин "Хицойниус" - внешнее, шелуха. Но ему это было нужно - именно для осознания истинности Торы. С семьями учителей Маршал знакомился в основном на шабатах и праздниках, видел, как самоотверженно исполняются в этих семьях заветы Торы, как искренне, радушно принимаются гости и как скромно замалчивается любое проявление собственного героизма. Это были чудесные, легендарные евреи, сохранившие все по-старому, как до революции, в своих скудно обставленных, темных домишках с мезузами в потертых тусклых футлярах. Когда он общался с такими необыкновенными представителями старшего поколения, то ему уже не хотелось проводить от своего сознания стрелку во внешний мир. Не было больше желания отстаивать свое право на "Хицойниус", на шелуху этого мира. Хотелось быть только "Пними".

24. ОТТЕПЕЛЬ

Сидя в синагоге на балконе, предназначенном для женщин, Галя иногда отрывалась от чтения и смотрела в нижний молитвенный зал.

Дядя Яша и дядя Миша, главные в общине старики, делили между собой обязанности кантора. У дяди Миши голос был глуховатый, и звучал он с такой потрясающей искренностью, что хотелось плакать, слушая его. А дядя Яша умел выводить замысловатые мелодии с блеском профессионального исполнителя, но за красотой его пения не было слышно чего-то большего. Галя чувствовала, что дядя Миша своим голосом соединял себя и всех молившихся со Всевышним, с иными мирами... А дядя Яша - красиво пел молитвы. Была между тем и этим существенная разница.

После молитвы старички усаживались за длинный стол, который Галя с мамой накрывали для них заранее, и подкреплялись скромным угощением. В ходе его Иося рассказывал вслух что-нибудь связанное с недельной главой Торы или ближайшим праздником. Потом старички расходились по домам, а Галина мама готовила обед для ребят-школьников, которые после полудня учились у исполняющего обязанности раввина Иоси в кружке по ивриту и традиции. Галя в это время перепечатывала разные материалы, письма за границу, объявления - все, что требовалось для текущих синагогальных дел. Кроме этих занятий, были у нее и школьные обязанности (она посещала так называемую школу рабочей молодежи, потому что там легче было получить отличный аттестат, а времени тратилось меньше), но основной центр тяжести постепенно переместился именно

на синагогу. Уже не существовало серьезной опасности оказаться в социальной изоляции или лишиться каких-то прав из-за посещения синагоги. Бородатый Иося рассказывал интересные вещи. Зимой, на Хануку, зажег в присутствии членов общины восемь свечек и рассказал о том, как греки в свое время запретили евреям соблюдать законы Торы...Как самоотверженные евреи боролись за свою веру...И как Всевышний сотворил чудо, предав многочисленных - в руки малочисленных, даровав евреям возможность расчистить Святилище, то есть Храм, и зажечь в нем светильник-семисвечник. Масло в нем горело восемь дней, хотя количества его могло хватить только на один день.

Собравшиеся в темноте синагогального зала евреи смотрели на зажженные свечи как на чудо, как на символ: духовный мрак отступал перед лицом маленьких, трепетных еврейских свечек! Вот они - семьдесят лет мрака и преследований, сгинули в небытие! Тонкий свет духовности победил толщу тьмы! Светят, светят вечные огоньки еврейства... Раввин Иося в своей речи так прямо и говорил, что еврейство - оно вечное, что ему никакие власти не помеха. И что если еврей хочет вернуться к своим корням, то никто не в силах его остановить!

Вокруг Иоси сплывались многочисленные энтузиасты, которые готовы были на общественных началах восстанавливать еврейское кладбище, производить ремонт синагоги, даже мыть и убирать молитвенный зал. Вообще, самым разным людям вдруг захотелось вкладывать силы в развитие своего, еврейского дела.

... Маршал той зимой тоже трудился. Учеба учебой, а когда потребовалась рабочая сила для восстановления могил еврейских праведников на Украине, то он и еще один парень вызвались добровольцами объездить святые места и доложить начальству иешивы о положении каждого отдельного памятника. Разруха военных лет, борьба с религией, а в некоторых местах антисемитизм тамошних жителей были причиной тому, что могилы праведников пребывали в очень заброшенном состоянии. Их нужно было расчищать, устанавливать новые плиты, ограду. Несколько парней, в том числе и его, послали на эту операцию.

Маршалу, с одной стороны, жалко было отрываться от учебы, но ведь и учишься-то для чего, если не для совершения всяких полезных и достойных дел?

Потом, когда он прибыл обратно в иешиву, ему сказали, что будут отбирать самых лучших ребят для поездки к Ребе. Намекнули, что его, скорее всего, возьмут. Тогда, понимая, что перелет через океан выбьет его из привычной колеи, он вдруг забеспокоился - а что же будет с Галей? И решил наскоро сочинить для нее что-нибудь в меру нежное и в то же время по делу. Вот что у него получилось.

"Здравствуй, далекая Галя. Твои глубокие темные глаза по-прежнему со мной.

Перечитываю эти две строчки и поражаюсь их несурзости: почему обязательно надо сказать "глубокие глаза"? Зачем называть тебя далекой? И чем темные глаза лучше светлых? Я, знаешь, начитанный стал. А ты помнишь меня еще совсем дураком, который распугивал гусей на улице тарактением своего мотоцикла и носился по полю с самопалом...

Прошло два с лишним года, которым и подводит итог это письмо. Я завершил некую траекторию своего полета и теперь, когда желаемый результат достигнут, снова напоминаю тебе о себе.

"В огороде бузина, а в Киеве дядька"... Мой замечательный дядя устроил было меня в младшие товароведы, но все эти банки с конфитюром, солеными огурцами, океанским тунцом и прочим добром, от которого ломаются полки центрального универмага, быстро мне надоели. Товаро-ведение. Знание товара. Можно исчислять материальные товары, а можно - духовные. Я предпочел "духовное товаро-ведение". Инвентаризацию духовных ценностей. Знать, постигать - я умею и хочу, было бы что. Был бы товар!

Еще до того, как найти иешиву, я перечитал здесь в городской библиотеке массу всяких книг. Больше всего мне понравился "Мартин Иден". Может быть, я тоже буду писателем, как он. Он в университетах не учился, все знания приобрел самостоятельно. Самоучка. И как блестяще он сумел овладеть ими в краткий срок! Но почему же в конце концов Иден покончил с собой? Не увидел в жизни никакой достойной цели? И автор книги, Джек Лондон, оказывается, в реальности поступил точно так же. (И Хемингуэй тоже. Я его книги очень люблю за честность и простоту.) Разве не странно, что такие выдающиеся писатели зашли в тупик и утратили всякое желание жить на свете?

Тот же Джек Лондон, хотя я и не знаю, кто он по национальности, но, мне кажется, что, если бы он набрел на мудрецов Торы, евреев, то они бы ему открыли смысл жизни и ему не пришлось бы так страдать. И он бы остался в живых и написал бы еще много прекрасных книг. Я в этом просто уверен.

По приезду сюда я сразу оценил то, что Киев по сравнению с нашей станицей - красота. Не все люди здесь, конечно, отличаются высокой культурой, но в общем и целом они гораздо грамотнее донских станичников.

Был я несколько раз в театре. Меня потянуло искать именно еврейские спектакли - "Тевье-молочник", например. И от этого моя тоска по еврейству еще усилилась. Сторож синагоги на Оболони познакомил меня с реб Мордхе, человеком выдающимся. Он-то и содержит ту самую подпольную иешиву, о которой нам с тобой рассказала Эсфирь Соломоновна. "Подпольная" - это звучит слишком громко. Как будто это какая-то мощная организация, которой есть что скрывать от властей.

А речь шла всего лишь о частной квартире, в которой преподавали Тору и также ежедневно варили кошерный обед для десяти парней, в этой же самой квартире и обитавших. Еда скудная, это я как товаровед сразу заметил. При случае я стал приносить им что-нибудь из универсама - сахару, муки. Вся эта группа учеников держалась, как я вскоре понял, на небольших долларовых суммах, поступавших из-за границы. Оттуда же получали и книги, и предметы религиозного обихода... Реб Мордхе, директор иешивы, в первый же день поговорил со мной наедине, посмотрел документы, расспросил о биографии, происхождении, и решил оставить меня в иешиве на испытательный срок. Объяснил мне вкратце расписание, правила поведения и так далее. И началась двойная жизнь: ночевки у дяди, работа в ЦУМе, и - много часов, проведенных за учебой в иешиве, которая, как оказалось, представляет собой богатейший и особый мир, который и сравнить нельзя ни с чем, что существует во внешнем, обычном мире..."

"Дорогая Галя. Давай я опишу тебе распорядок дня в иешиве: с утра окунаемся в бассейн с дождевой водой (миква), учим теологию (про то, как Б-г творил миры, какие у Него есть атрибуты и тому подобное, очень интересное учение), потом молимся по книгам (сидурам), накрутив на руку и на голову ремешки с такими специальными черными коробочками (этот ритуал выражает идею подчинения сердца мозгу, то есть чувств - разуму)...После молитвы едим все вместе скромную трапезу - к примеру, хлеб с майонезом и огурцами..."

Потом принимаемся за учебу. Система еврейских законов, Гемара, Мишна, Пятикнижие Моисея с комментариями, всякое такое. Что характерно - в еврействе, как я понял уже на первом этапе, нет мелочей. Могут на какой-нибудь самой вроде бы незначительной детали законодательства или на тонкости в изречении того или иного мудреца древности строить такие умозаключения, что просто диву даешься. Математическая точность определений и логических построений. По ходу учебы можешь задавать любые вопросы, преподаватели ни в чем тебя не сковывают, дают тебе возможность мыслить самостоятельно. Глубоко копают, проверяют все варианты логических ходов. Эта форма дискуссии ("Пилпуль") очень привлекательна для любого мыслящего человека. Мне поначалу было неважно,

какой именно предмет мы с ребятами обсуждали (я ведь ничего вообще не знал). Но сам процесс обучения - захватывал. В него вовлекались не только силы разума, а и чувства тоже. Физически я чувствовал радость постижения, она наполняла само тело. Даже жалко было отрываться от учебы, когда приходило время обеда...

Перед полуденной молитвой у нас всегда есть немного свободного времени. Ребята сами себе стирают, штопают. У всех головы покрыты шапками или кепками, это так надо по закону. Чтобы подчеркнуть, что над человеческим разумом всегда незримо присутствует что-то Высшее. А когда едят, то в начале трапезы благословляют Б-га за создание пищи. И в конце тоже. Так что и еда - часть духовной работы. Помнишь, нам Эсфирь Соломоновна что-то такое пыталась в свое время объяснить...

(Когда я приходил из иешивы к дяде домой и видел, как едят украинцы, то очень остро ощущал разницу! Хотя они и хорошие люди, но...)

После вечерней молитвы есть у нас один урок, самый замечательный. По книге "Тания". Это фундаментальная книга любавических хасидов. Их организация называется "Движением Хабада". Хабад означает - силы интеллекта. "Тания" - "учение". Речь в этой книге ведется о взаимоотношениях человека и Б-га. Как пробуждать в себе любовь к Нему, как уметь не забывать о том, что Он постоянно наполняет Собой все сотворенные миры.

На этом уроке я просто "улетаю" и перестаю чувствовать себя существующим..."

"Дорогая Галя. Я пишу вроде бы тебе, а на самом деле беседую со своей собственной душой. Мою душу зовут Галей, так уж получилось... Так слушай же, душа моя.

Когда я работал я в Центральном Киевском универмаге, вел учет, ревизии, принимал-отпускал продукцию, то про себя думал: для чего люди мельтешат здесь, в этом огромном стеклянном здании с десятком отделов, тремя этажами, привлекательными витринами и эскалатором? Все что-то покупают, заворачивают покупки в красивую бумагу и с гордым и довольным видом забирают с собой. Но ведь жизнь земная прекращается на каком-то этапе, и все накопленное материальное богатство будет больше уже не нужно. Б-г не спросит людей на том свете: "Сколько магнитофонов ты купил? А вот вы, гражданочка, сколько демисезонных плащей вы успели приобрести, живя на земле?"

Нет, Б-га это вовсе не будет интересовать. Он, скорее всего, спросит человека об успехах в работе над чертами характера, о целеустремленности и поисках правды... Это и будет засчитываться как серьезное достижение.

Как Гете сказал: " Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой..." Кстати, слово Б-г положено писать именно так, как я это делаю, то есть через пропуск, чтобы не трепать зря это имя в его полном написании, уместном разве что в тексте молитвы.

"Дорогая Галя... Как ты, наверное, сама понимаешь, мне вскоре пришлось бросить работу в универмаге. Она не слишком гармонично сочеталась с моей учебой в иешиве. Дядя не знал ничего о моем еврействе. Он не понял, что за странности стали происходить в моей жизни: молитвы ранним утром, какие-то непонятные бородатые друзья еврейской национальности (он принял их поначалу за попов), полное отсутствие интереса к материальным благам... Я решил объяснить ему свое поведение следующим образом: - Дядь Саш. Слушайте. Вы, конечно, заваруху в Афганистане помните. Сколько наших ребят там полегло в том году. Сейчас тоже из армии возвращаются кто сумасшедшим, кто импотентом, а кто вообще в цинковой коробке. Знаете, мне как-то не хочется быть призванным в армию в такое время. Я лучше поучусь в духовной семинарии... Там мне помогут справку какую-нибудь состряпать, как всем прочим студентам, и получить освобождение от армии. А вам - спасибо огромное за заботу обо мне, за хлеб-за соль. Только не выйдет из меня товароведа. Душа у меня к этому не лежит... Я, знаете, в семинарии на полном обеспечении буду..."

- В какой семинарии? - не совсем понял дядя Саша, - в Киевской лавре, что ль?
- Нет, дядь Саш. В другой.
- А работать товароведом, значит, не будешь?
- Нет, дядь Саш. Нервы у меня слабые. Я как услышу "сало" - сразу в обморок падаю...
Это уже был перегиб - дядя Саша пристально на меня посмотрел, хмыкнул и сказал:
- Ну и навешал ты мне лапши. Первокласной, как с киевского краснознаменного хлебокомбината...

Испытательный срок закончился - и непутевый Борька Береговой стал полноправным студентом "семинарии" - то есть иешивы...С тех пор я и ночевал там, а не у дяди."

"Дорогая Галя. Первого мая у нас был знаменательный день. Реб Мордхе пригласил меня и других ребят на прогулку. (А по киевским площадям, само собой, разгуливал народ, неся транспаранты с бессмысленными лозунгами - "Миру-мир!", "Мир, труд, май", запуская в небо воздушные шары и выкрикивая: "Да здравствует коммунистическая партия!")

Мы пошли в Ботанический сад. Купы сирени цвели повсюду. Мне вспомнилась та весна, когда я вдруг все бросил и дернул в Киев...

Что изменилось в твоей жизни за эти два года? Наверное, ты сейчас готовишься к поступлению в вуз. Рассказывает ли тебе бабушка хоть про какие-нибудь еврейские праздники? Например, весенние: Пурим, Пейсах... Как бы мне хотелось, чтобы вся твоя семья узнала об этом вашем "фамильном" достоянии, о заповедях вообще...В настоящей, полноценной еврейской жизни есть столько свободы!

Реб Мордхе водил нас по Ботаническому саду и рассказывал нам о сотворении мира, о каббалистическом учении, о приходе Мошиаха...Кто такой Мошиах? Для чего сотворен весь мир?.. Почему мы, евреи, никогда не можем себе позволить "быть в толпе" и принимать участие в суетной жизни окружающих нас народов? Подожди, вот я приеду - и ты еще услышишь от меня все подробности той чудесной беседы!"

"Дорогая Галя... Можешь меня поздравить, приехавшие из Америки специалисты сделали мне (и нескольким другим парням) обрезание... Не знаю, какие ассоциации у тебя это слово вызывает, во всяком случае на иврите оно звучит гораздо лучше - Брит-Мила. Чрезвычайно зверская процедура. Я имею в виду сильный страх, испытываемый в ходе ее, и весьма ощутимую боль после прекращения действия анестезии. А вообще и целом - вещь преодолимая. И, без сомнения, стоящая..."

"Дорогая Галя... Меня и еще двух парней решили отправить поучиться в Америку, на пару месяцев. За успехи в учебе, а также за то, что зимой мы объездили почти всю Украину и восстановили могилы великих еврейских цадиков: Баал-Шем-Това в Меджибоже, Магида в Аниполе, Старого Ребе в Гадяче, Среднего Ребе в Нежине и других. Это была очень ответственная и увлекательная работа. Мы не только расчистили и обновили эти святые места, но и построили нечто вроде домика над каждой могилой, так чтобы можно было закрыть на ключ. А ключ передали в каждом местечке верному человеку и договорились с ним, чтобы он осуществлял наблюдение за могилой праведника: сопровождал иностранные группы, желающие ее посетить, следил за чистотой и так далее."

"Дорогая Галя. Я надеюсь, что через пару дней смогу отправить тебе все эти письма вместе с мацой и мезузами. Ведь мы вылетаем в Нью-Йорк, так что если я не пошлю тебе свой дневник сейчас, то потом, из Америки, выслать его будет труднее..."

"Я так сильно верю в то, что ты меня любишь и ждешь. Прости, что не ответил на три твоих письма. И при этом еще имел наглость все это время ожидать от тебя новых писем. Они были такие ласковые, эти твои послания, они так воодушевляли меня. Но ты пойми, почему я молчал. И вообще пойми мои чувства."

В моей родной станице нравы, как ты знаешь, простые. Мы с товарищем, бывало, поджидали девчонок на лестнице в школе, и, когда одна такая "цаца" проходила, то я, например, ее толкал к товарищу, а он - подхватывал. Или наоборот, он толкал ко мне. Весь интерес заключался в том, что девчонки в смущении вырывались и визжали. И вот однажды, первого сентября, на лестничной площадке появилась ты. Как водится, дружок толкнул тебя ко мне - а мне, соответственно, полагалось тебя подхватить. Что я и сделал. Но ты не заверещала, как прочие, и не стала притворно вырываться из моих рук. А глаза у тебя были такие чистые, что мне стало стыдно. И я сам тебя отпустил. После чего выяснилось, что ты дочка завуча.

С самого первого сентября, с той изначальной встречи с тобой, я как-то внешне заскучал, изменился - перестал участвовать в выходках и затеях своих друзей, потому что твои глаза стояли перед моим мысленным взором и заставляли мою душу расширяться от восторга... И это расширение души выбило меня из моей прежней компании, и я остался один.

... Я как бы вырос благодаря тебе из среды сверстников, поднялся выше них, но в этом поднятии было незнакомое мне прежде одиночество. "Лучше быть хвостом львов, чем главою шакалов", гласит еврейская поговорка. Я осознал, что главою, Маршалом всех этих ребят быть больше не собираюсь. Но кем же мне тогда быть? И чего ожидать от взаимоотношений с тобой?

Вдруг, в тот день, когда выпал первый снег, до меня дошло, что у тебя тоже есть какие-то чувства ко мне. Иначе зачем бы ты так доверчиво положила голову мне на плечо? В голове у меня в тот момент шумело, глаза сами собой закрывались - и я был вынужден прервать это блаженное состояние несколько невежливым способом.

Потом все переменялось: твое чувство было сразу и безошибочно определено тобою как любовь, мое же в недоумении топталось на месте, не умея себя никак ни проявить, ни распознать...это была какая-то безысходная любовная тоска, которой нравилось быть именно безысходной. Я предпочитал быть влюбленным не в тебя реальную, а в тебя "далекую и недостижимую"...или даже любить не тебя, а вообще, беспредметно...слегка страдать, томиться этим мечтательным состоянием, тычась в туман предположений, как теленок в материно вымя...

К счастью, Эсфирь вовремя вписалась в эту историю, повернув ее в вовсе неожиданное русло. Начались разговоры про духовность, про историю мира, про Б-га. Я жадно впитывал отрывочные сведения, и мой мозг с облегчением переключился с мысли о тебе на мысли, вызванные рассказами Эсфири. Тогда ты как бы отошла на второй план, и я был этому откровенно рад. Я начал было отходить от любовной тоски.

В жизни открылся новый интерес, новое стремление: еврейство.

Я думал, что мне предстоит пройти путь графа Потоцкого, принять еврейскую веру и посвятить ей всю свою жизнь. Настолько эти идеи были захватывающими...

Когда мать поделилась со мной отрывочными воспоминаниями детства, подробностями скитаний их семьи по чужим углам, переживаниями бегства и болезней и смертей близких, когда прозвучали имена - Мирра, Александр-Сендер Гонтмахер, местечко Мукачево под Ужгородом, когда с ее губ сорвалось слово на идиш - "антлойфн", "убегать" - я зарыдал от чего-то непонятного, то ли горя, то ли счастья, уткнул свое лицо в ее домашнее байковое платье, которому уже, наверное, лет семнадцать, потому что я сколько себя помню, столько помню и эту мамину одежду... И рыдал я, как маленький мальчик, и представлял себя убегающим от немцев и от украинских предателей, точно заяц от овчарок, и повторял это душное смятенное слово - "антлойфн", как будто вживаясь в мамину память, чтобы не ей одной нести груз пережитых страхов и как будто там, в воображаемом прошлом, я еще мог что-то изменить, защитить кого-то, отомстить мукачевским полицаям за мучение и унижение евреев...

А раз моя мать еврейка, то я должен быть с евреями. Нарочно, назло всем, кто с этим может не согласиться!

... Несмотря на мой грубый отказ, ты пришла провожать меня на вокзал, и я почувствовал, что ты - очень надежная, своя, что ты - не подведешь. С этим ощущением я и пробыл сутки в поезде, лежа на верхней полке и глядя в окно на заснеженные равнины. А писать тебе у меня просто не выходило. Первое письмо я кое-как вымучил, в сухом телеграфном стиле, а дальше решил - будь что будет, замкнусь временно в себе, а она поймет - хорошо, не поймет - что я могу поделаться. Погрузился в киевскую жизнь. Сначала универмаг, дядькины друзья. Потом - иешива. Дальше ты уже знаешь. А для меня дороже тебя никого нет. И я на тебе обязательно женюсь. Сейчас уже эта мысль меня не пугает, не смешит и не смущает... Еврейский парень должен жениться до двадцати лет, так предписывает книга законов "Шулхан Арух". Моей маме ты очень быстро сумела понравиться, это не удивительно. Пожалуйста, поддерживай с ней контакт. С ужасом думаю о первом разговоре с твоим отцом, который все-таки когда-то должен состояться.

В Киевской синагоге есть свадебный балдахин - хупа - но он старенький и с дырками от моли. Я не знаю, каково состояние ростовской общины, есть ли там хоть какой-нибудь раввин и возможно ли там устройство еврейской свадьбы? Подумай об этом, разузнай. И, если тебе нравится то, как шьет твоя бывшая одноклассница Марина Охременкова, можешь даже заказать у нее свадебное платье. Хотя я все-таки предпочел бы привезти тебе что-нибудь красивое из Америки. "

"Когда я вернусь в Союз, то первым делом позвоню тебе домой и скажу, каким поездом приеду в Ростов. Придешь встречать? Имей в виду, что я не смогу ни обнять, ни поцеловать тебя при встрече. Таковы правила кошерного еврейского поведения. Зато после свадьбы... Молчи, мое сердце. "

25. Папа "приобщается"

Каждому, кто видел Галю порхающей по лестницам и помещениям синагоги, было ясно, что она - счастливая невеста. Старички прозвали ее - "а шэйнэ мэйделе", так же, как в свое время называл ее покойный дедушка.

Целых семьдесят лет эти евреи приходили на молитву в пустое, холодное здание синагоги, и никто не заботился об их "фарбайсн", никто не одобрял их улыбкой и ласковым словом. Наоборот, власти только и ждали, пока последние религиозные старики поскорее вымрут, чтоб заколотить синагогу или переделать ее под склад...

А теперь-то! Вот чудеса - и выпить, и закусить после молитвы можно, и стенгазету синагогальную почитать, и внука на урок Торы привести...

Понятно, что дедушки очень радовались этим переменам и ценили заботу, которой окружали их работники синагоги - в том числе Лидия Яковлевна и Галя.

У старичков, особенно у дяди Яши и дяди Миши, только и разговоров было, что о Галином женихе-хабаднике ("а Любавичер"), который убыл на учебу в Америку... и который через несколько месяцев должен приехать, и тогда в ростовской синагоге будет устроена свадьба ("а хассэнэ"), какой еще не видел свет. Так, не удержавшись, разболтала им счастливая Галя. А остальное они уже сами придумали: что, мол, этот самый жених, Борух, - конечно же, останется жить в Ростове и будет вместе с Иосей руководить местной общиной.

Все это дядя Миша обсуждал с Галей, пока она накрывала в честь субботы столы в нижнем молитвенном зале. Он же по секрету рассказал ей, что невестам перед свадьбой положено окунаться в "мыкву" и что в Ростове есть одна такая старая, чудом

сохранившаяся с начала века "мыква", принадлежавшая в свое время Пятому Любавическому Ребе, который проживал неподалеку от синагоги.

Мама, присоединившаяся к их разговору, оказывается, про "мыкву" тоже знала. Она сказала, что, если там почистят кафель и сменят воду, то она готова будет также окунуться. Правда, она уже не молодая невеста, ее свадьба с папой имела место много лет назад, но - лучше поздно, чем никогда!

Галю идея окунания очень удивила и даже оскорбила. Что, ей придется лезть в какое-то болотце? А без этого никак нельзя?

Пока они беседовали с дядей Мишей, настал час зажигания субботних свечей. Б-г распротер шатер субботы надо всем подопечным Ему миром, продвигая ее наступление в соответствии с часовыми поясами Земли.

В этот шабос в синагоге появился Галин папа, Самуил Исаакович.

Папа был человеком умным и интеллигентным. Его скептический взор окинул стены синагоги, потолок с зажженными люстрами и столик с субботними и поминальными свечами в углу зала. Глаза его продолжали оставаться холодными, складка губ - иронической. Он взял из рук дяди Миши предложенный ему молитвенник, но так и не стал по нему молиться. Простоял всю молитву возле дверей, шепчась с одним из русских работников синагоги, расспрашивая о том, во сколько обошелся ремонт здания и откуда предприимчивый Иося достал на это деньги. Забывшись, отец выронил из рук молитвенник, и он упал. Русский рабочий поднял книгу и поцеловал. Самуил Исаакович с удивлением на это посмотрел.

- А чего вы не идете в зал, молиться? - сказал рабочий, - ваши же все молятся. Мне-то можно домой ехать, это я сам задержался. Я тут частенько задерживаюсь, за молитвой наблюдаю. На душе хорошо становится. Что ни говори, святое дело - суббота. Недаром на Руси субботники-то водились.

Папа поднял тонкую, как у артиста Олега Даля, бровь в знак удивления. Вся эта мистика его совершенно не прельщала.

А старички во главе с Иосей завершили молитву и стали рассаживаться за субботним столом.

- Иди же, Самуил! - энергично подтолкнула папу спустившаяся с женского балкона мама, - тебе надо приобщаться!

Папа пожал плечами и пошел "приобщаться", то есть двинулся к наиболее молодому из всех - Иосе. Иося принял его с радостью, оказал ему прямо-таки почет, усадив рядом с собой за столом и без малейшего выражения недовольства беседуя с ним поначалу о вещах, которые папу интересовали - о стоимости ремонта, например.

А потом папа стал и другие вопросы задавать. И так, слово за слово, дошла беседа и до темы сотворения мира. Папа отстаивал точку зрения науки, а Иося - религии. Но если принять во внимание, что Иося знал и науку, и религию, а папа - только науку, то понятно, что спор шел не на равных. Папа вскоре признал, что, если кто-то из них двоих и оперирует лишь догмами, то это, скорее, он сам, а не его собеседник, человек живой, остроумный а, главное, практичный и знающий жизнь. Иося - зубной врач! У него - пятнадцатилетний срок практики в городе Ростове! Что может быть престижнее с точки зрения житейской, бытовой? Это не какой-то идеалист, фантазер, для которого религия - "опиум" и "уход от действительности"...

- Как я вам завидую, - сказал в заключение Иося, - у вас жена - еврейка. А вот моя жена, к сожалению, нет. И, соответственно, дети - тоже. Вы не представляете себе, какой это душевный конфликт!

Папа расправил плечи, с гордостью посмотрел вокруг. Да, что ни говори, а у него и жена, и дочь - чистокровные еврейки. А умный Иося находил все новые и новые поводы похвалить его, прямо или косвенно, найти в нем какие-то достоинства... Не потому, что он

хотел папу, как говорят в Ростове, "охмурить". А потому, что, в его понимании, первая встреча с еврейскими традициями, например, субботой, должна у человека связаться с каким-то приятным ощущением - скажем, вкусной едой, душевно-комфортным общением. Вот Иося и постарался изо всех сил, чтобы папу идеи Б-га и Торы не оттолкнули, а привлекли. Еда на столе была действительно вкусная, а разговоры - в меру дискуссионные, с большой долей такта и терпения...

- Этот Иося, - рассказывал папа по дороге домой, обращаясь к маме и Гале, - человек, без сомнения, интересный. Не мракобес и не фанатик. Надо отметить, что он оперирует вполне объективными данными и в его объяснениях б-жественной природы мира есть много логики. И все-таки - кто знает? Может быть, за этим энтузиазмом скрываются все-таки личные интересы? Может, он открыл счет в Швейцарском банке и перечисляет туда деньги, которые жертвуют на синагогу?

- Надо людям верить, - укоризненно сказала мама.

А Галя подумала: вот приедет Маршал из Америки, познакомится с ее отцом, и папа с ним тоже начнет спорить...

В чем причина папиной холодности к еврейству? Ведь он же чистокровный еврей!

...Гале это было не так уж ясно. У Толстого она нашла замечательную фразу, которая, пожалуй, могла быть применима к ее отцу:

"Его не занимал вопрос о том, как произошел мир, именно потому, что вопрос о том, как лучше жить в нем, всегда стоял перед ним."

-... Пап, я, наверное, скоро выйду замуж, - сообщила Галя отцу, сначала порадовав его сообщением о том, что хорошо сдала в тот день свой первый приемный экзамен в педагогический вуз. - Я знаю, пап, что ты скажешь. Вы с мамой все за меня запланировали и решили, точно как в мультике: Двое из ларца - помнишь? Вы за меня все выбрали - жизненные ценности, профессию, модель замужества. И счастливыми вы тоже будете вместо меня? Помнишь, как эти двое из ларца перекидываются всякими лакомствами, а мальчик только рот открывает, и все пролетает мимо него. И двое из ларца очень довольны, кормят друг друга пролетающими над его головой конфетами, печеньями, вареньем...

- А чего же тебе хочется? - удивился отец, - разве чего-то другого? Не поступать никуда и выходить замуж за кого попало? Ну-ка, расскажи. Может, я отстал от жизни, чего-то не понимаю.

Он практиковал спортивную ходьбу на тренажере и, сбившись, принялся восстанавливать дыхание. Галя смотрела на счетчик.

- Лихо наматываешь, - похвалила она, - уже, наверное, всю Ростовскую область мог бы обегать.

Он напряженно улыбнулся, продолжая бег на месте.

- Так вот, - сказала Галя, - у меня есть жених. Я тебе дам почитать его письма ко мне.

26. У РЕБЕ

Вместе с группой других парней - лучших учащихся киевской, московской и самаркандской иешив - Маршал прибыл в аэропорт Кеннеди после 11-тичасового полета, во время которого не уставал дивиться на мощь и красоту современного огромного "Боинга", на облачную высоту, иногда пронзаемую лучами солнца, на великолепное обслуживание пассажиров, на все яркое, новое, заграничное, чего и во сне никогда не видывал.

В аэропорту ему бросилось в глаза наличие негритянских чиновников, удивило его то, что чернокожих людей здесь чуть ли не больше, чем белокожих.

Утренний Нью-Йорк покатился за окнами автобуса, заказанного заранее для группы прилетевших из Союза парней. Но ребята особо по сторонам не смотрели: подумаешь, Америка! Им было важно сосредоточиться на святых текстах хасидизма, закончить свои

приготовления к встрече с величайшим человеком поколения, еврейским королем, рабби Менахемом-Менделом Шнеерсоном. В таком духе их воспитали в иешиве: хасид едет к Ребе - это дело святое, особое, требующее серьезной подготовки и духовного очищения. Потому что Ребе своим взглядом проникает в самую суть души человека и видит его насквозь. Значит, надо предстать перед этим рентгеновским лучом максимально чистым, возвышенным, чтобы, как говорил писатель Островский, "не было мучительно и стыдно за бесцельно прожитые годы".

Названия улиц, прилегавших к резиденции Ребе, были прямо королевские: Краун, Кингстон, Прэзидэнт... Интересно, их так называли уже после того, как здесь поселился еврейский лидер? Или изначально они именно так и назывались? Когда автобус остановился на Истерн Парк-уэй, то вожатый сказал парням первым делом идти окунаться в микву. Багаж оставили в автобусе, взяли с собой только полотенца и смену белья и проследовали к помещению миквы. Потом вернулись к автобусу за книгами и молитвенными принадлежностями. Чистые физически и духовно, радостные, они вошли во Дворец, называемый Севен-Севенти - мировой центр Хабада.

А там было людей - видимо-невидимо. И все - в черных сюртуках, шляпах, так что черно делалось в глазах от такого количества. Увидеть столько евреев вместе Маршал никак не ожидал. Все вокруг готовилось к молитве, атмосфера святости наполняла огромный зал. Самого Ребе сначала не было видно, а ровно в десять часов утра он вошел в зал в сопровождении секретарей, и толпа рассеклась надвое, чтобы дать ему проход. От лица Ребе, от седой бороды и даже, казалось, от контуров шляпы - исходило сияние доброты, а походка его была одновременно и деловая, и торжественная. Он проследовал к возвышению в правом углу синагоги, поднялся по ступенькам и занял свое место возле штендера, где стоял обитый красным стул на ковровом покрытии пола.

А людское море взволнованно сомкнулось, и молитва началась.

Маршал чувствовал себя как бы в лучах теплоты и любви, исходящих от Самого Всевышнего. Здесь, этом зале, Б-г был проявлен. А в прочих местах Он обычно сокрыт, и Его проявление зависит от поведения людей.

После молитвы Маршал пошел вместе с товарищами в столовую, а потом руководство местной иешивы занялось размещением всей группы приезжих по комнатам общежития. В общежитии особого комфорта не было, двухъярусные кровати и встроенные шкафы кое-как позволяли экономить место в комнатках.

Местные американские студенты иешивы ухитрились выглядеть принцами - все, как на подбор, в выглаженных костюмах, чистых белых рубашках, вычищенных, точно новеньких, черных шляпах с особым, "хабадским", загибом полей. А приезжие "русские" ребята смотрелись разношерстной толпой: у кого замусоленная кепка в клеточку, у кого картуз, брюки с лоснящимися потертостями, мятые рубашки в мелких цветочках, да еще с воротничками, края которых загнуты после стирки куда придется... Да и лица самые разные: тут тебе и веснушчатый рыжий Беня, и краснолицый Шимон, и худющий горбоносый Фишел, у каждого своя судьбина, у того - папа русский, у другого - вообще документы в детдоме пропали, а этот - чистый еврей, но на лицо - абсолютный украинец! Маршал присматривался, наблюдал, делал свои первые выводы...

Белые жители Краунхайтса - почти все - выглядят интеллигентными евреями, ум светится в глазах, обращение культурное, одеты элегантно, знают несколько языков, в повседневной жизни запросто пользуются всякой техникой - факсами, принтерами, компьютерами... Цивилизация! Что еще более поразило Маршала, так это - торжественность проведения семейных встреч суббот и праздников, роскошь салонов, масса приглашенных гостей, величина особняков с зеркальными гостиными, утонченность поведения хозяев, сравнительно хорошие манеры красиво одетых детей. Таких людей и такого стиля жизни не увидишь ни в Заветном, ни в Киеве.

Маршал пытался понять, в каких душевных качествах или просто привычках таилась причина этого превосходства.

А общение со старыми хабадниками, выходцами из России, у которых и фамилии были соответствующие: Плоткин, Шмоткин, Морозов, - давало другое направление его мыслям. Эти старые хасиды уже после нескольких стопок водки обретали кристальную ясность постижения и, что называется, "говорили хсидес" - то есть разясняли теологические идеи с таким глубоким чувством, что заслушаешься. Материальная сторона мира их мало интересовала. Они были готовы за Ребе, за Хабад жизнь отдать. Они уносились вслед за Ребе в те сияющие вершины философии хасидизма, где все строилось на тончайших оттенках тех или иных категорий, разница между которыми становилась уловимой разумом только тогда, когда удавалось сбросить с себя "одежды" этого мира - обыденные мысли и речи...

... Еда в столовой, как показалось гостям, была великолепной: тут тебе и кошерная колбаса, и куры, и индюшки, и рыба какая хочешь, и хлеб, который уже с фабрик поступает красиво нарезанным и расфасованным в целлофановой обертке... Все последующие дни "советские" ребята привыкали к этим роскошным трапезам.

Сосед Маршала по комнате, парень из Новосибирска, повел себя нагло, занял все тумбочки своими вещами, но Маршал не стал с ним разбираться. Он был под таким впечатлением от встречи с Ребе, что ему казалось слишком мелочным обращать внимание на житейские неудобства.

...Выяснилось, что Ребе свободно говорит по-русски. Потому что, приветствуя приезжих парней, он обратился к ним на правильном, хотя и с непривычной акцентировкой, русском языке, расспросил каждого о биографии, дал благословения на успехи в учебе и личных делах. Маршал не растерялся и упомянул также имя своей невесты, попросил благословения на...на что - он и сам не знал. Но Ребе опередил его и закончил фразу: - Чтобы построили дом во Израиле на фундаменте Торы и заповедей, в свете хасидизма, в добрый и счастливый час.

Реб Мордхе сделал ради Маршала несколько визитов по благотворительным организациям и добыл чеков на пятьсот долларов. Уверил его, что это ни от кого лично, убедил, что такие суммы выдаются здесь всем молодым парам, собирающимся пожениться. Повел его с этими чеками в близлежащий магазин золотых и серебряных принадлежностей и велел выбирать подсвечники. "Я не разбираюсь в серебре... - ответил Маршал, нервничая от такой ответственности, - и в подсвечниках тоже!" С помощью продавщицы он все же остановил свой выбор на двух славных, небольших, сверкающих башенках, на оплату которых ушла почти треть имевшейся суммы, а на остальные деньги следовало, по словам реб Мордхе, прикупить побольше предметов религиозного обихода - ведь в Союзе их не достанешь.

Только тут Маршал полностью осознал, что совершает очень серьезный шаг. Он женится на Гале, совсем уже скоро. В ее согласии он не сомневался. Но все же... Ему показалось, что груз принимаемого решения физической тяжестью ложится на плечи. Он тратит деньги, самые настоящие американские доллары, на всякие вещи, нужные для его будущей семьи! Он даже вспотел при этой мысли. От волнения мозга заработали быстрее - Маршал проявил практичность и пошел не только исполнять указания реб Мордхе, а и раз узнавать, где приобретаются предметы бытовой техники по дешевке. Нашел такую лавочку, взяв с собой для верности друга-технаря. Делал все покупки как во сне. "Джаст ду ит!" - гласил магазинный лозунг. Этот лозунг внес успокоение в его мятущуюся душу.

27. Букет для тещи

Пребывание ребят в любавической иешиве Бруклина удалось усилиями дирекции продлить еще на пару месяцев, но и они кончились довольно быстро.

Прилетев из Нью-Йорка в аэропорт Шереметьево, Маршал с большим трудом пробился к междугородным телефонным автоматам и дозвонился до Ростова.

Его поезд должен был отходить через несколько часов с Казанского вокзала. Он сообщил Галиной маме, которая подняла трубку, номер поезда и предполагаемое время прибытия в Ростов, после чего с облегчением пошел получать свой багаж, выдаваемый в одном из залов аэропорта. Облегчение было двойное: во-первых, оттого, что дозвонился, во-вторых, что не нарвался на Галиного отца, встречи с которым по понятным причинам побаивался. А голос Галиной мамы звучал вполне доброжелательно.

На таможне Маршала заставили предъявить все вещи, распаковать чемодан, долго копались в "предметах религиозного культа", чуть было не отобрали предназначенные для невесты серебрянные подсвечники. Косились на радиоаппаратуру (которую он вез, конечно же, для перепродажи). Таможенникам не удалось к нему придраться, так как у него на все были документы о законном приобретении, а количество вещей было относительно невелико.

У аэропорта он взял такси и поехал на Казанский вокзал. Таксист содрал с него деньги, как с интуриста... Но Маршал так боялся пропустить поезд, что не стал торговаться. Билета, естественно, у него не было - да и зачем? Следовало лишь найти покладистого проводника, сунуть деньги и - в крайнем случае - устроиться на третьей полке.

Состав тронулся. Блики фонарного света поехали по сетке, столику, вещам пассажиров. Вагон был плацкартный и не слишком забитый людьми. Тем не менее, когда он отправился к проводнице за постельным бельем, ему было предложено другое место.

- Спи у меня, золотой, - обрадовалась проводница, почему-то

изъявляя по отношению к нему непритворную ласковость, готовность приглубить, точно он был какой-нибудь горемычный солдатик.

"С высокой крыши - в глубокую яму". Прямо из Севен-Севенти, резиденции святого Ребе - и вдруг угодить в полутемный коридорчик раскачивающегося вагона, к такой откровенно неразборчивой проводнице.

Он не отреагировал ни взглядом, ни словом - и даже не обратился с вторичной просьбой выдать постельное белье. Так и проспал на голом матрасе. Но зато во сне увидел Галю, в утреннем свете, лучившемся вокруг забранных наверх волос, играющую на пианино что-то хрустально-переливчатое. Прелестная линия ее плеч, шеи, профиля. Отыграла - и подняла на него глаза.

Утром пошел в тамбур молиться шахарис. Окурки на полу. На стенке - запасной кран и огнетушитель. Наглядное пособие по использованию последнего. Поля, прыгающие за стеклом. Мокрые, родные поля.

"Срафим, офаним и хайот а-кодеш" - ангелы, поющие Б-гу песнь, возглашающие хвалу с шумом великим. Поезд несется, пол и стенки тамбура участвуют в дерганьи и громоуханьи всего вагона, а ангелы, возглашающие хвалу, облепили огнетушитель и взирают круглыми очами. Да нет, это не ангелы. Это мужики прут мимо - в вагон-ресторан. Проходите, ребята, не глазейте. Что, тфиллин никогда не видели?

Галя помчалась на вокзал, будто все еще была восьмиклассницей, которая бежала вприпрыжку, радуясь тому, что покаталась с Маршалом на лошадях... В ушах у нее звучали строки его письма:

- Имей в виду, что я не смогу ни обнять, ни поцеловать тебя при встрече. Таковы правила кошерного еврейского поведения. Зато после свадьбы... Молчи, мое сердце...

"Как я буду его называть? Маршал, Боря или Борух? Будут ли его родители на вокзале? Приедет он один или с каким-нибудь другом? Как он вообще выглядит? И неужели с тех пор, как мы расстались, прошло целых два с половиной года?"

Маршал уже задолго до прибытия в Ростов сложил все свои вещи и нетерпеливо высматривал через окно вагона, какая сейчас станция и скоро ли Батайск. В Батайске он выбежал на перрон и успел купить букет цветов - высоких и горделивых, о родстве коих с гладиолусами не имел ни малейшего понятия. Потом вспомнил, что, строго говоря, по

еврейскому закону не полагается ничего дарить девушке до помолвки. А помолвки у них с Галей еще не было. Что же делать? Каким образом вручить ей букет?

Перроны ростовского вокзала вскоре обступили поезд. Маршал стоял в тамбуре и выжидал, пока поезд остановится. Наконец этот миг настал. Пассажиры стали высаживаться, и он тоже вышел из вагона.

На перроне толпились люди, и Маршал решил немного выждать, постоять на одном месте.

Он положил букет поверх чемодана и закурил. Делать этого натошак не следовало. Стенки желудка обиженно завибрировали.

Увидев на перроне Галю (прибавилась еще вибрация сердечной мышцы), он бросил сигарету, схватил чемодан и цветы и быстро подошел к ней.

- Здравствуйте, девушка! - воскликнул он, чувствуя, что встреча получается совершенно идиотской: ни тебе восторженных объятий, ни горячих поцелуев. Только "здравствуйте" - и цветы, которые вообще непонятно как следует дарить.

- Это букет для твоей мамы, - сказал он, будучи находчивым парнем, - для моей будущей тещи!

Галя приняла букет молча. Вытянувшийся ростом, утративший мальчишескую гладкость и смазливость наглого лица, неблизкий, в общем, молодой человек, к которому теперь надо будет заново привыкать -

- не знал, что делать со своими руками, которые могли бы так запросто сгрести Галю в охапку и понести ее по перрону прямо с цветами...однако проблема все-таки могла быть решена, и вот как: одной рукой он взял чемодан, а другой описал в воздухе некую дугу, при этом говоря:

- Пройдем же в здание вокзала!

Поднялись на железнодорожный мост, не замечая ничего вокруг себя...

О, Тихий Дон. О, Тихий Иордан.

Еврейский дух зачем мне Б-гом дан.

28. Снопы и звезды

"...В снах библейского Иосифа присутствуют снопы и звезды по числу колен Израиля. И сам он - в их числе, одновременно будучи НАД их числом и самим их существованием. Так и Ребе. Он - в числе всех евреев, но он и надо всеми.

... Снопы выражают идею "собираения". Каждый еврей - собиратель снопов. Под снопами понимаются те искры святости, те элементы Б-жественного, которые были использованы евреем в процессе его жизни и тем самым подняты к своему Высшему Источнику.

Разбросал Б-г евреев по свету, чтоб притянули к себе как магнитом и возвысили затерянные среди несвятого искорки Б-жественного света. Выбирание искр - такова работа каждого отдельного еврея. В чем, в ком эти искры? В людях с хорошими, чистыми душами, которые способны понять, прочувствовать, приобщиться к идее Б-га. Есть искры и в животном, и в растительном. Даже в неживой материи. И это все должно быть задействовано евреем в его служении Б-гу.

...А когда эта еврейская работа увенчивается успехом и все искры уже притянуты и высвобождены из плена - тогда пришло время увязывать их в сноп. А потом снопы, собранные всеми евреями в течение всей их жизни, приходят и кланяются главному снопу - Ребе, лидеру поколения. Иосиф-праведник и был таким лидером для всех людей своего поколения. Вот и в наше время задача Ребе - увязать все снопы в один и передать Б-гу, ибо Единому подобает Единое. "

Такую речь сказал приезжий Борух старикам, членам ростовской религиозной общины, сидевшим за свадебным столом. Кто-то из стариков, слушая ее, припомнил выступления Пятого Любавического Ребе, жившего в Ростове в начале двадцатых годов, и ученые собрания хасидов, и сказал вслух про жениха: "А хсидише юнгерман"... Остальные с трудом понимали то, о чем Борух говорил. "Это хсидес, это устная Тора, это тайное учение", - пояснял им исполнявший обязанности раввина Иося. "Давайте еще по стопочке... Лехайм, лехайм", - весело отзывалось большинство пировавших, не удосуживаясь вдуматься в речь жениха. Кто-то даже закричал: "Горько!" - как на русских свадьбах. А родители Гали недоумевали: неужто это и вся свадьба? Неужто не надо заказывать банкетный зал, тратиться на ужин с музыкантами? Удивительные молодые люди! Как будто тайком женятся.

Ни на что второстепенное не тратят силы, время, деньги. Только на главное. На то, что им представляется главным, а именно - чтобы все было "кошерно". По Торе. Так Маршал сумел объяснить родителям своей молодой жены.

...Она была в своем белом платье тоненькая и милая, его невеста. Ночное небо многократно ответило "Амен" на свадебные благословения, произнесенные канторами дядей Мишей и дядей Яшей, вместе с горсткой других собравшихся перед синагогой евреев.

Новобрачных ждала в ту ночь комната в гостинице у речного вокзала. Тихий Дон, он же Иордан, плескался себе вдоль набережной, по которой они гуляли.

Они постояли обнявшись у причала, у безмолвной воды. На Галины плечи был накинут черный пиджак Маршала. Дань романтической традиции.

- Снопы и звезды...снопы и звезды... - прошептала она, посмотрев на воду, - правда ведь, они чем-то похожи: смотри, когда звезды отражаются в воде, то они растекаются и распадаются на целый ворох света. Снопы света.

- Ты, похоже, единственная, кто прислушался к моей мудреной речи, - усмехнулся он, глядя ее по волосам, - душенька моя родная...

- Так мы, значит, теперь - посланники? Собиратели снопов? А к Ребе мы поедим?

- Обязательно, - серьезно ответил он, глядя на проплывавший теплоход, полный музыки и огня.

В банкетном зале гостиницы, куда они за полночь вернулись с набережной, шло обычное для этого бойкого места веселье. Богачи, воры, прочие лихие люди и их спутницы выплясывали танго, рок-н-ролл. Между столиками по-хозяйски, вовсе не услужливо, вышагивали официантки. Свет и музыка были притягательны. Чтобы получить ключ от комнаты, жених и невеста немного задержались в пустынном вестибюле, где, по контрасту, свет не горел, кроме маленького ночника на столе дремавшего вахтера.

- Надо же, - сказала Галя, глядя в распахнутую дверь и на отражавшие ее зеркала, - насколько мы другие, не такие, как вся эта веселая публика. Как будто все наше существование происходит из совсем другого источника. У нас - особая задача в мире... Снопы и звезды.

Снопы - это хорошо, но...

- Расскажи-ка, как ты тут проводила без меня время, - подумав, сказал Маршал, усаживаясь на протертый диван, - и как прошел стрессовый этап твоего развития. Я что-то слышал про танцевальный кружок, вечернюю школу для рабочей молодежи и скромную секретарскую должность в синагоге.

- Ах, лучше поцелуй меня, - нетерпеливо ответила она, падая головой на его плечо, - сам же пропал, уехал, а сам говоришь - как время проводила.

Маршал принял упрек в непоследовательности, но и не подумал снять свой вопрос с повестки дня.

- Миленьякая, - взяв руками ее хрупкие запястья, строго проговорил он, - я тебя, кажется, о чем-то спрашивал.

... Оказалось, что было. Уже кое-что было. Директор Дворца культуры Ростсельмаш. Принял ученицей машинистки. Как-то не так на нее смотрел. Уволилась. Отдел кадров того же Ростсельмаша, работа в качестве машинистки. Приставали. Писем из Киева не было. Мирра Александровна только раз звонила. Галю звали в кружок рок-н-ролла. Это, знаешь, где кик-степ. Между киком и степом лапал. Тренер долговязый. После каждой тренировки - арбузы для всей компании. Нет, ты не подумай, ничего серьезного не было... Хватит с меня, сказал Маршал укрощенным голосом. Я идиот.

Они вошли в душную, стоявшую весь день запертой гостиничную комнату, распахнули настежь окно, и Галя поставила в найденную тут же на подоконнике банку из-под молока розы, которые он подарил ей на свадьбу. Сверчки стрекотали в кустах боярышника под окном. Степь на другом берегу реки молча дышала. Занавеска на окне едва заметно колыхалась.

Маршал слегка (слегонца, говоря по-ростовски) притянул к себе это нежное, непонятное своей отдельностью от него существо, именуемое Галей, и, чтобы от отдельности как можно более плавно перейти к слитности, дал ей и себе потихоньку привыкнуть к объятиям, к стесненному дыханию, к темноте в глазах и темноте в номере, к вневременному наполнению этих (вот бы Цфасман объяснил феномен!) минут. Время побежало назад.

Ему показалось, что все это происходит в сумрачном музыкальном классе, и непонятно было, почему Галя не в школьной форме, а в неподатливой белой блестящей чешуе узкого платья. А снег, который залепили ей за воротник! Где же этот растаявший снег? Он искал, но снега нигде не было.

Под утро ему не спалось от счастья. Смотрел в светлеющее окно и думал, что никогда раньше за всю жизнь не был целым человеком, каким стал сейчас. Помнится, по химии в восьмом классе проходили, что у разных веществ бывает разная валентность, то есть способность присоединять к себе молекулы другого вещества. Вот это взаимопроникновение, полное присоединение здесь и произошло... Да, он стал целым человеком, это была замечательная новость, и он готов был прокричать ее на весь мир.

В городской квартире, где они стали жить вместе с ее родителями, бывшая дедушкина комната стала теперь их спальней. В ней были розовые обои, и когда наступало утро, солнце разгоралось на них живо, ярко, так что сразу хотелось вставать. Слышалось громыханье посуды в соседской кухне, детские голоса в садике под самым окном. Отец, завтракая перед уходом на работу, включал репродуктор, который начинал бормотать что-то про сбор урожая, рост валовой продукции.

Мама провожала его на работу, и тогда вставали молодые супруги.

Отец Маршала подарил новобрачным свою машину, так что теперь Гале с мамой не надо было, как прежде, садиться по утрам в дребезжащий трамвайчик. Маршал умел водить машину - сдал на права еще в Киеве.

Его отношения с собственным отцом, как ни странно, не испортились.

"Говорят, дочь - отрезанный ломоть, - шутил, бывало, отец, - а тут ты у меня - точно отрезанный ломоть. Не пожалеешь ли? Будет тебе, что ль, хорошо там, с евреями?"

На свадьбу в синагогу отец прийти категорически отказался, бросив:

- У евреев свой кагал, я там ни к чему. Мать пусть идет за нас обоих!

Но он отнюдь не мрачнел от такого поворота событий в жизни Маршала. Гордился поездкой сына в Америку, впервые в жизни держал в руках долларовые бумажки, дивился привезенному Маршалом набору инструментов для починки сельской техники.

Чтоб пропасти между ними не возникало, Маршал поставил себе за правило каждую неделю бывать у отца - хоть бы и без особой надобности. Вместе повозиться, как прежде, с каким-нибудь барахлящим трактором или комбайном, вместе перекусить ужином, старательно приготовленным матерью по законам кашрута. Отец груб, не очень симпатичен, не очень умен. Но это отец. Отцов не выбирают и не перевоспитывают. Им воздают должное.

29. Иосины уговоры

У Галиной мамы был специальный кошелек с синагогальными деньгами, вручаемыми ей Иосей еженедельно для покупки продуктов, и по пути в синагогу они с Маршалом заезжали на рынок и покупали все, из чего можно было приготовить еду кошерным образом. В багажник "Москвича" погружались овощи, фрукты, крупная рыба вроде сазана, пакеты с мукой и сахаром.

В синагоге Маршал успевал перед молитвой помочь на кухне в самых трудоемких процессах - если случалось, что не было воды на втором этаже, то приносил снизу воду, наполнял большие кастрюли и ставил их на газ, разделывал рыбу, чтобы Галиной маме приходилось тратить на это меньше сил. В десять утра шел молиться вместе со стариками, и, если у них возникали вопросы по поводу того, какие изменения или вставки требовались в тот день в тексте молитв или какой фрагмент из Торы надо было прочитывать, то он по просьбе Иоси давал необходимые разъяснения.

Иося давно уже замыслил вместе с семьей уехать из Ростова в США, в славный город Сан-Диего, да только как бросишь синагогу, любимое детище? Вот почему для него появление в синагоге грамотного молодого помощника было как нельзя более кстати. Ссылаясь на свою бесталанность, он все чаще намекал, что Маршалу подобало бы взять в свои руки бразды управления общиной. Намеки становились каждый раз более явными. Один раз он "взял быка за рога" - повел молодого помощника сразу же после молитвы, не снимая с себя талеса, в свой кабинет для конфиденциального разговора. Проходя через секретарскую, как бы впервые представил ему свою секретаршу - Галю, с улыбкой порекомендовал ее как ценного и толкового работника. Потом открыл дверь своего офиса и жестом пригласил их обоих, -Маршала и Галю, зайти внутрь.

Офис был отделан светлым деревом, снабжен кондиционером, уставлен шкафами и сейфами. В середине его стоял большой полированный стол, на одной из стен висел портрет Ребе. На окнах красовались бежевые занавески, месяц назад сшитые портнихой Мариной Охременковой по спецзаказу синагоги.

- Друзья мои, - сказал Иося, - я хочу поговорить с вами откровенно. Вы видите, что кое-что мне удалось в синагоге улучшить, кое-какие ремонтные работы произвести...Б-г не забыл Своими милостями наш город, и община потихоньку начинает просыпаться от семидесятилетней спячки.

... Но, - продолжал Иося, - между нами говоря, какой из меня раввин? Или даже исполняющий обязанности раввина? Я - человек неученый, всю жизнь работал зубным техником, и только участие в московском подпольном семинаре по иудаизму в какой-то мере заполнило дыры моего еврейского воспитания. Моя удачная хозяйственная деятельность была таковой потому, что хорошо ладил с обкомом и горсоветом, а это объясняется двумя причинами. Во-первых, я все местное начальство знаю - зубы им лечил в специальной обкомовской клинике, где мне посчастливилось в свое время работать. Ну, и жена моя - крупная фигура в сфере снабжения, заведующая продовольственной базой. Она у меня, как всем известно, славная русская женщина... Вот так и сумели мы синагогу на ноги поставить.

Маршал молчал, проявляя такт. Галя и подавно помалкивала, впервые слыша такие откровения от обычно замкнутого в себе начальника.

Иося развел руками:

- Так что видите, мне раввином быть не пристало, и я сам не желаю продолжать эту двусмысленную ситуацию. На самом деле, я всегда считал себя завхозом синагоги. А в качестве такового не являюсь незаменимым. И вполне могу позволить себе уйти в отставку в связи с предстоящим отбытием моей семьи в Соединенные Штаты. А ты, Борух, пока что возглавишь общину.

Галя посмотрела на мужа с нескрываемым восторгом и ликованием. Однако Маршал этого восторга отнюдь не разделял. Он поправил талес на плечах и сказал:

- Кто я такой, чтобы возглавить общину? Это во-первых. У меня нет ни вашего ума и способностей, ни житейского опыта, ни знания людей. Во-вторых, разве на такую должность не назначают официальным образом московские руководители общин?

Поговорите с Центром, пусть пришлют из Москвы раввина. Или из Израиля.

Иося не ожидал наткнуться на сопротивление. Он с недовольством забарабанил пальцами по столу. Маршала это не смутило, и он продолжал излагать свои доводы неторопливо и вдумчиво:

- Это же очень ответственная должность, реб Иося. Хотя на практике она действительно больше выглядит как работа завхоза, но все же она этой своей стороной не исчерпывается. Как вы это и сами заметили. И моих знаний и моего жизненного опыта для такой должности явно недостаточно. Я способен быть преподавателем Торы для детей, для молодежи. Могу быть помощником и переводчиком раввина, если потребуется. Но настоящего раввина вы обязательно должны добыть, иначе как вы можете уехать в Америку и бросить здесь все?

- Я думал, что ты, хотя бы временно, согласишься меня заменить.

- Я не раввин, Иося. Это же смешно такое подумать! - сказал Маршал почему-то с одесским акцентом. - Старики не будут меня слушать.

- А мне кажется, будут.

- Видите, Иося, в данный момент даже вы, считающий меня таким грамотным, не слушаетесь моего совета, - сказал Маршал, - я вам высказал свою точку зрения, а вы ее оспариваете.

- Но у меня нет другого выхода! В Москве тянут с решением этого вопроса, а мой билет на Америку уже куплен. Значит, тебе придется оставаться здесь за главного.

Маршал пожал плечами, показывая, что его нелегко привести в замешательство и вынудить на поспешные, непродуманные решения.

- Нет, Иося, нет. Положение вовсе не такое уж безвыходное... Вы можете поручить руководство общины дяде Мише, председателю религиозной "двадцатки". Или поставить Центр в известность о том, что уезжаете, и предоставить им самим решать этот вопрос. В любом случае я не хочу иметь ничего общего с финансовыми и деловыми обязательствами синагоги, со всеми текущими делами, счетами, со всей этой "головной болью", потому что я просто-напросто не гожусь на эту роль. Вы со всем этим до сих пор справлялись, вам и надлежит подыскать человека или даже двоих, которые смогли бы вас сменить на этом посту.

Иося промолчал. Маршал добавил более уступчиво:

- Пусть пришлют официального раввина, и я готов быть его помощником.

Иося заговорил со всей убедительностью:

- Ты не представляешь себе... Ты просто не понимаешь - что значит "вызвать из Израиля настоящего раввина"! Купить билеты, оформить визы, переселить целую семью в непривычные условия, в недружелюбное по отношению к евреям окружение, обеспечить эту семью охраной, едой, транспортом, выплачивать зарплату в долларах... Мне уже год обещают, что пришлют такую семью, но это же нереально!

Маршал развел руками.

- Значит, в Ростове не будет раввина. Будет только председатель общины - дядя Миша, и какой-нибудь опытный счетовод-бухгалтер, который примет от вас дела. А я смогу вести уроки и давать консультации по кое-каким вопросам, связанным с Торой.

Галя вышла из кабинета, чтобы принести руководящим работникам по чашке чаю. А когда вернулась, то увидела графин с водкой, всегда стоявший на столе, наполовину опустошенным. Иося обмывал водкой и скупыми слезами свой грядущий отлет, Маршал ему сочувствовал и хлопал по плечу. Иосино лицо с выделявшимися на нем круглыми бровями, выпуклыми глазами и темноватыми тяжелыми складками подглазья было обрамлено черной окладистой бородой и выглядело купеческим, житейски-мудрым и усталым. Лицо Маршала выражало живость, динамику и упрямство.

- Борух, будь человеком, возьми мою должность, - просил Иося, пьянея для видимости и для большего расположения собеседника.

- Нет, не возьму, - отвечал Маршал, не пьянея вовсе, - на вашу должность надо человека умного, как Карл Маркс и Фридрих Энгельс, вместе взятые...

Сидели они и препирались, как члены партиячки, как Давыдов с Нагульновым - герои "Поднятой целины".

Из московской синагоги позвонил "сам" товарищ Шайкевич, позвал к телефону Маршала и сказал ему проникновенным тоном, постепенно подводя разговор к актуальной теме:

- Сколько тебе лет? Двадцать? Сможешь выполнить важное, ответственное задание?

- Говорите, что надо - там посмотрим, - сказал Маршал, не подкупаясь таинственностью обращения.

- Нам твой учитель, реб Мордхе, очень тебя рекомендовал как умного и дисциплинированного человека.

- Ну?..

- Вот мы и решили тут, в Москве, что на то время, пока некому руководить ростовской общиной, попросим тебя проконтролировать ситуацию.

Маршал выдержал паузу.

- О каком периоде времени идет речь? - спросил он отстраненно, точно его мало это интересовало.

- Полгода, год.

- Это большая разница - полгода или год.

- Год.

- Или полтора?

- Или полтора.

- Ясно, - усмехнулся он, - до самого Мошиаха, значит.

- Мошиах - это само собой.

Маршал, видя, что разговор сбивается на шутки, заговорил сурово:

- Послушайте, с чего вы взяли, что я вообще способен быть исполняющим обязанности раввина? Разве мне под силу такое? Ведь потом сами же будете мне названивать и ругать

- мол, дров наломал, того-сего натворил... Зачем мне этот "кадохес ун кренк"? А если вам временный завхоз нужен - так и скажите! Я никогда завхозом не был и быть не собираюсь. Пусть сдадут все ведомости, счета, кассу честному бухгалтеру, а я готов взять на себя Иосины уроки и проведение молитв и шабатов.

- Так чего ты боишься? Ответственности за материальные дела или за духовные?

- Я ничего не боюсь! Но я считаю, что нельзя поручать Иосину работу человеку вроде меня, молодому, неопытному, без связей, без авторитета в глазах стариков... Это неразумно!

Шайкевич молчал.

- Я завтра прилечу в Ростов, - сказал он после молчания, - там, на месте, разберемся.

...Галя помогала маме на кухне, резала дыни к вечернему молодежному собранию в честь дня рождения предыдущего Любавического ребе. Маршал зашел в кухню взволнованный своей беседой с Шайкевичем.

- Ну, как дыньки? Хорошие - или надурил нас армянин? - спросил он, притворяясь беззаботным. Дыни они купили в Нахичевани, армянском районе Ростова.

- Попробуй, вроде бы хорошие. - Галя положила ему на тарелку ломтик, - а зачем тебя к телефону звали?

- А, московское начальство, башку крутит. Честное слово, если они меня так будут донимать, я отсюда сбегу.

- Тебе так сильно не хочется быть раввином?

- Да не раввином, а козлом отпущения! Пойми, ведь кто знает Иосины дела? Кто проверял его отчетность? Кому и какие деньги синагога должна? На кого в общине можно положиться? Какие связи у Иоси есть в том же горкоме, каким образом он добился разрешения на достройку? Откуда поступают средства? Почему ему самому вдруг надо так поспешно уехать?

- Вот и мой папа, - вздохнула Галя, - тоже такой подозрительный! Он думает, что не исключено, что Иося общинные деньги на какой-то счет в Швейцарском банке перечислил...

- Я этого не говорю, - остановил ее Маршал, - у меня нет никаких оснований кого-либо в чем-либо подозревать! Я просто не собираюсь быть Иванушкой-дурачком.

- И чем же закончился этот телефонный разговор с Москвой? - поинтересовалась мама.

- Тем, что человек из Центра приедет завтра, чтобы вместе со мной и с Иосей разобраться.

- Ну, так в его присутствии и задай все свои вопросы, и выясни, какова ситуация на самом деле, - посоветовала мама.

Маршал согласился с ней, но не окончательно. Ему казалось, что он один будет слаб против двоих. Он чувствовал, что ему необходимо посоветоваться со своим наставником, реб Мордхе. Пойти на почту и отбить ему телеграмму в Киев? Или позвонить ему домой? Дорого междугородний звонок делать, но придется, пожалуй.

Реб Мордхе выслушал своего ученика и сказал так:

- Дело это, несомненно, важное, и я сам тоже приеду, чтобы присутствовать при передаче документации. Я не хочу, чтобы тебя потом в чем-либо обвинили. Ты совершенно прав в своих опасениях. Не раз и не два местные руководители общин "делали деньги" на синагоге и сбегали за границу. Недавно в Житомире была такая история... Иося - прекрасный человек, но опыт показывает, что всех надо проверять.

- А если с отчетностью все в порядке, то вы полагаете, что я могу взять на себя обязанности раввина?

- Да, Борух. Без сомнения. Если в городе нет никого более грамотного, чем ты, то это тебя обязывает.

- А канцелярские дела? У меня к ним нет ни малейшего таланта! А Иося сам был и за бухгалтера, и за завхоза...

- Надо потребовать, чтобы выделили ставку для завхоза. Тебе не надо возиться с мелкими делами, ты - выше этого. Ты - посланник Любавического ребе в Ростове-на-Дону.

- Только до тех пор, пока не пришлют из-за границы настоящего раввина! Не более того! Реб Мордхе счел нужным дать ученику некоторое разъяснение.

- Пойми одну вещь, Борух. Знаешь русскую поговорку - "За одного битого двух небитых дают"? Так вот: за одного своего, советского, здешнего, "битого" российской жизнью человека дают двух и более иностранных, пусть даже самых грамотных. Иностранец он и есть иностранец. Во-первых, содержать такие приезжие семьи очень хлопотно. Запросы у них западные, жизненные стандарты высокие. Не в каждом месте умеют принять такую семью, не всегда она приживается в России. Такие попытки уже делались, и результаты не очень блестящи. Поэтому ваша молодая семья, ты и Галя, скорее всего, и останетесь самым надежным штабом Хабада в Ростове. Приезжий раввин появится и, быть может, улетит обратно в теплые края. А вы приобретете опыт работы с людьми, научитесь и с деньгами обращаться, и с местными властями контактировать, и поднимите всю еврейскую жизнь на должный уровень. Это для Ростова будет хорошо.

- Но что такое - должный уровень? - не понял Маршал, - и что такое - "недолжный"?

- Это уже не по телефону, Борух. Приеду - обсудим.

... Следующие дни проходили в долгих заседаниях - сначала "тройки", потом "четверки", а затем и всей синагогальной "двадцатки".

Отчетность была проверена, насчет своих связей с горкомом Иося вторично пояснил, что просто лечил горкомовцам зубы в особой партийной клинике, вот они его и уважали, все документы и наличность, как выяснилось, были в порядке. И зарплаты работникам он выплачивал честно, и сметы оформлял правильно. У стариков были к нему претензии, но несерьезные, - так просто, по-стариковски позлословить хотели. В общем, вышел Иося из всей истории чистым, как голубь.

А Маршал, пересказывая дома жене все события и факты, заключил свой рассказ следующим поучением:

- Знаешь, жил-был однажды рабби по имени Элазар бен Азарья. И обратились к нему самые видные мужи Израиля и попросили, чтобы он стал главой Синедриона. Сказал он своей жене - так, мол, и так, хотят назначить меня на должность главного раввина. А жена ответила: зачем тебе искать бед на свою голову, ты ведь молодой, тебе всего семнадцать лет, эти ученые мужи будут тобой пренебрегать! И в ту ночь совершил Б-г чудо, и стали волосы рабби Элазара седыми, белыми, как снег...

- Действительно, - сказала Галя, - я вот то же самое говорю: зачем тебе нужна эта головоломная должность. Старики ведь, чтоб они были здоровы, - такие сварливые и требовательные, на них не угодишь! И к тому же мне так нравятся твои черные волосы и я вовсе не согласна, чтобы они поседели за одну ночь!

30. МАРИНА

Иося уехал, а Маршал по-прежнему держал себя в синагоге тише воды, ниже травы. Выполнял все работы, какие только требовались для обычного функционирования общины, не получая за это ни копейки. Старики сами вели бухгалтерский учет, распоряжались деньгами, а в молодом помощнике видели Иосинога заместителя по духовной части. Он же, со своей стороны, не стремился ни к какой власти - ни к финансовой, ни к должностной. И меньше всего собирался быть раввином. Однако как себя ни называй, а забрасывать культурно-просветительную работу в общине, конечно, было нельзя, и он считал своей обязанностью проведение уроков и субботних молитв и трапез на должном уровне, так как Иося перед отъездом все же сумел с ним об этом договориться.

Потом из Москвы стала поступать для него зарплата, как для "исполняющего обязанности раввина". Это его обрадовало гораздо более, чем он мог предполагать. Официальность зарплаты придала, как ни странно, уверенности. Тогда он начал принимать посетителей в бывшем Иосином кабинете, давать консультации по самым разным вопросам. Если сам чего-то недопонимал, то звонил в Киев к своему наставнику, реб Мордхе.

Так уж оно повелось, что, коли скоро на двери написано "Кабинет раввина", то, стало быть, кто в нем сидит, тот и есть раввин. А уж если он еще и раздаст мацу, ведет запись на кадиш, ходит с бородой, в шляпе, принимает иногородние и иностранные делегации - то тем более! И для местных старичков этого оказалось достаточно - в их глазах Маршал стал раввином.

Но, помимо внешней пригодности, Маршал действительно подходил для своей должности - просто потому, что искренне верил в истинность иудаизма, в незыблемость законов Торы, в еврейскую систему ценностей.

Подхватив Иосину эстафету, Маршал возобновил уроки для посещавшей синагогу молодежи, и Галя иногда с интересом в них участвовала. Странно ей было поначалу

видеть его бородатым лектором, но факт оставался фактом, он излагал материал как настоящий лектор, а к бороде она привыкла уже раньше..

В хасидизме было множество терминов, которые являлись, по сути, кодами: вроде слово - одно, но такое емкое, что растолковать его смысл можно лишь немалым количеством объяснений и примеров. Скажем, концепция "нисайона" - "испытания". То, как через тяжелое переживание, когда, казалось бы, почва уходит у тебя из-под ног, в итоге приходишь к чудесному ощущению того, что Б-г становится тебе близким, как никогда ранее. Или понятие "иткашрут", он же "искашрус" - принцип связи с Ребе и подчинения всей твоей жизни одной великой задаче, поставленной перед тобой тем лидером поколения, чье руководство ты принимаешь безоговорочно. Почему и как принимаешь? Это - уникальный процесс. Если ты по природе аналитик, то на тебя воздействуют ученые труды Ребе, их глубина и блеск. Если ты впечатлительная и пылкая натура, то ты ощутишь тепло взгляда Ребе, поддашься обаянию множества историй, которые рассказывают о нем. Если ты прагматик, то погонишься первоначально за выгодой, которую можно извлечь из безошибочных советов и директив Ребе, а затем уже поймешь, что его величие неизмеримо превосходит способность давать мудрые советы... Говоря о Ребе хвалебные вещи, люди абсолютно не ощущают, что они вообще кого-то хвалят. Потому что этого "кого-то" нет. Есть лишь Б-жественный свет, облекшийся в человеческий облик. То есть получается, что хвалят и превозносят Самого же Б-га и Его проявления, Его милость, Его раскрытие посредством чудес, творимых праведником. Праведник - проводник. Проводник света.

Во многих историях о Ребе всплывает одна и та же деталь. Характерна она и для рассказов о Баал-Шем-Тове. Это - элемент недоверия человека к сверхъестественным возможностям праведника поколения и навязчивое убеждение, что Ребе, очевидно, ошибся в своем ответе ему, то ли по незнанию, то ли из-за своей огромной занятости, то ли по рассеянности, вызванной его состоянием здоровья и преклонным возрастом. И вот человек, задавший вопрос и получивший "неверный" ответ, пребывает в убеждении, что Ребе ошибся. Затем проходит время, и внезапно наступает именно то, о чем Ребе "ошибочно" или "по рассеянности", вроде бы нехстати, упомянул в своем ответе. И слова его сбываются все до единого. Ну, как может свидетель подобной истории не принять это близко к сердцу? Разве что намеренно запретит себе верить в случившееся! Обо всем этом говорил не только Маршал. В Ростов на могилу Пятого Ребе Хабада часто приезжали евреи со всего мира. Каждый такой визит можно было превратить в крупное событие, устроить фарбрэнген, попросить гостя выступить перед собравшимися - с переводчиком или без такового. Маршал таких случаев не упускал. И поэтому евреи Ростова получали представление и о Ребе, и о широкомасштабной деятельности его посланников в самых разных уголках земного шара, что называется, из первых рук.

... Мать Маршала также иногда приезжала в город и захаживала в синагогу, участвовала даже в занятиях женского хора, разучивавшего песни на иврите и идише. Каждый раз привозила с собой то фрукты, то овощи, то соленья из станицы. Обе мамы, Гали и Маршала, иной раз садились изучать вместе азы иврита. А философия им пока что в голову не лезла, как ни пытался Маршал объяснять им "Танию".

Вот такое было "собрание снопов".

Марина Охременкова приехала в город проведать Галю и увидела ее сидящей за машинкой в синагогальном офисе, а Маршала - ведущим урок в зале.

- Ой, занавески-то мои в самый раз, - отметила она, поглядев на окно в офисе. - Может, вам еще чего-нибудь сшить понадобится? Только скажи!

- Может, и понадобится, - согласилась Галя. Она принесла бывшей однокласснице соку - попить с дороги, посидела с ней в сторонке, побеседовала.
- Ну, и как у вас жизнь? - спросила Марина.
- Нормально.
- Не скучно?
- Да нет, ты что. Все кипит. Вон, смотри одних только детских кружков штук пять работает...А еще и библиотека, и школа воскресная, и клуб знакомств...
- А с мужем как? Ладишь?
- Попробуй не полады, он же мой начальник - еще уволит, того гляди! - отшутилась Галя.
- А что тут у вас за книги? Интересные? А телевизор вы смотрите? А вот я слышала, что евреикам брюки нельзя носить - это почему? - засыпала ее вопросами Марина.

Галя пожала плечами.

- Если хочешь, я тебе дам почитать одну из этих интересных книг, и ты поймешь, почему мы не смотрим телевизор и носим определенную одежду.
- А как у вас с любовью? - осмелилась спросить Марина, - секс у вас разрешен?
- В разумных дозах, - улыбнулась Галя.
- Это то есть как?
- Это так, чтоб не слишком надоело.
- А это чей портрет у вас на стене висит?
- Это Любавический ребе.
- Он - как "батюшка", что ли?
- И батюшка, и матушка! Пророк и руководитель целого поколения.
- Глаза у него добрые. А он только для евреев пророк?
- Нет. Для всех. Если у тебя есть проблемы, то обратись к нему - и получишь благословение.

Марина подумала.

- Есть у меня проблема. Я хочу, чтоб мой Сашка похудел. Противно, когда муж толстяк.
 - Ну, это не настоящая проблема, - сказала Галя, - ты что-нибудь посерьезней спроси.
 - ...Да и вообще, я глупая была, рано замуж выскочила! Может, мне с ним развестись?
 - А помнишь, когда мы с тобой на уборке картошки разговаривали, ты сказала, что разводиться - последнее дело. И сама осуждала своих родителей, которые собирались разводиться!
 - Да... - растерялась Марина, - было дело. Я их и сейчас осуждаю. Хочу, чтоб вместе жили и не ссорились.
 - А это нелегко. Это требует усилий, терпения. Вот ты первая и прояви себя терпеливой женой, сохрани свой дом, а тогда можешь других учить.
 - Верно, - лицо Марины выразило удовлетворение и она тут же перескочила на новую тему, - а почему вот...интересно мне знать... у вас с Маршалом нет детей? Предохраняетесь, наверно? Чтоб все силы работе отдавать?
- Галя вздрогнула. Вопрос попал как раз в больную точку. Для нее бесплодие уже успело за год превратиться в серьезную проблему, хотя родители и говорили ей, что нечего волноваться. У родителей ведь не было этого ключевого понятия, к которому ее приучил Маршал, - "Цель жизни по Торе", и так далее. По Торе - дети, их рождение и воспитание были высшей ценностью, одной из главных целей жизни человека. А отсутствие детей, соответственно, вызывало чувство нереализованности. Только как все это объяснишь Марине Охременковой?
- Не принято у религиозных евреев предохраняться, - сказала Галя чистую правду, - Надо рожать, сколько Б-г дает. Но нам Он почему-то пока вообще нисколько не дает.
- Марина понимающе покачала головой.
- А ты у Ребе вашего попроси! - посоветовала она, - у него же, сама говоришь, благословения есть для всех.

- Мы просили. И просим. И не сомневаемся, что наша просьба будет выполнена. Только благословение - оно как дождик. А чтоб взошел хлеб, надо не только дождик. Надо еще пахать и сеять. Ты-то, станичница, это лучше меня знаешь...

Марина с интересом слушала.

- Дождик может и не помочь, если надеются только на него и сидят сложа руки, - закончила она Галину мысль.

- Да. Так что мы не унываем, стараемся делать как можно больше хороших дел, - продолжала Галя, - а в один прекрасный момент вся эта успешная работа будет оценена, наберет, как говорил нам Кол, "критическую массу" - помнишь, по физике?..

Марина кивнула.

-...и тогда, - продолжала Галя, - эти заслуги перетянут чашу весов, и мы будем вознаграждены за наши старания исполнением нашей просьбы. То есть ребенком. Это надо заслужить!

- Ничего себе! - воскликнула Марина, - такое ... сложное дело! А я-то запросто родила, как все равно кошка окотилась. В семнадцать лет! И не заметила, как все произошло. Теперь вот заботься об этом крикуне. Сашка мне, правда, помогает.

- Вот видишь, какой он у тебя хороший, - похвалила Галя, - значит, тебе есть что в нем ценить.

Марина задумалась.

- Да вроде ничего так мужик... Денег, правда, мало зарабатывает...

31. БРУКЛИН

На третий год супружеской жизни они решили съездить к Ребе.

По неопытности сделали много ошибок - угодили в Нью-Йорк всего за несколько часов до наступления Йом-Кипура, чуть было не остались без трапезы, квартировали в какой-то странной семье, где богатство, расточительность и беспорядок хозяев шокировали аккуратную и бережливую Галю... Их любовь подверглась серьезным испытаниям, так как все кругом было для Гали настолько непривычно, что она первые дни только и делала, что жаловалась Маршалу. Она не поняла, зачем в Севен-Севенти так ужасно толпятся и толкаются. У нее не было с собой достаточно теплой одежды, и она простыла. Ее раздражала быстрая американская речь, которую она, при всем своем знании английской грамматики, не понимала.

А потом она оказалась перед Ребе в очереди за долларами. И, хотя ничего особенного не произошло, все ее проблемы куда-то испарились. Весь тот день она пробыла в задумчивости, вздыхала со счастливым видом, точно ей открылось новое измерение. С тех пор перестала жаловаться на неурядицы и только спрашивала Маршала, как бы еще увидеть Ребе с близкого расстояния.

Их пребывание в Краунхайте украсилось походами в гости на трапезы, несколькими вылазками на "мивцоим", участием в танцах хасидов на Суккот и, конечно, ежедневными молитвами и уроками в Севен-Севенти. Внутреннее же содержание этих вроде бы простых пунктов программы было настолько неохватно, что заряда жизненной энергии, веры, духовной "подпитки" хватило потом на три-четыре года...

Работа в синагоге - "собираение снопов" - шла своим чередом. Общественные молитвы, праздники, трапезы, преподавание Торы, выпуск газеты, детские кружки, помощь старикам - словом, все как положено в еврейской общине.

В синагогу приходили еврейские парни, но им было трудно воспринять всерьез идеи святости и веры. Слишком перегружены заботами были головы этих молодых людей. На них давили их родители, чтоб поступали в вузы и делали карьеру. В их воображении маячила армия с ее "дедовщиной" и прочими пугающими сюрпризами (а если не

поступишь в вуз, то от армии не открутишься). Им, естественно, хотелось иметь свои деньги и нравиться девушкам... Вообще, слушали они еврейские уроки с интересом, но прочной связи с синагогой у них не возникало. Иногда они приходили на встречу субботы, заглядывали в зал с накрытыми столами при зажженных свечах, с удовольствием принимали участие в трапезе - а на улице их поджидали белокурые преданные девушки, Кати и Светы, которые стеснялись зайти в синагогу. И, уйдя от своих, от евреев, парень пропадал надолго, рассасывался в общей российской жизни. Только по большим праздникам вроде Йом-Кипура вдруг встряхивался, как Самсон, рушил все свои привязанности и симпатии и, не понимая зачем и почему, снова вдруг оказывался в синагоге.

На таких молодых людей рассчитывать было трудно - с ними общину не построишь. А как только открылся Сохнут, то вся молодежь, естественно, потянулась туда, отхлынула от синагогальных мероприятий.

Зато ростовские свежеиспеченные бизнесмены и адвокаты, евреи в возрасте, люди, битые жизнью, хитрые и уставшие от хитрости, привязывались к Маршалу и искали общения с ним так, будто он был для них источником живительной воды. Их духовные проблемы были почти так же велики, как их материальное богатство, и теперь они могли позволить себе "подумать о душе", начать искать какого-то пути очищения, при этом добровольно отстегивая крупные суммы на содержание синагоги. Вот это была публика серьезная, деловая. Маршал преподавал "Танию" и хасидут всем этим еврейским магнатам и юристам, но не в группе, а индивидуально, потому что зачастую у них были конфликтные отношения между собой: они слишком многое друг о друге знали.

Маршал приобретал опыт общения с людьми, развивал в себе психологическую тонкость и умение понимать тех, чьи рассказы и исповеди выслушивал в своем кабинете. Особенно близко сошелся с преуспевающим бизнесменом Маркусом, человеком вдумчивым и интересующимся.

Синагоге была возвращена отнятая ранее советской властью пристройка со двором. В ней теперь стал функционировать детский садик. Галиной маме ежедневно приходилось готовить такое количество пищи, что ей стала необходима помощница, даже две. Штат разрастался, в число работников синагоги был принят на должность завхоза абсолютно бесполезный и суетливый Гаррик, над которым Маршал просто сжалился и которого надеялся со временем научить быть ответственным человеком, а также две молодые воспитательницы детсада. "Клуб знакомств" работал на общественных началах, как и курсы иврита. Машинистка и бухгалтерша, пожилая Софа в роговых очках, уже несколько лет помогала Маршалу разбираться со всеми финансовыми вопросами. И на всех вроде бы всего хватало - и зарплат, и подарков-премий в виде заморских угощений. А потом экономическая ситуация в стране ухудшилась. Предприятия стали закрываться, и люди месяцами сидели без зарплат. Тогда немало желающих набежало "помогать" синагоге, то есть крутиться вокруг да около, вынюхивая, как и что, чуя, что здесь сравнительно неплохо кормят и платят... И таким еврейским собратям, мелочным и подозрительным, с вороватыми взглядами, Маршал тоже оказывал поддержку, находил и для них какое-нибудь несложное дело, чтобы было за что выдать человеку "помощь в натуральном виде" - продукты со склада, а то и немножко денег. Еврейские бабушки захаживали в синагогу - секретарша оформляла их на получение праздничных подарков. Дети приходили на занятия Торой в детсадик и в воскресную школу - опять же, к каждому празднику ребенку вручались пакеты с рисом, кошерными консервами, сладостями израильского производства.

...Дети оказывались самыми благодарными получателями. Они влюблялись в своих воспитательниц, в иврит, в Тору, доверчиво сообщали дома своим родителям, что скоро, понимаете ли, приходит Мошиах и что надо встречать его соблюдением заповедей... А

летом, побывав в еврейском лагере на Левбердоне (левом берегу Дона), возвращались домой с твердым намерением перевернуть домашнюю кухню на "кошер" и жить, как настоящие евреи, с чистой совестью перед Б-гом Израиля.

Да, дети были истинными солдатами Всевышнего, бескомпромиссными и честными в своем соблюдении Торы. Родители на них дивились, паниковали... но что для родного дитяти не сделаешь? Лишь бы не плакало! И приходили папа с мамой к раввину на консультацию, начинали интересоваться, как и что им следует выполнять, чтобы сделать своего еврейского ребенка счастливым.

У Гали же с Маршалом в графе "дети" по-прежнему стоял прочерк.

32. Время сеять и время пожинать

- Позжайте-ка в Израиль, займитесь лечением, - отечески посоветовал им реб Мордхе по телефону на четвертом году их супружеской жизни, - современная медицина, с Б-жьей помощью, совершает чудеса в области оплодотворения...

Галя после этой фразы полдня рыдала, сидя дома - какое еще лечение, у всех нормальных людей все происходит естественно, безо всякой медицины! Почему они должны быть исключением? Маршал обхватил свою голову руками, точно она у него сильно болела, и просидел так, наверное, час. Его взгляд был жестким, обращенным внутрь себя. Да и все было жестким - складка возле губ, тон голоса, когда он в конце концов заговорил...

- Слушай, нам придется поехать за границу и обследоваться. Отнесись к этому без нервов - хладнокровно, как ... к проекту расширения еврейской общины. Наша семья нуждается в расширении... Я не знаю, почему оно не происходит естественным путем. Очевидно, мы - бездетная пара, как дико это ни звучит. И надо выяснить, в чем дело. На духовном уровне все указания по исправлению, которые нам Ребе дал, мы выполнили: изучали законы чистоты семейной жизни, раздавали деньги бедным, принимали в своем доме гостей... А сейчас надо попробовать через медицину.

- Но почему... - плачущим голосом начала было Галя.

- Замолчи! - почти заорал он. Хлопнул дверью и вышел во двор.

... Частная клиника в Хайфе с видом на Средиземное море была тем летом полна пациенток. Одни искали беременности как дара Б-жего, другие пытались от той же самой беременности избавиться как от проклятья. Те и другие между собой не разговаривали. К первой группе пациенток в основном принадлежали тихие, скромные еврейские женщины с покрытыми волосами, в сопровождении интеллигентных еврейских мужей. Ко второй относились гордые собой, смело подставлявшие солнцу загорелые плечи, безмужние красавицы - русские, арабки, еврейки...

А врачам было все равно. Они помогали душам прийти в этот мир или, напротив, отшвыривали души назад, в зал ожидания, в зависимости от воли заказчика...

А как же воля Всевышнего?

В Хайфе стояла душная жара.

Финики отягощали пальмовые ветви, море в изгибе залива лежало так влекуще, средиземно...

Веселого в процессе лабораторных обследований и лечения было мало. Но хасиду удается во всяких ситуациях что-то познавать, видеть б-жественное проявление, учиться, а значит - приближаться ко Всевышнему. Именно этим Маршал и занялся. Он сумел и на самом тягостном участке пути каким-то образом расположить к себе грустную, скучную, заплаканную Галю, и они уложились в тайминг, не испортили профессору программного сценария.

Сколько новых слов, сколько медицинских терминов выучили они за это время! Со сколькими новыми теориями в области репродуктивной медицины познакомились! Как

распухла папка с результатами анализов, укладываемых один за другим в мистическом - диктуемом судьбой - порядке...

Некоторые процедуры Гале пришлось пройти под наркозом. Врачу и лаборанткам было очень весело, ибо пациентка вслух бредила Храмом, повторяла что-то насчет Мошиаха. Такого в их медицинской практике еще не случилось... Врач тоже верил в Мошиаха, только по-своему, по-профессорски. Его удивило и восхитило, что есть люди, способные даже при частичном отключении сознания иметь такие возвышенные фантазии, а не молоть чепуху, как все.

Спустя некоторое время анализы показали, что желанная беременность наступила. Сначала присутствие зародыша внутри ее тела было отражено лишь в цифрах, отражающих гормональные изменения. Потом - все уже стало ясно самой, без подсказок. Кто может так бултыхаться в животе? Только младенец.

Стена Плача была понимающей и ласковой, с камнями гладкими и влажными, как будто омытыми ручьем. Тихое струение воды мерещилось тому, кто к ней льнул.

- Я люблю тебя, - сказал Маршал Гале, стоя вместе с ней на почтительном расстоянии от Стены. Он произносил такое впервые в жизни - и так серьезно, как будто это был контракт на миллион долларов и он подписал его после долгого раздумья. И добавил: - Уж если мы пережили весь этот бред, то, значит, я тебя по-настоящему люблю.

Раньше он никогда не понимал, почему "настоящие" поцелуи должны быть какими-то затяжными (если в кино - то ясно: чтобы фильм пользовался большим зрительским спросом. Но в жизни-то зачем?). Однако беременная, носящая в себе некое таинство Галя стала представлять для него такой глубинный интерес, что он перестал проскакивать стадию поцелуев и наконец-то осознал всю прелесть этого некоммерческого занятия, объясняющую его длительность.

В то свое первое посещение Земли Израиля, яркого и солнечного края, в котором смуглые красивые солдаты и солдатки составляют большинство пассажиров любого междугородного автобуса, а переезд из города в город берет столько же времени, сколько в Союзе занимает поездка внутри одного города, - так вот, посещая эту удивительную страну, Галя и Маршал поначалу почувствовали себя в ней туристами, совершенно советскими, российскими людьми. Людьми, которым чужд этот громкий говор, южная фамильярность, яркость эмоциональных всплесков... Слишком сильное солнце, слишком контрастное население... Не поймешь, что объединяет этот народ и объединяет ли его вообще хоть что-то.

Куда спокойнее быть хабадником, верующим евреем, хасидом Любавического Ребе, раввином, живущим в том же, скажем, Ростове, где все понятно и схематично: вот они жители города, вот они евреи среди ростовчан, вот он ты, правильный и хороший, направляющий свою паству к доброй и возвышенной цели - раскрытию Мошиаха. А в Израиле поди разберись, где и кто и что - сам черт ногу сломит. В телевизионных программах сами же евреи смеются и позорят людей Торы, а среди религиозных и даже среди раввинов почему-то есть "левые", которые считают себя вправе отдавать Сирии и Египту израильские земли... Один человек на улице носит пеструю шапочку, другой серьгу в ухе, третий чалму, и за всем этим маскарадом что-то стоит - принципы, убеждения, капризы. Есть арабы-мусульмане, а есть христиане, друзья и бедуины. Среди евреев есть марокканцы и тунисайцы, а есть русские и есть некие непонятные израильтяне-ватики, по которым не видно, из какой страны и как давно они прибыли. Есть богатые, есть непропорционально бедные.

Каким-то образом, однако, все это вместе взятое функционирует в качестве государства. (Говорят, только Б-жьей милостью и американскими финансами.)

А святость Земли неопровержима. И независима ни от чего, творящегося на данной территории. Взять хотя бы шабес: идет еврей в белом талесе в синагогу, и тут же несется нарушающий субботу мотоциклист. Но почва не разверзается под мотоциклистом, и еврей в талесе не взлетает на крыльях, а тащится по жару. Все - в рамках обычного земного притяжения. Земля Израиля терпит. Святость ее не может быть поколеблена тем или иным стилем поведения людей. Земля свята сама по себе. Люди могут лопать трэфные макдональдовские бутерброды, а небо остается синим и чистым и горы вокруг Иерусалима - исполненными высочайшей духовности.

Всевышний все еще ждет, что Его воля будет воспринята и исполнена избранным народом безо всяких внешних нажимов. Без разверзания земли и громовержения.

Как велико Его терпение!

Ребе уже столько раз проявил себя как пророк и провидец, а израильские политики совершенно его не слушают. Сколько кровопролития могли бы избежать, сколько унижений и позора! Но они предпочитают идти по своей убогой секулярной логике, с оглядкой на "общественное мнение", игнорируя самую главную Декларацию Еврейской Независимости - Тору.

...Галя разыскивала через справочное бюро свою дорогую учительницу, Эсфирь Соломоновну. Звонила по полученному номеру. Телефон существовал, но увы - временно, как ответил ей электронный голос, не работал. Не увенчались успехом и старания Маршала найти через Музей диаспоры адреса каких-либо своих родственников по фамилии Гонтмахер.

Но это все было не важно - самое-то главное они получили, выдержали все испытания души и тела, которым подвергла их милосердная медицина двадцатого века, и удостоились права создать новую жизнь на земле, спустить новую душу в мир, а тот факт, что это произошло именно в святой библейской стране, там, где пас свои стада звездный странник Авраам и где копал свои мистические колодцы праотец Ицхак, - этот факт еще, несомненно, проявится и прояснится в дальнейшем, и тогда будет понятно, зачем судьбе потребовалось явить им наложение израильского горного пейзажа на профиль медлительного гордого верблюда, включая пару кактусов в закатном свете багрового солнца иудейской пустыни, которую им все же, несмотря на сжатые сроки их пребывания в Израиле, удалось посмотреть.

...А в своей следующий приезд в Израиль Галя с Маршалом успели навестить буйную речку Иордан, маленькую и столь прославленную, и передать ей привет от большого, спокойно текущего Дона.

Они сидели на поросших мхом камнях у резвящейся прозрачной воды. Маршал почистил для Гали апельсин, и она ела золотистые дольки из его рук, как какая-нибудь ручная газель в заповеднике.

- Слушай, а как я узнаю, когда начнутся схватки? - спросила она. Она была уже на восьмом месяце.

- Спроси что-нибудь полегче.

- Но мне же надо знать!

- Узнай в поликлинике...

Они жили у друзей неподалеку от известного госпиталя "Лениадо". Галя начала уточнять у знакомых медработников, что же такое схватки и как их можно распознать. Это было похоже на то, как охотник, готовящийся выехать на сафари, изучает книги о львах и их породах.

А потом видит настоящего льва.

И его оказывается совсем нетрудно узнать...

Она родила почти без боли - благодаря врачам-перестраховщикам, которые, пользуясь ее неопытностью, запросто навязали ей кесарево: вес, мол, у плода выше среднего, а вы - такое хрупкое существо... зачем же рисковать... И она проспала под наркозом все это удивительное происшествие, именуемое родами. А проснувшись, сразу спросила, не рассказывала я ли что-либо о Храме? Нет, ответила ей медсестра, но зато вы родили мальчика!

... Гале назначили свидание с новорожденным. Не первое (впервые ей дали, конечно, увидеть его сразу, как только родился, а затем приносили ей его в палату), но все равно очень волнующее свидание. Она должна была подойти в комнату, называемую "Тинокия", выкатить из нее тележку со своим младенцем и попытаться покормить его грудным молоком или хотя бы желтеньким молозивом, которое тоже имеет большую ценность. Так ей объяснили. Она, пошатываясь от слабости, дошла до указанной комнаты, очень теплой и ярко освещенной, сплошь уставленной специальными тележками с гулюкающими младенцами. У нее на запястье были именные данные, и их надо было сравнить с таким же браслетиком на ручке ребенка.

Но она и без сравнения узнала. Ее взгляд сразу упал на родное личико. Вот же он! Пусинька! Эти щечки, эти бровки... Как его можно с кем-то спутать!

Медсестры так профессионально и быстро пеленали новорожденных, точно подарки в магазине запаковывали. Упаковали и ее подарок и - вперед, мамочка. Корми. Она повезла тележку с "подарком" в комнату кормления. Там висела большая фотография мыши - Мики-Мауса, прямо напротив мягкого кресла. Эх, додумались! Нет бы повесить фотографию праведника или Храма... Смотреть на изображения нечистых животных, по мнению Ребе и других мудрецов, нежелательно. Эти мысли отвлекли ее от дела: кормление не шло, малыш яростно отбивался обеими ручонками, не находя себе достаточно пищи, и горько плакал. Так, чуть было приложился, но, видно, остался голодным, и его докормили искусственным молоком из бутылочки. Галя, разочарованная своей непродуктивностью, сдала ребенка медсестре. Вот как после кесарева-то, оказывается, бывают перебои с молоком.

Это было в пятницу, приближался час зажигания субботних свечей. По коридору роддома проходила небольшая группа женщин из Хабада, раздававших в каждой палате свечи и проспектики с текстом благословения.

Галя сидела на постели и вдруг увидела Эсфирь Соломоновну. То есть сначала она просто увидела некую женщину, показавшуюся знакомой... та проследовала в конец палаты, увидела, что там - только пустая койка, и затем обратилась к Гале:

- Вы говорите по-русски?

- Да, Эсфирь Соломоновна, - воскликнула Галя, поправляя завязки больничной рубашки. Изящная маленькая агитаторша за шабат остановилась как вкопанная.

Подскочила к Гале, всплеснула руками и заговорила сразу в рифму.

- Дитя мое, да ты ли это?

Твой образ - вдруг, на грани света

И тьмы, пронизанной лучом.

Он мне знаком и не знаком...

Маршал вошел в палату, нагруженный всякой всячиной - едой, термосом, нужной Гале на субботу одеждой.

- Неужто это вы? Эсфирь Соломоновна? Откуда вы взялись?

Она пожала плечами: что, мол, такого, я же вся такая, мистическая, вот и взялась. Но сказала иное:

- Я просто раздаю свечи и объясняю, как их зажигать... А это вот "дщерь Израилева" как здесь оказалась?

- Я, знаете ли, не доверяю советским роддомам. Привез ее сюда рожать.

- И?..
- Мы имеем мальчика.
- Мазаль-тов, поздравляю!
- Где вы живете?
- В Нетании. А вы - в Ростове? Борис, вы выглядите как раввин начала века.
- Рад.
- А ты, Галя, такая милая, цветущая молодая женщина! Я просто не верю своим глазам. Где ваш младенец?
Она посмотрела на часы, вынула из сумочки сотовый телефон.
- Я вряд ли успею вернуться домой до субботы, если мы с вами заболтаемся. Останусь с вами праздновать. Вот только мужу позвоню...
Медсестра завезла в палату тележку с двумя крошечными детьми - Гали и ее соседки. Маршал как стоял у стены, так и остался. Только сделал глотательное движение и часто заморгал увлажнившимися ресницами, глядя на воплощение своих и Галиных желаний. Его так прошибло счастьем, что он не мог говорить.
А Гале и Эсфири Соломоновне было весело общаться, гугукать над младенцем, говорить о каких-то понятных лишь женщинам вещах.
- Ты должна зажечь уже три свечи, а не две, - напомнила Эсфирь Соломоновна, - это я тебе говорю официально, как инструктор по зажиганию субботних свечей.

В шабат Эсфирь рассказывала Гале о том, как началась ее абсорбция в стране обетованной. Это был один большой анекдот. По словам Эсфири, она просто была слишком умна, чтобы преуспеть в Израиле, слишком глубоко и болезненно все воспринимала, с этой самоугрызающейся российской интеллигентностью. Встреча со Святой Землей оказалась очень неоднозначной. Примитивизм местного населения поначалу убивал... Постепенно нашла круг "своих", себе подобных, людей. Стала преподавать в русской школе. Муж - программист. Материально устроены. Близки к Хабаду. "Каким образом?" - удивилась Галя. "Ходим на уроки, нравится", - пожалала плечами Эсфирь. Для интеллектуалов из России, по ее мнению, Хабад - самое систематичное и толковое направление. Обогащает ум и сердце. А также проясняет идеал, цель жизни, без которой никак нельзя.

... Галя и Маршал назвали сына Яковом, в память об ее покойном дедушке. Возвращаться в Ростов им было нелегко: Земля Израиля, несмотря на свою душераздирающую противоречивость, очаровала их. Утешало то, что, согласно мнению мудрецов, с приходом Мошиаха все евреи так или иначе окажутся в Израиле - святом и обновленном.
Более того, Земля Израиля раскинется на территории всего земного шара... Не будет больше разницы между религиями, нациями, так как все познают Б-га. Иерушалаим заполнит все то место, которое сейчас занято государством Израиль, а Святая Земля со всеми ее складчатостями и горными хребтами "расползется", расправится, как гармошка, на миллионы километров во всех направлениях. Тектонический сдвиг? Мировой катаклизм? Увидим!
Главное, что так написано в пророчествах мудрецов. Все их слова обязательно сбудутся. И тогда, быть может, воды Дона и Иордана сомкнутся, сольются воедино.

О, Тихий Дон...О, бурный Иордан!
Еврейский дух зачем мне Б-гом дан.

33. СВЕТКА-РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

Вселенная молчала, закурив.

Вселенная была Светкой.
Ибо каждый человек - Вселенная.

Сильная, гибкая, с красивым разрезом зеленовато-голубых, как лунный камень, глаз, роскошными волосами, упругим и властным голосом, сидела она и молча курила, и никакой властности в ней на данный момент не замечалось. Скорее, замечались беспомощность и депрессия. С недавних пор она полюбила зловещую музыку Фрэнка Дюваля, и - именно под эту музыку - начинала порой задумываться о самоубийстве... Подходящие для дня рождения мысли, не правда ли?

А раньше, большую часть своей сознательной жизни, она вообще ни о чем не думала подолгу.

По самым разным причинам, среди коих могло бы зачесться и данное ей матерью невразумительное воспитание, и отсутствие постоянного отца (несколько мужчин по очереди "папствовали" в их доме с переменным успехом, как только матери надоело одиночество)...во всяком случае жизнь она всерьез не принимала, и потому была очень смелой и бедовой.

Например, не так давно ухаживавший за ней парень был приглашен ею погулять на крыше пятиэтажного дома. Бедный, как ему было страшно! Особенно жутко было оттуда слезать, когда нога вот-вот, кажется, заскользит - и вместо края крыши, с которого надо перешагнуть на пожарную лестницу, провиснет в пропасть, в притягательную глубину черной улицы.

Парень был в панике, ей пришлось его успокаивать и потихоньку, за ручку, спускать по пожарке.

И таких - бедненьких, обиженных ею (она называла это "пощупать человечка", то есть испытать, взять на пробу) - было много. Однажды ей перепали заграничные предметы роскоши, и она велела двум влюбленным в нее юнцам толкнуть их в баре гостиницы "Турист", где собиралась молодежь.

Юнцы толкнули неудачно - их взял мент, они скулили долго, до тех пор, пока не раскололись и навели мента на Светку, непосредственно в ее квартиру. Делать нечего. Пришлось ей любезничать с ментом. (На ее языке это называлось "обрабатывать"). Мент, само собой, влюбился, потом подолгу с ней гулял по парку Горького и выбалтывал профессиональные секреты. Отшить его было трудно, и пришлось пригрозить, что, если не отошьется, то Светка передаст его начальству, что была немалая утечка информации, и ему не поздоровится. Угроза вроде фуфловая, но он отшил.

В сибирского охотника по имени Марат, который учил ее стрелять, Светка тоже не то чтобы влюбилась, а, опять же, пощупать хотела. Он говорить был не мастер, но уж, если говорил, то о вещах грубых и реальных, как медвежья шкура. Искренне хотел на ней жениться. И опять пришлось ей обломать человека. Почему? Не тот.

С каким-то романтичным приэльбрусским гидом провела ночь в кашарах, но только зря напугали овец и к тому же простыли.

Американский журналист, расспрашивавший ее о советских условиях жизни, повел в ресторан, но там она настояла, чтобы он взял порцию только для себя, и хладнокровно смотрела на то, как он поглощает дивную спаржу и жареный картофель. За вечер он получил от нее пару интересных мыслей, она же - просто видела живого американца, и в том состояла новизна. Американцы уважают независимость, и тот был приятно поражен ее спокойным отстранением каких бы то ни было попыток сблизиться.

Зато с индусом... Чуть было...

Но вообще как-то - по воле обстоятельств либо своей собственной - Светка не довела до логического завершения ни один предложенный ей вариант любви. Ни случайной, ни узаконенной.

Времени она, однако, не теряла. Заочно заканчивала Институт культуры. Днем работала в молодежном клубе - сначала тренером по стрельбе в тире, потом в шахматной секции, а

вскоре получила должность заведующей. Неофициально клуб назывался "Российская империя", и основная жизнь там проходила тоже неофициально, в той его подвальной, неплохо оборудованной части, где размещался ночной бар и тир. Заведующая его вскоре получила известность в ростовских блатных кругах под кличкой "Светка-Российская Империя".

Будучи еврейкой, Света Штерн с первого дня открытия Сохнута возымела обыкновение захаживать на сохнутовские тусовки - благо, туда можно было приходиться в сопровождении двух сильных русских ребят, которые служили ей телохранителями в ее вечерних прогулках, и там это ни у кого не вызывало недовольства. В синагогу, о существовании которой она знала, ее не тянуло нисколько.

На каком-то мероприятии в Сохнута она услышала разговор женщин, шептавшихся в публике и часто упоминавших некоего раввина, который, якобы, им помог в воспитании детей, предоставил поддержку в трудную минуту... "И, вы знаете, он такой психологичный, хоть и молодой! Он так понимает в душе! А его жена - это идеал еврейской хозяйки!"

Света оценила свежесть перепавшей ей информации: в Ростове существует молодой раввин. Понимающий в душах (В моей душе он все равно ничего не поймет). Самоотверженно помогающий людям (с какой стати?). Женатый на идеальной женщине (вдвойне интересно).

Однажды она увидела эту "идеальную парочку", скучая в автомобильной пробке на одной из параллельных синагогальному переулку автострад. По внешнему виду мужчины (бородатый, в шляпе) было видно, что это и есть раввин. Другого такого в Ростове не было. Лицо его жены показалось Светке красивым, но в целом она выглядела какой-то неухоженной, вероятно, слишком занята была делами общины и семьи, чтобы следить за своей, право же, достойной того внешностью. Раввин сидел за рулем легковой машины, на крыше которой был укреплен рогатый семисвечник.

Потом Светка видела их в субботу, опять же из окна своей машины, когда они шли по улице и тихо переругивались, шипели друг на друга. Сцена их ссоры имела место как раз возле того угла, где Светка неудачно припарковала свою "Ладу", так что она оказалась заблокирована чьим-то грузовиком. Дождаясь, пока появится водитель грузовика, Светка слушала ссору раввина с женой. Ссора была искренняя, нормальная, человеческая. Только повод был непонятен: что-то насчет запрета нести или везти ребенка в субботу. "Г-споди, из-за чего они ругаются? Может, я недослышала? Не может быть, чтобы действительно ругались только из-за какой-то религиозной мелочи."

Они, постояв на углу, продолжили свой путь, и Светка решила выйти из машины и проследовать за ними. Ее любопытство росло.

"Пощупаем человечка", - привычно-пошлым стилем подумала она и явилась в синагогу на следующий день.

34. ДЫМ ЗАСТИЛАЕТ ГЛАЗА

Маршал с Галей ссорились, впрочем, довольно редко. Большую часть времени они в счастье и согласии воспитывали своего маленького Янкеля, Яшку, Пусика, Лапочку. Ребенок играл, смеялся, весело ползал взад-вперед по своей трассе от дивана к столу, забирался на невысокие предметы и осторожно с них слезал, ходил при поддержке за ручку, издавал прелестнейшие звуки вроде "вавава" и "дадада" - и сердце Маршала было переполнено благодарностью к Б-гу, подарившему им с Галей такое счастье. Маршал делал теперь вещи, о которых в жизни не помышлял - умел держать ребеночка в руках, разговаривать с ним, кормить его, поить, переодевать, позволял ему тереть свое ухо, нос, волосы - сколько угодно.

Он проявлял живейший интерес также к чужим детям и, если они с Галей встречали, гуляя по парку, другую такую же, как они, пару с коляской, то у него появлялись мысли - сколько месяцев этому младенцу, чем его кормят, как у него прошли прививки, любит ли купаться? Ему нравилось, как Галя заводила знакомство с другой молодой мамой, расспрашивала ее, сравнивала, советовала, делилась опытом по поводу своего малыша. И во всем этом была непередаваемая тихая музыка счастья.

Он стал очень снисходителен к людям, к их ошибкам, ни на кого - даже на бестолкового Гаррика - не повышал голос, не раздражался. Пусть все будут счастливы, пусть всем будет хорошо.

Пять лет успешной работы в качестве "отца города" сделали его, правда, немного излишне самоуверенным. Больно уж все ладилось - люди его уважали, община постепенно формировалась, иностранные гости жертвовали на синагогу и благодарили за гостеприимство, обещали в будущем принять участие в проектах строительства. "Джойнт" тоже вкладывал деньги в деятельность, развитую им в помещениях синагоги, и, соответственно, синагога от этого выигрывала. Отношения с городским и областным начальством у Маршала были совсем неплохие - благодаря Гале, чьей основной работой к тому времени стало официально представлять ростовскую еврейскую общину на самых разных уровнях. Для выполнения же простых, чисто секретарских обязанностей они взяли молоденькую помощницу, Олю.

Сотни ростовских евреев были благодаря синагоге связаны с миром собственной духовности - религии, традиции, истории, философии, фольклора.

Это ли не успех?

У Любавического Ребе был надежный плацдарм в Ростове - не без его, Маршала, участия. Вот он и чувствовал себя на высоте - как же, "слуга царю, отец солдатам..."

В таком приподнятом - с налетом самодовольства - настроении он пребывал, когда порог его кабинета переступила незнакомая

девица, представленная секретаршей как "Света из молодежного клуба".

Это была золотистая, яркая блондинка с аккуратной прической, делавшей маленькую головку какой-то змеиной и блестящей благодаря гладко зачесанным назад волосам, схваченным бархатной заколкой. Она осмотрелась по сторонам и, подойдя, села у края большого полированного стола, за которым что-то писал раввин, успевший скользнуть по ней быстрым взглядом. В него сразу проник тончайший аромат духов, и он даже удивился, настолько это было приятное ощущение. Он был неопытен и беззащитен против вкрадчивой атаки такого рода. Он посмотрел вторично. Одежания, облакавшие ее, были просто беспределом. "Надо будет предупредить Олю, чтобы в такой одежде ко мне не запускала..."

Маршал опустил глаза и сухо спросил, чем он может помочь и какое у нее к нему дело.

Об этом она не подумала заранее... Обычно мужчины сами искали предлога, чтобы завладеть ее вниманием. Дар импровизации ее, однако, не подвел, и она произнесла:

- Мне хотелось бы разузнать насчет ...ну, это ... законов субботы...

Раввин кивнул и доброжелательно ответил:

- Замечательно. Моя жена дает уроки женщинам по этой теме. Скоро она подойдет, и я вас познакомлю.

Светка была удивлена. Как он смеет говорить о своей жене вместо того, чтобы, как нормальный мужик, любезно занимать ее светской беседой, растягивать ее визит, добиваться ее благосклонности, липнуть к ней восхищенным взглядом, между делом интересоваться, что у нее запланировано, к примеру, на сегодняшний вечер!?

- А пока что вы можете попросить книгу о субботе и праздниках у моей секретарши... - добавил Маршал, делая соответствующий жест в сторону секретарской, - ее зовут Оля.

- Благодарю, - разочарованно протянула Светка и покинула его кабинет. Никакой книжки она, естественно, просить не стала и ни с какой женой знакомиться тоже. Авантюризм ее натуры требовала совершенно иных поступков - резких, эффектных. Ей нравилось взрывать, разрушать, а тут - преснятина. Жена, секретарша, книжки... Вот бы они встретились на ее территории, в баре с цветомузыкой, за бокалом виски со льдом... тогда она задала бы ему все свои вопросы, касающиеся иудаизма. Но как затащишь его, такого идейного и официального, будто деятель горкома, в место с сомнительной репутацией?

В синагогу на шабат она все же однажды пришла и тут же была приглашена женой раввина к ним домой на одну из трапез.

Этот шабат ее потряс.

Потрясла безусловность соблюдения неких странных законов, практиковавшихся в этой семье.

Кроме нее и хозяев, за столом были и другие евреи - бухгалтерша Софа, два бородатых спонсора, один ученый гость из Израиля - и они совершенно серьезно обсуждали с раввином дикие, на ее взгляд, вопросы. Например, все тот же поразивший ее прежде запрет несения чего-либо по улице в субботу. Что за бред?! Что за грех, что за преступление может быть в переноске через улицу книги или пакета или ключа в какой бы то ни было день недели?

Ей показалось, что она находится среди сумасшедших. Неужели они во все это верят? Ей хотелось проснуться, ущипнуть себя за щеку. Но это был не сон!

Совершенно реальные, внешне нормальные люди одной с ней национальности, получавшие, по-видимому, такое же, как она, удовольствие от вкушения хорошо приготовленной субботней еды - мыслили, однако, в иных, чем она, категориях, ее разуму и чувствам будто недоступных.

Обидно.

Они как будто смотрели куда-то и что-то там видели, обсуждали даже мельчайшие оттенки цветов и деталей этого НЕВИДИМОГО, а она, как ни напрягала свое стопроцентное зрение прекрасного стрелка, не могла заметить на линии горизонта ровно ничего. Все расплывалось, и дым застилал глаза... Где Он, тот Б-г, о котором они с такой определенностью говорят? Кто поручится, что Он действительно заповедал все именно так, как предписывают написанные людьми книги еврейских законов? И как может быть, что еврей, хваленый своим умом и хитростью, вслепую станет следовать этим правилам? А раввин-то, раввин-то - железный, как Феликс! Ни единого взгляда в ее сторону, ни единого игривого слова, адресованного для ее ушей! Непробиваемый!

Она ошибалась.

Маршал был ранен на поле боя... Он еще скакал, еще не свалился с лошади, но держался в седле лишь гордым усилием воли.

Суббота закончилась, в раввинском доме все стихло, Галя мыла посуду, ребенок спал. ...Маршал прохаживался по комнате, впервые за много месяцев курил. На душе было беспокойно - влюбился я, что ли? Так врасплох застало его ощущение какой-то странной близости, причастности к Светкиной судьбе, а заодно и невольное испытываемое им восхищение ее вызывающей красотой, что он уже чувствовал себя виноватым перед женой и сыном. Галя легла спать, перед этим лишь устало спросив Маршала, что это он такой мрачный. Что он мог ей ответить? А тут еще ребенок посреди ночи закашлял, и оказалось, что он сильно простужен, даже глазки заплыли желто-зелеными гнойными выделениями. Маршалу показалось, что Б-г таким образом посылает ему кару за плохие мысли, появившиеся в голове и затронувшие сердце. "И понесут сыновья вину за грехи отцов". Галя измучилась с плачущим младенцем, несколько ночей спали урывками, пытались лекарствами сбить температуру, и тут уж все вылетело у Маршала из головы,

кроме изнурительной отцовской заботы. Светкин дразнящий образ он почти возненавидел. А у выздоровевшего Янкеля появился первый молочный зубик, и теперь, когда причина всей суматохи выяснилась, родителям можно было вздохнуть спокойно.

35. ДОЗА

Светка-Российская Империя была очень удивлена поведением раввинши - той самой раввинши, мужу которой подстраивала ловушку. Она таких милых, спокойных, скромных молодых женщин раньше не встречала. Галя пригласила ее и на следующую субботу, и Светка было подумала со свойственным ей высокомерным цинизмом: "Дорогуша, как бы тебе не пожалеть о своем гостеприимстве!"

А что, Света, разве тебя обязательно надо опасаться?
...Это спросил кто-то внутри нее. Какой-то новый голос, которого она раньше не слышала. Не была знакома с такими интонациями. Голос между тем продолжал:
Тебе нравится, что ли, быть эдакой роковой...опасной? Знаешь, Светочка, иной раз человек даже не замечает, что сам себе навязывает некий стереотип, явно отрицательный, и прикладывает усилия, чтобы все время на него "работать". Но кто тебе сказал, что ты такая на самом деле? Может, ты лучше? Может, это ты от обиды на кого-то решила сделать себе такой панцирь, броню цинизма? Чтоб уж больше никогда никому не верить и не "проколоться"?

Подумав об этом, она нахмурилась.

- Да это только дураки могут быть идеалистами, вроде раввина и его жены! - воскликнула она, споря с тихим голосом внутри себя. Бар, где она сидела, был пуст, только вахтер лениво решал кроссворд в своей будке на выходе. Светка решила пойти в подвальное помещение тира, пострелять, а заодно и избавиться от лишних, вызывавших внутренний дискомфорт, мыслей.

Она спустилась в полутемный подвал. Стены и потолок его были стилизованы под что-то псевдодизайнерское, на самом деле - просто оклеены картонками от яиц. Стоял немножко затхлый запах.

- Что такое, опять эти ненормальные шприцы свои разбрасывают, - сказала Светка с досадой, увидев в углу нехитрое наркоманское оборудование. И как только они сюда проникают? А, ну их, еще с ними связываться. Мало им двух подвалов, на Северном или на Нариманова, так нет же, сюда повадились.

Она вынула коробочку с пулями, зарядила винтовку и залегла. Стала прицеливаться туда, где виднелась, чернея и с трудом совмещаясь с мушкой, слабо освещенная мишень.

Позади нее послышался шорох.

Повернуть голову она не успела, оглушенная тупой болью в затылке. "Меня, кажется, ударили, - подумала она, - кто бы это мог быть?"

Лицом она уткнулась при ударе в подставку для ружья, на которую уже закапала кровь - то ли из носа, то ли из губы.

Как животное, прикидывающееся мертвым, когда его атакуют, Светка замерла. С десятков возможных вариантов, кто и почему устроил на нее засаду, за секунду высветились в мозгу.

- Будешь лежать или уже выздоровела? - спросил издевательский мужской голос.

Она решила не нарываться и, не поднимая головы от пола, тихо ответила, что, мол, как лучше для дела. Могу выздороветь, а могу и полежать. Смотря что требуется.

Сильный удар ногой по ребрам. "Вставай!"

Светка сдержала стон. Вставать не хотелось.

Ну, допрыгалась. Интересно, он тут один или их несколько.

- Может, завяжете мне глаза? - предложила Светка, все еще не поднимаясь с подстилки на полу. - А то если я буду знать вас в лицо, то вам придется меня ликвидировать. Впрочем, как угодно.

"Б-же, если Ты меня спасешь, я... буду как ангел, я буду хорошей...только спаси. Буду в синагогу ходить..."

- Зачем, стерва, облаву навела? - незнакомец наконец-то заговорил по делу.

В его голосе она внезапно уловила слабосильность, неуверенность. Он как будто жаловался. Или это ей показалось? Со всей возможной вежливостью она ответила, не поворачивая головы:

- Я не наводила облаву. А что, у вас что-то увели или кого-то забрали?

- А то ты не знаешь?

- Я не знаю, честно.

Она встала, сплюнула кровь, сошедшую с рассеченной губы. Взглянула на агрессора. Ну, так и есть, хлюпик, один из этих, которые шприцы разбрасывают. Вот и делай им после этого добро.

- Все, все пропало! - взвизгнул наркоман, - с концами! Нету товара!

- Да где?

- На квартире!

- На Северном, что ли?

- Да нет. На Ленина.

- Ну, а я тут при чем?

- А ты навела! Ты ж с ментами водишься!

- Идиот, - прошипела она, вспомнила, что держит в руках винтовку, отступила на шаг и, резко вскинув оружие, заставила его еще раз взвизгнуть. - А ну пошел.

... Он вылетел, шелестя, как стая летучих мышей, и спугнул наверху вахтера. До Светки донеслись вскрики ошарашенного пенсионера. Она, не выпуская винтовки из рук, ринулась наверх - перехватить, сдать милиции, почувствовать сладость мщения.

- Светлана Георгиевна! - застонал при виде ее вахтер. - У вас лицо в крови... Что за нечистая сила? Кто это был?

- Это я вас должна спросить, кто это был, - отдышавшись и видя, что преследуемый ушел, с трудом скрывая разочарование, ответила Светка. - Вы тут охранник.

- Да он, видно, того... через котельную вошел. Ну и рожа, чисто дьявол!

- Не дьявол, а обыкновенный нацмен. Наколовшийся азербайджанец, которому нужна еще доза.

Вахтер радостно устремил глаза на кроссворд. "Доза! - воскликнул он, - точно!

Начинается на "д", кончается на "а", и ровно четыре буквы."

Светка ругнулась.

- Надо будет сказать котельщику, чтобы дыру-то в подвале заделал, - для очистки совести отозвался вновь увлекшийся газетой дедушка, в заключение проронив фразу из классического репертуара вахтеров: - Ходят тут всякие...

Светка пошла рыдать в барменскую. Запоздалая реакция на побои и унижение.

- Почему у меня должна быть такая жизнь? - шепотом орала она, ударя кулаком по красной бархатной обшивке интерьера. - Почему?

Да, действительно, почему?

Потому что тебе такая жизнь нравится!

О такой жизни ты читала в книжках, смотрела фильмы, вот ее ты и выбрала. С приключениями и без всяких обязательств. Чего ж тут плакать-то?

Она принялась кричать на телохранителей, вернувшихся из комиссионного магазина, куда сбывали краденую радиоаппаратуру. То были, как она их называла, "бугаи с периферии" - в свое время спасенные ею от отсидки за взлом киоска и принятые на работу Брыль с Мантулой.

- Сама ж нас в магазин послала, - уныло оправдывался Мантула. Брыль льстиво заверял:

- Что вы, Светлана Георгиевна, да мы б вас в обиду не дали. Надо же, как неудобно получилось. Мы же только на пару часиков отлучились.

- Болваны. Идио-оты! - обзывалась Светка. - Чтоб какой-то чурка нерусский бил меня ногами!

- Не кричите, - предостерг Брыль, - в баре есть уже народ.

- Плевать я хотела на народ!

...В банкетном зале шла дискотека. Светка нагрубила своим обычным кавалерам и уселась за столик одна. В красных огнях, мечущихся по стенам, плясали люди с мутными глазами. Как в крематории. Говорят, есть там такая пляска тел под влиянием высокой температуры их сжигания. Жуть. Ну, вот так и тут. Пляшут, дергаются, а глаза мутные-мутные.

Светка пила "блади-Мэри" и смотрела на все происходящее как бы со стороны.

" Пойду к раввину, - подумалось ей внезапно, - расскажу ему, какая у меня жизнь. Спрошу его..."

Ну, что ты его спросишь? Что?

Она не знала.

...С тех пор, кажется, в ней что-то перевернулось, душа начала оттаивать.

Говорят, Бердичевский ребе так трактовал благословение "Благословен Ты, Б-г, за то, что не сделал меня гоем": "Спасибо, Б-же, что мой приход к еврейству не произошел из-за гоя". Светка такого сказать о себе не могла бы: ее возвращение к еврейским корням всерьез началось лишь именно тогда, когда ее побил гой...

Она пришла в синагогу, тихая и смиренная. На раввина боялась даже поднимать глаза.

Надо отдать ей должное - начала продвигаться в изучении иудаизма гигантскими шагами. Может быть, потому, что в изложении Маршала это был иудаизм "с человеческим лицом". Что же касалось практического соблюдения заповедей, то с этим ей было тяжело. Любому еврею с этим непросто. Нет более трудной вещи для еврея, чем соблюдать непонятные вещи. Поэтому и дал Всевышний Тору народу Израиля именно тогда, когда евреи сказали: "Наасэ вэнишма" - "Сделаем и поймем".

Сначала сделаем, а потом поймем? Для умной нации это дикость! Другим нациям Всевышний тоже предлагал Тору. И от каждого народа просил соблюдать что-то такое, что именно этой нации, в силу природных склонностей, трудно. Например, сынам Ишмаэля - не воровать. Сынам Эйсав - не убивать. А сынам Израиля - выполнять непонятные повеления.

...Светка вскоре стала грамотной в еврейских вопросах девушкой, - правда, свою частную жизнь менять пока не торопилась. Одежду она теперь предпочитала закрытую, деловую, джинсовую - такую, чтобы не смущать раввина, общение с которым стало ей ясконечно дорого. Первой заповедью, с которой она "подружилась", был шабат. Просто ей запала в душу сказанная раввином фраза: если ты хранишь субботу, то суббота хранит тебя. Лучше всяких телохранителей.

Испуганная шантажом одного своего бывшего любовника, Светка боялась в то время поднимать телефонную трубку. По шабатам чувство страха пропадало, а на телефон нельзя было в субботу отвечать в любом случае. У нее стали появляться мысли: а что, если Б-г в самом деле есть? Ведь когда тот наркоша начал ее бить, то она взмолилась именно к Б-гу... и именно тогда в голосе

нападавшего вдруг прозвучали истерические нотки, которые показали ей, что ей нечего, в сущности, бояться. Значит, Б-г ее услышал и спас. Раввину она все же недоверчиво сказала, что, мол, таким, как она, Б-г помогать не будет.

- Неправда. Даже когда ты падала ниже и ниже, Он был с тобой. Теперь, когда ты начнешь карабкаться наверх, думаешь, Он тебя оставит?

С субботой Светка поладила. Начала ее чувствовать. Вот ведь, идешь по улице, и вроде бы все как всегда: асфальт, автобусы, птички. А на самом деле нет. Все иное. И еда удивительно вкусна, и воздух другой, и даже физическое притяжение меньше чувствуешь. Эйфория какая-то, безбидный такой наркотик, блаженное мироощущение. А на исходе субботы - обидно, что лишаешься этого. Следующая мицва, которую она попробовала исполнить, была... заповедь о талесе. Она еще не сообразила, что в талес закутываются только женатые мужчины. Увидела однажды утром Маршала выходящим из молитвенного зала и - была потрясена до глубины души его величественным обликом.

...По окончании общественной молитвы пробралась в опустевший зал, схватила один из сложенных и лежавших на столе талесов, распустила его, ощущая наполнявшую его святость, и накрылась с головой. Походила так по залу, подражая покачиванию и бормотанию стариков. О, как чудесно! Хорошо, что никто не заметил, как она вошла и вышла. Однажды, услышав на уроке от раввина, что Тора апеллирует ко всем нациям и что нужно распространять хасидизм во всем мире, она вдруг подумала - а не устроить ли в баре что-то вроде лекции-беседы? Пусть бы народ послушал умного человека, вместо того, чтобы только плясать с мутными глазами... Изложив просьбу к раввину кратко и внятно, она своего добилась. Маршал стал давать там лекции раз в неделю, приезжая - как же иначе? - вместе с женой.

...Когда Брыль с Мантулой внезапно увидели бывшего односельчанина, то их изумлению не было предела.

- Ты чего это такой импортный? Забурел? Под кого косишь? - начиная приходить в себя, забормотал Брыль.

Маршал, в свою очередь, с интересом разглядывал обоих. На Брыле был костюм с иголочки, модные очки, даже стрижка вполне благопристойная. Зато Мантула был в жилетке и цепи на голой груди, рваных джинсах, с длинными волосами. Он тоже уставился на Маршала с подозрением, поигрывая нунчаками, бывшими у него всякий раз наготове.

- Я думаю, что он косит под шерифа, - наконец определил Мантула, - вот только звезды не видать.

- Ну да, - шестиугольной, - уточнил догадливый и начитанный Брыль.

- Привет, орлы, - доброжелательно сказал Маршал.

- Все ли готово к сеансу?

Брыль с Мантулой переглянулись.

- Ты, что ли, сегодня, за диск-жокея будешь?

- За гипнотизера.

Галя наблюдала со стороны за встречей бывших станичников, но тут Брыль с Мантулой узнали и ее - и рассыпались в комплиментах. Вернее, в комплиментах рассыпался Брыль, а Мантула смутился и - от стыда, что бывшая одноклассница Галя видит его в таком наряде и в таком месте, - растерянно выронил свои боевые нунчаки.

- Ну, давайте, рассаживайтесь, - распорядилась Светка, появившаяся откуда-то из недр барменской. Запустила цветомузыку, по стенам затемненного зала поплыли звезды, как в планетарии, были поданы холодные и горячие напитки, билетерша начала запускать молодежь.

42. ДИНОЗАВРЫ

Занятия проходили в вольной форме - народ заваливал, узнавал новости, спрашивал, какой боевик сегодня будут крутить. Выяснялось, что боевика сегодня не будет, но зато есть бесплатное угощение у самовара и что еврейский раввин отвечает на вопросы о смысле жизни.

Брыль с Мантулой, получившие указания от хозяйки бара, не расслаблялись ни на минуту - следили за публикой, как бы кто не позволил себе антисемитских выпадов. Но выпадов не было. Был обыкновенный треп, столь милый сердцу старшеклассников и студентов:

- А вот любовь... А вот Ромео и Джульетта... А почему религия запрещает человеческие чувства... А сотворение мира? Что за байки? Наука... Но, с другой стороны, наука тоже не на все вопросы отвечает. А Б-г - он какой? У евреев Б-г жестокий, так христиане говорят. Это правда? А может, Б-га все-таки нет. Есть супер-пауэр. Высший интеллект. А может, инопланетяне. А по-вашему, есть инопланетяне? Ну, какие-то высшие силы, конечно, есть. Мистика есть. А вы в барабашку верите? А в Бермудский треугольник? А почему у вас шляпа, борода - и какие-то ниточки на краях одежды? Это потому что вы - религиозные, да? А много у вас в этом, как вы его называете, Хабаде людей? А что такое Хабад?

- Б-г - это я! Хочу - убиваю. Хочу - граблю. Хочу - колюсь. Мне никто не может помешать. Поняли? А если вы со мной не согласны, то попытайтесь меня перевоспитать, а я на вас посмотрю. Только гиблое это дело. Я для себя уже все давно решил.

- Да заткнись ты, толстый! Ты в жизни мухи не убил! Что ты из себя ставишь? Дай другим спросить...

- Вот вы раввин, да? И у вас, что ли, монополия на Б-жий закон? Только вы, раввины, знаете, какие у Б-га законы? А индийский гуру или польский ксендз, значит, не знают? Только вы одни правы? Только с вами Б-г лично поговорил и все вам разъяснил? А мы, простые смертные, должны вам поклоняться, что ли?

- А какая у вас зарплата?

- А с Советской властью вы ладите?

- А водку у вас в синагоге раздают? По каким праздникам? Я приду!

Маршал искренне наслаждался общением. Приходили в голову какие-то хасидские байки - публика воспринимала их вполне нормально. Вспоминались сухие аргументы из "Кузари", "Морэ Нэвухим", "Эмуна у-мада" - и наступала тишина, во время которой ребята сосредотачивались, воспринимали сложные концепции, получали удовольствие от следования за изощренной, тонко логически выстроенной мыслью. Раздавался хохот, вызванный каким-нибудь идиотским замечанием одного из малограмотных участников дискуссии. На такое замечание у Маршала внезапно находился остроумный ответ, и этим односложным ответом он срезал на корню множество неуместных реплик, которые, попытайся он их воспринимать всерьез, превратили бы всю дискуссию в тягучую кашу. Иногда, как сказал Набоков, удачное слово провозит идею контрабандой. Так и здесь - озарение юмора иной раз срабатывало лучше, нежели сработал бы научный подход.

- А вот, к примеру, динозавры! - говорил парень с испытанным русским лицом, - их нашли, а они старые-престарые. Миллионы лет лежали. А вы говорите - пять тысяч лет как мир стоит.

- Хороший вопрос, - отзывался Маршал, - как тебя, во-первых, зовут?

- Алексей.

- Вот, Алексей. Скажи, ты какую-нибудь работу или ремесло знаешь?

- Я это, на мебельной фабрике.

- Прекрасно. Мебельная фабрика производит, например, стулья?

- Ну, производит. Но я это, про динозавров...

- Доберемся и до динозавров. Стулья на вашей фабрике из чего делают?

- Ну это, из опилок. А смотря какие...

- Допустим, из опилок. А опилки откуда берутся?

- Да я это... НАСЧЕТ ДИНОЗАВРОВ!

- Не торопись, парень. Мое слово - будут тебе динозавры. Дай пять. Сильная рука! Ну, жми, рабочий класс! Веришь? Будут тебе динозавры.

Алексей, обменявшись с Маршалом рукопожатием, добрел - сразу хотелось выпить. Ему наливали.

- Нет, брат, погоди пить. Сначала ответь мне насчет опилок. Откуда они?

- Ну, из... дерева... - недоуменно оглядывался он на всю братию.

- Дерево откуда?

- Из земли!
- Земля откуда?
- Из молекул! Из первичного взрыва! - отвечали нетерпеливые умники.
- Подождите, дайте Алексею разобраться, - просил Маршал.
- Не знаю... - сдавался парень.
- Что и требовалось доказать. А теперь ответь мне: ты бы смог изготовить стул ИЗ НИЧЕГО?
- Нет, не смог бы, - отвечал обалдевший Алексей. Такое ему и в голову не приходило.
- А если бы Всевышний сотворил из ничего мир - ты бы удивился?
- Чего ж удивляться. Б-г все может.
- Так. Теперь скажи мне: трудно понять разницу между пятью тысячами лет и миллионом лет?
- Ну да! Динозавры вон, миллион лет лежат, а вы говорите - пять тысяч лет как мир стоит.
- А разницу между стулом и пустотой ты понимаешь?
- Это то есть как?
- Вот, не было стула - и вдруг есть. Это большая разница?
- Конечно.
- И если Б-г в миг сотворил мир из абсолютного Ничего, то, как ты думаешь, неувязка с каким-то миллионом лет или тысячами - это уважительная причина, чтобы в Него не верить? А не мог ли Всевышний сотворить таких динозавров, которые КАЗАЛИСЬ бы старыми, будто им миллион лет? А не может ли наука ошибиться в определении возраста ископаемых, которые перенесли множество температурных изменений и подверглись влиянию прочих атмосферных факторов?
- Да! Нет! Может! Ясное дело! - зашумели ребята, - а я читал...

Один парнишка выказал замечательную начитанность и внятно разъяснил всем насчет невозможности "экстраполировать термогеологические факторы" на тысячелетний период времени. Маршал узнал из его выкладок кое-что новое для себя.

- Ладно, раввин. Я понял, - сказал Алексей. - Как - не могу объяснить, но понял. Что, мол, у Б-га с динозаврами Свой счет. Он, мол, знает, зачем и как они есть.

- Выпьем за динозавров, - подытожил Маршал.

Алексей на другой день пришел к Маршалу в кабинет в синагоге. Посидел в очереди, был принят на аудиенцию. Неловко себя почувствовал - слишком уж все официально. Но от своего первоначального намерения не отказался.

- Вы вчера нам объясняли насчет стула и пустоты...

- Я очень рад, что ты помнишь наш разговор. Так что же? - доброжелательно ответил Маршал.

Алексей помял в руках кепку.

- Я вот на себя удивляюсь: зачем ворую? А ворую ведь.

- Ты уверен, что хочешь мне это рассказывать? Никто тебя за язык не тянет.

- Да уж... Я и пришел, чтоб покаяться, чего уж.

- Ага. Почему не к товарищам в заводском месткоме, а ко мне?

- Да там - одна демагогия. А вы - по душам с нами вчера поговорили. Как спросили меня вчера "в чем разница, то ли есть стул, то ли нет стула" - так я аж оробел. Думаю - все прознал. Как я это... стулья-то ворую. Был стул, нету стула. Вместо стула - пустота, стало быть. Вот и пришел - покаяться.

Маршал вдруг осознал, что русский рабочий пришел к нему, точно к батюшке, на исповедь. Смешно или не смешно, но, во всяком случае, ответственно. У человека душа проснулась - значит, надо ему объяснить, как Тора смотрит на волнующую его проблему.

- Но, Алексей, ты ведь знаешь, что красть нельзя. Как же ты забываешь про это?

- А кого бояться? Никто не видит.

- Никто-никто?

- Кроме Б-га, понятно.

- Значит, надо помнить о Б-ге, и тогда не захочется красть.

- А как о Нем помнить-то?

Маршал задумался.

Действительно, как помнить? Ему на ум пришли строчки из "Тании". Он взял со стола одну из маленьких фотокарточек с изображением Любавичского Ребе и принялся писать на обороте:

"И вот Б-г Стоит над ним И вся земля полна Славы Его И смотрит на него И проверяет его почки И сердце: Служит ли он Ему Как положено?"

- Вот. Держи, это тебе. Читай каждое утро и каждый вечер вслух по три раза.

- Спасибо. А лицо это чье?

- Праведника.

- Б-жий угодник, значит.

- Я не знаю, что такое "угодник", у нас это называется - праведник.

Алексей положил на стол смятые три рубля.

- Благодарю, я пошел.

- Подожди! Вон в ту коробочку положи, там синагогальные деньги. Да постой, еще что-то тебе скажу.

- А?

- У Баал-Шем-Това... слышал такое имя? Наверное, нет?

- Волшебника?

- Ну, пусть будет волшебник. Был такой добрый волшебник в 17-м веке. А кучера его Алексеем звали. Как тебя.

- А, - он водрузил кепку на голову. - Ну, бывайте. А праведник ваш мне, значит, поможет?

- Поможет.

43. РЕЦИДИВ

Дома, в семейной обстановке, Галя с Маршалом нередко обсуждали Светкин приход к иудаизму, делились мыслями по этому поводу. Маршал не забыл то чувство, которое поначалу вызывала в нем ее голливудская красота, но сумел загнать свой запальный интерес к ней куда-то вглубь себя, в сферу подсознательного, не давая этим эмоциям никакого выхода. Ведь помимо яркой внешности и вызывающих манер у Светы, несомненно, была и душа - еврейская драгоценная душа, и следовало оказывать ей (душе!) внимание... Так что покровительствовали ей оба, раввин и раввинша, как бы на равных.

Существовала (так им представлялось) большая вероятность того, что Света Штерн "заглохнет" так же неожиданно, как встрепенулась, и интерес ее к Торе и заповедям очень скоро прекратится. Слишком все произошло быстро и экстравагантно, без настоящего раздумья, глубины.

Пока ей все внове - она соблюдает. Чуть станет трудно - сорвется. Поощряемая Галей, Света бывала в синагоге каждый день, живо воспринимала уроки хасидута, по субботам приходила (а не приезжала) на молитвы, участвовала во всех "акциях доброты" - походах по домам престарелых, больницам, детским домам.

Даже на расчистку территории еврейского кладбища бодро прибежала с веником. Вообще, влилась в группу молодых активистов (в основном, старшеклассников плюс несколько студентов университета) со здоровым энтузиазмом. Она начала перенимать у Гали благородство поведения, тихий тон разговора, готовность больше слушать, чем высказываться, скромные манеры и стиль одежды.

Галя рассказывала ей именно такие истории, которые должны были просветить ее относительно истинного облика еврейской девушки. Светка слушала, восхищалась. Вот здорово. Нельзя, оказывается, прикасаться к чужим мужчинам, кроме близких родных и мужа. Ах, как трогательно.

...Образно говоря, она линяла, как зверь, клоками: в одном месте шерсть сменилась, в другом еще нет. Какие-то заповеди взяла на себя, какие-то еще примеряла на себя - не жмет ли? Подойдет ли ей? Не стеснит ли свободу? Галя научила ее произносить благословения на еду, молиться по-русски, а затем и на иврите. Уделяла ей каждый день часа два индивидуальных занятий. Светка все время пыталась прерывать учебу, рассказывать о себе экстравагантные истории, как бы исповедуясь. Галя же ее останавливала, объясняла: не надо о плохом. Ребе говорит, что плохие вещи нельзя рассказывать не только о других людях, но и о себе тоже. Это как мускулы: чем меньше их тренируешь, тем больше они слабеют. Так и память: чем меньше вызываешь к жизни плохие эпизоды из прошлого, тем скорее они забываются, уходят.

"Но я не могу все время разговаривать только о мицвах и законах!" Она устремила на собеседницу светлые нагловатые глаза. Галя выдержала взгляд и - тоже хитра была - вроде бы согласилась со Светкиным протестом, сразу перевела разговор на другое: "Расскажи мне о своей семье. Насколько я понимаю, у тебя есть мама, от которой ты ушла жить отдельно. Тебе не хочется наладить с ней хорошие отношения? Об этом я с тобой с удовольствием поговорю".

- Ну, уж нет. К матери возвращаться не собираюсь...

- Где же ты сейчас живешь?

- В бункере.

- Что, среди бомжей?

- Не будем об этом. Я не хочу говорить о себе плохое. - Но ведь это - такое плохое, которое можно исправить!

- Не сейчас. Я еще не готова. Пусть у меня будет две жизни: одна - светлая, одна - темная. Мне так нравится...

Неизвестно, сколько времени продлился бы ее интерес к кошерному образу жизни и насколько глубоко она бы себя изменила, если бы не одно обстоятельство, спутавшее весь Галин план: Светка влюбилась.

Галя даже не заметила, когда появился в синагоге новый работник, оформитель, изготовитель цветных окон, не молодой, но, надо отдать должное, интересный и внешностью, и характером человек - Владимир Федорович Алесевский. Маршал по утрам звал его к себе в кабинет для надевания тфиллин, а потом водил его по

всем этажам и балконам синагоги, советовался, какие ремонтные работы стоило бы произвести, показывал, где и какие витражи требовалось вставить, и они обсуждали связанные с этим вопросы. Так прошла первая неделя их совместной деятельности.

Владимира Федоровича на самом деле звали Велвл Гецевич, но, естественно, это имя-отчество он мало кому открывал. Не только среди русских, но даже и в синагоге предпочитал именоваться Владимиром Федоровичем (а то, что еврей, было по нему видно и так). Глаза у него были черные и грустные, как у оленя, однако в целом вид - самоуверенный. Он был общителен и остроумен - даже Маршал, когда его собственный юмор выдыхался, заимствовал у него парочку новых острот для своих вечеров в дискуссионном клубе - таких, например, как вот эта загадочка: Детки, почему у верблюда два горба? Один - за родину, другой - за Сталина.

Сфера его профессиональных интересов была обширна - он умел не только изготавливать цветные витражи (для чего был приглашен в синагогу), но и понимал в строительном деле, а, кроме того, прекрасно знал историю живописи и архитектуры. Держал где-то под Ростовом мастерскую. А еще зарабатывал на жизнь пасекой, с которой обирал и отвозил на базу мед.

Еврейством пренебрегли уже его родители, так что ему лишь оставалось довершить начатое ими и жениться на русской, что он в молодости и сделал. Сейчас, в почти сорокалетнем возрасте, чувствовал себя чужим и жене, и повзрослевшей дочери. От этого было горько и пусто на душе, но Владимир Федорович не унывал. Заботился о них на расстоянии, жил отдельно, в мастерской по соседству с пасекой - и превыше всего ценил свою независимость, как творческую, так и личную.

Беседы с Маршалом не сделали его религиозным, но какие-то вещи его начали привлекать. Тфиллин, например. Он помнил, что видел такую штуку у своего деда, и эта заповедь с первого же раза, как попробовал, "согрела" его, стала для него родной. А остальные он просто не воспринимал. Во всей своей прошлой жизни - на учебе, на заработках, в компании - он хорошо ладил с людьми, к нему всегда тянулись: к его шуткам, опыту, ко многим практическим умениям. К тому же он любил людей, и сидя в каком-нибудь походе на привале, мог начинать бутерброды для всей компании, не заботясь о своем собственном, пока все не будут накормлены, хотя бы и с добавкой. Но и поставить нахальных сотоварищей на место в случае необходимости он тоже умел. Держал тонкое равновесие между добротой и строгостью. А это ли не вся Тора? Что, казалось бы, могло ему прибавить еще и практическое соблюдение всех еврейских заповедей? Будь хорошим человеком, живи по-совести, вот и все...

Светка сдружилась с ним запросто - ему было скучно в одиночку работать над витражами. Она играла роль простодушной, доверчивой девушки, он - соответственно - роль умудренного житейским опытом, разочарованного мужчины на склоне лет. Трепались о жизни, пили чай, перекуривали в подсобке. Порой ей удавалось заманить его в городской сад, невинно поиграть с ним в шахматы.

Чувствуя себя намного старше ее, он воспринимал ее внимание как нечто лестное для себя, - лестное, но, разумеется, скоротечное, случайное, несерьезное. Он видел и то, как иной раз она нарочно уступает ему в игре (у нее же был

разряд), и то, как ласкает его взглядом, и все это вызывало в нем желание потрепать ее по плечу, назвать Светочкой, купить ей мороженое и вспомнить при этом свою дочку Алину...

А для нее это был удивительный период нежной влюбленности, способности к которой она раньше за собой не знала. Во всяком случае, так ощущался ею оттенок этого чувства - нежная влюбленность. Она могла определять нюансы любовных чувств, разбиралась в их проявлениях. И очень четко осознала то, как на каком-то этапе от нежной влюбленности мало что осталось, а началась самая настоящая погоня за мужчиной, который вроде бы проявлял к ней лишь отцовские чувства. Или ей в свое время как раз отцовских-то чувств и недодали? Да, тут без Фрейда не разберешься.

В один прекрасный день Светка приобрела в магазине для собачьих принадлежностей новенький металлический ошейник с цепью.

Владимир Федорович закончил вставлять последний на тот день витраж в синагогальное окно у лестницы, обернулся на звук раздавшихся сзади шагов - и замер: Светка предстала перед ним в ошейнике, играя тяжелой цепью, спускавшейся до самого пола, и произнесла тщательно продуманную фразу, исполненную драматизма:

- Посмотрите, что со мной сделала жизнь.

Он спустился с лесенки, вытер руки, снял рабочий фартук, с интересом пригляделся... Понял намек. Ответил очень спокойно:

- Не запускай коготки в мое усталое сердце.

Потом он последовал за ней в какую-то подворотню, попытался было снять с ее нежной шеи этот ужасный промасленный металлический ошейник с шипами, лицо его приобрело сосредоточенность - совершенно неуместную, если принять во внимание счастливо мерцающие Светкины глаза. Он был ей нужен - вот она его и завоевывала, уж как умела. А она умела. После этого и еще нескольких подобных маневров ей удалось добиться того, что в один прекрасный день он посмотрел на нее с выражением, которое ясно говорило: "Если будешь так продолжать, то допрыгаешься". "А я и хочу допрыгаться!" - ответил ее взгляд.

Но и такая откровенность не привела к слишком явному прогрессу. Тогда Светка сменила тактику - точнее, вернулась к первоначальной. Стало больше тишины, поэзии, вдумчивости, березовых стволов. Это подействовало, и наконец-то она увидела в его глазах неизбежность, жесткую пойманность в силки любви.

Ну, кажется, крепость взята... - подумала она после первого поцелуя.

Когда Маршал вернулся из летнего детского лагеря, где занимался организационной и преподавательской работой, его ожидали две особенных беседы.

Сначала в кабинет раввина постучалась Светка. Вяло поговорив с ним о своем прогрессе в исполнении еврейских заповедей, она вдруг посмотрела на него своим беззастенчивым голливудским взглядом и заявила, что ей надо ему кое в

чем признаться.

Маршал уже твердо знал о себе, что он не праведник, а, кроме того, с леденящим ужасом вспоминал о той ночи, когда его ребенок был в жару, что было им воспринято как кара Б-жья... Поэтому он только вздохнул и посоветовал ей на интимные темы общаться не с ним, а с его женой.

- Извини, - она вдруг перешла на "ты", - это что-то очень короткое и по делу. И ты мне можешь дать ответ, которого не даст твоя жена.

- Ну, - недовольно согласился он. Светка теперь смотрела на него спокойно и серьезно.

- Этот Алесевский, - заговорила она, - он... как ты думаешь, он... свободен? Я знаю его ситуацию, разведен... но в принципе - не это главное... а внутренне, я хочу сказать, он может захотеть... потерять свободу? Как ты считаешь, мы с ним можем друг другу подойти?

Маршал с облегчением перевел дух. Ну вот, голливудская бомба сброшена на бедного Алесевского, вот и прекрасно, так-то оно лучше для общества в целом и для него, Маршала, в частности.

- На мой взгляд, - мстительно сказал он, - вы подходите просто изумительно. В жизни не видел более гармоничной пары.

Светка растаяла от его доброты и выдала нечто еще более неожиданное:

- Я буду носить парик... А он будет с бородой и в шляпе, как ты... В духе лучших еврейских традиций... Вот как я себе это представляю...

Маршал оценил свежесть и новизну ее идей, кивнул величественно и даже не наговорил колкостей, как хотелось бы его уязвленному самолюбию.

- Понимаешь, я его люблю. Больше жизни, - не успокаивалась Светка. - Скажи, ты о чем-нибудь таком догадывался? Мы дали повод?

- Ты так говоришь, как будто я только хожу по синагоге и высматриваю, кто в кого влюбился! - с напускным добродушием отвечивал Маршал.

Не прошло и получаса после Светкиного ухода, как в секретарской замаячила сутулая и унылая фигура Алесевского. Кстати, именно это сочетание внешней унылости и, по контрасту, резких всплесков жизнерадостности и делало его таким интересным. Весело хмыкавшая от его дежурных острот секретарша (вот кто был бы счастлив его заполучить!) отвлеклась от стрекота машинки и побежала заваривать ему чай, а он тем временем удостоил своего посещения кабинет раввина.

- Мне очень хреново, раввин, - заявил Алесевский, облокотясь о подоконник, - будь добр, погладь свою солидную бороду и выдай мне некоторое количество жемчужин своей бесценной ортодоксальной премудрости.

Маршал посмотрел на него - оленьи глаза в темных кругах, ожесточение во

взгляде, нелюбовь к самому себе, насмешка над своими чувствами, нежелание ввязываться в новый круг мучений, в новый адский круг. Иными словами, в глазах - Светка, со страшной силой. Маршалу это было знакомо, правда, другой гранью, но знакомо.

- Вам бы жениться, Владимир Федорович, - вдруг произнес он пошлую фразу.

- Мне-то? Не могу-с. Пчелы заревнут. Вымрут от тоски. Ради них только и воздерживаюсь.

- А то бы?

- А то бы - хоть сейчас в ЗАГС. С Олечкой, секретаршей твоей. Эх, прокачу!

Олечка внесла чай, смущенная. Алесевский проводил ее пустым взглядом и, когда за ней закрылась дверь, перевел тот же невидящий взгляд на Маршала.

- Присядьте, пожалуйста... Почему же вы так не уважаете сами себя, - укоризненно сказал Маршал мастеру оконных дел, - ведь я каждое утро, когда учу вас накладывать тфиллин, напоминаю вам, что "Мозг властвует над сердцем по самой своей природе". Если вы видите в Свете Штерн достойную пару, то почему бы не сделать предложение? А если нет, то зачем валять дурака? Посмотрите на себя - от вас одна шкурка осталась, исхудали, под глазами мешки... Светка тоже одичала. Я вас просто не понимаю.

- Что я должен, по-твоему, делать? - спросил Велвл Гецевич раздраженно. - Откуда мне знать, достойная она пара или нет?

- Вы должны спросить ее, согласна ли она строить вместе с вами еврейский дом на основе Торы и заповедей.

- Чего-чего? - удивился Велвл Гецевич, - но я же не религиозный! И она тоже.

Маршал указал ему на зеркало, перед которым обычно поправлял узел тфиллин:

- Посмотрите, до какой жизни вы дошли... Извините, что я, молокосос, вас учу, но все же... Вы думаете, что жизнь - это игрушка? Есть Б-г, Велвл Гецевич! Есть Б-жественная воля. Как говорил Остап Бендер: "Я приехал, Зося Викторовна, и отмахнуться от этого факта невозможно".

Мастер оконных дел сидел, опустив сутулые плечи. Его глаза, которые в другое время умели излучать волевое, высоковольтное напряжение, сейчас были просто грустны.

- К тому же - она так молода. Зачем мне привязывать ее к себе? - проговорил он.

Маршал ответил:

- Она была здесь полчаса назад. Сидела на том самом стуле, на котором вы сейчас сидите. И знаете, что она говорила?

- Откуда мне знать?

- Что ей без вас просто нет жизни.

- Да, милый Боря, ты доверчив, - пожал плечами мастер, - ты думаешь, женщины способны помнить о своих собственных словах через пять минут после того, как их сказали?

- Поэтому я и говорю вам: не рассчитывайте только на эмоции. Стройте ваши взаимоотношения на основе Торы. Тогда ни вы, ни она не будете обмануты.

- Что ты, хотя бы приблизительно, имеешь в виду?

- Давайте составим список. Это целая программа!

- Ладно, охмуряй, раввин, - с усмешкой согласился собеседник, все же невольно заражаясь энтузиазмом Маршала.

44. ДЕЛО ПАХНЕТ КЕРОСИНОМ

"План" - написал Маршал вверху листа, да так добросовестно, что даже самому стало не по себе.

1. Что надо для невесты: изучить законы чистоты семейной жизни, законы кашрута, законы скромности, законы субботы.

2. Что надо для жениха: для начала - изучение законов чистоты семейной жизни и ежедневное накладывание тфиллин, в дальнейшем - постепенно - изучение всех практических заповедей, исполняемых мужчинами. Особенное внимание уделить законам субботы во всех деталях.

- Подпишитесь! - потребовал Маршал. - Если, конечно, вы согласны с программой. И Светка тоже подпишется. Вот увидите, она еще быстрее вас перейдет на кошерный образ жизни. У нее огромный потенциал.

Все... Можно было умолкнуть, перестать слышать свой фальшивый бодрый голос. Маршал жаждал как можно скорее избавиться от роли устроителя Светкиной судьбы. В конце концов, кто она ему? Дочь, сестра? Это просто неприлично! Пусть выходит замуж и уматывает куда-нибудь вместе с Алесевским. С глаз долой.

Через некоторое время влюбленная пара подписалась, и "документ" был торжественно положен в сейф...

Но в тот же день они нашли какой-то предлог повстречаться снова и - с наслаждением нарушителей, грешников, преступающих только что подписанный договор о кошерном образе жизни, поехали гулять вдвоем по сельской местности. Владимир Федорович выглядел увлеченным, как юноша, показывал ей свою пасеку, угощал медом и жареным гусем в яблоках. И не только выглядел - поначалу он был на самом деле увлечен, влюблен и радостен. Но потом, когда они зашли в старенький прохладный домик... Светка оказалась гораздо смелее и опытнее, чем он предполагал. Ее наглые повадки ему совсем не понравились. Он был

старомоден в таких делах, считал, что инициатива должна исходить от мужчины, и что, если вообще секс возымеет место, то только тогда, когда он, хозяин, насчет этого решит...

- Владимир Федорович, а почему мы с вами больше ничего не делаем? Дело-то пахнет керосином!

Он отшутился не без холодности:

- Керосином, говоришь? А по-моему, "дело - табак".

Инстинкт самосохранения вовремя подсказал ему, что эта очаровательная девушка - чрезвычайно хищный тип. Что она его, несмотря на все свои заверения, не любит и любить не собирается. Привыкла всех подчинять себе. Нравственные ориентиры у нее отсутствуют. Достаточно было посмотреть в ее светлые до наглости глаза, ощутить эту ее великолепную голливудскую самоуверенность... А он способен полюбить по-настоящему, всей душой, и тогда окажется в весьма жалком положении.

Пока она ластилась к нему, он успел перейти от размышлений - к выводам, а оттуда к практическим действиям.

Показал на дверь и произнес:

- Хватит, Светочка. Повеселились. Вот Б-г, а вот порог.

Вообще-то она была хорошей актрисой, но тут сделала пару неловких, не оправданных со сценической точки зрения жестов - и повиновалась. Ему даже захотелось запустить чем-нибудь тяжелым ей вслед, до такой степени оскорбило свойственное ей потребительское отношение к нему как к нужному ей индивиду, который, подвергшись соответствующей обработке, просто не может не поддаться. А вот и может. И очень даже может.

...Светка, изгнанная из рая, кусала губы. Ноги не слушались, но идти все же было надо. Пасека осталась позади... Дошла до дороги, поймала машину, нащупывая в кармане некоторое количество бумажных денег на всякий случай.

- В Ростов? - спросил водитель. Она кивнула. За окном закрутились в медленном темпе весенние поля Ростовской области.

Уселась на заднем сиденье машины - впереди была еще какая-то женщина, очевидно, жена водителя - и принялась прислушиваться к своим ощущениям.

"Что за чепуха? Как он мог отказаться? Ведь он не меньше меня влюблен".

"Есть этому какое-то объяснение?"

"Не надо объяснений"

"Мы - как выражается на уроках "Тании" наш раввин - не пали жертвой случайного влечения. Увы. Но это не значит, что мы не будем вместе... Будем, будем. Будем очень счастливы. В конце концов... он прав. Хороший, нормальный,

правильный, жизненный мужик. Не захотел так просто себя отдать. Верно. Надо выстрадать. Ладно, я готова... Ведь мы же подписали..."

"Я люблю его"

"Жаль, что я не пчелка. Жила бы у него на пасеке, и он бы обо мне заботился... И не прогнал бы..."

45. СКОЛЬКО СТОИТ БИЛЕТ К РЕБЕ

Маршал, по справедливости испытывавший недовольство своим моральным обликом, решил ехать к Ребе. Галя не очень-то хотела оставаться одна с ребенком, но не спорила. В конце концов, можно пригласить маму пожить с ней на время его отсутствия. А Ребе повидать - это, наверное, очень важно.

- Я выдохся, понимаешь? Я три года у Ребе не был! За три года ручей пересыхает, не то что человек, - жаловался Маршал.

Владимир Федорович (как никогда ранее выглядевший в то утро измотанным), надевая тфиллин у него в кабинете, поинтересовался:

- Сколько стоит билет туда?

- К Ребе? Неважно. Деньги тут роли не играют. Это вопрос жизни, понимаете?

- Слушай, зови уже меня на "ты". Я не обижусь. И без отчества можно.

Просто Володя. Так давай еще раз: сколько стоит билет к Ребе? Маршал ответил без пафоса:

- Триста долларов. Ну, может, четыреста. А что - вы... ты хочешь ехать?

- Я подумал об этом, слыша, как ты тут прыгаешь и вопишь, что три года его не видел. А я вообще не видел. Никогда.

Маршал обрадовался, что у него отыскался сообщник:

- Чудно, Володя, давай действуй, и - поехали!

- Надо набрать халтуры. За пару месяцев деньги будут.

- Ты меня не понял! Я еду к Ребе сейчас!

- Тогда езжай один...

- Возьми в долг, потом наберешь, как ты выражаешься, халтуры, и раздашь.

- Я не беру в долг. Это не мой стиль.

- Если бы ты только знал, как эта поездка поменяет все твое мировоззрение, ты бы деньги из-под земли достал! Хочешь, я тебе достану?

- Боря, не колыхайся. Сказал ведь: поеду через два месяца.

- А что у нас через два месяца? Знаешь, ты-таки прав: это будет как раз Рош-а-Шана. Большинство людей именно в это время и едут к Ребе. Это - самый пик. Но я... как я могу бросить общину в такое время? Разве что заместителя пришлют.

- Если поездка к Ребе так важна, как ты говоришь, то, действительно, из-под земли достанешь заместителя...

- Это верно. Только, прежде чем строить планы, скажи мне - когда вы со Светой собираетесь пожениться?

- Не упоминай, пожалуйста, вообще при мне это имя.

- Что случилось?

- Ничего. Нет ничего, не было ничего - и не будет.

Маршал замолчал. Он понимал, что в его сочувствии, советах либо напоминаниях Владимир Федорович не нуждался. И, следовательно, лучше всего было эту тему замять. Так он и сделал.

Заместителей Маршалу обещали прислать сразу нескольких, но каких! Четырех тринадцатилетних мальчишек-израильян. Он от такого предложения был совершенно не в восторге. И зря. Мальчишки сошли с трапа самолета и оказались при ближайшем рассмотрении пусть и маленькими по росту, но серьезными и деловитыми, мужичками в черных шляпах. Русского языка они не знали, и от этого все окружающие тут же преисполнились к ним величайшего почтения, по свойственному советским людям раболепию перед иностранцами. Завхоз Гаррик сразу забегал по их поручениям, кухня выдала невиданное по роскоши овощное рагу, молоденькая секретарша приложила все усилия к тому, чтобы с максимальной приветливостью объяснить с ними на примитивном иврите.

Неплохо накормленные, уверенные в сохранности своих вверенных Гаррику вещей и документов, успевшие по доброте секретарши позвонить за казенный счет родным в Израиль и уведомить их о своем благополучном прилете - мальчишки наконец-то предстали перед Маршалом в его кабинете.

Он обменялся с каждым несколькими фразами на иврите и - запустил их к старикам, в молитвенный зал. Дедушки аж своим глазам не поверили, да и в последующие дни не переставали диву даваться. Эти мальчишки - из Израиля? Живо говорящие на языке иврит, вежливые, культурные, симпатичные... Без малейших комплексов, свойственных пожилым евреям диаспоры. Уверенные в себе, уверенные в Б-ге. Немного знающие идиш. Умеющие петь молитвы не хуже дяди Яши и дяди Миши, синагогальных канторов.

...Пока мальчишки общались с представителями старшего поколения, Маршал наставлял Брыля и Мантулу, оставшихся без работы и приглашенных им в синагогу на должность охранников. Дал им список основных ивритских слов и выражений. Велел опекать мальчишек повсюду, беречь как зеницу ока. И, конечно же, гостей следовало отвезти на могилу РАШАБа, как они о том просили. Это для них очень

много значило - предстать перед Пятым Любавичским Ребе, чтобы, прежде всего, помолиться о выздоровлении Ребе нынешнего. Тем более, что после инсульта, случившегося в Ребе весной того года, опасения за его здоровье испытывали многие. И ребята искренне верили, что их молитвы помогут...

С кладбища они вернулись ошарашенные. Сопровождавший их переводчик рассказал Маршалу, что там произошло.

Итак, группа, состоявшая из четырех израильтян, прибыла на могилу РАШАБа, чтобы сказать Псалмы за здоровье Ребе. А сторож их почему-то не хотел пустить. Они стали его уговаривать - очень, мол, важная у нас миссия, за здоровье Ребе помолиться. Какого Ребе? - спросил сторож. Они объяснили и показали фотографию.

- Этот Ребе болен? - недоверчиво произнес сторож, рассмотрев фото.

- Ну да! Уже несколько месяцев!

- Да не может быть, - сторож простодушно пояснил свое удивление: - Я ж его знаю! Он сюда каждую неделю приходит...

Ребята стояли ошарашенные:

- Приходит? Как то есть приходит?

А сторож отвечал как ни в чем ни бывало:

- Да вот очень просто: приходит, навещает это святое место.

- Но ведь он же болен, находится в Нью-Йорке!

...Мальчики не находили себе места от волнения: как, неужели правы те хасиды, которые утверждают, что Ребе вообще не может быть больным, что больны-то мы сами, и поэтому полного выздоровления следует желать именно самим себе... А у Ребе нет проблемы появиться в любой точке земного шара, пересечь даже иные миры, выйти из своей физической оболочки и снова в нее войти... Правда, мы не можем понять, как такое возможно, однако рассказов и свидетельств о том предостаточно! Обо всех лидерах хасидизма в целом и Хабада в частности известны подобные вещи. А тем более, когда речь идет о руководителе седьмого поколения ("все седьмые - любимые"), Праведном Мошиахе!.. Полагать, что для Ребе существуют ограничения, значит - судить о нем по себе, исходить при этом из своей собственной ограниченности. Маршал так и объяснил ребятам. Он еще не знал, что вскоре сам подвергнется воздействию определенных факторов, способных влиять на эмоции, и чуть ли не усомнится в том, что в тот момент казалось ему столь ясным...

...Было воскресенье, и синагога наполнилась гамом школьников, пришедших на еженедельные занятия в воскресной школе. Маршал разделил мальчиков и девочек на четыре группы и предоставил каждому из новоприбывших израильтян заниматься с одной группой. Переводчики, хотя и слабенькие, имелись среди самих же ребят. Темой урока было построение Храма.

46. ЛИКВИДАЦИЯ ИМУЩЕСТВА

Светка - Российская Империя переживала странный период в своей, и в целом вообще-то странной, жизни.

Во-первых, она четко осознавала, что этап "прощупывания человечков" навсегда ушел в прошлое. Ощущение было такое, что своей воли у нее больше нет, пусть бы любимый человек приказал ей что угодно - она покорно все исполнит. "Буду ноги ему мыть и ту воду пить", - как выражает это прекрасная русская поговорка.

Во-вторых, до нее начал доходить смысл уроков по "Тании", и она уже на собственном опыте понимала, что - как неоднократно говорил раввин - нельзя-таки ставить телегу впереди лошади. Нельзя гнать эмоции вперед разума. Это плохо может кончиться... Лучше - как требует того иудаизм - спокойно поговорить о любви и браке с выбранным для этой цели человеком, причем поговорить "без рук", предпринять какие-то разумные шаги к осуществлению желаемого... будет меньше нервотрепки, меньше обломов. Уважай себя, уважай партнера. Да. Это понятно.

В-третьих, у нее наступило частичное (но и при своей частичности уже весьма болезненное) прозрение в восприятии самой себя. Кто она есть? Вернее, кем была до сих пор?

Приходилось признать - холодной эгоисткой, расчетливой и цепкой - умеющей манипулировать людьми, властолюбивой, высокомерной. Людей считала за мишени и любила "подбивать".

Наверное, эти черты и отпугнули от нее Владимира Федоровича. За них-то он ее и прогнал. Ай-яй-яй, какая рыбка сорвалась с крючка...Почему сорвалась? Потому что поняла, кто в данной ситуации рыбак (Света) и кто рыбка (Владимир Федорович). Какой нормальный мужик захочет быть рыбкой на крючке?

Значит, ей придется изменить в себе что-то очень глубинное, сущностное... Иначе его не вернуть. И это уже не шутки.

Четвертое открытие, которое она сделала, касалось ее вещей. Незадачливые прежние ухажеры из кожи вон лезли, чтобы удивить ее каким-нибудь подношением, и она не видела ничего безнравственного в том, чтобы пользоваться их глупостью. Теперь эти подаренные вещи стали ее смущать. Вскоре она избавилась от них - всех до последней косметички, подвергая мучительной и детальной проверке свое имущество, понимая, что, раз аморальное поведение стояло за всей этой роскошью, значит, из тупика теперь не выберешься, пока не устранишь всякую связь между собой и этими предметами.

Из ювелирных украшений упрямым оказался браслет, не желавший расставаться с хозяйкой. Его подарил в свое время индус. Изготовленный на берегах Ганга неким мечтательным кустарем, браслет состоял из живых, растягивающихся, змеистых ячеек, создававших всякий раз - в зависимости от дистанции растяжки - новый узор, и потому был неповторимо-изменчив.

С индусом отношения были не совсем любовные - скорее,

философски-познавательные. Ладно, чего уж там. И браслету дорога туда же, куда всему остальному.

...Мысли по ходу ликвидации имущества очищались, светлели... Иногда находили воспоминания - "и псы возвращаются на блевотины свои" - приходилось прерывать их бег, сознательно отстраняться от прошлого, отсекать себя от него.

"Признаю, что являюсь корнем зла, и прошу меня искоренить..." Куда же теперь идти жить? На квартиру к матери?

Последние годы она ночевала в отдельной комнатухе в "бункере", где тусовались молодые поэты, прозаики, актеры и люди, их преданно любившие и носившие им еду.

Насчет ее семьи Маршал (считавший Свету профессорской дочкой) в своих предположениях ошибся - ни интеллигентной, ни вообще семьи как таковой не было.

Была часто менявшая кавалеров мать, стареющая актриса драмтеатра, и проживала она в прокуренной, запущенной, полной пепла и тараканов квартире. Светка явилась к матери с вещами, голодная и злая. На кухне все вызывало в ней брезгливость. Тараканы даже не прятались, а полноправно владели помещением. Чайник был такой, что противно взять в руки. Холодильник - почти пустой, залитый чем-то липким внутри.

При виде дочери Розалия Александровна не то чтобы обрадовалась, а, скорее, застыдилась и поспешила скрыть это, завесившись клубами дыма. "Да, я опустила, это верно, но мне можно, мне позволено, я же творческая личность, я выше бытовых мелочей..." - таков был невысказанный речитатив. Светка этих настроений не уловила.

- Мам. Как ты живешь? У тебя, я смотрю, все на самотеке, - проговорила она устало.

- А что ты хочешь?

- Да я ничего не хочу.

- Ну, и не приставай ко мне с критикой.

- Но, мам, как же?.. Ты разве не голодаешь? Вот что: пойдем в синагогу, там дадут поесть.

- Ни за что! Лучше пригласи меня в ресторан!

- Мам, я больше не питаюсь в ресторанах. Я с некоторых пор... соблюдаю кашрут.

- Глупости.

"Мама не спрашивает, что означает это слово - стало быть, знает. Знает - и презирает..."

- Почему? Ведь это Б-жественный закон!

Прозвучал излишне акцентированный ответ матери:

- Вся эта внешняя атрибутика религии мне внушает глубокое отвращение. Б-г должен быть в душе.

Светка помолчала, все еще не закрывая жалкой утробы холодильника, держа его за испачканную жиром дверцу.

- Мам. А вот, знаешь, тебе уже за шестьдесят. Живи долго и счастливо. Но все же: если вдруг ты заболеешь и попадешь в больницу, а оттуда - в дом престарелых. А я не буду ничего предпринимать - только любить тебя в душе. Безо всяких внешних действий. Ты бы так хотела?

Розалия Александровна рассмеялась неестественным смехом:

- Это шантаж?

- Нет, мам. Это сравнение. Или, если хочешь, уподобление. Метафора, в общем.

Мать покашляла, как бы собираясь с мыслями. Пожала плечами.

...Светка натянула старый свитер, принялась мыть, скоблить, оттирать с солью и стиральным порошком все кухонные поверхности. Когда хоть где-то, хоть немного проступала чистота - сердце радовалось. Затем нарезала овощей, и вскоре на плите уже весело подпрыгивала крышка кастрюли, из-под которой вскипал ароматный суп.

- Ну, чего ты? Чего ты? - недовольно сказала мать, появляясь в кухне, с отсветом телевизионного бреда на лице. - Ишь, чистоту навела... Субботник себе устроила?

- Воскресник, - поправила Светка. - На, мам, поешь супчика.

47. "ФУН КИСЛАВИЧ КЕЙН ЛЮБАВИЧ"

Ребята - их звали Мойше, Шмулик, Шолом и Хаим - доставляли, с одной стороны, много хлопот, а, с другой стороны, ожидаемого эффекта от их работы не ощущалось. Время расплзлось на кутерьму с переводом, с незнанием элементарных вещей, нужных для приспособления к российской действительности, на возню с визами, медицинской страховкой, охраной, капризами ("Как? У вас нет кошерного кетчупа?"), а к тому же мальцы, такие толковые и деловые в вопросах учебы, в практической жизни были рассеянны, забывчивы, то и дело что-нибудь теряли, включая документы, ключи и деньги, и Гаррик сбивался с ног, отыскивая пропажу. Но другой эффект - не тот, который ожидался - был ими произведен в полной мере.

Атмосфера в синагоге поменялась, стала возвышеннее. Потому что ребята эти были изнутри полностью чистые, кошерные, все их мысли, слова, действия отличались такой непосредственной - в луче воли Ребе - целеустремленностью, что окружающие невольно проникались желанием хоть в чем-то улучшиться, чтобы приобрести эту, пусть наивную, но такую трогательную цельность. По-еврейски -

"тмимут".

...Когда Маршал спрашивал себя, сможет ли он оставить на них синагогу недели на три, то ему сначала казалось: нет, ни в коем случае. Вернешься - увидишь полный разгром. А потом он посмотрел на ситуацию иначе.

Ну, в худшем случае, что может за время его поездки к Ребе случиться? Оставят на видном месте ключи от сейфа? Ладно, не дадим ключи никому, кроме бухгалтерши Софы и жены. Не уследят за съестными припасами на складе? Так сами будут голодать, гаврики. Подвергнутся ограблению, нападению? Это может произойти и пока он в городе. Не поладят со стариками? Вряд ли. Ну, что еще может стрястись? Сделают слишком много телефонных звонков в Израиль? Надо дать инструкции секретарше.

Володе Алесевскому удалось поднабрать денег - при том, что по субботам он не работал - и оформить документы на выезд. Маршал предусмотрительно запросил от друзей в Нью-Йорке формальный вызов на них обоих, чтобы было меньше вероятности отказа во въездной визе.

В последнюю неделю перед Новым годом он еще успел съездить с Гарриком на квартиру Светы и (в отсутствие ее матери) откашеровать там кухню. В клубе провел последнее занятие, объявил всем о возможности написать Любавичскому Ребе письма-просьбы. Народ воспринял идею, и где-то с полчаса все трудились над трогательным сочинением "Чего я хочу в жизни?" А Алексей крепко помнил, что Ребе и доллары с благословением выдает, и умолял добыть ему один такой волшебный доллар. Маршал не обещал, не был уверен, что сможет это устроить... Сам он тоже составил записку-просьбу к Ребе. Свое желание он сформулировал так: "Пусть у нас с Галей будет еще ребенок. И чтобы моя любовь к ней была свежим и сильным чувством, а не с примесью раздражения и однообразия..."

Эту запись он сделал, пользуясь только ему понятными сокращениями, и сунул во внутренний карман пиджака. Пригодится. Не всегда умеешь точно выразить то, что хочешь, и раз уж это ему удалось, то надо сохранить запись. Ясность в мыслях необходима, когда стоишь перед Ребе и воспринимаешь его влияние. Это как телепатия: ты мысленно формулируешь свою просьбу, а Ребе посылает тебе благословение.

Часть просьбы исполнилась быстрее, чем он ожидал...

Перед самым его отъездом Галя сказала ему, что беременна.

У Маршала закружилась голова. Что - вот так, просто, без лаборатории с видом на Средиземное море, без сумасшедших денежных трат? Без нервотрепки? Вот так тихо и ласково? Ах ты, моя птичка. Знала бы ты, насколько я не достоин... не достоин тебя, не достоин чуда, которое произошло...

Он воспрянул духом. От радости пришло очищение. То, что не удалось бы путем постов, горьких испытаний, заучивания святых текстов и самобичевания - явилось само, как подарок, в луче добра, света, радости. "Мы - прекрасная пара... Мы созданы друг для друга... Какие у меня могли быть сомнения?" Эти мысли довольно быстро сменились у него практическими: кто будет Гале помогать? Ему подумалось, что теперь ребята из Израиля пригодятся вдвойне: они обожают

возиться с малышами. Гале трудно поднимать годовалого младенца - он, слава Б-гу, здоровый, крепыш. А Шолом с Хаимом от него без ума, готовы с ним возиться хоть полдня. У них же в Израиле большие семьи, с таким количеством малышей, какое в Союзе и не снилось никому. И мальчишки, естественно, привыкли нянчить своих братишек и сестреноч.

...Самолет взмыл, набрал высоту - и поплыл среди белых облаков, глотая километры.

Как все, кто едет к Ребе, Маршал был тревожно-счастлив. Тревожно - потому что Ребе увидит его и будет в тот же миг все про него знать. В работе, естественно, были сбои. Было много самодовольства. Лихачества. И прочих негативных явлений, которые, безусловно, надо... того... изживать. Ощущение счастья, однако, превалировало... Он заснул в самолете, и в полусне уже вспоминал то, как с первого момента, когда только переступаешь порог Севен-Севенти, ты будто делаешься лучше. Ты плывешь. Народу - море. Тебе наступают на ноги, тебя толкают, на тебя орут. Ты восторженно глотаешь все происходящее, как данность, как желанное событие. И вот уже тоже на кого-то нечаянно наступаешь, кому-то локтем сдвигаешь шляпу, на кого-то покрикиваешь - двигайся, парень! Это - утряска в нижнем зале, занятие мест перед приходом Ребе на молитву или фарбрэнген. Как в детской игре: море волнуется - раз. Море волнуется - два. Море волнуется - три. Ребе вошел, все - замри! Ты прижат, сжат, укомплектован, скомпонован, втиснут в гущу еврейского народа - и тем хорош.

...Слит, влит, утрамбован, вбетонирован. Ребята, да меня же просто вообще нет!
...Это так классно, когда тебя вообще нет.

Володя Алесевский пребывал в печоринско-онегинском разочарованном настроении, всячески подавлял в себе мысли о Светке (стюардесса была стройная, как она), с завистью смотрел на мечтательно-вдохновенное лицо своего дремлющего молодого спутника и, в целом, совершенно не понимал, куда и зачем он летит и жалел огромного количества потраченных на билет денег, часть которых ему-таки пришлось взять в долг...

Пролетали над Италией и Грецией - стал думать о древней архитектуре, залах, колоннадах, Колизее. Вот бы куда приехать, посмотреть. И зачем это он вообще решил лететь именно в Нью-Йорк?

Маршал проснулся - попытались выяснить, вечер сейчас, объективно говоря, или утро. Увидели в хвосте самолета белую стаю молящихся евреев - поняли: Шахарис. Примкнули. Помолились от души. На такой высоте молиться - в самый раз. К Б-гу, что ли ближе.

Поели чего-то кошерно-непритязательного и завели дружескую беседу, забившись в курящую часть самолета. И, как всегда после такого трепса с Маршалом, на душе у Володи полегчало.

- Был один хасид, - говорил Маршал, глядя в оленьи черные глаза Алесевского, который, бросив свои здоровые привычки, предался в последнее время массивному курению, - его звали Шмуль Мункес. Послала его жена на рынок, за яйцами. Он - послушный муж, пошел. Смотрит - тащится повозка. Хасиды с весельем, с песнями

едут куда-то. "Куда, ребята? Уж не к Ребе ли?" "К Ребе" "Возьмите меня!" "Полезай" ...Шмуэль Мункес пробыл у Ребе чуть ли не месяц. Но, делать нечего, надо возвращаться. Прибыл в местечко, и сразу - послушный муж - на рынок, за яйцами. Купил, поспешил домой. Уже в дверях поскользнулся, шлепнулся, яйца - всмятку, жена кричит.

- Не кричи, женушка, - поучительно вывел Шмуэль, - вот видишь, как оно выходит, когда слишком-то поторопишься!

...А вот песня, слышь, Володь? Слушай:

Фун Киславич биз Любавич Вэр дарф дир! Фун Киславич биз Ребен Вэр фрэгт ба дир Аяаяаяаяаяаяаяаяаяаяй! Ецер-оро остался Дома с красным носом, А хасид сорвался К Ребе на Тишрей.

...А хочешь еще историю?

- Скажи мне лучше, - прервал Володя, - о чем тебе так проникновенно рассказывал этот Алексей, когда приходил в последний раз?

- Ты не поверишь. Он просил, чтобы я привез ему доллар от Ребе. Я ведь им так разрекламировал Ребе и его чудеса, что чуть ли не все ребята в клубе решили написать Ребе письма.

- А что, кстати, будет с клубом? Он же расформирован, я слышал?

- Да. Придется устраивать занятия в каком-нибудь другом помещении. В синагогу эти люди не придут, сам понимаешь. Надо попросить класс у Сохнута на какой-нибудь нейтральной территории.

Володя перевел взгляд на стада кучевых облаков за круглым толстым окошком самолета.

- Скажи мне, Боря... Почему ты такой идейный? Как это тебе все так естественно дается? В доме у себя, что ли, ты с детства всему выучился?

- А если бы и так? То что?

- Ну - тогда понятно.

- Думаешь? Нет. И это бы ничего не объяснило. Но, кроме того, мое детство прошло в станице. Мой папа - абсолютно русский человек, совхозный механизатор. У меня только мать еврейка. А у тебя?

- У меня все евреи, до десятого колена. Но что в этом хорошего, Боря? Проклятое племя, обреченное Иудино семя... Вымираем мы, вымираем. Тебе этого не понять...

Маршал промолчал. Приписал Володин пессимизм неудачам в личной жизни. Началась болтанка, воздушные ямы. Над океаном штормило. В Нью-Йорк прилетели с опозданием.

48. БОРОДЫ И ШЛЯПЫ

...Севен-Севенти показалось Маршалу родным домом. Он так легко и радостно вступил в зачарованную страну, как будто его рук не отягощали два больших чемодана. В этом оживленном, теплом, полном черных шляп, сюртуков, молитвенных принадлежностей хасидском месте он чувствовал себя как рыба в воде.

- Г-споди, сколько их тут! Евреев-то! - изумился Володя. - Как пингвинов на Северном полюсе! А чему они все радуются???

- Кто тебе сказал, что мы радуемся? Вымираем, как видишь... Обреченные, неужели не заметно... - с готовностью припомнил его же собственные слова Маршал, подталкивая друга в танцующий людской водоворот.

Светка протирала мебель в квартире и нашла самодельный плакат, который мать, видно, когда-то приклеила на стену, но он слетел и застрял за диваном. Содержание плаката было таково:

"Для того, чтобы творить, нужно обладать внутренним миром... а он, этот внутренний мир, или есть - или его нет... и сложить его из кусочков какой бы то ни было информации невозможно!!!" Ф. Феллини

- Гениальные слова. Мам, ты где их вычитала?

- В воспоминаниях Эфроса. Эфрос, кстати, был дружен с твоим отцом. - эти слова Розалия Александровна прибавила с гордостью, так как Эфрос был для нее величайшим режиссером Союза.

- Кого ты имеешь в виду? У меня же не один, извиняюсь, отец... Сказано было резко, и мать побледнела.

- Твой отец - Жора. Георгий Штерн, - проговорила она тихо.

- А не Миша Вчерашний?

- Он заботился о тебе, это правда. Навещал, деньги присылал. Ты называла его папой.

Светка с болью уставилась на материн шиньон, съехавший куда-то на край пышной, неумело сделанной прически.

- Мам, может, я поэтому... ТАКАЯ? Может, мне просто неоткуда было нравственности взять? В такой-то обстановочке... Мать пожала плечами.

- Вот сейчас, - заявила она, - ты действительно ненормальная. Скрываешь фигуру, точно беременная. Ходишь в каких-то балахонах, всех друзей порастеряла... Зачем тебе это надо? Обработали тебе мозги там, в этой синагоге! Ханжи! Святоши! Лицемеры!

Светка не выдержала, заплакала. Потому что и у нее самой иногда такие мысли появлялись. Порой становилось жалко себя и обидно за то, что она как бы

поддалась чьему-то влиянию. Но разве это правда? Да нет же! Это - просто "плач по дыням Египта", как говорит раввин. Правда в том, что она стала намного, неизмеримо лучше себя прежней. Хотя жить стало труднее, потому что появились иные критерии самооценки.

- Посмотри, мам, - заговорила она, словно набравшись сил от собственного плача, обняв мать и указывая ей на найденный за диваном плакат: "...этот внутренний мир - он или есть, или его нет, и сложить его из кусочков какой бы то ни было информации невозможно..." Вот так и вера. Она или есть, или ее нет. Она не из кусочков складывается. Не думай, что ее кто-то навязал. Это - мой внутренний мир, мам. Тебе понятно?

Интересная вещь: именно перед матерью Светка старалась показать себя абсолютно убежденной, на сто процентов верующей, хотя в самом деле такой не являлась. Фактор противоречия подействовал. Так что общение с мамой оказалось мощным стимулом к усилению веры и скрупулезности соблюдения заповедей. Не то чтобы ей назло, а - чтобы показать, продемонстрировать: вот видишь, мама, я нашла правду, я сама!!!

Разговоры с матерью Светка решила сочетать с какой-нибудь совместной полезной деятельностью. Чтоб не грузить ее своей новой идеологией, а полноценно общаться. И поэтому предложила ей... пойти в парк рядом со стадионом, где давали на прокат лошадей. В лошадях Светка разбиралась, в свое время бывала на ипподроме чуть ли не каждый день. А мать - на редкость подвижная для своих шестидесяти трех лет - любила всякие острые ощущения. Ей идея пришла по душе.

Дали им смирных, обученных ровному ходу лошадок, и они скрылись в тени желтеющей рощи. Сначала мать была в хорошем настроении, предавалась воспоминаниям о Светином детстве - о том, какая Светочка была маленькая, кудрявенькая, как вертелась на турнике и как она за нее волновалась. Потом интонация стала более требовательной, даже угрожающей: кто бы мог подумать, что этот любимый ребенок, эта милая дочка попадет в руки религиозных?

- Ну для чего это, для чего все эти ограничения? - негодовала мать, - уж на лошади-то могла бы поехать в брюках?

- Я и так в брюках. Спортивных. А поверх - юбка, как положено.

- В старуху себя превращаешь!

- Я и есть старуха, мам. Гораздо старше тебя. Мне - лет семьдесят, знаешь? Я столько всего пережила, что у меня по душе - как будто татаро-монгольская орда проскакала. Все выжжено, как степь...

- О чем ты? У тебя была прекрасная жизнь. У тебя же все было! Столько поклонников! В роскоши купалась! Мне, и то цветы присылала в огромных вазах!

- Извини, мам. Можно я тебе объясню грубыми словами? А то ты, по-моему, недопонимаешь. У тебя все подернуто какой-то романтической дымкой. Тебе объяснить популярно, что это были за поклонники и почему, конкретно, они дарили мне предметы роскоши? Объяснить? Я же их просто водила за нос. Это -

форма вымогательства, юридически.

- А что плохого? Женщина на то и женщина, чтобы мужчины ради нее совершали безумства...

Светка фыркнула.

Мать поинтересовалась:

- Какую же жизнь ты хочешь?

- Я хочу двадцать детей!

- Дурочка!

- И мужа с бородой.

- Фу!

- И, более того, я уже, кажется, знаю, кто это будет. У него, правда, пока ни бороды, ни шляпы нет, но он на верном пути. Мать чуть не свалилась с лошади, ибо, всплеснув руками, выпустила поводья. Светка поддержала ее, обняла свободной рукой.

- Mam, ты видишь, что я тебя очень люблю и ничуть на тебя не обижаюсь? Иначе я бы тебе не поверяла свои сердечные тайны. Я уверена, что ты будешь со мной заодно. Во всем. Mam, ты рада, что мы с тобой теперь вместе, а?

Мать попросилась слезть с лошади, и они мирно уселись на лужайке, чтобы позавтракать бутербродами. Работник парка увел коняшек, и, пока Света вынимала кульки с едой, беседа возобновилась.

- Что ты шепчешь перед едой? Что ты руки поливаешь? Что за фокусы это все? Умная же вроде девушка, а в такое мракобесие впала! Маразм, честное слово! Прямо как бабка Гита стала!

- Бабка Гита? Это кто?

- Матушка Жорина. Она тебя до трех лет воспитывала, а потом уж я не выдержала, забрала тебя от нее да к другой родственнице, в Москву, перебросила. Ну и религиозная же была Гитель Абрамовна. Все в синагогу тебя таскала.

- Где?

- В Киеве. Она и еще парочка таких же фанатичек все собирались на Щековицкой, обряды справляли. Ох и злилась я на нее!

Светка впала в транс, даже бутерброд, поднеся ко рту, забыла откусить: как? у нее была такая праведная бабушка? Гита, милая Гита Абрамовна! Какое чудо!

- Какое прелестное имя - Гита! - произнесла она, уставившись в одну точку и мысленно услаждая свой слух этим звуком. В этом имени есть и что-то

джигитское, подходящее ей по характеру, и в то же время такое доброе, хозяйственное, семейное, мирное - тот имидж, который она хотела бы со временем создать.

- Знаешь, я возьму это имя себе, - сказала она по некотором размышлении, - это как раз то, что нужно. Это на идиш, да? "Хорошая". "Добрая". Спасибо, мам, за подсказку. Хорошая, добрая, Гитл...

...Маршал пропал из Володиного поля зрения, закрутился среди хлопавших его по плечу знакомых, которые тоже ныряли в этом людском море привычно и умело, и Алесевский был беспощадно оттерт к "береговой зоне", то есть дальше от водоворота и ближе к стене - где кто-то спокойно складывал талес, а кто-то дремал над раскрытой книгой, и где можно было в конце концов перевести дыхание после участия в хасидской пляске.

- А где же Ребе? - подумал Володя. И тут, обводя глазами зал, он посмотрел вверх и увидел балкончик - прямо напротив восточной стены, той, где арон-кодеш. Занавеска балкона была задернута.

- Ты смотришь, появится ли Ребе? - спросил Маршал, вновь оказываясь рядом с ним. И, не дожидаясь ответа, добавил: - Нет, Ребе уже показывался сегодня на утренней молитве, до того, как мы приехали. Теперь мы сможем его увидеть только вечером. Если вообще... Ребе ведь после сердечного приступа не ходит и не говорит, только появляется на этом балконе дважды или трижды в день.

- Ах, вот как? - разочаровался Володя, - мне нельзя будет с ним поговорить?

- Вот увидишь, ваш разговор состоится. Ребе тебя достанет взглядом - да так, что на всю жизнь запомнишь. Поверь мне. Я бы тебя зря сюда не тащил.

Обалдевший от долгого полета, невыспавшийся, небритый Алесевский ошалело смотрел на Маршала.

- Ну, куда теперь? - спросил он, сдерживая желание ругаться или еще как-нибудь выразить свое непонимание всей этой мороки: денежных затрат, тягот 13-часового полета плюс нескольких часов пребывания в ортодоксальной синагоге.

Прозвучал неутешительный ответ Маршала:

- Теперь мы пойдем скитаться по чужим углам. Приютимся в каком-нибудь "бейсменте" - подвальчике, разберем свои пожитки, окунемся в микву, поедим. Ты готов к марш-броску по улицам Краунхайтса?

- Постой, - удивился Володя настолько, насколько у него еще были силы удивляться, - а разве миква - это не только для женщин?

Маршал помахал кому-то рукой, а затем обернулся к собеседнику и ответил:

- Нет. Для женщин - это окунание раз в месяц с целью очищения, а у нас - ежедневно и с целью возвышения. Перед утренней молитвой, перед шабатом... Это другое...

Владимир Федорович отсутствующе кивнул. "Очищение", "возвышение"... на голодный желудок не воспринималось.

Человек, которому Маршал прежде помахал рукой, подошел к ним и предложил помочь им нести вещи.

- Знакомся, - сказал Маршал Володе, - это миллионер Нати Нагель. Мы будем жить у него.

Шуточки, а?

Выйдя из Севен-Севенти и пройдя пол-квартала, они втроем оказались у входа в роскошный особняк.

Володя посмотрел на портал, на львов, на ковровую дорожку, струившуюся по ступенькам, и сразу вспомнил про древний Рим и Грецию. "Неплохой архитектурный ансамбль", - оценил он мысленно.

Володя приободрился, к удовольствию своего спутника. В огромной гостиной им подали на обед что-то несусветно вкусное и разнообразное. Затем их провели в отведенные им покои. Зеркала отражали каждое их движение. Алесевский долго плескался под душем, не веря, что вся эта комната (с люстрой, виньетками, барьерчиками, резными шкафчиками) представляет собой не что иное, как ванную. Глупость, конечно, - но как весь этот комфорт придает оптимизма и уверенности в завтрашнем дне!

...Если люди, у которых такие особняки, верят в Ребе, то, значит, в этом что-то есть... Так говорила ему обыкновенная человеческая логика, привычно цеплявшаяся за все внешнее, житейски-проверяемое.

На то и был расчет Маршала. Иначе повел бы его не к Нагелю, а к другим, более близким своим друзьям, - попроще, победнее...

49. НОВЫЙ СВЕТ

Галя весело грызла огурец (только он и спасал ее во время беременности от изжоги), Хаим с Шоломом игрались с маленьким Янкелем во дворе, мама, Лидия Яковлевна, сидела и подсчитывала расходы синагогальной кухни за истекший месяц, сводя дебет с кредитом, когда к дому подошла неожиданная гостья - Светка-Российская империя.

Что за чудеса - она больше не была рыжей! Ее волосы приобрели пепельный цвет, и только колечки кудрей на изломах вспыхивали золотистым. Новый цвет волос делал весь ее облик гораздо более утонченным и благородным. А может, так казалось еще и благодаря очкам в кругленькой оправе? Стекла в них были нулевые, это она лишь для интеллигентности выдумала носить. Для интеллигентного вида.

- Привет. Как дела? - запросто обратилась она к Гале.

- Слава Б-гу, хорошо. Спасибо. А ты как? Тебе очень идет этот цвет волос.

- Да? Я рада. Надоело быть рыжей. Но, знаешь, у меня есть и другие новости...

- Какие же?

- Я взяла еврейское имя. Шалом с Хаимом знают - правда, мальчики? - обратилась она к ним, - ведь вы же мне сегодня в синагоге его давали при чтении Торы.

Ребята поняли вопрос, кивнули в ответ, а Хаим доверчиво, открыто улыбнулся и сказал с сильным акцентом:

- Еврейское имя - это новая жизнь. Мазал тов!

- Спасибо за поздравления, - ответила она и повернулась к Гале:

- Теперь меня зовут Гита. По бабушке.

- Замечательно. Значит, так и будем тебя называть.

- Ну, что слышно из Америки? - Долетели хорошо, сразу позвонили нам. Живут у какого-то богатого друга.

- А Ребе уже видели?

- Еще не успели...

Гита спрашивала во множественном числе, чтобы не подчеркивать, что ее интересует именно Алесевский, но Галя в любом случае не стала бы рассказывать ничего о нем - с какой стати? Нескромно, чтобы девушка интересовалась кем-то, кто не является ее официальным женихом. Поэтому она ограничилась сказанным и переменяла тему.

Пока они обсуждали программу на завтра - в синагоге должна была состояться торжественная встреча Нового года - мама закончила свои подсчеты и вышла к ним во двор.

- Девочки, завтра мне потребуется ваша помощь. Будем накрывать столы на шестьсот человек. Надо будет, кроме того, нарезать килограмм тридцать яблок, столько же гранатов, разлить мед по тарелочкам... Кстати, Владимир Федорович завез нам мед, который обещал?

- Да, мам, перед самым отъездом он оставил на складе пять огромных банок.

Гита засветилась при этом упоминании дорогого ей имени.

- Но, мам, - добавила Галя, - я не знаю, смогу ли я помочь накрывать на столы. Мне от запаха еды плохо становится...

Она спохватилась, что выдала секрет, а ведь до пятого месяца беременность следует скрывать от посторонних...

Гита посмотрела на нее, догадалась. Позавидовала, по-хорошему... Потом шла

домой, вертела в пальцах снятые ненужные очки и думала про Алесевского как-то по-новому, не в контексте своих бурных чувств к нему, а - прикидывая: будет он хорошим отцом? И как выглядит дочь, которая у него уже есть? И вообще, каково это - иметь детей?

...Сомнений в том, что он ее любит и в конце концов на ней женится, у Гиты не появлялось совершенно. Голливудская самоуверенность пока что срабатывала.

...Маршал потряс Алесевского за плечо, увидел, что тот спит крепко, и решил оставить его досыпать, самому же сходить в микву и в Севен-Севенти на минху. Ему почему-то хватило короткого двухчасового сна, чтобы полностью восстановиться. Он перевел свои наручные часы на нью-йоркское время, вышел из особняка Нагеля с полотенцем на плече и медленно зашагал в направлении Кингстон-авеню.

Удивительно - миква была-таки открыта, хотя обычно ее открывали лишь по утрам. Он заплатил, окунулся, снова оказался на улице, где белочки с мелочной белочьей хищностью вцеплялись в древесные стволы...он помнил их еще с первого приезда сюда - и поток мыслей, воспоминаний, ассоциаций нахлынул на него. Каждый шаг по Краунхайтсу отзывался семилетней давности счастьем, трепетом его тогдашней любви к Гале, ожиданием скорой встречи, женитьбы на ней... А каково было потом приехать сюда с ней вместе? Тоже здорово...

Он повесил на крюк мокрое полотенце, спустился в подземный зал Севен-Севенти, дав несколько монет старому еврею, просившему цдоку у двери. Теплая обстановка, непередаваемый шорох, гул тысяч шепчущих слова молитвы, псалмов либо учения уст... Потом - нарастание шума, приготовление к собственно миньяну и к появлению Ребе... Мозаичный пол становится совершенно не видимым. Все черно от брюк, сюртуков, пиджаков и шляп. У стен громоздятся людские "пирамиды" на поставленных одна на другую скамьях. Некоторые привязывают себя канатами к колоннам, чтобы занять более удобную позицию и не быть оттесненными вглубь. Кто-то залез на веревке до галереи и там пристроился, мешая своей шляпой толпящимся на втором этаже женщинам смотреть на происходящее внизу. Маршал чувствовал, как на него напирала со всех сторон - но не одновременно, а поочередно, то слева, то справа, то сзади, то спереди - и как, наваливаясь, толпа клонилась в разных направлениях. Иногда выпадал момент, когда становилось посвободнее, и можно было продохнуть, расправить ребра.

И вот - вдруг - это было похоже на тот миг, когда на свадьбе доходит до волнующего приближения жениха навстречу невесте - все замерли, теснота достигла своего сверхвозможного предела, бархатная занавеска над балконом поехала в сторону, и в окружении знакомых лиц двух секретарей и еще кого-то неизвестного открылся сидевший на балконе Ребе.

Г-споди! Маршал сжался - не физически, так как физически сжиматься было уже некуда, а душевно, пронзенный болью от увиденного... Ребе был и оставался королем, но как жутка, потусторонняя была на нем печать страданий! Народ запел - про то, что Ребе и есть Мошиах, избавитель Израиля и человечества. То была короткая песня, состоявшая всего из одной строчки. Ее повторяли многократно, в убыстряющемся ритме, никем не руководимым хором, вернее, ором.

"А вдруг мы сами выдумали то, что Ребе - Мошиах?"

Не успел Маршал подумать так, как вдруг Ребе поправил своей здоровой рукой ту, которая была парализована и недвижно и неловко лежала на перильце балкона, кивнул головой будто сам себе и с упреком, с глубиной всепоглощающего понимания устремил свой взгляд прямо на него.

- Ребе! Вы смотрите на меня? Или мне кажется? - подумал Маршал, испугавшись всем существом.

...А Ребе продолжал смотреть на него, песнь нарастала, и, когда Маршал под влиянием этого взгляда послал свое ответное сообщение - отчаянно и горячо извинился за дурацкие мысли, заявил о своей полной вере в то, что сила Ребе раскроется, что это все испытание на прочность духа, что Мошиах таким путем и должен проявиться в мире и что он, Маршал, выдержит это испытание несомненно - только тут Ребе отпустил его, еще два раза с полным утверждением факта кивнув головой и точно пыхнув в пепельно-белую бороду, произнес ли что-то, вздохнув ли энергично, отчего по бороде пробежало движение воздуха.

Взгляд Ребе переместился, и Маршал обвис, обмяк, чуть ли не в обморочном состоянии от пережитого напряжения. Упасть он не мог - со всех сторон его подпирали, поэтому даже если бы он потерял сознание, то остался бы на ногах. Он начал изо всех сил кричать то же, что остальные - "Ихи адонейну..." Пение уже несколько минут назад переросло в сопровождаемый овацией ор - не крик, а густой ор, когда люди орут, как на стадионе ("ГООООООЛ! ДИНАМО!"), но была в этом огромная святость, а не оголтелость (оГОЛтелость жаждущих ГОЛа) футбольных болельщиков, такая святость, как, наверное, при выходе первосвященника из тайной комнаты Храма, где он беседовал со Всевышним в День Искупления и - в случае благоприятного исхода - возвращался оттуда к народу живым...

Самое невероятное состояло в том, как реагировал Ребе на это экстатическое пение собравшегося народа. Он точно вдумывался в смысл этой состоящей из одной строчки песни и кивал одобрительно - как если бы соглашался с каким-то правильным и разумным утверждением. Но ведь в этом утверждении было очень мало разумного! Допустим, тот, кто знал историю Хабада и вообще историю еврейского народа досконально, мог на основании своих знаний и представлений прийти к мысли, что Мошиахом должен быть кто-то, похожий на этого человека, на Ребе. Но сделать окончательный шаг и провозгласить это как факт!.. Пусть даже раввины и постановили, что Ребе является Мошиахом (есть на самом деле такое постановление)... Все равно, сам переход от гипотез к установлению ФАКТА, а оттуда - к всенародному провозглашению - вещь чрезвычайно трудная для конкретного "гомо сапиенса". Потому что... потому что... Есть что-то, что мешает вот так, вдруг, поверить, что - сбылась вековая еврейская мечта и пришел наконец-то Мошиах!

Но должен же он был когда-то прийти?

Вот Б-г и раскрыл его, проявил его в этом мире - к концу шестого тысячелетия от сотворения мира, как положено, в преддверии седьмого, субботнего, которое будет уже целиком преисполнено света и радости.

Маршал ощущал немыслимое, сплошное, абсолютное счастье после того, как в течение нескольких разросшихся до концентрированной компактной вечности минут вместе со всем святым кагалом провозглашал "Йехи..." Либо вечность уместилась в минутах, либо минуты перешли в вечность.

...Ребе подал знак секретарю, и балкон снова был задернут занавеской. Народ еще не успокаивался, пел, провозглашал, добирал лучи этого великого светила, упрятывал их аккуратно в тайник души, чтобы сохранить и распространить дальше, на все свое окружение. Потом поутихло. Кто-то заканчивал молитвы. Кто-то присоединялся к одной из групп учащих Тору молодых парней. Распорядитель вышел с микрофоном и сделал объявления на идиш и английском относительно завтрашнего распорядка дня.

Завтра - Рош-а-Шана.

Будем короновать Всевышнего, провозглашать его Владыкой мира. Как это делается? Слишком абстрактно звучит, непонятно современному человеку, да? Кто не знает, как короновать монарха - пусть приходит в Севен-Севенти. Узнает.

...Володя проснулся, бодро огляделся, вспомнил и заново обрадовался:

- Я в Нью-Йорке! В шикарном особняке! Он даже сделал зарядку от удовольствия. Голова работала прекрасно, мысли бежали, кровь бурлила, и жить хотелось.

Дети господина Нагеля, игравшие в гостиной, немедленно при виде спустившегося по мраморной лестнице гостя оставили свои игры и предложили ему закусить пирожным, которое самостоятельно извлекли из гигантского холодильника, а старший умело заварил кофе и поставил перед Володей чашку с блюдцем.

Алесевский был так тронут этим вниманием детей, что сразу вспомнил про свою собственную дочь: умеет ли она заботиться о ком-либо, кроме самой себя? Ничуть. Да и о себе-то вряд ли. Интересно, у всех религиозных дети такие воспитанные и добрые, как эти?

Дети развлекали его, показывали ему семейный альбом, затем видео и компьютер, перебрасываясь с ним словами на разных известных им языках, которые он иногда угадывал, а иногда нет, - пока наконец не пришел Маршал.

- Куда же ты убежал, Боря? - сказал, ничуть не упрекая, Алесевский. Маршал опустился в кресло. Дети доверчиво окружили его. Он улыбнулся им, потом вздохнул, посмотрел на довольного Володю и кратко пояснил:

- Я видел Ребе.

- Давай поучим вместе "Танию", - предложила Галя, когда Гита пришла в синагогу помогать. - Тут всего несколько строчек, но они очень важны для понимания еврейского Нового года. Это ведь не "в лесу родилась елочка". Хочешь, читаем?

Гита согласилась.

- Написано, что Всевышний "не спускает глаз со Святой Земли Израиля весь год: от начала и до конца его". Слово "начало" - на иврите "рейшит". Оно, согласно орфографии, пишется через "алеф". Однако в этом изречении в слове "рейшит" пропущена буква "алеф". И это не ошибка. Тут есть тайна. Тайна Нового года.

Отсутствие "алефа" указывает на "исталькут а-хайют", забирание жизненности. Всевышний к началу Нового года как бы "забирает" у мира всю жизненность, и мир катится вперед лишь по инерции. Всевышний не хочет возобновлять творение, не собирается продолжать его. Все замирает. Поэтому и не трубят в шофар, хотя весь месяц Элул трубили.

Существование мира - под вопросом. И только молитвы Нового года, еврейские молитвы, вновь пробуждают у Всевышнего желание оживлять Свое творение. И спускается в мир новый свет. Совершенно новый, какой еще никогда не светил. В Новый год человек может добиться молитвой, чтобы судьба его полностью поменялась. Ведь не только он - а и весь мир - был на грани исчезновения. И новый свет приносит обновление в судьбах. Гита слушала - и была вполне согласна. Уж если ей обновили судьбу, то Новый год, видно, и вправду серьезное время. Гранаты, мед, новогодняя трапеза... Все гораздо глубже. Обновление мыслей, подхода к жизни. Более точное и тонкое понимание своей души и того, зачем она тебе дана. Вот это - новый свет.

...Дядя Яша, синагогальный кантор, взошел на свое место и запел вечернюю праздничную молитву.

50. АЛМАЗЫ В КОРОНЕ

Володя Алесевский не пришел от Ребе в безумный восторг, он увидел в нем только очень уважаемого, похожего на монарха, окруженного тысячами почитателей человека, обладающего большой мудростью и добротой, не более того. "Йехи адонейну" он пока не провозгласил, но что-то в нем сдвинулось с мертвой точки, и он безо всякого скепсиса попросил Маршала:

- Боря, я должен поучить Тору. Ты мог бы - не сейчас, конечно, а после праздника - показать мне схематично, что такое Тора? Из чего она складывается? Это какие-то книги, или это устные предания, или это вообще вся система иудаизма? Что вообще значит - знать Тору?

Пришлось Маршалу пожертвовать своим собственным драгоценным временем, за которое он мог бы выучить с товарищами массу материала на своем уровне постижения - и вместо этого посидеть с Владимиром Федоровичем часы и целые дни, растолковывая ему весь "ишталшелут а-масорет", внимательно относясь к его вопросам и сомнениям, составляя для него хронологические таблицы и схемы.

- Хорошо, я понял то, как после Пятикнижия Моисеева сложился весь Танах, потом Мишна и Гмара, потом дополнения позднейших мудрецов. Но как я должен одолевать всю эту толщу? Я чувствую себя каким-то неполноценным, стоит мне только подумать об этом!

- Володя, ты начни с осознания важности практических заповедей. Тогда у тебя все пойдет. Это ведь не наука, не схоластика. Знать материал - не самоцель.

- То есть я должен стать религиозным?

- А ты боишься этого?

- Да.

- Напрасно. Бери на себя потихоньку, постепенно - одну мицву за другой.

- А обратно хода нет...

- Кто сказал?

- Знаю, совесть замучает. Я совестливый... А кроме того, я не хочу никого вводить в заблуждение... Например, если я начну носить головной убор, то в глазах окружающих уже буду считаться чуть ли ортодоксом, а ведь какой из меня ортодокс?

- Ну, зачем так драматично? Соблюдай что можешь, на своем уровне...

- И что мне это даст? И, главное, честно ли это?

- Давай я попробую объяснить. Ты, Володя, старше меня лет на десять или чуть больше - ты знаешь жизнь, конечно, лучше меня. Жизнь - она странная, неоднородная, не равная сама себе протяженность дней, которые наполнены чем-то совершенно тебе неподвластным, неуправляемым: то хорошим, то плохим, то средненьким... Сталкиваешься с людьми, попадаешь в ситуации, реагируешь. Как по твоему - принципы, правила игры во всем этом какие-то существуют? Абсолютные или относительные? Выработанные людьми или данные Всевышним? Кто-то кому-то что-то обязан в этой жизни - или все на самотеке? Зачем мы живем? Только потому, что родились, сошли с конвейера - и теперь ничего лучшего не остается, как барахтаться? А теперь послушай, как выстраивается отношение к жизни согласно Торе. Есть Б-г. Б-г наполняет все - и без Него нет ничего. Б-г задает условия нашего существования, Им же определена и цель. Б-г соединил несоединимое - душу и тело, дух и прах, живое и неживое. Мы - в конфликте. Нам хочется быть духовными, но материальность тела тянет нас вниз. Хочется быть добрыми, но тело настаивает на своем "эго". Борьба - налицо. Христианство предлагает сломать тело. Помнишь монаха в толстовском рассказе, как он себе палец отрубил, чтобы наказать себя и не впасть в соблазн? Нечто подобное и в буддизме - отрыв от материи, Нирвана. На самом деле - ничего ломать не надо. Тьму палкой не прогонишь. Нужен свет. Тогда тьма уйдет сама. Свет - это осознание Б-жественной воли и своих великих душевных сил. Цель - выполнять указания Всевышнего. Изучать и выполнять. От самых маленьких и простых заповедей переходить к более утонченным и сложным, пока не освоишь весь их комплекс. Трудно ли жить, соблюдая заповеди Торы? Не труднее, чем жить стихийно. Наоборот, стихийно жить тяжелее, потому что не имеешь ориентира, "золотой середины" между крайностями. Ведь "Моральный кодекс строителя коммунизма" тебе не поможет. И стих Маяковского о том, что такое хорошо и что такое плохо - тоже. Мне кажется, что, коль скоро ты видишь людей, которые придерживаются самого древнего в мире учения и уже тысячи лет не сходят с этого пути, то стоит к ним присмотреться и задуматься. Даже Гоголь в "Тарасе Бульба" восклицал: "Еврей пустую бочку не повезет!" Что ты на это скажешь?

Володя вдумывался, вертел доводы и так, и эдак. В конце концов сказал:

- Нет, логика меня не убеждает. Если мне захочется, я буду соблюдать. Только если захочется.

(Маршал хотел было объяснить ему, что эта мотивация - эгоистическая, Тору надо принимать как объективную реальность, как волю Б-га, и выполнять ее заветы не потому что они тебе нравятся... Но решил смолчать и посмотреть, что будет дальше, и свои ценные замечания высказывать по мере возросшей готовности ученика воспринимать...)

Вначале Алесевский только согласился омыwać руки по утрам, а перед сном произносить молитву "Шма". Потом, убедившись, что обрастая щетиной, стал как-то интересней, - решил отпустить бороду. Пометив соответствующие страницы русского "Сидура", начал молиться регулярно, а также говорить благословения до и после еды. Делал это с такой ответственностью, основательностью, точно, ошибись он, небо упадет. "Дерех Эрец", уважение к Творцу и Его созданиям, были ему свойственны изначально - только раньше это проявлялось в другом: в бережном расходовании стройматериалов, аккуратной работе, любящем обращении с людьми, пчелами и кем бы то ни было. Теперь - в точном соблюдении изучаемых заповедей. Маршала это очень радовало, он восхищался этим человеком - не только по-мастеровому добросовестным, но и очень эстетичным, тонким. Учиться Алесевский любил. Проявлял неподдельный интерес к каждому новому тезису, с радостью находя подтверждение изученному в примерах из своего житейского опыта.

Хорошо было то, что он умел слушать. Есть люди, которым важно только высказываться и которые после первой же искры понимания заявляют: "Ну, ясно, это я уже знаю..." Алесевский шел глубже, способен был держать концентрацию достаточно долго, чтобы усвоить всю идею, выстроенную на пирамиде фактов и рассудочной аргументации, включая самую противоречивую (а ведь именно на столкновении контраргументов и построено еврейское теоретическое законодательство). Законы кашрута и шабата воспринимал без восторга, но с уважением. Трудные для восприятия запреты, верно. Но они необходимы для всей системы в целом. Значит, надо в них увидеть глубину. Помогли, Всевышний, чтоб Твои запреты и законы засияли, как алмазы. Ведь они и есть алмазы. Алмазы в Твоей короне...

После голодного и невероятного по мощи своего воздействия на душу Йом-Кипура Маршал повел друга на "мивцоим" - учить других евреев накладывать тфиллин. Прошлись по Брайтон-Бич, побеседовали с веселыми одесситами. Владимир Федорович впервые в жизни занялся религиозной пропагандой. Его глаза действовали на людей хорошо, лучше слов. Наверное, у него были особенные глаза. Махровая еврейская внешность и - сила глаз, которую можно было измерять в вольтах. Одесситы один за другим надели тфиллин на океанском берегу.

- Однажды, - рассказал Маршал по дороге назад, когда по бокам от них в вагоне метро запрыгали представители прогрессивной негритянской молодежи, ибо юным неграм было весело от музыки в наушниках и от коллективной езды в мотающемся вагоне...

- Однажды... один хабадник, который никогда не носил галстука, считая это пижонством... увидел во сне Ребе. Ребе велел ему завтра же приобрести приличный галстук. Он проснулся и не вспомнил о сне. Поехал, как обычно в этот день, в Манхэттен, в адвокатские конторы, где проводил беседы с евреями в офисах, убеждая их исполнить мицву тфиллин. По дороге в подземном переходе его остановил негр-торговец галстуками и буквально навязал ему один, - хабадник согласился, просто потому, что вспомнил свой сон. Прибыл в район влиятельных, блестящих адвокатур. Один адвокат был всегда настроен к нему негативно - в этот же раз он согласился надеть тфиллин. Хабадник спросил его, почему вдруг он так переменялся... "Потому что ты сегодня выглядишь как человек, при галстуке..." - ответил тот.'

История сопровождалась подпрыгиванием черных косичек, плетенок, хвостиков. "Почему ты мне решил об этом рассказать?" - спросил Алесевский, смахивая с плеча космы близкого стоявшего парня-негра.

- Потому что, как видишь, я сегодня при галстуке... - улыбнулся Маршал.

51. У КНИЖНОЙ ПОЛКИ

Гите не удалось привести мать в синагогу - ни на Новый год, ни даже на Йом Кипур. В этом смысле пока ее замысел не осуществлялся. Зато в другом она преуспела - порвала с бункером и с блатным кругом "Российской Империи", устроилась на работу в сохнутувскую библиотеку (пригодилась справка о заочном обучении в Институте культуры) и уже месяц как проводила там всю первую половину дня и несколько вечерних часов.

Естественно, что, будучи окружена книгами, она и сама к ним пристрастилась. Получила элементарное представление об еврейской истории, тщательно проработала брошюрку о кашруте, не без интереса полистала учебник идиша. Книгу "Райский сад" - о мистических основах веры - зачитала чуть ли не до дыр и после этого рекомендовала всем посетителям библиотеки.

Ей казалось, что она ведет себя чрезвычайно строго и сдержанно. На самом деле это было не так. В ее манерах угадывалось много от прежней Светки-Российской империи, во взгляде еще был высокомерный снайперский прищур. Ее одежда, хотя и длиннополая, была то облегающей не в меру, то сменялась (как заметила мать) "балахонами" - опять же артистической, неумеренно свободной формы. Гита была на полпути от броской привлекательности к внутреннему изяществу, к своему истинному имиджу, и эта промежуточная ступень характеризовалась самыми разными творческими изысканиями. Поисками подходящей формы для полностью обновившегося содержания.

...На исходе Йом-Кипура, когда она шла домой из синагоги, где провела весь день в посте и чтении молитв, ее сбила машина. Откуда посреди тихого переуллка могла появиться легковушка, мчащаяся на большой скорости?

...Она только подумала об этом, как толчок сбоку отшвырнул ее, и над ней внезапно встало широкое темное небо в тучах. Она удивленно уставилась вверх, и только через какое-то время ощутила сильную боль от ушиба. Встать было страшно - казалось, все тело сотрясено. Тут над ней склонился прохожий,

кто-то побежал к телефонному автомату...

Доставленная в больницу, она подверглась общему осмотру, который показал только небольшой ушиб тазобедренной кости. В целом, что называется, отделалась легким испугом. Но испуг был не такой уж легкий. Потому что она не знала, случайность ли это или - предупреждение от одного из обиженных ею когда-то "человечков". От одного из них - она догадывалась, от какого именно.

А жить хотелось...

Володя вложил все свое эстетическое чутье и профессиональные умения в постройку семейной Сукки Нагелей - он, кстати, впервые в жизни участвовал в подготовке к этому празднику и по ходу дела узнавал от Маршала правила, касавшиеся этого особого еврейского шалаша.

Дети Нагеля уже понимали его, бегали по его поручениям вверх-вниз по лесенке, установленной под балконом, где устраивали огромный, человек на сорок, шалаш.

...Засветились праздничные свечи. С началом праздника совпала и суббота, так что встречали ее в шалаше. Кидуш, очередь у ведер с водой, омывание рук на хлеб, рассаживание по местам. Грандиозный сияющий десятисвечник во главе стола. Салаты, рыба, на место которых заступил суп, затем мясо и в самом конце - десерт. Пение. Рассказы. Шалости детишек. Легкая, счастливая усталость. Владимир Федорович положил голову на руки и заснул прямо за столом. Так, вздремнул. Проснулся - и не поверил: неужели это все наяву? Б-же, этот добрый, теплый мир - как сказка.

"Хочу, чтобы у меня в доме так было"

В течение Суккот все ночи не спали - танцевали на улице. Иной раз дождь лил - еще веселее было танцевать. Весь квартал был закрыт для транспорта, на тротуарах толпились нарядные женщины, дети, а посреди улицы - сплошные круги пляшущих мужчин. На одном из угловых зданий - огромный видеоэкран с изображением Ребе.

В Симхат-Тора пили много, однако человеческого облика не теряли, только становились душевнее, понятливее и любвеобильнее. Прыгали, выделывали коленца, кувыркались прямо на асфальте, аккуратно отставив в сторонку шляпу и, у кого были, очки. Пуговицы легко и охотно отскакивали от сюртуков. Молитва шла вприпляску и вприкуску (кидуш распивали на ходу, закусывали передаваемыми поверх голов в картонных коробках печеньями либо колбасой). С Торой обнимались трепетно и сладко, ходили по кругу, прижимая ее к груди. Взрослые - а резвились, точно дети. К утру - спали, валялись где попало по синагоге, с отпечатками чьих-то подошв на спинах пиджаков, со съехавшими мятыми шляпами, с блаженным спокойствием на лицах.

На исходе Шабат-Берешит был фарбринген. Ребе молча оглядывал зал, волны стройного пения вздымались и изменяли пространство, превращая его в более тонкую и духовную субстанцию, размягчая границы и очертания предметов - а может, это просто у Володи стояли в глазах слезы. Последним переживанием перед отъездом был йехидут - краткое по времени прохождение по коридору мимо сидящего за столом Ребе - при этом человек останавливался на миг и

обменивался взглядом со своей собственной душой. Ребе показывал человеку глубину еврейской души, отраженной в его, Ребе, глазах.

"Ну, Велвл Гецевич, когда же толк-то будет от вас, а? Важны не вы сами - важно то, что вы делаете для других евреев и для Всевышнего. Этим измеряются ваши достижения".

Так прочел Володя во взгляде Ребе. И его тотчас подтолкнули секретари, чтобы двигался по коридору дальше, не застаивался на месте.

"Я - чмо, - явственно сказал Володя сам себе, точно ударенный этой правдой по голове. - На что ушла жизнь? Я не делал ничего из того, что Ребе определяет как важное, стоящее... Только производил материальные ценности. Да и то за деньги"

В один из последних дней их пребывания в Краунхайте внезапно разнесся слух, что Ребе выдает доллары - этот обычай из-за состояния здоровья Ребе был ранее отменен, поэтому сообщение вызвало бурю.

Володи не было поблизости - он "сорвался" таки посмотреть немножко Нью-Йорк, рванул по магазинам, по Манхэттену, на Статую Свободы, опять же, взглянуть... Маршал побежал в Севен-Севенти, встал в очередь - и успел. Ребе выдал ему доллар, взглянул - и Маршал понял: это ему, его семье, его синагоге. Потом рука Ребе снова протянула ему купюру, и Маршалу вдруг подумалось: уж не для Алексея ли? Подумал - и сам удивился, откуда такая определенность в мыслях. Тут Ребе кивнул, подтверждая. Удивлению Маршала не было границ. Алексею полагался доллар! Может, потому что тот так сильно просил, с такой крепкой верой? Больше у Маршала ни о ком мыслей не появилось, и секретари нежно потянули его за рукава, чтобы проходил дальше по коридору.

Надо было попросить еще - для многих других людей! Как же это я так?

Но он осознал, что мысли в тот момент приходили ему в голову не совсем произвольно. Они исходили от самого же Ребе. И, значит, так ему и следовало подумать: обо всех своих - и об Алексее. И все. В день отъезда Маршал с Володей сидели с чемоданами у ступенек особняка, ждали такси и учили "Танию",

...Навеки слово Твое, Всевышний, утверждено в небесах. Поясняет Баал-Шем-Тов: творящая сила действует перманентно, иначе небеса исчезли бы. Постоянно возобновляется творение из ничего. Буквы Б-жьего речения как бы стоят в небе, вызывая его, небо, из небытия к бытию. НЕБО - ИЗ НЕБЫ-ТИЯ - Маршал остановился на этом слове, вслушиваясь мысленно в повторяющиеся звуки. Не-бо-не-бы-быть-или-не-быть.

- Смотри! - почти завопил Володя, - в небо смотри!

Маршал оторвался от книги, взглянул в синее сентябрьское небо, на группу самолетов, носившихся в нем.

Самолеты прошивали объемную крутую высоту, оставляя белые "стежки", которыми выводили цифры и буквы, очевидно, тренируясь в каких-то петлях, маневрируя. Буквы сохранялись в вышине минут на пять-десять.

- Да, я знаю, - сказал Маршал, - вот так же в честь Ребе однажды самолеты вывели на небе по-английски "Любавичер Ребе". Я видел фотографию. А что тебя так удивляет?

Володя принялся ему втолковывать, довольный сделанным открытием:

- "Навечно слово Твое стоит в небесах". Буквы в небе. Я бы не понял, если бы не увидел. Представляешь, как будто специально - именно когда мы с тобой про это учим - пожалуйста, буквы в небе!

Маршал согласился.

- Да, если вдуматься - буквально живая иллюстрация по ходу учебы. Как по заказу.

Хозяева вышли из дому, чтобы проводить их в дорогу. Володя вручил им российский презент, с этой целью и привезенный, Маршал тоже оставил подарок - для детей, и тут показалось длинное лоснящееся черное такси с таким же длинным, лоснящимся, черным негром-шофером.

Белочки, типичная для Краунхайтса мелкая живность, в последний раз махнули хвостиками-пушистиком перед глазами гостей, карабкаясь со своей белочьей-мелочной живостью на ель... Чемоданы рухнули в багажник... Запрыгали, маша руками, видные через окно машины нагелевские детки... Приветливый негр обнажил белые зубы, взглянул в зеркальце и спросил на идише:

- Ву форт мэн? Ин эйр-порт? Гут.

Гита - ставшая какой-то робкой, испуганной, чуть ли не забитой после имевшего место дорожно-транспортного происшествия - увидела прибывшего из Америки Володю Алесевского в Сохнуте и тотчас отвернулась. Склонилась над ящиком с книгами, чтобы из-за библиотечной стойки ее вообще не было видно. Слышала, как Владимир Федорович бодро здороваается со знакомыми, отпускает свои обычные шуточки, представляла себе то, как он, возможно, отыскивает ее глазами. В конце концов не выдержала - медленно высунула голову, посмотрела.

Он стоял, тут как тут, и выжидающе постукивал пальцами по полированной поверхности. Обросший бородой, как геолог или первопроходчик. Чужой и вместе родной. На голове - фуражка, непритязательная, не вызывающая подозрений в религиозном рвении и сугубо еврейском старании носить головной убор. Вообще, вполне нормальный Владимир Федорович, которого коллеги по строительной халтуре запросто звали Вовка Алесь.

Поскольку она уже выпрямилась, то ей ничего не оставалось, как встретиться с ним глазами. Поблизости от них не было ни души.

- С возвращением... - любезно сказала она и улыбнулась нейтрально-вежливо.

- Благодарствую. Как здоровье, Светочка? Все в порядке?

- А... Вы слышали...

- Конечно.

- Ничего, это было просто... - она запнулась, замолчала.

- Я узнал только по приезде сюда. Очень испугался. Серьезно - ничего страшного не было? Я вижу, что ты прекрасно выглядишь, но все же...

- Нет, не волнуйтесь, - поспешила успокоить она, - никаких повреждений не было, только толчок в бедро - и падение.

- Я тебя умоляю. Рассказывай, не молчи.

- Если бы на проезжей части были еще машины, они могли на меня наехать, но, к счастью... та легковушка смылась, а когда я пришла в себя, меня уже окружили люди, вызвали скорую.

- Так все цело?

Она улыбнулась одними глазами, пожав плечами, будто удивляясь, к чему вдруг такое беспокойство.

- Ну конечно!

- Я бы хотел проверить. Но, увы, придется с этим подождать до... свадьбы. (Он увидел, как дрогнули ее ресницы, как затуманился взгляд, как разомкнулись сжатые до того губы.) Кстати, в вашем фонде есть что-нибудь почитать про семейную жизнь? - и, не дожидаясь, пока его возлюбленная справится с изумлением от этого, всегда, он знал, нравящегося женщинам напора, - Владимир Федорович повернулся к стеллажам с книгами.

Все последующие пятнадцать минут разговора она не осмеливалась поднять на него глаз. Он что-то спрашивал про книги, просил выписать ему читательский билет. Попутно назначил свидание. Искал ее ответного взгляда - и был очень удивлен, даже задел, тем, что она, согласившись встретиться, упорно смотрела в сторону. В конце концов он почувствовал, что таким образом она наказывает его за что-то. И, вообще-то, это так и было. Подсознательно она угадывала, что ей (в ее новом амплуа благовоспитанной девушки) следовало обидеться и выразить обиду - что и сделала. В последний раз они расстались на весьма напряженной ноте - разве это забылось им так легко? По сравнению со снайперским прищуром, с откровенным эпилом, который раньше сквозил в ее глазах, это было - небо и земля.

"Светочка, какая ты милая, женственная" - подумалось Владимиру Федоровичу. Теперь ему хотелось ее завоевывать...

До такой степени хотелось, что он позвонил своей бывшей подруге, редкие встречи с которой скрашивали дотоле его одиночество, и без лишних эмоций объявил, что между ними все кончено. Как странно! Она очень подходила ему - и возрастом, и мягким, нетребовательным характером. О любви там речи не было, но что-то очень простое, насущное и вместе с тем негрубое этими отношениями достигалось. И вот он нанес этой женщине удар, бросил ее без всяких

объяснений.

- Вера, если тебе что-нибудь понадобится починить в доме, я всегда буду рад заскочить... - зачем-то соврал он, не зная, как закончить телефонный разговор.

Она всхлипывала, потом бросила трубку.

"Ну, и к лучшему, - принялся внушать себе совестливый Владимир Федорович. - Все равно рано или поздно зашли бы в тупик".

Он постоял с трубкой в руках, хотел было перезвонить - утешить как-то еще, получше. Но передумал. Что тут утешать? Жизнь - она такая.

52. ЗАРЯ МОШИАХА

Он не без волнения шел на встречу со своей молодой любовью, чье имя так и не захотел переменить, именовал ее по-прежнему Светочкой. Они встретились на набережной, сели на скамеечку с исчерченной спинкой. После Америки, особенно после подавляющего воображение ночного Манхэттена, все ростовское теперь стало казаться Владимиру Федоровичу родным и милым. Плыла бледная луна, дробившаяся на несколько лун в разрыхляемой теплоходом темной воде. Пахло рыбой и дынями. Над Доном несея джаз, дребезжа. Мелко светились огни хуторов и станиц на том берегу. Деревья вдоль набережной не спеша расставались с листьями.

- О чем с тобой говорить - не знаю, - констатировал Владимир Федорович, глядя на ее бледное от лунных бликов лицо, - о делах - рано, о чувствах - поздно.

- Почему?

- Потому что с чувствами все и так понятно.

- Да? А что именно?

- Милая, не провоцируй меня. Мне раввин запретил все, что может привести нас с тобой к нежелательной близости. А я раввина уважаю. Она предпочла молчать, предоставила ему проявлять инициативу. И он осознал, что поговорить о чувствах все-таки необходимо. Начал объяснять ей, что раньше - боялся ее. Боялся ее молодости, хищности, агрессивной красоты и манер. Более того - аморальности. Сильнее всего в нем был страх, что она даже не видит разницы между моральным и аморальным. Поэтому прогнал ее, хотя это было ему отнюдь не легко. Он не знал, есть ли в ней другая душа, кроме насмешливой и наглой, кошачьей. Когда собрался в Америку, то решил, что никогда больше не возобновит с ней каких бы то ни было отношений. Вернувшись, почему-то растаял. Дал себе и ей еще один шанс. Просто посмотреть - возникнет ли какое-то чистое чувство?

"Ну, и что же? Возникло? Правда, я... изменилась?" - чуть не сказала она, но промолчала, чтобы не напрашиваться на комплименты.

- Светочка, я, наверно, люблю тебя... - при этих его словах она посмотрела на

него обиженно. Что за "наверно"? Однако он не смутился и продолжал в том же легковесном тоне: - Во всяком случае, я охотно поддаюсь впечатлению, что ты чиста и прекрасна. Дури меня всю оставшуюся жизнь, но только делай это от всей души...

- Володя, что ты говоришь? Это у тебя шутки такие, да?

- Да. Я не умею быть серьезным. Впрочем, попытаюсь. Давай обсудим наши жизненные цели... Тору, заповеди...Знаешь, это будет интересный эксперимент - вдруг превратиться в религиозную парочку. И как это нас с тобой угораздило втянуться во все это? Ты сама-то понимаешь?

- Видишь, и такое бывает... Когда мы подписывали у раввина в кабинете наш контракт, то, насколько я помню, не воспринимали этого всерьез... Но... - Но в каждой шутке есть доля шутки. - Ну, да...

Она отвела взгляд. Не потому, что ей было неприятно на него смотреть. Наоборот, было очень даже приятно видеть его проголодавшиеся глаза.

...Услышав от жены раввина первый вводный урок по "чистоте супружеской жизни", Гита была ошеломлена.

Оказывается, того стыда, который она испытала на прежних этапах своего религиозного становления, Всевышнему было мало, и Он поддал ей еще кусок информации, который поверг ее в изумление. Видимо, чем больше познаешь законы Торы, тем большая нравственная высота от тебя требуется, и тебя обжигают этим стыдом, чтобы очистить и поднять...

Только теперь, вдумываясь в суть чистоты, она поняла, как грязна была раньше. Более всего грязны были глаза. Они видели в бункере столько всего... Она чуть не сошла с ума от потрясения, от ужаса за свое прошлое. Ее колотило, как в лихорадке. Маршалу пришлось провести с ней ободряющую беседу.

- Я тебя отлично понимаю, - успокоил он ее, - я объясню тебе, почему именно сейчас ты так переживаешь. Смотри. Вот, к примеру, скатерть. Так себе, грязненькая, в пятнах, но ничего страшного в этом нет, потому что пользуются ею люди неприхотливые, которым чистота не важна. Вдруг в их дом заходит важный человек и сообщает, что скоро к ним заедет... царь. Начинается суматоха. Все принимаются наводить чистоту. Стирают скатерть, оттирают до последнего пятнышка. И все равно, даже когда она так чиста, как не была еще ни разу, - этого недостаточно. Ведь царь будет у них в гостях!

Это - пример. Теперь разберемся в твоей ситуации. Ты еще никогда не жила так целенаправленно и правильно, в полном соответствии с законами Торы, как сейчас. Так ведь? Ну вот. У тебя появилось осознание присутствия Всевышнего. Объективно говоря, ты приобрела сейчас такую высоту и чистоту, которая тебе раньше и не снилась. Но именно потому что ощущаешь присутствие короля - приходишь в состояние паники и клянешь себя на чем свет стоит. Это абсолютно нормально, естественно. Твоя требовательность к себе завышена, но и это похвально.

- Что я должна делать, чтобы успокоиться?

- Прекрати думать о себе. Это самоедство иной раз - форма эгоизма. Будь занятой нуждами других людей, мицвами - я уверен, что ты и так достаточно это делаешь, так забей себе голову именно этим. Как у тебя с изучением законов невесты?

- Жуть.

- Что, так сложно?

- Нет.

- А в чем дело? Моя жена тебя плохо учит?

- Учит она хорошо, но... меня бесит ее невинное, спокойное отношение ко всему. Эта непорочность. Я завидую. От этого у меня и паника. У нее все так чисто!

- Ну, знаешь... - Маршал развел руками. - Вот уж не думал, что это кому-то помешает. Но для чего тебе сравнивать себя с ней? Сравнивай себя с собой, с твоим прежним уровнем - тогда налицо прогресс. Огромный, невероятный прогресс. Как написано в Тании: "Этхапха хашоха ленеора". Превращение тьмы в свет. Разве не приятно?

- Нет! - однозначно заявила Гита.

Маршал погрузился в размышления.

- Ладно. Тогда расскажу тебе историю, которая произошла с одним человеком. Он тоже мучился из-за каких-то фрагментов своего прошлого, которые ему очень мешали психологически. Пришел к Ребе на йехидут. Ребе говорил с ним сначала - не помогло. Тогда показал на практике. Знаешь как? А вот как: встал, отступил назад, разбежался и перепрыгнул через письменный стол. Человек был изумлен. А Ребе спросил: как вы думаете, если бы я не разбежался, я бы смог так прыгнуть? Тот ответил: Нет. Ребе сказал: Вот так и в вашей ситуации. Вы разбежались и прыгнули. Все дурное в прошлом было как трамплин или разбежка, чтобы выше прыгнуть. Там, где стоят баалей-гшува, не могут стоять цадики... И, как ты думаешь, человеку это помогло?

- Помогло... - произнесла Гита нерешительно. Подумала с минуту и спросила:

- А что - Ребе прямо так - и прыгнул?

Она переводила взгляд с портрета Ребе на Маршала, как бы прикидывая, мог ли такой человек - взять и прыгнуть...

- Раввин, - сказал нетерпеливый Владимир Федорович, - поставьте нам эти четыре палки с балдахином, именуемым хупой, и делу конец. Мы слишком долго ходим вокруг да около.

Маршал ответил не сразу. Он как раз был занят подсчетом огромных расходов, в которые обошлось пребывание в синагоге четырех израильских юношей, и это сказалось на его раздражительном ответе другу.

- Вы уже полностью осуществили ту программу, которую собственноручно подписали? Кошер, шабос, посещение уроков Торы - уж не помню, что мы там еще указали... Надо заглянуть в сейф.

- Боря, - возмутился Владимир Федорович, - ты меня достал с твоей идейностью. По-моему, мы уже сделали больше того, что обязались. Маршал все еще не поднимал глаз от своих расчетов. Он любил считать сам, а потом проверять с помощью калькулятора.

- Я стал религиозней Римского папы, - заявил Володя. И сразу все испортил. Маршалу показалось, что за его шутливым тоном стоит неуважение к Торе, заповедям, кошерному образу жизни...

- Если ты говоришь, что я тебя "достал", - отозвался он, - то, может, лучше поезжайте к другому раввину, более опытному, такому, который не боится взять на себя ответственность - и пожалуйста, пусть он вас женит. Да, я зануда, это верно. Но мне скандалы и разводы в общине ни к чему. Придите по-человечески, отчитайтесь о проделанной работе, и, если у вас на самом деле все так ясно, как ты говоришь, то я вас с удовольствием поженю.

- Почему другим ты делаешь хупы и ничего от них не требуешь, кроме документов и свидетелей? - удивился Володя.

- Неужели не ясно. Потому что с них НЕЛЬЗЯ потребовать. Для них - обратиться в синагогу и провести обряд - уже подвиг!

- Ну, а мы - что, какие-то особые, что ли?

Маршал взорвался.

- И это мне говорит человек, побывавший в Севен-Севенти? Тебе непонятно самому, что с тебя особый спрос?? Кроме того, - добавил он более спокойным тоном, - при заключении брака должна быть честность с обеих сторон. Иначе может иметь место "мехак таут", ошибочная сделка.

- Что может быть нечестного с моей стороны? - удивился Володя. Маршал пожал плечами.

- Не нечестного, а... недоговоренного. То, что у тебя есть дочь, твоей невесте известно?

- Конечно.

- Ладно. Но, кроме того, надо объяснить, какие суммы денег ты хочешь ежемесячно отстегивать для первой семьи. Это, знаешь ли, женщинам всегда интересно...

- Я как раз собирался...

Наступило молчание. Володя посмотрел на часы.

- А почему ты так в ней уверен? - задал Маршал самый страшный вопрос, - то есть почему ты уверен, что она будет тебя любить и не бросит? Вроде бы уже обо всем поговорили, аудиенция подходила к концу - и на тебе, такой крутой поворот. Алесевский помрачнел.

- Ты это к чему? - спросил он.

- К тому. Сам знаешь. Я понимаю, ты не коэн, тебе отроковицу искать не нужно, но...

Алесевскому захотелось задышать грозно, взять собеседника за грудки и швырнуть куда-нибудь, например, на корзину с канцелярскими бумагами.

- Ну, дальше, - сказал он.

- Прикинь сам: она - баба, как будто из кино. Из крутого боевика. Но тебе же с ней не кино делать. Думаешь, она будет с тобой считаться, уважать твои желания, преодолевать трудности совместной жизни? А тут еще религия. Я лично не знаю, насколько хватит ее религиозного запала. Так что все это очень проблематично.

Алесевский был сбит с толку. В словах молодого раввина слышалась суровая правда, и ему просто стыдно было, что он сам, взрослый дядя, под таким углом зрения на дело не взглянул.

- Она вроде бы хочет начать новую жизнь, во всех отношениях, - пожал он плечами.

- Я думаю, что это желание у нее искреннее, - сказал Маршал, - я только не знаю, будет ли этих благих намерений достаточно для построения семьи, тем более семьи по Торе.

Алесевский молчал.

- Что ты предлагаешь? - сказал он.

"Прекрасно. Дошел до кондиции", - подумал Маршал. Когда человек осознает, над какой пропастью занес ногу, и просит совета, то тогда - и только тогда - приходит подходящий момент, чтобы этот самый совет дать. Совет не должен быть непрошеным. В идеале совет также не должен быть бесплатным. Но на сей раз не будем брать положенную плату...

- Где вы будете жить? - спросил Маршал вроде бы ни с того ни с сего.

- Посмотрим, не знаю еще. У меня, в принципе, есть родительская квартира на Нариманова - пустая.

- Я вот о чем подумал, - сказал Маршал, - не послать ли вас обоих в Кишинев...

- Послать?

- С почетной миссией. Поучиться у тамошнего раввина, который, в отличие от

меня, убелен благородной сединой. Пройти все первые, самые трудные, этапы семейной жизни, будучи у него под крылышком. А потом взять самим какой-нибудь молдавский городок - он вас направит. И будете вести общину. Алесевский ничего не понял.

- Куда вести?

- К заре Мошиаха.

Он окончательно запутался.

- Слушай, дай людям пожениться по-человечески, не морочь голову...

- Нет, ты сначала выслушай, потом будешь отказываться. Кишинев - город благословенный. Потому что в хороших руках. Вы бы там поднялись на очень высокий уровень, и ты, и Гита. Вам было бы на кого равняться. Мы ведь с Галей все-таки самоучки. А рэб Калмэн - настоящий, урожденный хабадник, и знания его просто исключительны. Он даже книги пишет. Подумай о моем предложении, я прошу тебя. Я говорю это не потому, что вы оба мне надоели. Хотя и это, в принципе, правда...

53. НЕЖНОСТЬ

Гита не подозревала, какого рода причина стояла за желанием Маршала отправить их куда-нибудь подальше. Однако для нее было очевидно, что если те, кто имеют к ней претензии по самым разным сферам нелегальной совместной деятельности прошлого, вдруг возжелают выяснить с ней отношения, то это будет не совсем приятно, не совсем уместно и далеко не безопасно - а потому лучше действительно переменить место жительства.

Володя, со своей стороны, тоже ничего не имел против переезда. Съездил на неделю в Кишинев - и вернулся с достаточно хорошим мнением о тамошней общине. Снял квартиру, разузнал насчет работы, от синагоги получил яркое впечатление...(Кстати, улица, где она располагалась, называлась "улицей Хабада!") Но - главное - восхитился личностью раввина общины, немолодого уже, русскоговорящего израильтянина, проживавшего там вместе со своей супругой, ребецин Леей.

...Услышав, как часто и с каким уважением вернувшийся из Кишинева Володя цитирует мнение рэб Калмэна по самым разным вопросам, Маршал удовлетворенно отметил про себя, что, кажется, ответственность за две эти сложные судьбы, Володину и Гитину, мало-помалу сползет с его плеч и благополучно переместится на более солидные плечи рэб Калмэна, десятилетия ведущего кишиневскую общину по пути Торы и заповедей в свете учения хасидизма...

- Пусть бы рэб Калмэн вам и хупу поставил, - предложил Маршал, - от его благословения вам достанется больше духовного света, чем от моего...

- Я думал об этом, - сказал Володя, - именно так я и почувствовал. У него - точно лучи исходят из глаз, из бороды, из рук... Духовный свет - именно! Но ты хотя бы приедешь на свадьбу?

- Не знаю, - честно ответил Маршал. - Может, лучше, чтобы вас окружали люди, которые совсем, совсем вас не знают?

- Что мы - преступники?

- Нет. При чем тут это. Просто иногда человек хочет все-все начать заново...

И не видеть никого, кто знает его прежним. У меня, знаешь, бывает такое чувство, когда я вижу кого-нибудь из моей родной станицы. Снижение самооценки.

- А, вот почему ты рассчитал тех двоих ребят, которых взял в охранники? - Брыля с Мантулой. Потому что они помнят тебя станичным мальчиком?

- Да. И поэтому тоже.

- А еще почему?

- Они меня достали со своими капризами. Просят, чтобы сделал им гиюр...

- Ну так сделай! Помнишь, в Севен-Севенти были даже негры - геры! Маршал покачал головой.

- Да им просто за рубеж прокатиться захотелось... Надоело в Ростове сидеть... Ладно, Володя, давай вернемся к твоим проблемам. Свои я уж как-нибудь сам утрясу.

Мама Гиты всю дорогу в кишиневском поезде не переставала восторгаться будущим зятем: заботливый, остроумный, щедрый... Переходя из своего купе в то, где ехали невеста и ее мать, Володя каждый раз заносил им то поздних яблок, купленных на станции, то напитков из вагона-ресторана. Но, вообще, визитами старался не злоупотреблять. Так, раз десять наведаясь, не более. Ведь Маршал велел ему не видаться с Гитой - вот он почти и не виделся. Только приходил поболтать с будущей тещей.

От кишиневской раввинши, ребецин Леи, Розалия Александровна, по ее собственному выражению, "прибалдела": какая женщина! какая осанка! какое достоинство! - и она изо всех сил постаралась вести за столом лишь такие речи, которые, как она догадывалась, могли подходить к этому раввинскому величию. Она не называла религию предрассудком, не спорила, изо всех сил припоминала слова на идиш и названия кулинарных изделий от штруделя до кугеля, чтобы только беседовать с этой "шикарной женщиной" в какой-то степени на равных.

Невеста отсчитала положенные дни, в конце седьмого дня окунулась в красивую кишиневскую микву, зависла на мгновение в воде, свернувшись клубочком, как зародыш в материнском чреве, - и вышла оттуда новорожденная, легонькая, светленькая, без проблем, без комплексов, без тягот. Так, во всяком случае, ей чувствовалось.

- Извини, милая, что ничего тебе из Америки не привез, - сказал Володя после скромной и тихой свадьбы, оставшись с ней наедине, - только вот это, это - и

вот это...

Она засмеялась, сидя с ногами на постели и прижимая подарки к груди. Надо же - промелькнуло у нее в голове - как по-разному, с разными чувствами, можно принимать подарки...

- Светочка, - вдруг сказал он серьезно и посмотрел на нее как когда-то раньше смотрел - в "некошерной" жизни. - Почему же мы с тобой... больше... ничего не делаем?

Дальше все было так, как представлялось ее изошренному воображению в те времена, когда она с переменным успехом гонялась за ним и за его взаимностью. Ее сознание опрокинулось, и Алесевский успел только подумать - неужели она на самом деле так меня любит? Ему пришлось поверить.

Было также что-то, чего она даже не могла себе представить, не знала, что такое бывает. Это - спокойный совместный супружеский сон. Полный "рилэкс". Отсутствие привычного для нее фактора опасности. Муж - не чужой, не краденый, а ее собственный, ревновать к ней никто не станет, и сковородкой по голове бить тоже. Она сама - в роли законной жены! Удивительное ощущение. Она выпалась так сладко и доверчиво, как никогда в жизни. Проснувшись, не поверила сама себе. Вот - человек, которого она любит. Вот - цветы и ваза с молдавскими фруктами. Вот - горстка ювелирных украшений. На стене - вид Иерусалима. Надо сказать "Модэ ани!.." - вспомнилось ей, и она неторопливо проделала это. Казалось, что следующим пунктом программы будет купание в прохладном море среди ярко чернеющих гор. Вечное солнце, вечная радость, всплески игривых волн. Как тут не любить жизнь?

...И пришла ей в голову мысль из области хасидизма. Надо же, до какой жизни дошла, даже в постели про хасидут стала думать. А именно - про единство Всевышнего. Есть как бы два единства. Одно - в буквальном смысле, единство. А другое понятие единства - один, несмотря на кажущуюся множественность. То есть нам кажется, что мир - это не только Б-г, а еще много всякой всячины. А на самом деле есть только Б-г. Вот так и у нее с любовью. Володя - он один, но не в смысле простого единства, а на фоне кажущейся множественности всего того, что у нее раньше было. Но на самом-то деле - только он один и есть, и всегда был один.

...У работавшего на самых разных стройках Алесевского было еще с давних пор сломано и изъято одно из ребер, и в соответствующем месте грудной клетки имелся шрам-бугорок. Гита тут же выдумала этому прелестное объяснение: "Так вот, значит, откуда меня взяли. Из этого адамового ребра".

Вскоре после переезда Алесевский поддался доброму и незаметному влиянию рэб Калмэна и - оставил большинство своих подработок. Засел за духовное: в Кишиневе была йешива, и там можно было интенсивно изучить на русском языке и Пятикнижие с комментариями, и Шулхан Арух, и книги по хасидуту. Гита заполняла свою жизнь учебой у Ребецин, работой в детсаду и налаживанием своего домашнего хозяйства. Каждое утро море детских глаз встречало ее, омывая и очищая ей душу, делая и ее глаза более нежными, любящими. Время шло довольно-таки счастливо, а потому незаметно. При этом у Володи не пропадало, а усиливалось стремление приобщить когда-нибудь и свою дочь к еврейскому

образу жизни, а Гиту не покидали мысли о матери. Надо же человеку чего-то желать - не все же ему иметь сразу! Слава Б-гу, они многого достигли - из двух осколочных и злых судеб сложилась одна, цельная и добрая...Дойдет очередь и до родных. Весь мир за раз не переделаешь.

Первые месяцы после свадьбы были гладки и тихи. Потом начало штормить... Владимир Федорович удивил Гиту многим, а более всего тем, как органично вписался в систему еврейской религиозной жизни. У нее с этим оказалась масса проблем. Ее все чаще бросало, швыряло в крайности, она испытывала ощущение, что все эти законы рассчитаны на ангелов, а не людей во крови и плоти...

Он был само совершенство, все умел делать, и, как ни странно, ей даже доставляло удовольствие слушаться его и учиться у него житейскому уму-разуму... Но его преданность религии - раздражала ее. Как, откуда пришла в него эта незыблемая религиозность, эта готовность подчинить себя всецело требованиям еврейской веры? Он рано вставал, шел в микву, на молитву, на учебу, приходил домой с еще увеличившимся желанием делиться с женой полученными знаниями... она же от него не воспринимала, не могла воспринять информацию - слишком все казалось наивным, до юродства восторженным, сплошные идеалы, оторванные, как ей иногда казалось, от реальности...

А в те дни, когда близость с мужем была запрещена и нельзя было до него даже дотронуться, она вообще чувствовала себя так, как будто за ней гнались бесы... А может, вправду гнались? Как трудно вырваться из сетей мафии, так - на духовном уровне - трудно освободиться от влияния определенных мыслей и настроений, которым раньше был подвержен. Ей иной раз все казалось глупым, ненужным - зачем кошер, зачем шабос, зачем миква? Она исполняла все эти заповеди, но точно из-под палки, как что-то навязанное.

Если бы рядом была мать, то Гита, быть может, и выступала бы по отношению к ней как убежденная, твердо стоящая на своих позициях ортодоксальная еврейка. Просто из чувства противоречия. Но матери не было, не перед кем было доказывать свою идейность...и она вела себя естественно, как вел бы себя любой человек, привычная реальность которого нарушена. Она знала, что законы Торы трудны, но **ПОКА ЕЙ ХОТЕЛОСЬ ИХ ИСПОЛНЯТЬ - ТРУДНОСТИ НЕ ОЩУЩАЛИСЬ.** А теперь - расхотелось...

Она была уже на грани взрыва, могла в любую минуту сорвать с головы надоевший парик и провозгласить свою независимость...

Галя, конечно, пыталась по телефону убеждать ее в истинности образа жизни по Торе, однако ее попытки не увенчивались успехом. По той простой причине, что Галя по природе своей была более тихим и покорным существом - даже когда не понимала порывов Маршала, она смирялась и шла за ним... Гита же от смирения была очень далека.

"Я не могу быть никем другим, кроме как самой собой..." - на этой победоносной ноте завершился их последний телефонный разговор с Галей. Владимир Федорович видел, что в доме все становится неустойчивым, ситуация выходит из-под контроля.

Он уже не мог быть уверен, все ли в порядке с кашрутом, не смешивается ли молочная и мясная посуда, не бросается ли случайно молочная ложка в мясную раковину или наоборот... А погружение в микву? Отсчет дней? Все это требует хладнокровия, педантичности. Разговаривать с женой стало тяжело, и он просто не знал, как ему быть.

Он не подозревал, что сам же был виновен в произошедшем... Ему следовало пощадить Гитину эмоциональную сферу и, как только появились первые признаки ее недовольства, перестать выражать свои восторги по поводу раввина и раввинши, увлекательной учебы, поменьше раздражать ее своим искренним энтузиазмом от Торы, а... приносить домой побольше денег, посылать жену на разные культурные мероприятия, дать выход и реализацию тем привычкам и стремлениям, которые сохранились у нее от прошлой жизни. Стоило бы выходить с ней на природу, лазить по горам, по долам. Не надо было ее ломать в угоду себе и своему хасидскому аскетизму! А он именно этим и занимался, причем радостно и увлеченно, с полным сознанием своей правоты.

- Боря, что прикажешь делать с этим мустангом? - спросил он по телефону Маршала, - мы с ней ругаемся на каждом шагу... Она вроде бы и соблюдает мицвот, но с таким внутренним неприятием, с такой ненавистью... Я не понимаю, откуда это взялось. Ей, видно, все это надоело. Боюсь, что я ей тоже надоел. Маршал слушал эти и многие другие откровения Алесевского и с трудом сдерживал свои чувства.

- Послушай, - сказал он наконец тихо, - я тоже раньше был дурак. Я шел напролом... "Мы наш, мы новый мир построим..." Галя никогда мне не выговаривала и сцен не устраивала, но я теперь, по прошествии лет, понимаю, что многое делал бестактно... Но от тебя я этого не ожидал. Как ты не смог прочувствовать ее, как ты упустил...

- Что я упустил? - спросил Алесевский.

- Да ты вспомни себя! Вспомни, как ты приехал к Ребе и тебе все было странно. Как тебя раздражала синагога, толкучка. Неужели забыл? Ты на все смотрел как во сне.

- Допустим, - согласился Алесевский, - но с тех пор, как я принял на себя заповеди, разве кто-то может упрекнуть меня в непоследовательности? Разве я делаю что-то не так?

- Да. Ты делаешь не так. Представь себе.

- Что?

- Ты отрицаешь право другого человека быть самим собой.

- Это звучит философски, говори конкретнее. Что ты предлагаешь?

- Люби ее.

- Я люблю ее, проблема не в этом.

- Нет, проблема в этом. Если бы она чувствовала твою любовь, она бы отвечала тебе тем же, принимала бы и все то, что тебе дорого. Но ты взял на себя роль воспитателя - авторитарного, требовательного. Ты на нее давишь.

- Я на нее давлЮ? Я не имею права высказывать ей свое мнение?

Маршал предпочел закончить разговор прежде, чем они дойдут до спора, рассчитывая на то, что какие-то его слова все же воздействуют на друга, останутся в его сознании.

Алесевский был, надо отметить, крайне удивлен его позицией. Чтобы женские капризы возводились до такого же уровня важности, как Тора и заповеди! Ну уж, это слишком. Однако выражение "Люби ее!", сказанное Маршалом с какой-то невероятной силой, заставило его присмотреться к жене повнимательнее. Что значит - люби ее? Чувство? Или действия, которые требовалось предпринять? Люби - значит, действуй.

...Он застал ее в слезах, а начать утешать не мог - нельзя было дотрагиваться, пока она не скажет, что окунулась в микву и чиста. Но она, из злорадства, этого сказать не захочет. Это так понятно, когда знаешь ее характер.

Между тем ей очень хотелось произнести эти магические слова! И сразу взлететь руками на его плечи! Только какой-то бес сидел внутри и не давал этого сделать, все хихикал и подзадоривал ее: "Ах, религиозненькая ты наша! Ну, ну, припади к своему законному, сообщи о посещении миквы. Может, еще квитанцию об оплате показать? Чтоб все было образцово-показательно..."

- Светочка, не правда ли, ты окунулась? Не утруждай себя ответом, достаточно кивнуть, - предложил Владимир Федорович. Она кивнула, всхлипнула. Наконец-то он мог дотронуться до ее плеча, привлечь ее к себе. Тогда она зарыдала, не сдерживаясь. В ней происходила как бы разрядка напряжения, чувства рвались наружу. Он был тронут этой бурей эмоций, хотя не вполне понимал, чем она вызвана... А дело было в том, что, как только они обнялись и она ощутила его доброе (как выражаются экстрасенсы - донорское) тепло, "бес" улетучился из нее, и ей стало больно, обидно, что столько времени она поддавалась его злобным и хитреньким провокациям...

- Я плохая, - пробормотала она, оправдываясь, - прости меня, я плохая, я никогда не буду хорошей, я только испорчу тебе жизнь.

Про бесов, которые за ней гонятся, она не стала упоминать. Зато рассказала ему сказку о Снежной королеве в своей интерпретации. Помнишь, был мальчик Кай. Он был добрый и хороший. Но когда осколок дьявольского зеркала попал ему в глаз, то вдруг все, что раньше было мило, показалось ему уродливым... Так вот и она. Будто осколок попал ей в глаз, и все перекошилось. Все показалось чуждым и холодным и стало вызывать насмешку - Тора, заповеди... Таким образом она еще долго что-то бубнила, клопоча рыданиями в горле, то отворачивая, то утыкая лицо в его клетчатую рубашку, пока все в ней не размягчилось, вплоть (именно так: в плоть, в его плоть) до полного растворения, - как будто ушло куда-то. "Осколок" то ли растаял, то ли вышел вместе со слезами.

- С меня, понимаешь, искры летят...Я - наэлектризованная. А ты меня...

заземляешь, и я успокаиваюсь. И тогда мне уже ничего не мешает...И все хорошо. Ты, главное, люби меня...

"Да я и так люблю тебя, разве в этом были сомнения?" - хотел ответить Владимир Федорович, но вместо этого прижал ее к себе покрепче и только вздохнул.

Подумал, что только теперь начал понимать ее психологию. Да и то - стоит изложить свое понимание раввину, посоветоваться: у того все же больше опыта, ему десятки людей плачутся в жилетку.

Думалось ему так: для жены, по-видимому, их супружеская близость значила очень много - настолько много, что меняла все ее восприятие жизни в целом и Торы в частности. Когда эта близость имела место, то весь мир преображался. Но потом по законам Торы требовалось отдаляться друг от друга, и тогда ей становилось холодно, одиноко, в голову начинали лезть всякого рода сомнения. Скапливалась отрицательная энергия.

Эту энергию надо было научиться направлять в разумное, положительное русло... или хотя бы нейтрализовывать. Но как? Тем более что в нем самом ничего такого не происходило, он и в периоды отдаления оставался ровным, спокойным и добрым, зная, что так или иначе они никуда друг от друга не денутся. Что ж, раз для нее это такой серьезный кризис, то надо ей как-то помочь.

Он чувствовал себя очень странно, когда отправился вместе с ней искать ипподром. Когда же они его нашли, то оказалось, что там как раз заканчивался ремонт и посетителей не пускали. А через месяц, когда сезон открылся, Гите было уже поздно начинать баловаться верховой ездой - наступившая беременность давала о себе знать. Нежные всплески и движение новой жизни, которые она вдруг ощутила в своем животе, несказанно ее удивили. Теперь уже было как-то не до лошадей.

53. ЖИВЕЕ ВСЕХ ЖИВЫХ

Наступило Третье Таммуза. Солнечное воскресенье, когда кто-то позвонил в синагогу из Москвы и сообщил, что хабадники летят в Нью-Йорк на... последнюю, безмолвную встречу с Ребе... Прощание.

Маршал машинально прошелся по кабинету, вперся взглядом в календарь. Громко сказал вслух никому: "Этого не может быть".

Какое еще прощание? Скорее уж я с самим собой распрощаюсь! Как же, к примеру, я жив, если лидер поколения отсутствует? Ведь вся жизненность, согласно Торе, - от него. Так же явно, как я ощущаю живым себя, жив и Ребе. Это обыкновенная логика, даже без всякой веры, обязывает понять. Или же есть теперь какой-то другой лидер, заступивший на место Ребе? Нет. Такого мы не можем предположить, поскольку есть на этот счет очень ясные указания...

В своих трудах и письмах Ребе указывает, что жизнь пророка и руководителя поколения, заступившего на этот пост в 1951 году (он, понятно, говорит о себе), будет уникальным примером того, как Б-жественная сила, творящая все мироздание, проявляет себя безо всяких сокрытий и утаений. Как камень, на котором будет стоять Иерусалимский Храм, есть на Храмовой горе и не подлежит

сокрытию и утаению, так же точно и этот "пророк и судья" не подлежит "категории захоронения" (в отличие от "арон а-кодеш", который был по определенным причинам захоронен). Во множестве Бесед Ребе говорит о том, что наше поколение увидит Освобождение, что руководитель именно этого поколения и будет последним Освободителем.

Что же тогда происходит сейчас? Да ровным счетом ничего. Паниковать нечего. Раз в Торе написано, что снег - белый, то я обязан верить в белизну снега. Причем не из-за того, что это - факт, не из-за эмпирической истины, а из-за того, что так написано в Торе. Вера в Мошиаха - это "догмат" (не побоимся этого слова) иудаизма. Объявлять собственного учителя Мошиахом - это рекомендовано самой же Торой. Так в чем дело? Какие могут быть причины для паники? Поступила противоречивая информация? Так же, как если бы вдруг выпал зеленый снег? Это испытание! Проверка на прочность нашей веры. Так же, как год назад, когда у Ребе был инсульт и некоторые хасиды волновались за него, молились о его выздоровлении, ошибочно полагая, что Ребе может быть больным. Одна такая группа "взволнованных" Маршалу хорошо помнилась по их визиту в Ростов... Что бы ни говорили - ясно одно: Ребе является Мошиахом, а раз так, значит, и силы у него сверхъестественные, не подвластные природе. Вот и все. И перед полным его раскрытием в качестве Мошиаха, наверное, потребовался такой вот экзамен для нас всех.

Галя, переваливаясь, как гусыня, ходила из комнаты в комнату, собирала вещи, укладывала их в сумку - ехать в роддом. Все сроки уже прошли, и она до того несколько раз собиралась и не ехала, и снова все распаковывала. Но теперь схватки, кажется, начались всерьез. Да к тому же и воды стали отходить...

Она вызвала из синагоги маму и мужа, оставила маленького Янкеля с бабушкой дома, и Маршал повез ее в роддом.

В приемной началась кутерьма... "На сорок первой неделе! Почему же вы не обследовались раньше!? Срочно - на ультразвук, определение веса, монитор... Что вы себе думаете? У вас же воды сошли! Вы знаете, как это серьезно?"

Ей стали объяснять, что необходимо вызвать искусственные, более сильные, схватки, чтоб процесс быстрее пошел. Галя отказалась, хотела попробовать рожать сама. Тогда врачи потребовали, чтобы подписала кучу всяких бумаг, которые освобождали врачебный коллектив от ответственности. "Вес у ребенка большой, воды у вас практически сошли, а схватки слабые: чего же вы ждете? Соглашайтесь либо на кесарево, либо на ускоритель".

Она бы, пожалуй, поддалась их давлению, но знала, что все-таки лучше рожать в назначенный природой час, он же добрый и счастливый час, установленный Свыше для души, которая должна спуститься в наш мир. И - если только ситуация не экстремальная - на операцию не соглашаться. Таково мнение Ребе.

Раз десять, когда у персонала бывала пересменка, ее заставляли объяснять, почему она отказывается, и каждый раз среди врачей либо медсестер либо аспирантов находился кто-то новый, кто еще не знал всех деталей, и тогда остальные бурно жаловались ему на упрямую пациентку, чтобы и он тоже покачал головой и укоризненно на нее посмотрел. Так прошло два дня и две ночи.

Маршал спал, укрывшись пиджаком, на каком-то плетеном диванчике в коридоре, устав от чтения Псалмов и вида Галиных мучений. По тому же коридору расхаживала плачущая роженица, которую готовили к операции. Она рассказала Маршалу, как получилось, что ее должны оперировать. Сначала все было нормально, только врачи паниковали из-за слабых схваток и дали ей "ускоритель". После применения "ускорителя" младенец перевернулся в утробе и принял неправильное положение, ножками вниз. А раз так, то иначе, как кесаревым, его оттуда не вытащишь! Женщина плакала и жаловалась, что позволила врачам воздействовать на свою психику, заразить и ее паникой... Маршал выслушал рассказ женщины, посочувствовал ей, а заодно и подивился Галиной прозорливости. Вскоре оказалось, что врачи действительно погорячились: отхождение вод у нее было лишь частичным, а усиление схваток постепенно наступало само. Только вот душевные силы, потраченные на пустые споры с врачами, у нее были на исходе.

Наконец ему сказали, что ее перевозят в родильную комнату. Но как было еще далеко до родов! Он просто ни о чем не подозревал и все ждал, что вот-вот, вот-вот. А оказывается, там, в родильной, шла настоящая битва, и исход ее был отнюдь не предрешен.

Что было самым ужасным? То, как, подсоединив к ней всякие проводки и строго-настрого велев не двигаться, все врачи вдруг куда-то убежали, оставив ее одну на час под капельницей? И как она боялась сдвинуться с места, лежа на боку, неудобно, не умея в таком положении встретить все усиливающиеся схватки? Или то, как акушерка пыталась тянуть головку младенца, глядя при этом на график кривой схваток и не слушаясь Галиных ощущений, которые говорили иначе, не так, как шла кривая на экране? Или то, как после родов - к счастью, удачных, - в течение часа врач зашивал на ней разрывы? Или неодолимый, но поверхностный и не насыщающий сон в первые часы уже в палате... Все было жутко, на пределе сил. С постоянной мыслью: "Зачем? Зачем? Кому это надо? Пусть я лучше умру!"

И вышел ребенок именно тогда, когда Галя все-таки прикрикнула на акушерку: "Вот сейчас тяните! Не смотрите вы на эту машину, смотрите на меня, я вам знак подам! Вот сейчас! Сейчас!" - только тогда, когда она осмелела и взяла инициативу в свои руки, дело пошло быстро и успешно. Вышел мальчик живенький, мгновенно сменивший цвет прозрачной голубизны на теплый цвет нормальной кожи. Его помыли и по ее просьбе положили ей на грудь.

"Пу-усинька", - сказала она так же, как когда-то - первому. Маленького унесли, а ее принялись зашивать. Как прохудившуюся одежду. Да она так себя и чувствовала - тряпчочкой бессильной.

Маршал сначала к ней подошел - увидел, что она совсем слаба и что не о чем пока говорить. Потом, через пять-шесть часов, снова приехал в роддом - и она на него напустилась: "Почему ты меня бросил? Как ты мог уйти? Ты не знаешь, как ты был мне нужен!" Оправдывался, молчал, не знал, как загладить несуществующую вину.

Первые дни все было на нервах, на срыве, сплошные упреки, и тут же - с краю как бы, по боку - канва счастья, невероятного, незаслуженного. Счастья видеть эти глазки, эти ручки, этого малышечку.

Назвали Менахем-Менделом. Не для памяти Ребе (тут Маршал был упрям) - а в честь.

54. ЗМИЕВСКАЯ БАЛКА

На каком-то этапе Маршал сломался. Во-первых, Галя слишком обидела его в первые месяцы после родов - каким-то постоянным, жутким непониманием, придирками. Близости не было никакой - ни духовной, ни физической. Был кошмар. Конечно, он заставлял себя восхищаться ее героизмом, ее мужеством... но по-настоящему ему не восхищалось как-то. Было жалко себя, жалко их любви. Как будто она грохнула все это об пол, как грохнула однажды во внезапном припадке злости их общую застекленную фотографию.

А во-вторых, "обидел" Маршала, если так можно выразиться, сам Ребе. Тем, в какое положение поставил всех своих хасидов. Мозг не справлялся с этой ежедневно утяжелявшейся работой - объяснять себе и окружающим, что Мошиах проходит именно такой путь, что это - последнее испытание. Это было страшное время. До того страшное, что иной раз Маршалу казалось, что он перестал верить в Б-га. Заканчивал абсолютно пустую формальную молитву, складывал талес и в отчаянии говорил поджидавшему шоферу: "Алексей, по-твоему, Б-г есть?"

Шофером Алексей был взят совсем недавно - ушел с мебельной фабрики, пристроился в синагоге.

- Б-г? Есть. Воистину.

- А где?

- Окружает все миры, - послушно докладывал хорошо наученный им же самим работник, - а также, стало быть, проникает во все миры. Отсюда мы все и существуем. А Он нас всегда видит.

- Но мы-то Его не видим! Нам-то тяжело!

- Испытание это, - с готовностью парировал шофер.

- Ну, зазубрил! Ладно тебе! Помысли сам, без фанатизма! На все у тебя готовые формулы! - раздражался Маршал.

- А это у вас - йецер а-ра, - отвечал Алексей, и тут его начальник сдавался:

- Твой диагноз верен. Какие у тебя предложения по его ликвидации?

У Алексея был набор средств, и вот их неполный список:

"Соберите много народу и проведите фарбринген (это слово он выговаривал особенно внушительно, точно оно означало нечто иностранное, импозантное). Как спорить, глотку драть, других убеждать - на это вы великий мастер. А заодно - и себя убедите".

"Почитайте хвалебные заметки, которые поместили о вас в городской газете.

Сразу дух поднимется".

"Давайте, свожу вас на могилу Пятого Ребе. Постоите там с часок-другой босой, помолитесь - дурь-то из головы вон".

Так и спасал раввина шофер.

Однажды утром пришла в синагогу неопрятная, к тому же грубо покрашенная, старая женщина и оставила через секретаршу Олю просьбу сказать за своего отца кадиш.

Маршал увидел записку под стеклом на своем столе и вздрогнул.

"Прошу сотворить Кадиш по моему отцу, Сендеру Гонтмахеру. Расстрелян 13 сентября 1943 года".

- Оля, что это? Кто это здесь положил?

Секретарша была занята освоением компьютерной техники, только на днях завезенной в синагогальный офис, и неохотно явилась на зов.

- Это? А, это - кадиш надо сказать, как обычно. Я занесу к дедушкам, они скажут... Вы же мне сказали, чтобы я эти записки сразу передавала дедушкам, а я вот, видите, опять забыла. Извините.

- Да я не об этом. - Маршал постарался выражаться толково и точно. - Объясните мне, пожалуйста, от кого это записка. Кто ее написал. Как выглядит. Оля пожала плечами.

- Пожилая женщина, имени не знаю. Хотела вас дождаться, а я ей предложила изложить свою просьбу в письменном виде. Она так и сделала. Ну, и потом ушла.

Она из вежливости постояла еще, потом скрылась за дверью. Маршал поднес к глазам записку.

Сендер Гонтмахер расстрелян. Тот ли Сендер? Мало ли Сендеров. Но чтобы именно здесь, в Ростовской области, и с таким же именем, и с такой же фамилией - вероятность невелика. Ведь он запрашивал информационные центры и в Израиле, и в Америке - не много находилось Гонтмахеров, и с совсем другими именами. Но почему - расстрелян? Разве им не удалось бежать на Урал? А вдруг это все же другой Гонтмахер? Пусть лучше будет другой, не его дедушка, не мамин отец. И пусть мать в любом случае не узнает, пусть надеется на то, что бегство все-таки состоялось.

Он дал распоряжение секретарше записать имя и адрес той женщины, если вдруг появится снова в его отсутствие.

Прошло несколько дней.

"Розалия Александровна Штерн - по поводу кадиша - приходила. Я ей сказала, чтобы вернулась попозже или позвонила. Вот ее адрес..."

Штерн? Это же Светкина фамилия! Маршал испытал мгновенную сухость и усталость, как будто не пил и не спал много суток.

- А у этой Розалии Александровны что, нет телефона?

- Есть, почему же. Вот он записан, рядом с адресом.

"Пушкинская, 36"... Так и есть, Светкин адрес. Он запомнил его, когда ездил с Гарриком откашеровать там кухню. Ну, послал ему Б-г двоюродную сестричку. Если это действительно так, то это многое проясняет... Значит, Светка все-таки - не чужая. Интуиция ему это и раньше говорила, только... Ну-ну, не забегай вперед.

Он занялся набиранием номера, и секретарша удалилась.

В трубке ответили раньше, чем он успел заготовить начало разговора.

И оно прозвучало в сыром, неотшлифованном виде:

- Здравствуйте, тетя Роза, это говорит ваш племянник, сын Мирры, внук Сендера Гонтмахера, за которого вы просили кадиш. Что, вы падаете в обморок? Подождите, может, это еще ошибка. Ваш отец - Гонтмахер из Мукачева? Которого не призвали в армию из-за плохого зрения, который писал мезузы и свитки и который... Да? Понятно. Тогда можете падать в обморок. Это не ошибка. Мы с вами родственники.

Они встретились.

Аффектированная речь тети Розы раздражала Маршала с первых же минут разговора. Тетя Роза описала расстрел в Змиевской балке, на который увели в ночь на 13 сентября всех прятавшихся в Ростове членов их семьи. Она была тогда подростком, и довольно живучим. Ее ранило, залило своей и чужой кровью, и она лежала так же опрокинуто и неестественно, как прочие. Потом выбралась из рва, не оглядывалась, не искала никого из родни - боялась видеть голых и мертвых. По дороге ее подобрала подвода... После детдома - где хорошо себя проявила в художественной самодеятельности - пошла учиться на актрису. Злилась на Б-га за расстрел близких и ненавидела все еврейское. Нарочно ела свинину, нарочно игнорировала Йом-Кипур и вообще все традиционное. С мужьями, ни с одним из них, не сложилось. Один, еврей, был режиссер, а остальные... На этом месте Маршал отключился и перестал воспринимать ее речь.

Перед глазами стояли бетонные плиты Змиевского мемориального комплекса.

- Я был в Змиевской балке по меньшей мере десять раз, с группами приезжих, - как во сне произнес Маршал. - Все иностранцы просились туда, и я их водил. Я видел, что внутри мемориала пол и стены исписаны именами, но я не знал, что, присмотрись я повнимательнее, нашел бы имена своих родных...

На следующий день, где-то в шесть утра, он начал собираться в дорогу. "Куда?" - спросила Галя. "Туда", - ответил он. Она поняла, что "туда" - это значит в Змиевскую балку. Именно ранним ветреным утром, именно один. Он подъехал к мемориалу, расположенному в глубокой низине под Ростовом, в западном

направлении от города. Скульптурная группа, долженствовавшая изображать некий трагический надрыв, равно как и вечный огонь, были оставлены им без внимания - он сразу прошел внутрь мемориала.

Имена замелькали перед ним, как на мониторе взбесившегося компьютера. Целые галактики имен. Быстро нашелся Сендер Гонтмахер, а также Бейла и прочие члены семьи. "Ну и что? - подумал Маршал. - Чего было так переживать?" Он вспомнил историю про брата Пятого Любавичского Ребе. Как у него сгорел лес, и собратья-евреи пришли к нему сообщить о громадном убытке. Он остался очень спокоен. Его спросили, отчего он так сдержан, неужели ему не жаль леса. "А вот ты, - сказал брат Ребе одному из них, - почему ты спокоен? Ведь твой сын болен тяжелой болезнью". Тот удивился: "Сын болел давно, три года назад". Брат Ребе кивнул и ответил: "Ну, какая разница? Я могу себе представить, что и мой лес сгорел три года назад. Можно сократить срок - и успокоиться вместо трех лет - за три минуты".

Но спокойствие все же покинуло его, когда он вышел на свет, на природу, на засыпанные листопадом ложбины. Он услышал вопль, увидел взметнувшиеся руки расстреливаемых. Хотелось прилечь на жухлую траву, поговорить с увядшими листьями. Пожалел, что нет с ним в такую минуту Володи Алесевского - они могли бы так славно распить прямо здесь пару бутылок пива с обыкновенной донской воблой, поговорили бы по душам, и пришло бы успокоение, примирение с фактом. А так - нет. Небо раздражает, травка подозрительно колка, и память саднит, как царапина от ржавого края консервной банки.

Кажется, тогда он во второй раз за свою жизнь подумал о том, что стоило бы написать книгу. Отделиться и отделаться от набухшего в нем переживания - своего, чужого, еврейского, русского, от всей этой мешанины эпизодов, которые воспринял слишком остро и которые теперь не оставят его в покое. Много лет назад, когда он был станичным мальчиком, ему было легче жить. Вообще быть русским значительно легче, чем евреем. Но эта легкость - не по нему...

Он повез Розалию Александровну к своей матери (до того, естественно, подготовил мать психологически к встрече с родной сестрой). Розалия все эти годы оставалась в памяти Мирры веселенькой шестилетней девочкой, Мирра же ее помнила двенадцатилетней, заботливой, маминой помощницей. Встретиться двум женщинам, у которых были одинаковые густые рыже-черные брови и схожая форма выпуклых глаз, довелось лишь полвека после войны...

Сначала они даже не обнялись, а вежливо поздоровались и обменялись рукопожатием. Стоя посреди горницы, вглядывались в черты лиц друг друга до тех пор, пока правда этой встречи не сделалась тяжеловесной, осязаемой, от чего им сразу захотелось вздохнуть и плакать. Тогда уже начались объятия и поцелуи.

- Почему же ты раньше не нашлась? - причитала Мирра, когда они стояли в обнимку. - Ведь рядом были - ты в Ростове, а я - в Ростовской области! Да ты садись, чего ж стоять-то!

- Миррочка, дорогая, я сама не знаю. - Розалия уселась на тахту, сестра опустилась к ее ногам, - были у меня мысли о тебе, но разве я помнила, где, в каком селе и у какой семьи, мы тебя тогда оставили? Мне и страшно было про

все ТО вспоминать. Я гнала эту память, чтобы с ума не сойти. Только знаешь где душу отводила? В театре. В пьесах про войну. Я ведь уже сорок лет на сцене...С каким наслаждением я выкрикивала: "Бей гадов! Смерть фашистам!" А еще я любила антирелигиозные пьесы, такие, где "боженьку" высмеивали, вроде образцовского "Сотворения мира"...

- Но Боря сказал мне, что нашел тебя по записке, где ты просила Кадиш... - перебила Мирра Александровна.

- Да, именно так...

- Но ты же не веришь...

- Не верю! Только в этом году, когда Светочка моя вдруг с синагогой связалась, мне в голову стукнуло что-то сделать для отца. Да и для всех надо бы - для мамы, для Пейси, для Бейлы, для дяди Шимона... Но, главное, я чувствовала, для отца. Он ведь был такой религиозный, вечно горбился за столом, писал свои свитки...

- И ты сама пришла в синагогу?

- Я пришла, а раввина на месте нет. И во второй раз тоже. А мне так хотелось увидеть, кто же это, что за человек. И тут он мне звонит. "Здравствуйте, я ваш племянник..." Б-же! Как я переполошилась! И мне пришлось ему рассказывать - а ведь я никому не говорила об этом за все время - про расстрел. Миррочка, не спрашивай меня об этом. Пусть он тебе перескажет.

- Он это уже сделал, - вздохнула сестра, - тебе не придется переживать все заново, не бойся...

Маршал с отцом не участвовали в их беседе, только слушали - и не верили, что такое возможно, такая встреча. Пока Розалия вдруг не провела по Мирриным волосам, говоря задумчиво:

- А вшей-то, помнишь, как мы одна другой вычесывали?

Та снова начала плакать.

- А козлят-то помнишь? Как зиму-то козлята у нас спали? Утром проснешься, а они прямо по тебе скачут, играют...

Начался рев, который уже нельзя было удержать. Плакали обе, обнимались, вспоминали. Маршал только иногда взглядывал на отца - тот был суетлив, взволнован, выпивал, кричал, снова выпивал.

- А чего ж нам не наливают? - бойко сказала Розалия. - Чать не чужие!

- Да на здоровье, - еще сильнее засуетился отец, - ликерчику или водочки?

- Ликерчик - это для слаонервных. Мы - бабы закаленные. Правда, Мирка?

Та бессильно махнула рукой, сжимавшей мокрый платочек. А Розалия опорожнила

стопочку, натянула цветастую шаль на плечах и пошла плясать, сама же и исполняя грудным голосом:

Сомнения прочь - Уходит в ночь Отдельный Десятый наш Десантный батальон...

"И это - мать Светки? И это - сестра моей мамы? - проносилось в голове у Маршала.

- Но зачем, для чего все это оказалось именно так?" За первым визитом тети Розы в Заветное последовал и второй, и третий. Маршал старался придать этим встречам некое еврейское содержание, но в целом все сводилось к обычным посиделкам родственников за рюмочкой, за телевизором.

Вот и сейчас отец включил телевизор, и тогда, глядя невидящим взглядом куда-то поверх футболистов, Маршал принялся думать о своем. А Розалия с гордостью демонстрировала его матери все свои театральные фотографии и отзывы критиков о своих ролях - газетные вырезки лет за двадцать.

...Вот, значит, как получилось со Светкой. Не просто так почувствовал, что она особенная. Йецер а-ра, дурное побуждение, иной раз может все перекосить, но то, что она запала ему в душу, теперь понятно и обоснованно. А может, он пытается себя обмануть? Нет, это правда! Впечатление, которое у него создалось при первом взгляде на нее, объяснялось не только ее привлекательностью - оно произрастало из скрытых, непонятных, родственных чувств, которые в то время никак иначе не могли быть им истолкованы, кроме как нечто грешное и плохое.

Он решил по утомленному виду матери, что визит тети Розы в Заветное пора заканчивать, и предложил ей проследовать в машину. Шофер уже крепко выспался в густой траве у обочины.

Мирра поцеловалась с сестрой и, попрощавшись, испытала некоторое облегчение. Дело в том, что эти встречи расстраивали ее больше, чем радовали. Если бы не родство, то в подруги себе она бы Розу не выбрала - характеры совсем не сходятся. Даже при первой встрече всплеск эмоций был тяжеловат, а уж частое общение тем более не сложится. Роза будто давит на тебя, говорит много и театрально, стараясь убедить. А перед Мирриным мужем явно кокетничает, ломается. А ее анекдоты!

Лучше жить, как раньше, поспокойнее... Ну, свиделись, и ладно... Сын увез Розалию в город, а Мирра Александровна постояла у калитки, подумала еще о том, о сем - о матери, об отце... их образы были неясны, но очень глубоко, незабываемо сидели в ней...

Постояла так, в забытьи, наедине со своими еврейскими воспоминаниями - и вдруг неприятно стало возвращаться в горницу, видеть мужа, подавать ему борщ и слышать, как он есть, чавкая. Еврей тоже, правда, ест иной раз, чавкая, но все же... делает и это по-еврейски. Или это ей только кажется?

55. ИНАЯ ДАЛЬ, ИНЫЕ БЕРЕГА

Потускневшая после родов, Галя все никак не обрела интерес к жизни, не

желала ни заботиться о своей фигуре, ни прикладывать усилий к тому, чтобы радовать мужа, преодолевать полосу усталого равнодушия к нему. Ей просто не хотелось жить. Хотя вроде бы все было хорошо. Больше всего на свете ей хотелось по-человечески выспаться, и если для этой цели надо было лечь на два метра под землю, то она и к этому иной раз испытывала готовность.

- Слушай, - сказал Маршал, когда она, стоя у окна, с недовольным видом высвободилась из его объятий, - не могла бы ты сказать мне хоть один раз, что ты меня любишь? Я, знаешь ли, столько перенес в последнее время... Мне нужна твоя любовь и ласка.

- Я признавалась тебе в любви еще когда мы были школьниками...

- Я хочу слышать это сейчас.

- Но сейчас ты уже мой! Ты - не отдельный от меня. Это больше, чем любовь.

- Не экономь, милая. Да, конечно, там, где есть двести, есть уже и сто. И все-таки, я хочу это простое изъяснение чувств. Как ты говоришь Яшке и Мендику: "Пу-усинька! Ла-апочка!" Что-нибудь такое... Тогда я, может, перестану на тебя злиться.

- Ты - на меня? За что тебе на меня злиться?

Галя сделала большие глаза, искренне удивилась - чем она, труженица, праведница, - его прогневала?

- За то, что ты уже три месяца ведешь себя непонятно... так, как будто тебе все должны.

- Представь себе, мне действительно полагается немножко отдыха, немножко внимания.

- Мне тоже.

- Ну, знаешь, попробуй один раз испытать то, что я прошла...

- Думаешь, мне не было плохо? - Это совсем не то!

-...Ладно, давай не будем спорить. Да, ты - героиня, молодец, мужественная женщина. Но я почему-то чувствую себя одиноким. Совершенно не любимым. Даже в те моменты, когда любая женщина хоть как-то выражает свои чувства, - ты остаешься, как мешок картошки. Но, принимая во внимание твои подвиги, страдания и прочее, я с этим должен мириться.

Он впервые говорил с ней так откровенно-недовольно.

"Ну вот, дает мне понять, что я - плохая жена. Только этого мне не хватало! Да я способна разрыдаться при малейшем упреке! Хоть бы замолчал! Какое он имеет право критиковать?" - проносилось в голове у Гали. В носу у нее уже щипало, рыдания подступали к горлу... Он с ужасом смотрел на ее увлажняющиеся глаза - опять непонимание... Опять отдаляемся друг от друга, упрек на упрек,

сарказм, обиды, слезы...

- Постой... - быстро заговорил он, - я не хотел. Это сорвалось. Тихо, тихо... Родненькая, послушай! Я просто прошу твоей любви. Умоляю тебя о любви. Вот и все. Я выражаюсь зло, потому что мне не хватает тебя. Ты понимаешь?

"Если бы он перенес весь тот ужас, что я перенесла! Да он бы на коленях передо мной стоял! На руках бы меня носил. Но что поделаешь - он не может этого понять. Обычный человек не поймет вернувшегося с фронта. Или того, кто пришел с того света. Не поймет, не поймет... Но почему мне все время так хочется плакать? Что же я, так никогда и не стану нормальной? Это у меня, что ли, гормоны шалят? Я ведь ужогу в психбольницу, если как-то себя не выправлю..."

Она беспомощно села на ковер, рядом с брошенной на пол детской одеждой, которую надо было складывать и сортировать.

- Твоя ошибка в том, - сказала она спокойно, - что ты считаешь меня нормальной. А я - временно ненормальна и нуждаюсь в жалости, как больная. Можешь меня бросить, если это тебе не подходит...

Ему захотелось сесть с ней рядом, обнять, приласкать, но он вовремя осознал, что это нужно ему, а не ей. Ей нужно от него что-то совсем другое. Наверное, умение как-то незаметно помогать ей, быть "на подхвате", как вторая женщина в доме, а не как мужчина. Потому что мужчина даже если и помогает жене, то как бы записывает это себе в заслугу, ведет счет своим доблестным делам. Женщина же помогает естественно, органично.

- Ты мне только подскажи, что я могу для тебя сделать, - предложил он.

- Вот, пожалуйста, белье складывай! - сказала она горько и устало, как непонятое существо.

"И что мне за это будет?" - подумал он. Но вспомнил то, какой пугающий диагноз она сама себе вынесла - "временная ненормальность" - и подчинился своему решению, а именно - начал ей помогать, не ставя это себе в заслугу. Так он продержался больше недели, и Галя - в ответ на это - захотела тоже измениться в лучшую сторону. Но у нее не получалось. Муж просто не представлял для нее никакого интереса, вот в чем было дело. И она уже из чисто альтруистических соображений задумалась над тем, как ему угодить. Ради супружеского долга. Как сделать, чтобы он был ею доволен? Ведь он хороший человек, почему он должен страдать?

Подумав, кто бы мог помочь ей советом, она почему-то вспомнила о... Светке, Гите. Вот кто специалист по мужикам! Пусть бы поведала ей тайны мужской психики. Может быть, есть какие-то простые вещи, которые Галя по незнанию игнорирует и оттого муж чувствует себя брошенным и нелюбимым? Она осмелилась позвонить в Кишинев.

Гита сначала подумала, что жена раввина хочет ее повоспитывать, укрепить на пути Торы и заповедей. Но она, в принципе, уже и так во все религиозное вжилась и протеста в ней больше не возникало. Успокоила ее и беременность. Ей нравилось мечтать о будущем малыше, читать за него "Теилим", чувствовать себя

хорошей, праведной.

Она удивилась, когда начавшаяся с чего-то другого беседа с Галей вдруг коснулась не Торы, а супружеских отношений. По телефону Галя говорила смелее, чем могла бы это сделать лицом к лицу. Она просто спросила, что можно предпринять, когда чувствуешь такую пустоту и усталость, что вообще ничего не хочется, а муж еще пытается поделиться с тобой какими-то своими претензиями к тебе как к женщине. После первых родов у нее такого семейного конфликта не было! А сейчас есть.

Она замолчала.

Гита подумала - ну, вот, теперь и мне есть чему поучить мою дорогую наставницу. Ладно, почему бы и нет.

Она высказала Гале несколько замечаний. По поводу запущенной внешности, фигуры. "Разве ты себя не любишь? Тебе не хочется быть красивой на все сто? Вы же можете быть очень счастливы, если ты только..."

- Если я - что?

- Будешь поактивнее!

- Я говорю тебе, мне постоянно хочется спать.

- А мне кажется, что у вас интимная жизнь не на уровне. Не только сейчас, а вообще. Мужик у тебя чего-то недополучает. Это я заметила.

- Когда ты это заметила? - холодея, возразила Галя.

- Неважно. Не хватает ему тепла и ласки. У меня глаз наметанный. Смотри, чтобы "налево" не пошел.

- Да ну тебя! - разозлилась Галя и чуть не начала плакать от обиды. Глаза ее увлажнились, и она подумала: а вдруг это правда?

Она с некоторой враждебностью закончила телефонный разговор, а Гита, понимая, что преподнесла ей горькую пилюлю, перезвонила минут через пять сама и даже попыталась извиниться. После чего они снова разговорились о том, о сем, и она среди прочего порекомендовала Гале купить простейшую книжку по сексу и обогатиться новыми идеями, естественно, применив их с оглядкой на Тору. Как кулинарные рецепты, в которых все ингредиенты должны быть заменены на кошерные.

На душе у Гали было тем более плохо, что все полезные советы оказывались не по делу - в микве-то она еще не была.

Зато после посещения этого почтенного заведения, когда Маршал отвез ее в Луна-парк и они покатались на колесе обозрения, побродили в толпах народа, почувствовали друг друга близкими - среди чужих... и потом, дома, когда она вдруг (не без влияния купленной книжки) начала проявлять неподдельный интерес к физическим аспектам супружеской любви - интерес настолько бурный, что

Маршал даже испугался и, переведя дух, спросил - а это можно??? - на что она никак не ответила... и оба были в совершенном восторге от своей невероятной смелости... вот тогда-то и выяснилась вся сугубая полезность Гитиных наставлений.

Потом Маршал все-таки сделал пару телефонных звонков, поспрашивал у иерусалимского хабадника французского происхождения, единственного в своем роде профессионального консультанта по подобным вопросам, допустимы ли такие действия с точки зрения закона Торы. Оказалось, что они с Галей были очень наивны, не знали, насколько велик диапазон разрешенных по Торе вещей в том, что касается интимной жизни.

Как-то вечером Галя удачно испекла пирог, позаботилась о том, чтобы побыть с мужем в тихой, спокойной обстановке - малыши у бабушек, телефон отключен, нет никаких помех. Сели рядом на диванчик, поговорили за чаем с пирогом, при слабом уютном свете торшера. "Вот наша фотография, - сказала Галя виновато, показывая заново застекленное и вставленное в красивую рамку фото, - тебе нравится?"

Потом сделала еще несколько попыток окончательно искупить свою вину, и, видя ее искренние старания, Маршал почувствовал себя действительно нужным ей. Теперь, когда отношения были восстановлены, он мог поделиться с ней своим планом...

- Я хочу написать книгу, - сообщил он, пересаживаясь в арабское плетеное кресло-качалку, привезенное кем-то из израильских друзей. - Более того, я должен написать книгу.

...Если бы он сказал, что идет охотиться на фазанов, то Галя удивилась бы меньше. Кажется, по русскому языку (грамматике, орфографии и прочему) у него в школе была неудовлетворительная оценка. Правда, он очень много читал в последнее время - среди его товарищей особенно близким стал хозяин магазина редких книг, который забрасывал им то Блаватскую, то Гурджиева, то еще какую-нибудь нееврейскую мистику, и Маршал любил тщательно выписывать из этих книг те идеи, которые перекликались с иудаизмом: это ему помогало найти общий язык с интеллектуалами, посещавшими синагогу. Но все же... самому создать книгу?

- Не сейчас, конечно, - добавил Маршал. - А когда-нибудь. Когда у всех евреев Ростова будут кошерные кухни, когда все детки получают хорошее еврейское воспитание... вот тогда, может быть...

- Но что за книгу? О чем? И с чего вдруг? - поинтересовалась Галя. Он уменьшил амплитуду раскачки кресла.

- Я чувствую ответственность перед тем куском жизни, который прошел. В нем было много чего. Были явные чудеса. Был целый пласт событий, чувств и переходов (помнишь, Баал-Шем-Тов говорил, что у каждого есть свои сорок два пустынных странствия)... А за меня этого никто не опишет. Как говорил наш хайфский профессор: "За вас, дорогие пациенты, ваших деток никто не родит".

При упоминании о хайфском профессоре Галя поежилась.

- Надеюсь, что про нашу личную жизнь ты ничего не напишешь...

- Не волнуйся. Я буду только отталкиваться от нашего, а создавать совсем другое. Знаешь - это так здорово: вглядываться в свою жизнь и думать: вот это я возьму в книгу, а это не возьму. Я многое возьму из жизни, но передумаю заново и это уже будет "иная даль, иные берега". Другое измерение.

- А меня возьмешь?

- Тебя - возьму, выдумаю заново, будешь такая послушненькая, просто прелесть.

- А Светку возьмешь? Гиту то есть?

Он помедлил с ответом и наконец бесстрашно сказал:

- Возьму. Вместе с Алесевским. Знаешь, с таким эффектным окончанием, как будто бы она встречается с его дочерью, узнает в ней 16-летнюю себя, становится ее подругой... Что-нибудь в этом роде.

- И напишешь про то, как она оказалась твоей двоюродной сестрой?

- Ну уж нет. Такие вещи могут происходить в жизни, но для книги... это слишком избитый ход...

- А город ты оставишь прежним? Ростов? Или выдумаешь какой-нибудь уездный городок Н... или губернский О...? Или сделаешь как Ильф и Петров, превратившие Одессу в Черноморск, отчего она - Одесса - получилась еще ярче и узнаваемее...

- Ростов - Рош-Тов, "хорошая голова". Город моего воображения. Если даже он и останется Ростовом, то все равно - воображаемым. Как облака, отражающиеся в воде.

- Милый, но как ты можешь заниматься литературой, если ты ее совершенно не знаешь? Ты же помчался в йешиву, не закончив даже десятый класс! Может, поступишь в какой-нибудь приличный институт и поучишься как все люди?

- Да. Хорошая идея. Правда, Лев Толстой сказал: "Я бросил университет... именно потому, что захотел серьезно заниматься"... Но в чем-то я с тобой согласен. Учиться я отправлю... тебя. Скажем, на факультет истории искусств. Будешь приходить домой и просвещать меня. А я так и останусь недоучкой-раввином.

- Спасибо за доверие, но у меня уже давно отпала охота изучать что-либо, не связанное с Торой...

- Но ведь это ошибка - думать, что литература, серьезная, честная литература не связана с Торой. Конечно, связана!

- Пожалуй. Но скажи лучше, - с чего ты начнешь книгу? Ты уже думал об этом?

- Я начну ее в степенном эпическом стиле: "Тихий Дон плавно тек, как ему, батюшке, и полагалось".

56. СФИРАТ А-МАЛХУТ

- Я, наверное, перестану быть И.О. раввина ростовской синагоги. Я должен залечь на глубину и понять что-то, что Б-г собирается мне сказать и через меня передать людям.

Маркус внимал. "К чему ты клонишь? Ты устал, что ли? Хочешь в отпуск? Могу послать тебя на Каннский кинофестиваль. Или у вас, раввинов, есть какие-то другие способы "оторваться"? Объясни мне, чего ты хочешь. Я не понимаю... Ты же знаешь, что деньги для меня не проблема".

- Нет, Маркус, ты делаешь вид, что не понимаешь. - По-твоему, у меня есть время, чтобы делать вид? За то время, что я здесь сижу и слушаю тебя, я мог бы заработать пару тысяч...

- Извини. Мне уйти?

- Боря, ты какой-то странный. Я хочу тебя выслушать, но говори, пожалуйста, толково!

- Мне нужно уйти в тень, от людей. Залечь на глубину. Я же сказал...

- Конкретнее. Что от меня требуется. Что и сколько.

- Я не знаю цен. Я знаю, что мне нужно: покой и одиночество.

- Так бы и сказал! Твоя жена будет получать от моей бухгалтерши тысячу зеленых в месяц. Этого тебе хватит, чтобы пребывать в покое и одиночестве?

- Нет. Нужно еще финансировать раввина, которого я приглашу на свое место.

- Ты с ума сошел! После того, как ты столько сделал для общины, уступать власть кому-то!..

- Временно, Маркус. Временно. Ты же помнишь, я рассказывал тебе про Сфират а-Малхут. Как ей нужно подняться к своему Источнику. И тогда она будет способна опять спуститься и продолжать влиять на сотворенные миры. Мне нужно это состояние включенности в Источник. Иначе я не смогу продолжать...

Карьера израильского раввина, приехавшего в Ростов, началась неудачно. Его побили. Маршал долго разбирался, кто и зачем это сделал. Оказалось, что погорячились Брыль с Мантулой - недопоняв, что происходит, решили, что этот иностранец явился отбирать у Маршала его вотчину.

- Мы ж не знали, что ты сам его пригласил... - бурчал Мантула. - Думали, по справедливости... Чтобы нос не совал куда не надо. Маршалу стоило бы их повоспитывать - но Брыль с Мантулой внезапно сообщили ему, что уезжают. Куда? В Германию. Насовсем. Обзавелись подружками-еврейками, поженились в ЗАГСе и сразу подали просьбы на выезд. Теперь их ждет Дюссельдорф. Там прекрасное

пиво. А может, пиво совсем даже не там, а в Дортмунде. Но это не важно. Девчонок они отхватили стройных и длинноногих, одна - Элка Рабинович, а другая - Ирка Вишневская.

- ...Ребята, вы спятили?

- Не волнуйся. Мы по любви. Мы не такие, чтоб только ради денег. А в Германии в люди выбьемся. Вот увидишь, будем почтенными бургерами, пришлем тебе на синагогу пожертвования.

...Ребята исчезли из Ростова, а может, и из страны. Новый раввин терпеливо входил в специфику работы в местной общине. Нос его заживал, скулы приобретали нормальный цвет. Жена и дети приспособивались к российской действительности. Учили язык. Наслаждались приятным климатом, обилием тенистых деревьев. Совершали покупки на рынке, завязывали знакомства с ростовскими евреями.

А Маршал отстранился от дел, приходил лишь на утреннюю и вечернюю молитвы и старался вообще не привлекать к себе внимания. Как будто синагога его больше не интересовала, как будто кабинет не был его кабинетом, а сейф - его сейфом... И община точно не была больше его родной, им же самим почти с нуля созданной.

Маркус был одним из тех редких людей, которые при советском строе были серыми служащими, а, как только бизнес стал разрешенным делом, успели попасть в струю и резко выйти на достаточно серьезный уровень частного предпринимательства. Он бегал, выбивал разрешения и фонды, брал займы у американской родни, создавал совместные предприятия - как прибыльные, так и чисто филантропические, катался (он и был кругленький, как шарик) по городам и странам, налаживал линии, производил продукты питания, ввозил, вывозил... и в конце концов разбогател. А разбогатев, успокоился. Полюбил общение с раввином - оно давало пищу его душе. Никаких пороков за ним не числилось, у него была грузная еврейская жена и умные толстенькие дети, маленькие Маркусы, по которым уже тогда было видно, что они пойдут в бизнес или в адвокатуру.

Если бы в моральном облике Маркуса было что-то дурное, Маршал не стал бы брать у него деньги. Миллионеров в Ростове хватало, но почти все они, увы, были тем, что называется "лоу лайф пипл", морально нечистоплотными людьми. Отмывать их грязные деньги ни синагоге, ни раввину не подобало.

Поэтому Маркус был уникален. Чем же занимался ушедший в добровольную отставку раввин? Может быть, он считал звезды на небе или писал стихи? А может, он изо всех сил изучал Тору? Или подготавливал почву для переезда в другую страну? Нет, это было не так. Не совсем так. Хотя и звезды он тоже, конечно, считал, и мысли свои кое-какие записывал. И Тору, что греха таить, все-таки учил. И возможность переезда в Израиль взвешивал. Но не это составляло главное.

Главное было - создать внутри себя тишину и уже дальше, в этой тишине, подумать заново о многом.

В Галиных глазах он отнюдь не стал чудачком, хотя, быть может, другая женщина подумала бы о таком муже именно как о впадшем в чудачество.

Ей, наоборот, даже нравилось, что он из большого и важного общественного деятеля превратился в частное лицо, стал большую часть дня проводить дома, помогать ей по хозяйству, играть с детьми - и лишь иногда уединялся для каких-то своих писаний в виноградной беседке во дворе.

Люди искали его, звонили, спрашивали - но только первое время. Потом всем стало ясно, что раввин отстранился от дел общины и передал все свои функции иностранцу, занявшему его место в синагоге.

А о том, что отстранение это - мнимое и что новый раввин во всем отчитывается, и достаточно часто, тому же Маршалу - знал лишь Маркус. Ему это знать полагалось, он ведь нес на себе бремя финансовых расходов операции. А еще в курсе всех маршалских дел был, как всегда, реб Мордхе, который только теперь понял, что тяга этого молодого человека к литературе, очевидно, неистребима и - хочет быть не только неистребимой, но и плодотворной.

Весь этот маневр нужен был Маршалу для того, чтобы сделать шаг к более полной самореализации. Экстрасенс, с которым он был дружен, не раз повторял ему: "Самое большое наказание для талантливого человека - это когда он вынужден выполнять работы, не требующие таланта. Он может делать это успешно, но его неиспользованный талант все равно будет давать ему ощущение, что он несчастен. Человек может заболеть или даже умереть из-за того, что не реализовал Б-жественные способности, которыми располагал".

Подобную мысль высказывал Ребе в книге "Йом-Йом": "Если ювелир умеет печь хлеб, это неплохо. Но если он сменит ремесло ювелира на хлебопечение, то с него взыщется, как за грех. Ибо умение обрабатывать драгоценные камни - умение более редкое, нежели выпечка хлеба".

Маршал довольно долго функционировал, и совсем неплохо, в качестве главы еврейской общины. Он заметил, однако, что истинное чувство самореализации ему приносили именно интимные беседы с людьми, а не возня с материальными проблемами, газетный официоз, прием делегаций, признание речей на банкетах, организация спонсоров, подбор работников, расширение структур... Он, конечно, волей-неволей был во все это вовлечен, но это не раскрывало его истинной природы, его душевных склонностей. И к концу шестилетнего периода своей раввинской деятельности он, честно говоря, был уже сыт всем этим по горло. Ему даже казалось, что он может заболеть, если не даст себе отдушину.

Требовалось уйти со сцены - и вместе с тем не уйти. Совсем бросить свое детище, общину, он, естественно, не мог. Руководить исподволь - такова была альтернатива. При этом экономилась масса времени и сил. Это время и эти силы надо было направить на поиск своего истинного "я".

Поиск и - с Б-жьей помощью, обретение, открытие. И использование этого открытия, опять же, на службу людям.

Так он пояснял это и себе, и понятливому Маркусу. Он чувствовал, что вот-вот до чего-то додумается. Вот-вот в нем откроется некий новый источник сил. Может быть, целительных: например, он будет лечить людей словом Б-жьим, хасидизмом, учением Ребе. Буквально лечить - от болезней, дурных привычек.

Направлять людские судьбы к Б-жественной цели.

Ребе ведь говорит, что, если нет грехов, то нет и болезней. Исправив свое поведение и усвоив новый подход к жизни, человек исцелится!

А таким сеансом исцеления вполне может быть книга.

57. ИСКРЫ ДУШИ

Вот что писали Брыль с Мантулой в письме, присланном с оказией через одного германского коммерсанта (ему же они доверили и деньги, собранные для ростовской синагоги): "Привет, Маршал, Галя и ваши бэйбики. Мы тут в Дюссельдорфе пашем вовсю. Еврейская община здесь спит! Безобразия! Сплошная реформа: в синагоге между мужским и женским отделениями нету перегородки! В шабат все приезжают на своих роллс-ройсах! Неудивительно, что синагогу им приходится усиленно оберегать от взрывов, потому что будет ли Б-г охранять такое место?

...Вообщем, мы взялись за дело. Чем Дюссельдорф хуже Ростова? Каждую пятницу носимся с громкоговорителем по улицам и объявляем насчет зажигания свечей. А также про Мошиаха и все такое. Жены наши дают уроки (мы им, правда, объясняем сперва, о чем надо говорить). Все русские евреи к нам домой ходят за книжками и задают вопросы. Мы на этом сером фоне - очень знающие. Ну не глупо ли, что ты нам не сделал гиюр? Мы б тут уже раввинами стали! А так - ни то, ни се. Думаем ехать в Берлин, к тамошнему посланнику, и его тормошить. А ты думал, мы несерьезные? Кстати, мы, к неудовольствию наших жен, кашрут соблюдаем как только умеем! Ты можешь спросить: а зачем?

Эх, Маршал, ты же сам столько раз про всякие "искры души" рассказывал, про раби Акиву, про Онкелоса... Мантула треснул меня по спине, чтоб я письмо слишком не размазюкал. Приписка Мантулы: "все врет - не верь Брылю, уж если кто религиозный, так это я - а он только по бумаге рылом водит". Пришли книжек. Книжек не хватает. Надо и научные, и душевные. Такие, чтобы люди поняли, что с Торой - жизнь лучше, чем без нее. Ладно? Ну, давай, Маршал, не будем забирать у тебя слишком много времени, оно ведь у тебя дорого! Брыль".

Галя, читавшая письмо вслух, умолкла.

- Да, время мое чрезвычайно дорого, - вздохнул Маршал, - Надо же, они таки попали в Германию! Невероятно. Это письмо пришло неспроста именно сейчас, когда я весь в поиске... Нужно выслать ребятам для начала мою собственную книгу. А для этого надо ее еще написать. Не правда ли? С чего, напомни мне, я собирался ее начать?

Маршал пристроился со своей тетрадкой и ручкой на любимом месте под виноградом. В саду было мокро и дуло, за верандой орала мартовские коты, с крыши рвалась сияющая от закатных лучей капель. В соседском саду шла веселая возня ребятешек, чьей беззаботности он вдруг позавидовал. Взглянул на частично оставшийся поверх чернозема и вычервленный сыростью снег у забора и на ворону, что-то в нем выскивавшую. Вспомнил, как пару дней назад стоял на таком вот снегу без обуви (так положено) на могиле РАШАБа и, зажгя свечу, читал в ее неверном пламени "Майне лошен". Чувство, когда произносишь: "Вот я

возжигая лампаду", возвышенно, но его не сравнить с ощущением завершения работы, с которым дочитываешь последние строки этой тоненькой книжечки. Говоришь святыя слова полупшепотом, и они создают вокруг тебя теплые стены и крышу, и в такой самодельной избушке, сотворенной словами, ты защищен надежно от внешнего мира. Ты - у Ребе. С этим ничто не сравнится. Ты подключен к Источнику. Ты уверен в своих силах, что бы ни произошло по возвращении в обычный мир. Мир подчинится тебе. Ты - представитель Торы, а Тора подчиняет себе мир неизбежно, так же как выкройка обязывает ткань следовать своим изгибам.

...Он вдруг решил, что вся эта романтика - сидеть в мокрой беседке и пытаться описывать в тетради свои скитания под еврейской звездой - ни к чему его не приведет. Как быть раввином - это он знает. Как быть писателем - нет. Может, почитать про других, про его будущих, с позволения сказать, коллег? Как они творили?

Он это сделал. Узнал про судорожную ночную работу Бальзака и Достоевского, про утреннее затворничество Цветаевой, про одинокие прогулки Толстого, которые тот называл "своей молитвой". Прочел десятки биографий. Честно себя спросил: "Хотел бы я оказаться в одной компании с этими людьми?"

- Нет... Почему? Потому что все, что они делали, они делали для себя. Видели жестокую и лишнюю смысла действительность вокруг себя, несли в себе очень много плохого, и это же плохое изображали и передавали дальше, для последующих поколений. Только изображаемое получалось у них зачастую очень привлекательным. Их талант преображал реальность. Очень красиво могла выглядеть измены жены мужу или наоборот, очень впечатляюще - месть, кража или убийство. Многие пытались морализаторствовать, но все их побуждения выглядели такими утопически-беспомощными, а их личная жизнь, дневники, высказывания современников о них открывали в них столько самолюбия, которое все перевешивало, что уже не верилось после этого в их идеалы. А что, если вообще не писать о "темном"? Только о светлом? Нет, приукрашивать действительность в духе соцреализма - это совсем никуда не годится. Правда жизни необходима. Но тогда придется копошиться в грязи... "Мне надо что-то придумать, чтобы разорвать этот порочный круг. Да, меня интересует реальность, правдивая и честная. Но у меня есть цель - сделать в итоге мир лучше, чем он выглядит сейчас. Проявить его Б-жественную природу. Чтобы Б-г в итоге выиграл от моей работы, от моих писаний. Как же это делается?"

Жаль было времени - столько книг прочел, набрался всякой противоречивой информации, только для того, чтобы понять, КАК НЕЛЬЗЯ ТВОРИТЬ. Не стоит просто. А как же надо?

Злой и раздраженный, шел в дом. Столько душ вокруг себя сумел увлечь, зажечь, а искра его собственной души что-то никак не разгоралась.

Говорят, о чем думаешь, то и во сне, и наяву пригрезится.

...Первым к нему пришел Гоголь. Маршал пошел прогуляться с сынишкой, тот влез на качели и принялся, болтая ножками и выкрикивая "Тойро! Циво!", раскачиваться что было сил. А Маршалу учтиво поклонился подошедший как-то незаметно Николай Васильевич.

- Вот я и говорю, - обрадовался Маршал наличию собеседника, - вот вы, скажем, мастер русской словесности. "Чуден Днепр при тихой погоде". Ваше слово, что называется, на века. В ваших произведениях - по словам критиков - истинная народность, веселье, и что-то там еще, кажется, вера в религиозный идеал. Так вот: допустим, все это верно. Но... признайтесь. Неужели вам самому не понятно, что вами частенько управляли темные силы? Вы были колесницей страшных скопищ! Эти ваши ведьмы, вии! Да вы ведь и сами пару раз в гробу перевернулись, не так ли? А эта унылая религиозность, которая отвратила от вас всех ваших друзей! А случай в детстве, когда вы долго и старательно топили кошку, пока не довели "дело" до конца... Жуткое настроение владело вами, а вы поощряли в себе это дурное и еще любили пугать людей, отлично разыгрывая бешеного. Таков ли путь литератора, Николай Васильевич? Талант был вам выдан великий. Ощущение Б-га было вам в известной степени присуще. Из ваших писем видно, что и о жизни души в разных воплощениях было вам известно. Отчего же не дошли вы до самого корня, до самой сути-то не докопались? Уж если посетили даже Палестину, проложили себе лестницу на небо, так и шли бы до конца! До победного! Узрели бы Источник той веры, которую простой русский человек чтит как христианскую и которая восходит - не кривитесь! - к вере иудейской... Понимаете ли вы меня, Николай Васильевич?

Маршал очнулся, не успев получить от Гоголя ответ, и увидел себя плавно раскачивающим одной рукой качели. А Яшка уже с них спрыгнул и уселся на цветочную клумбу, жуя зеленый стебель.

- Брось, не бери в рот всякую бяку! - рассердился папа. Сердит он, впрочем, был больше на себя: надо же так замечаться! Ребенок мог упасть с качелей, пока он занят своей потусторонней беседой. Нет, так нельзя. Вышел с сыном погулять - так гуляй! Со всей ответственностью! И он решил: в следующий раз, если Гоголь придет, не будет с ним разговаривать.

58. СЮРПРИЗ

Дочь Владимира Федоровича сошла с кишиневского поезда и по жаре принялась отыскивать, на чем бы добраться до синагоги. Решила озадачить папочку своим внезапным приездом. На Алине было летнее платье на бретельках, дорожная сумка натирала нежное плечо, босоножки разболтались на ногах, и она очень обрадовалась, когда наконец ей предложили такси. Минуту спустя, сидя в машине, она уже доставала зеркальце, платочек, утирала пот с усталого лица.

...В синагоге происходило некое радостное событие. Обрезанного младенца вручали счастливой матери. Алина ничего не поняла. Масса народу, все веселятся, едят, и ее отец - герой праздника. Увидел ее - сжался. Тут же стал улыбаться, подошел, обнял ее, но того, как он внутренне сжался при первом взгляде на нее, она решила ему не прощать. Неудобно ему, видишь ли, при встрече с родной дочерью! И сидеть рядом с ним, оказалось, нельзя. Только на женской половине. А кто ей там, среди женщин, знаком?

Ладно, сама виновата. Может, если б позвонила заранее, то все вышло бы по-другому. Но ей хотелось застать его врасплох. И его, и красотку эту, жену его новую. А получилось - самой же себе унижение. У них тут - праздник на всю Ивановскую, а она - с боку припеку. ...Гита ничего поначалу не заметила. Ее

переполнял страх из-за того, что ее младенцу только что поранили тельце и что ему, наверное, больно. Она с трудом успевала уследить за происходящим: отвечать на улыбки и поздравления, не давать усталости и боли отразиться на своем лице, придерживать покрывало на своем плече, чтобы не виднелся расстегнутый для кормления верх одежды. Куда уж там было обращать внимание на новые лица! Швы после родов ощущались очень болезненно, и сидеть было неудобно. Как в фильме про Василия Ивановича: "Садитесь! - Спасибо, я постою!" Это мужикам - весело, торжественно праздновать, а у женщин столько болеей и забот...

Она очень хотела бы попробовать какое-либо из тех вкусных блюд, которыми были уставлены столы, но ребечин куда-то отлучилась, а других женщин просить ей было неудобно. Да и малыш заснул, и она боялась разбудить его каким-нибудь своим движением. Так и сидела - голодная, усталая, напряженная от неудобной позы, но, несмотря на все это, красивая и улыбающаяся. Алина смотрела-смотрела на нее, сидя буквально напротив за столом, поджимала губы, хотела рассердиться, невзлюбить, раскритиковать мысленно. А все же ей подумалось: "Какую красавицу отец отхватил! Как понимает в макияже эта дамочка! Интересно бы взглянуть на младенца!"

- Можно я его подержу? - неожиданно для самой себя заговорила она с Гитой.

- Да он спит, - прошептала та.

- А вы бы поели чего-нибудь!

- Да разбудить боюсь.

- Положить вам мяса с картошкой?

- Ну, положи.

Тут музыканты грянули развеселую песню, и их разговор прервался. Ребенок - его назвали Шнеур-Залман в честь первого Ребе Хабада - продолжал тихо посапывать, и Гита кое-как одной рукой управлялась с куском курятины на своей тарелке. Владимир Федорович подошел уже к концу торжества, когда Гита и Алина успели поболтать о многом. Только до Гиты все еще не доходило, с кем она беседует. И вдруг, увидев мужа и - одновременно - Алину, по сходству черт лица заподозрила, уж не его ли это дочь?

Алесевский весело спросил:

- Ну, как вы тут? - и обратился к жене:

- Видишь вот, Алина нам сюрприз сделала...

По дороге домой за коляской шли втроем. Алина застряла у них надолго. Нравилось ей видеть отца таким помолодевшим, счастливым, да и с Гитой было много общих интересов. И малыш был уж такой сладкий, что просто не насытишься на него! Что и говорить, в молодой семье интереснее, чем - помнилось ей - было в их прежней, той, где отец и мать вечно грызлись...

Посмотрела Алина на семейный уклад, на субботы, на новые - духовные - занятия отца, поучаствовала вместе с Гитой в жизни еврейской общины...и удивилась: как это ей за три недели ни разу даже не захотелось включить телевизор??? Ничуть не скучно не было! А какие новые горизонты перед ней открылись! Тут тебе и Баал-Шем-Тов (праздник Хай-Элул как раз проводился в его честь), и подготовка к Рош-а-Шана, и книга "Тания", и всемирная история. Такова была тематика уроков, на которых она побывала. И совсем по-другому зазвучало для нее слово "еврей". Даже обидно стало оттого, что она сама, получается, нееврейка.

Что же теперь сказать матери? Хвалить новое отцовское гнездо, конечно, нельзя - это будет матери как нож в сердце. Надо будет отвечать поуклончивее - так себе, мол, живут... обстановка небогатая, даже телека не держат... обзавелись дитем, отец бороду отпустил... ничего особенного.

59. БЕНЯ

...Вслед за Гоголем к Маршалу стали частенько являться и другие. Посидел, время от времени поправляя пенсне, Антон Павлович, поговорили о любимой Маршалом чеховской повести "Дуэль", о писательской скромности в изображении высокого и низкого, а еще - о том, что такое авторская позиция и как она определяет восприятие читателя. Поговорили об отношении самого Чехова к евреям. Очень приятно побеседовали, оказалось много общего. "Язык у вас плохой, торопливый", - заметил Маршалу Чехов. "Как вам это известно?" - чуть не спросил тот, но одернул себя - раз Чехов говорит, то, наверно, не придумывает. Наверно, подключены они на том свете к каналам информации и почитывают все, что здесь, на Земле, пишется.

Однажды заскочил Есенин, Блок его привел, пьяненького. "Стихи эти! Всю жизнь мою сгубили! - восклицал он, - я им все отдал! А жизнь от меня отодвинулась, осталась пустота. Не повторяй, Боря, моих ошибок. Главное - жить по-человечески, а не писать". Блок воздержался от комментариев. А Маршал после их ухода вспомнил слова Оскара Уайльда, что он только тридцать, кажется, процентов своего таланта вложил в книги, а остальное - в реальную свою жизнь.

Потом тихо и учтиво разговаривал с Буниным, но, в сущности, предъявлял к нему претензии - "Почему, зачем вы обращаете ваш талант на описание безнравственных вещей? Вся эта прозрачная, литая проза, вся искренность душевных порывов - только на то, чтобы живописать жалкие эгоистические осколки любви? Вы пытались когда-либо делать добро и ощущать тот эффект, который это добро производит в мире? Наверное, нет. Вы пишете, что не чувствуете никакого долга ни перед каким народом, что толстовство вам не близко и т.д. А я бы хотел познакомить вас с еврейским, хасидским подходом к реальности. Вы только посмотрите, как на самом деле богата любая, даже самая незначительная на первый взгляд, человеческая жизнь. Но ЧЕМ богата - не артистизмом, не любовными метаниями, а умением себя превратить в Б-жественную работу. Вся жизнь - это работа для Б-га, служение. Не такое, как у вас описано, не монастырское, как в финале "Чистого понедельника". Другое. Монастырских стен не нужно. Остайся в мире, познай величие даже самых малых повелений Творца - и вот ты уже занят Б-жественным трудом, все твои земные поступки стали сосудом для Б-жьей воли. Оставайтесь, не уходите, я вам растолкую..." - Но Бунин откланялся. Он был уже стар, отягощен годами и

Нобелевской премией и не терпел поучений. Зато Набоков, во вратарских перчатках и наколенниках, резво подбежал с мячом, который Маршал с легкостью у него отобрал и взамен предложил сигарету. "Володя, я люблю ваше творчество, как родное... Присядемте, и я вам что-то скажу. Это было тогда, когда я еще сам восхищался закатами, не умея переплавлять их - как теперь отлично умею - во что-то такое, что можно отдать читателю - пусть он восхищается. Вспоминаете? Нет, это не мое, это ваше. Видите, я способен цитировать по памяти. Так вот... Послушайте. Как вы думаете, если я возьмусь за прозу всерьез, если я уподоблюсь вам, если я вложу себя всего в это дело - смогу ли я выразить, к примеру, что такое РЕБЕ? Смогу ли передать ту дрожь абсолютной родственности, которая охватывает любого человека, на котором Ребе останавливает свой неземной взгляд? Взгляд Ребе состоит из миллионов душ, которые колеблются свечным пламенем, как будто отраженные многократно черным зазеркальем "Яд Вашема". Взгляд Ребе не оставляет ни малейших сомнений, что этот Б-жественный праведник знает о вас все: вплоть до какой-то самой мелкой, затерянной в беспомысленности минуты, которой вы и сами не придаете никакого значения... - а он, Ребе, да, придает. Вы для Ребе столь значительны, что он видит в вас больше, нежели вы сами в себе видите. Он видит вас с перспективы Б-жественной вашей задачи. Он видит вас в контексте вечности, в общем процессе реализации Б-жественной воли. И это делает вас важным и нужным, и потому взгляд Ребе на вас так добр, понимающ, интимен. Как будто нет на свете более никого - только вы и Ребе. Вот что за чувство испытывает любой человек, пусть даже долю секунды - и не в реальной жизни, а даже на видеоленте - удостоившийся взгляда Ребе. Ах, Володя... Если бы вы, именно вы, с вашим несказанным умением придавать волшебство простым словам, взяли бы описать, что такое - встреча с Ребе! Или хотя бы научите меня. Возьмите, возьмите ваш мяч. Пошлите его звучной параболой в поле. Вы будете меня учить? Будете? И перестаньте гоняться за бабочками с сачком, это так несолидно. Из вас никогда не выйдет раввина, откуда вы не оставите эту странную привычку гоняться за редкими породами бабочек".

"Разговоры с тенями" - так Маршал назвал книгу, которая составила из мистических посещений, коих удостаивали его в течение полутора лет литераторы всех времен и народов. Структура книги получилась вольной, отдавала фрагментарностью, но зато и читалась она легко, необязательно, как бы подключая слух постороннего к беседе, которую вели древние и новые. Но это еще была не та книга, ради которой стоило становиться писателем. Это было взятие разгона, разогрев мышц. А та самая, название которой он тоже уже придумал - "Еврейские судьбы", все буксовала, делала вид, что ее нет. Но Маршал знал, что она точно есть. Только в другом мире - мире потенциального. Надо было ее протащить оттуда в этот наш, материальный мир. Спроецировать ее, существующую в виде света, сюда, вниз. Заставить уложиться в знаки.

Маршал думал, что заграничный раввин будет с трудом справляться с его обязанностями, но, к его удивлению и даже зависти, успехи не заставили себя ждать. "Незаменимых не бывает". Казалось бы, как может аристократичный англичанин, женатый на темнокожей йеменке, стать полноценным руководителем южнороссийской еврейской общины? Не чудеса ли?

И вот тебе, пожалуйста... Эта самая йеменка, жгучая Зоара с негритянскими губами, премило выучилась лепетать по-русски и угощать гостей не столь уж остро приправленными кушаньями (ох, если б она поставила перед ними тарелочку

схуга! у всех бы дыханье сперло и глаза бы на лоб вылезли!), а ее супруг великолепно представлял общину на самых высоких уровнях, будучи связан родством и дружбой с множеством влиятельных семей в разных странах. Он-то и довел до победного конца маршальские проекты - в частности, обеспечил производство кошерного молока, сыра, творога, наладил продажу всего этого добра другим еврейским общинам СНГ. Говорить по-русски речи он, правда, был не мастер, но зато пел - роскошно! Каждый шабат в синагогу валил народ, только чтоб послушать, как поет на разных языках новый раввин. Привлекало и другое - то, что расширился ассортимент еды, предлагаемой на общих субботних и праздничных трапезах. Все стало богаче, более на широкую ногу: освещение синагоги, интерьер... Даже туалетная бумага из уборной на первом этаже перестала пропадать. А какой блеск он навел в в женской микве! Прямо-таки по международным стандартам!

Теперь о Ростове много писали в мировой прессе - раввин сам отправлял отчеты о своей деятельности, статьи на иврите и английском, первоклассные фотографии... Маршал только локти кусал, видя, сколько возможностей было им в свое время упущено. Вот он, мировой уровень! Учись, станица!

...Книга не получалась. Не хватало художественных средств. Пока Маршал читал чье-нибудь произведение, то все казалось легко и достижимо: только начни. Но, попытавшись сочинить, либо даже не сочинить, а хотя бы воспроизвести такую простую вещь, как его собственная биография, он испытал панику от непролазного болотного бездорожья в мыслях, полной невозможности самовыражения. Перечитай то, что ты написал! Это же набор плоских, безликих предложений. Вот - проскочила хорошая фраза. Но она... вдруг оказывается (при вторичном чтении) вовсе не твоей, а подражательной, скопированной по стилю у кого-то из классиков. Сколько раз он пытался, к примеру, освободиться от набоковской: "Деревья в саду изображали собственные призраки и делали это бесконечно талантливо". Или от буинской: "Кругом все слепило теплым серебром..."

Неужели, думалось ему, все самое мощное, точное, проникновенное - уже сказано, написано, вынуто из хранилища? Да ведь оно, это хранилище образов и словесных средств, скорее всего, неисчерпаемо! Просто доступ к нему лежит через истинное чувство. Как же ему начать чувствовать? Он же - хабадник. У хабадников - "мозг правит сердцем"... Он так привык оперировать чужими рассуждениями и на их основе обобщать, убеждать кого-то в чем-то... давно перестал сомневаться, перестал поощрять в себе самостоятельную работу мысли. А сердце и вовсе молчало. Надо теперь изживать в себе пропагандиста. Ну вот - опять фразочка, точно из стенгазеты...

Он отчаялся, стал раздраженным, самолюбие было уязвлено. От одного берега отчалил, общественную работу забросил - а к другому не пристал. Не рыбу же ему теперь ловить с донской пристани?

...Заместитель Маршала, Беня Вайс, пришел на чашку чая. Точнее, он был "господин Бенни Вайс" - одетый с иголки, представительный раввин родом из какого-то лондонского предместья. Раньше он приходил отчитываться и получать указания, а в последнее время - только для того, чтобы рассказывать другу об успехах в своей работе.

За истекший год он нашел для синагоги такие источники финансов и вывел общину на такой уровень функционирования, что теперь, наверное, между ними возникнет неловкость, если Маршал заговорит о своем возвращении на прежнюю должность. Да и стоило ли заговаривать? Бенья вошел во вкус, всю душу вкладывал в руководство. А Маршал пассивно ждал, чем все кончится. Вспомнит ли Бенья о том, что изначально они договаривались о дружеской услуге, о том, чтобы он подменил Маршала лишь на год?

...Кроме того, в Израиле у Бени была квартира. Он что, так и будет держать ее пустой? Или он уже принял решение остаться в Ростове насовсем и запустить туда квартирантов? Но ведь ему запрещен въезд в Израиль, он и выехал-то незаконно. За пропаганду трансфера и работу в "КАХе" в родном Израиле его ожидала тюрьма и штрафная рота. Значит, пошлет туда супругу, чтобы найти квартирантов и заключить контракт. Либо вообще продать жилье... Маршал терялся в догадках. Выводить Бенью на чистую воду ему не хотелось: он не настолько хорошо знал иврит либо английский, чтобы говорить о таких тонких, интимных вещах, как личные планы человека. Но Бенья сам, помешивая чай серебряной ложкой, начал исповедываться.

- Моя жена, - сказал он, - должна будет съездить в Израиль...

"Ликфоц лаарец" - так он выразился. Прыгнуть в Страну. Понятно, зачем: решить вопрос с квартирой, а то цены падают, сейчас не продадим - потом придется по дешевке сбывать. А Ростов нам нравится. Будем тут жить, помогать еврейской общине. В качестве, если хочешь, твоих - он подчеркнул: подчиненных тебе - работников. Ты ведь не передумал быть раввином?

Быстрый взгляд умных глаз. Маршал молчал - растерялся. Вот оно, вроде бы желанное, заявление о том, что его статус может быть восстановлен. Бенья все сделал по-честному. Отработал свой срок и пришел спрашивать, как быть дальше. Ну, а он, Маршал, готов дать ответ?

Молчание становилось глупым, излишне многозначительным. Еще подумает, что у Маршала что-то против него есть! А дело-то совсем не в Бене. Бенья удачлив и прекрасно подходит для занимаемой им должности. Пусть бы и оставался. Не в нем дело. Дело в том, что... книга не движется. И, значит, вся затея получается неоправданной. Но Бенья чем виноват? Он благодаря этому предложению Маршала, что называется, нашел себя! И от суда и следствия в Израиле заодно избавился - здесь, в России, его никакая полиция не достанет. Так что для него все вышло складно. И для общины, несомненно, раввин Вайс с его международным престижем - находка. В убытке остался только он сам, Маршал, его самолюбие, его карьера...

- Ай чэйнджд май майнд, - наконец сказал он, - ай донт вонт ту би э рэбай. Ю би рэбай оф Ростов. Энд ай маст райт май бук.

...Он сам не знал, как это у него вырвалось, да еще по-английски, да еще почти без ошибок.

С той ночи книга начала вставать перед его внутренним взором, шелестеть ненаписанными страницами, вовлекать его в иной мир. Его так туда затянуло, что он был искренне рад отстранению от общественной деятельности. Теперь уже

искренне.

В книжках по экстрасенсорике, которые он изредка почитывал, всплывали такие выражения, как "кармический долг", "ответственность перед душой" - то, что в хасидизме носит название "шлихут а-нэшама". Ему стало понятно, что в действительности волноваться уже теперь не из-за чего: если он выполняет свою главную миссию, то все будет хорошо. Во всех отношениях.

...А Беня оплатил ему услугой за услугу. Правда, невольно. Потому что именно он стал самым первым удачным персонажем книги. Маршал наблюдал за ним, беседовал с ним по-дружески, удостаивался от него удивительных откровений. Они-то и продвинули весь замысел. Потому что писать о себе и о Гале у Маршала просто не получалось. Зато Бенина судьба уложилась в строки сама собой.

И пейзажи Англии, точно сошедшие с гобеленов, с эдакими мирными коровками, пасущимися на берегах речушек, и всякая готика монастырская - все это представилось глазам Маршала, когда он продумывал Бенины рассказы. Еврейская несчастливая семья, с душевнобольной матерью, от общения с которой все с большей или меньшей тактичностью стараются убежать: муж, отец большого семейства, старшие дети, на которых она все время обрушивает свои безумные тирады... малыши, доверенные попечениям няnek и пугающиеся при виде ее торчащих из запущенного рта зубов... Жизнь - вроде бы и по Торе, но - мрачная, как будто заколдованная, в замке с чопорными слугами, со странным, перекошенным воспитанием детей, с постоянным утаиванием новостей и сообщений из внешнего мира, с массой книг по медицине и психологии в кабинете отца, пытающегося все новыми методами излечивать мать от ее навязчивых идей...

Чтобы не повредить респектабельности (их семейство считалось почтенным, богатым, аристократичным), отец не согласен прибегнуть к помощи психиатров. Беня - смелый и чуть истеричный юноша - решает вырваться из созданного фантазиями матери мира, который она навязывала всей семье. Побег в Израиль, добровольное зачисление в армию, страшное разочарование в ней. Еще бы! Тут идеи-фикс пострашнее материнских. Сон в духе маниакально-депрессивного психоза массового характера. Страна безумных политиков. Израиль содержит сильную армию, но для чего? Отбивать атаки арабов? Ни в коем случае! Ибо эти политики отнюдь не считают, что имеют право на...территорию Израиля. Они видят свою задачу в том, чтобы не позволять израильтянам мстить арабам за теракты. С арабами у них любовь. Своих же, евреев, они держат как бы связанными, привязанными к дереву, чтобы тем же арабам было легче их избивать. "Политика сдерживания". "Мирный процесс".

Беня, конечно, нарвался. Устраивал бунты в армии, сидел в тюрьме, затем, женившись, посвятил несколько долгих лет изучению раввинских наук. Поскольку с детства знал много Торы, учеба пошла легко. Нелегким оказался брак, распавшийся на втором году. Причина - пуританская холодность жены. Беня - страстная натура, хотя и альбинос - обиделся на жену очень сильно и перед самым официальным разводом зачем-то ей изменил. Просто воспользовался платными услугами доступной дамы, увиденной на улице. Просто? Нет, просто ничего не бывает. Этот низкий поступок ему, человеку Торы, совершить было совсем нелегко..

От сугубой практичности этого пресловутого греха Беню, впервые столкнувшегося

с понятием преискуранта - ценника услуг, так замутило, что даже иллюзии страсти он не испытал. Он ненавидел теперь женщин вообще, не только свою жену. Кстати, жене он сказал, что прекрасно провел время в притоне...

После развода он делал тшуву и учил Тору в течение нескольких лет. Так как никаких сплетен о нем не ходило, то его даже назначили раввином одной небольшой, далеко не ортодоксальной, общины. Там он снова проявил страстность своей натуры и поддался ухаживаниям зрелой женщины, жаждавшей приглубить одинокого молодого человека. На сей раз связь оказалась удовлетворительной, и Бенья перестал ненавидеть всех женщин, что, несомненно, способствовало восстановлению его душевного здоровья... Одна беда - у женщины имелся муж, факт прискорбный, заносивший Бенью в разряд нарушителей одного из самых тяжелых и значительных запретов Торы...

Бенья пришел со своим грехом в Хабад. Вернее, позвонил. Секретарь Ребе, выслушав его историю, растерянно ответил:

- Вы жили с чужой женой! Но ведь так нельзя поступать! - чем привел его в крайнее раздражение.

- Я религиозный еврей и сам знаю, что так нельзя делать. Но я сделал. Понимаете? Сделал. Что будет теперь? Спросите Ребе! Как мне быть? Она угрожает, что, если я ее брошу, то ославит меня на весь мир...

После того, как совет Ребе помог ему выпутаться из этой истории, Бенья стал хабадником. Хотя совет был очень простой, вроде бы не гениальный: прекратить запрещенную Торой связь и ничего не бояться. На его голову посыпались проклятья, вся ортодоксальная Англия перемывала ему косточки (та самая, сошедшая с гобелена с мирными коровками), ему было отказано от всех уважаемых домов... Что и говорить о возможности работы! Карьера была, казалось, испорчена навсегда. Однако...

Он ничего не боялся. Просто выполнял слова Ребе и знал, что поступает правильно. Грязная возня вокруг него поутихла, хотя и пришлось нанять частных детективов, чтобы прекратить рассылку компрометирующих материалов. Бенья залез в долги, был изнурен морально и физически этой травлей и необходимостью от нее отбиваться. Помогали многочисленные друзья. Но - главное - Ребе видел в нем человека, и это держало его, не давало впасть в отчаяние.

Надо отметить, что он был очень талантлив. Знал языки, легко сходился с людьми, умел ими руководить. Вот только внутри него что-то сломалось, и вряд ли - думалось ему - он способен стать жизнерадостным. После таких-то падений?

К тридцати пяти годам он все еще не имел своей семьи. Будучи уже полностью кошерным евреем, честным работником, старательным и скромным человеком - какой бы девушке он ни сделал предложение женитьбы, всюду натыкался на отказ. Постепенно он снизил уровень требований к потенциальной невесте. Ладно, пусть она не будет дочерью талмид-хахама. Пусть будет из бедной семьи. Пусть даже не из религиозной, а из семьи баалей-тшува... Последней уступкой было допущение породниться с сефардкой - хотя люди его круга, как правило, выбирали жен лишь среди ашкеназок, но ведь в Хабаде и это ограничение признано внешним, не имеющим никакого отношения к тем критериям, которые

действительно важны. В итоге он женился на йеменской девушке, Б-гобоязненной и строгой, с сильным и гордым характером и очень яркой внешностью. Зоара Вайс!

"Сияющая белизной"! Вот какое имя приобрела эта опаленная солнцем смуглянка, выйдя замуж за альбиноса... Их дети пошли в нее, и похоже, ему это даже нравилось. На самом деле, ему нравилось все: и ее темперамент, и сила духа, и даже острые приправы к блюдам, от которых поначалу глаза лезли на лоб. Что бы он делал, если бы не встретил ее? Он был бы просто несчастен всю свою жизнь, даже если бы не грехи явились причиной развала его первого брака... С точки зрения высокомерных ортодоксов, среди которых он воспитывался в юные годы, - он "докатился" до Зоары. Европейец осчастливил туземку. На самом же деле, все годы своих бедствий он пытался возвыситься до нее, заслужить ее, удостоиться встречи с нею... И это никак не удавалось, поскольку его тшува еще не была настоящей. Только после того, как он прошел все положенные ему круги ада, он наконец обрел тихую гавань.

Бенни и Зоара Вайс.

60. СПАСИБО

- Боря, тебе звонила Гита... - передала Галя сообщение, - у них родился сын, ты знаешь?

- Знаю, - отозвался он, - тетя Роза говорила. - Ну, так позвонил бы, поздравил. Маршал заглянул в свое расписание - нет ли чего срочного в ближайший час? Ничего срочного не было. Он набрал кишиневский номер Алесевских.

- Да, - услышал он незнакомый голос.

- Гита, это ты?

- Ну да. Привет, Борух! Спасибо, что позвонил.

- У тебя голос какой-то изменившийся.

- Да мы же просто ни разу не говорили по телефону. Это мой нормальный голос.

- Ясно. Так чем могу служить? Мазал-тов, во-первых.

- Спасибо, пусть будут и у вас хорошие новости. Знаешь, что я хотела тебе сказать?

- Нет. Откуда мне знать? - Ты же все знаешь. У тебя интуиция невероятная. На то ты и раввин.

- Я уже не раввин.

- Не может быть! Чем же ты занимаешься?

- Неважно.

- Мне мать говорила, что тебя очень редко можно увидеть на публике, но я не поверила. Ты что, самоустранился?

- Ну да... Гита, давай ближе к делу. Что ты хотела?

- Хотела тебе сказать... поскольку мы все-таки родня... то мне можно... напомнить тебе о том, что ты для меня сделал. И для Володи. Что мы благодаря тебе имеем все то хорошее, что у нас есть. Я хотела просто сказать тебе спасибо. Ты столько с нами возился! И вот теперь у нас сын. А я была такая задерганная, что даже не позвонила тебе раньше. Извини.

Маршал молчал, растроганный. Вот так Гита! Какие нежности!

- Ты просто гений в работе с людьми, - донеслось до него, - тебе ни в коем случае нельзя это забрасывать. Хотя бы несколько часов в день работай, давай консультации. Это же твое! Твоя стихия. А книга сама напишется. Вот увидишь.

- Кто тебе сказал про книгу? - с резким недовольством спросил Маршал. - Галя разболтала?

- А это тайна? Прости, не знала. Да, Галя мне рассказала. Она очень волнуется, когда у тебя что-то не выходит. А я тут... - прибавила она расстроенным голосом, - вся в заботах, сплошные пеленки-распашонки. Да что там говорить - нелегко все это. Слушай, у религиозных женщин нет другой перспективы, кроме как зашиваться во всем этом, а?

- Почему? Есть.

- По-твоему, я когда-нибудь чем-нибудь займусь, кроме ухода за младенцами? - с надеждой спросила Гита.

- Во-первых, это само по себе - большая заслуга. Не у всех есть дети. Во-вторых... Ты же очень дельный организатор. Если поставишь себе цель сделать что-нибудь для еврейских женщин, то, я уверен, своего добьешься. Открой оздоровительный или культурный центр рядом с миквой... или что-нибудь в этом духе. Тир или ипподром вряд ли будет пользоваться спросом, а вот косметический салон - очень даже может быть. Естественно, не просто салон, а - в духе еврейской скромности. Такой, где женщины узнавали бы не только о красоте, а о чистоте семейной жизни и о заповедях вообще.

Гита помолчала. Потом отозвалась:

- Ясно. Здорово. Слушай, а ты - такой же, как раньше. Пылкий хабадник, все ради Ребе, ради хасидута... Правда?

- В чем, собственно, дело?

- Да ни в чем. Просто интересно: ты все время такой целеустремленный или это у тебя наплывами?

- Я не знаю, что ты имеешь в виду, - рассердился Маршал, - это какая-то слишком женская терминология. Наплывы, приливы...

"Нет, я не всегда такой. Не всегда! К сожалению! Когда я занимаюсь литературой, я хожу по краю обрыва... Мое сердце несет меня куда-то в дальние страны. Литература не может быть средством для достижения цели. Она в самой себе заключает и свою цель. Это - познание проявлений Б-га. Но познание не такое, как с помощью Торы, а более рискованное и - пойми меня правильно! - для меня, например, более увлекательное. Многие из самой же литературы впоследствии стало частью устной Торы. Взгляни на талмудические предания! Там есть масса житейских историй, наблюдений. "Из плоти моей узрю Б-га". Из повседневности, из жизненной ткани - вырисовывается Б-г. Надо уметь смотреть. А язык! Какое это таинство - владение гибкой, раскрывающей все новые грани словесных значений, речью! Я ныряю за жемчугом глубоко-глубоко под воду... ищу в чужих книгах и в самом себе сущностные подходы и определения реальности. Если выловленный жемчуг перекачивается в ладонях и блещет, то это и есть оправдание всего спуска. Но жемчуг ловится не всегда, и порой меня мучает совесть за то, что я, вместо того, чтобы посвящать всего себя Торе, потратил время и силы на поиски блестящих идей и фраз".

Он, конечно, не сказал этого Гите. "Не умножай разговоров с женщиной". Тем более с чьей-то женой...

61. ТВОРЧЕСКИЙ СОЮЗ

Бенни Вайс, решив прочно обосноваться в Ростове, получил из Израиля все свои вещи. В основном, это были книги. Маршал редко у кого видел такое их количество. Особенно чудесным было наличие всех 23 томов переписки Любавического Ребе. Об этих книгах ходили чудесные истории, будто бы любой, кто в них заглянет, находит ответ на мучившие его вопросы.

Был у Бени и полный ШАС, и толстенные тома "Шулхан Арух Бейт Йосеф", и масса книг по хасидизму. Маршал тотчас предложил выбрать несколько книг и начать вместе регулярно заниматься. Он почему-то не задумывался раньше о такой возможности. А теперь отношения с Бенею стали проще, дружба утратила должностной оттенок, и совместная учеба обещала быть очень приятной. - Я готов учиться с тобой - только при условии, что хотя бы пару раз в неделю ты и сам дашь урок в синагоге. Передашь эти знания дальше. Не замыкайся в себе... - попросил Бени.

Маршал согласился. Так в его жизнь снова вплыл поток людей, учащихся у него, советующихся с ним, задумывающихся над его словами. Опять ответственность, опять "пионер - всем пример", опять бесконечные консультации по личным вопросам. Его телефон, как домашний, так и сотовый, снова стал "лайф-лайн" - "линией спасения жизни" - для многих.

Только теперь уже он не паниковал. Знал, что в какие-то дни больше отдаст себя книге, а в какие-то - живому общению с людьми. И то, и то нужно.

Вскоре у Бени, как и у него самого когда-то, появились симптомы усталости. Он все чаще брал в руки гитару, сочинял на ходу грубоватые, не подходящие для раввина, песенки и заявлял, что давненько не позволял себе творческой отдушины. Для него такой отдушиной мог бы быть ансамбль, рок-группа в стиле Тувьи Болтона - известного израильско-американского певца. Частушки о Торе и

тшуве, исполняемые под хард-рок. А у Зоары была тайная, с трудом скрываемая одержимость кинематографом. Как бы "перевернуть" блестящие достижения мирового кино на святость - вот что ее занимало. Но пока что эти идеи никак не реализовывались. Разве что своих собственных детишек она очень удачно запечатлевала на видеопленке. С Галей у нее были прекрасные отношения, хотя и претензии по работе (ведь они вместе отвечали за еврейскую школу) тоже имелись. Маршал никогда не поверял жене известных ему тайн Бени, так что она ни разу не обидела Зоару ни единым намеком. Конечно, Гале было бы интересно узнать хоть что-то о сотканной из парадоксов судьбе этой супружеской пары, но она благоразумно помалкивала.

В книгу Маршала ей было заглядывать абсолютно запрещено. Все равно что засветить непроявленную фотопленку - так он ее предостерегал. Жутко боялся чьего-либо любопытства к своему творчеству. Только отдельные фрагменты показывал профессиональным литераторам местного отделения Союза писателей. И, как правило, считался с их поправками, хоть они и были далекие от еврейской веры, обыкновенные интеллигентные русские люди. Общее их мнение о его писаниях было - "интересно, продолжайте". Этого было вполне достаточно для того, чтобы подбодрить его и в то же время не перехвалить.

Поощренный их интересом, он в конце концов отдал обе папки с листами заведовавшему отделом прозы Соловьеву, с тем чтобы тот почитал сам и дал еще парочке сотрудников.

Отзывы последовали довольно скоро. Первую книжицу, "Разговоры с тенями", читавшие, по их словам, восприняли как литературоведческую и философскую (хотя по определению самого Маршала, это был чистейший хабадский мистицизм). Вторую, "Еврейские судьбы", куда Маршал включил и свою с Галей историю, и многие истории тех, кто приходил к нему в кабинет со своими житейскими проблемами, сочли книгой художественной - циклом рассказов о ростовских евреях. Исключением был иностранец Бенья, изображенный там очень ярко и красочно. Маршал только боялся, что описание получалось слишком реалистичным и могло повредить Бениному авторитету. Поэтому какие-то вещи изменил, впрочем, все равно прототип оставался узнаваемым. Из-за этой и некоторых других причин Маршал иногда испытывал желание просто уничтожить книгу. Во-первых, описания недостатков знакомых и близких людей и предание этих описаний гласности - грубое нарушение Торы. Достоинства, конечно, тоже описываешь, но все же... А вторая причина - сама идея творчества предполагает внутреннюю свободу. Б-гобоязненность и свобода слова не очень уживаются вместе. Конфликт между этими двумя факторами он ощущал по ходу творческого процесса почти на каждом шагу. Будь то анализ человеческих чувств, динамика любви, даже простое описание внешности женщины - естественно, любой обладающий чувствительностью внутреннего, образного зрения писатель имеет при этом проблему с запретом Торы: "И да не будете вы следовать за глазами своими"...

Как же в таком случае писали Бунин, Куприн, Набоков? Разумеется, не оставались холодны к тому, что писали... Да ведь у них нормативы поведения и близко не стояли к Торе и заповедям. Ими владела, скажем, страсть - ну и прекрасно, из этого выходил шедевр. А в рамках Торы такое невозможно. Произвол сердца, капрично любви, равно как демонический смех над чьими-то забавными сторонами, злобный гротеск (как пушкинские эпиграммы) - все это отпадает и не может быть частью кошерной литературы. Не могут быть использованы грубые

слова, хотя в них и есть определенный шик и - иной раз - больше меткости, чем в словах размыто-нейтральных. Нельзя описывать плохие поступки своих героев так, чтобы кому-то захотелось их повторять: зло в принципе может быть изображено, но особым образом. Каким же? Об этом Маршал подумал однажды, когда менял памперс своему младшему ребенку. Засунул испачканный коричневым памперс в кулек, завязал, помыл руки и - вдруг нашел аналогию: вот так, как этот грязный памперс я положил в целлофановый мешочек и завязал, так же я могу формировать у моих читателей отношение к плохим, грешным делам. Показать, что это грязно, и вызвать желание очиститься. Литература, как правило, не желает быть нравоучительной. Ей легче оставаться стихийной, всеохватной, свободной. Но легче не значит - лучше. Свет должен войти в сосуд, иначе он разрушителен. Естественно, что революция в литературе должна произойти "с низов", не по имперскому же указу все вдруг перестанут творить стихийно и приведут свои чувства в соответствие с требованиями Торы! До людей нужно донести идею, что с помощью литературы (то же относится ко всем видам искусства) они могут реально улучшить нравственный климат в мире. Стоит попробовать. Да, на первый взгляд это - ограничение, рамки. Но у Б-га есть способность раскрываться именно при наличии рамок, которые Он же и установил.

На каком-то этапе Маршал разлюбил свою книгу. Первую-то он давно разлюбил, а вторую - только сейчас. Расхотелось ему с ней возиться, беспрестанно улучшать в ней что-то... Ощущал трату времени и сил. Даже одна строчка не очень понятного текста из трудов в области хасидизма создает такую святость внутри тебя, когда ее прочитываешь! А у него - сотни, тысячи строк, которые интересны только пока их читаешь, но, закончив чтение, остаешься с какой-то пустотой. Будто читал "Тихий Дон" или "Алесью". Низки, темны дела мира сего, и как ни тащи их вверх, все равно - не сравнить с одной легчайшей, пушистой, сладчайшей строкой из Сидура, Торы, беседы Ребе, любого еврейского святого текста...

На Бенью нашло вдохновение. Он взмолился, чтобы Маршал снова подключился к общинной работе вместо него, а сам предался творческим оргиям - быстренько раскрутил в местном Дворце Спорта ансамбль, принялся одну за другой выпускать аудиокассеты со своими песенками... Кассеты имели успех, и за их выпуском последовали новые заказы, в частности, на видеозаписи рок-концертов. Тут пригодились операторские таланты Зоары. Ее съемка, монтаж, эффекты и вся подача концертов отличались большим новаторством. А Маршал не без удовольствия снова вскочил в седло. То есть занял свое место в раввинском кабинете (впрочем, его кресло уже сменилось другим, более усовершенствованным, на колесиках - Бенья был помешан на офисном оборудовании и на чисто английском комфорте). Вообще, многое изменилось. Не наломать бы дров, подумалось ему, когда в первый же день в кабинете раздавалось с десятков звонков от раввинов разных стран и континентов - Бениных друзей и коллег. А какие счета, какие финансовые раскрутки проходили через синагогальную канцелярию! Ему такое и не снилось! Что и говорить, Бенья был человеком "большого мира", носителем капиталистической бизнес-ментальности, абсолютно противоположной советской. Дела у него не терпели отлагательств, способности работников использовались на сто или около того процентов, а понятия "невозможно" для него просто не существовало. Как гласит английская поговорка, "нет плохой погоды, есть непрактичная одежда".

Бенья (в своей нетворческой ипостаси) являлся олицетворением практичности. Ну, а когда на него находило желание творить, то тут уж он становился стихийным, неуправляемым, но эта сторона его личности пока что оставалась не известной

синагоге. Она была, конечно же, известна его жене... Сочиняя свои вирши, он становился резким, раздражительным, пока не находил того, что ускользало и никак не нанизывалось на острие рифмы. К счастью, в такие периоды на подхвате был Маршал, способный хладнокровно принять синагогу в свои руки и включиться в текучку. Беню очень занимала идея когда-нибудь излечить свою мать от маниакально-депрессивного психоза, и он посвятил целый концерт теме просветления, укрепления веры, освежения душевных сил человека. Концерт назывался "Гилуй Элокут".

- Мы с тобой съездим в Англию и лично вручим маме видеокассету, - пообещал он Маршалу. - Я хочу съездить именно с тобой. Ты ведь поставил меня на ноги. Мать скажет тебе спасибо.

Беня, да ведь ты сам - умнейший и сложнейший человек, ты прекрасно самоутвердился бы и без меня, хотел возразить Маршал. Но он понимал, что имелось в виду: через него и ростовскую общину к Бене пришел успех. До этого было много проколов, много этапов познания жизни, приобретения тяжелого и нужного опыта. А сам успех пришел, таки, действительно посредством "шлихута" в Ростове, начавшегося... столь ужасно - с драки, затеянной Брылем и Мантулой...

- О, эти два молодца! - смеялся Беня, - они сделали мне отличный "тикун". Я почувствовал, что на этом закончилась моя "капара", очищение от грехов. Где они, кстати, теперь? Они - секретные агенты "Памяти"?

- Они в Германии, в Дюссельдорфе. Пытаются пройти гиюр.

- О, так они - не антисемиты?

- Разве ты этого не понял раньше?

- Нет. Я, знаешь, не очень разбираюсь в вашей специфике. Так зачем же они трогали мой фэйс?

- Они защищали меня. Думали, что ты приехал отбирать у меня работу.

- Правда?

- Так они мне объяснили. Это друзья моего детства.

- Друзья! Ну, раз так, то надо будет и им отправить наши музыкальные записи. Как ты думаешь, им будет интересно послушать?

- Еще бы. В свое время они бредили "Битлами". Особенно Мантула.

- Мантула? Это такое имя?

- Фамилия.

- Звучит как имя римского императора.

- Что-что? - расхохотался Маршал.

- Был такой император... Калигула! - внес поправку Бенья.

- Ай си, - кивнул Маршал, - ну а как насчет нашего урока по Гемаре? Или будем только болтать?

- Нет, разумеется, мы перейдем к учебе прямо сейчас. Я предлагаю начать трактат "Санэдрин" - тот, где рассказывается про Мошиаха. А кстати, мой следующий концерт будет называться именно так.

- Как??? "Санэдрин"? - Да нет же! "Мошиах"!

62. БУДИЛЬНИК

- Слушай, - сказала Галя, - не слишком ли мы навязываем нашим детям идеологию? Вон у Бениных мальчиков - простые кипочки с узором, а у наших - с "Йехи Адонейну"... Может, это как-то вызывающе? А кстати, Янкель подрался с Бениным Лейвиком.

Маршал очень удивился высказанным ею опасениям. - Что подрались - это ладно... Главное, чтоб мы с Беней не подрались. Но что значит - идеология? По-твоему, то, что Ребе - Мошиах, это идеология?

Галя замялась. - Я не знаю. Для тебя это - твоя внутренняя правда. А мне, может, просто не дано этого почувствовать.

- Но ведь мы же с тобой вместе учили все эти первоисточники - разве сама Тора тебя не убеждает?

- Убеждает. Только чувствовать труднее, чем понимать.

- Ну, как раз в этом и задача: подчинить эмоции разуму. Доводы Торы должны быть восприняты на уровне интеллекта, а затем воздействовать на эмоции.

Маршал перевел разговор на другое:

- Смотри, что я принес. Он вынул из коробочки вроде бы обыкновенный будильник.

- Что он, кукарекает? Кудакхает? - попыталась догадаться Галя. Она видела такие в Америке: приятный голос объявляет время, желает хорошего дня, мяукает, смешит...

Но Маршал хотел продемонстрировать ей что-то другое. - Это такой будильник, который говорит тебе не только, что надо вставать, а и ДЛЯ ЧЕГО надо вставать.

Он вставил батарейку и перевел стрелки на шесть часов.

- Сейчас зазвонит. Слушай: - Здравствуйте, - сказал будильник и проиграл несколько тактов приятной хасидской мелодии,

- Любавичский Ребе пророчески обещал: Мошиах приходит прямо сейчас. Откройте

глаза и вдохните воздух Геулы!

- Выключи, - испугалась Галя, - детей разбудишь.

- Ладно, ладно. Но правда, здорово?

- Очень здорово. Где это такие делают? Он показал ей коробочку. "Мэйд ин Джермани, Дюссельдорф".

- Неужели наши ребята? - изумилась она.

- Представь себе. Вот это и есть приход Мошиаха... Или, по крайней мере, признак его скорого прихода.

Они сели просто так, поболтать о чем придется. Но ведь женщины никогда не сидят сложа руки! Галя начала резать сливы на компот, Маршал сделал ей замечание, что нужно бы проверять на наличие червяков более тщательно, разрезать на более мелкие кусочки... она отнеслась к его критике невнимательно, так, будто отмахнулась... он решил обидеться... она обозвала его занудой... и в следующую минуту на кухне уже была весьма враждебная атмосфера. А тут еще Бенья некстати позвонил.

- Где можно арендовать самолет? - спросил он.

- Зачем тебе самолет? - не понял Маршал.

- Не мне, а всем нам. Группу организуем. Я решил слетать в Любавичи.

- А автобусом не покатит? - Какая узорь мысли! Я собираюсь сделать из этого великое мероприятие, поощрить спонсоров, сдружить общину...

- Имей в виду, в Любавичах есть только старенький деревянный домик, в котором валяется с десяток пар резиновых сапог - чтобы можно было по грязи дойти до могил. Этим ты собираешься поощрить спонсоров?

- Да, именно этим! Это же Россия, глубинка, экзотика... А они - европейцы.

Сфотографируем их у колодца, с коромыслом, телегой и лошастью.

- А чем ты окупишь поездку? Будешь продавать воздух Любавичей?

- Маршалу стало смешно при этой мысли: Воздушные шары с надписью: "воздух Любавичей".

Галя сделала обиженное лицо. Ну вот, у них еще отношения не выяснены, а он уже переключился на беседу с другом. Да еще смеется!

- Кстати, - добавил Бенья уже на другую тему, - где можно заказать такую кипу, как у твоего Янкеля? Мне нужно с "Йехи Адонейну". Это местное производство?

- Нет. Пока нет. Но можно будет наладить.

- Он шепотом пояснил для Гали: "Беня просит достать ему кипу с "Йехи Адонейну". Видишь, а ты боялась.."

Галя обиделась еще сильнее: вот, и в этом пункте их спора она проиграла...

- Беня, - сказал вдруг Маршал, - мне нужен твой совет.

- Да. Я готов тебя выслушать. - Что можно предпринять, чтобы развеселить жену? Знаешь, настроение поднять.

Галя обожгла мужа презрительным взглядом. Как можно выносить такие темы на обсуждение?!

Бедный Маршал уже не знал, что и делать. Благо, Беня сообразил сам:

- Знаешь, по-моему, первое дело - это не тратить время на треп с друзьями, а уделить ей стопроцентное внимание. Спокойной ночи.

Положив трубку, Маршал просительно обернулся к Гале:

- Ну, скажи мне сама, как я могу тебя развеселить.

Она не возражала, была готова к мирным переговорам, только беседовать предпочитала не на кухне, где стоял запах густого сливового компота. Тогда он предложил идти и посидеть вдвоем в мирной тишине спальни.

Зазвонил телефон, и Маршал, бросив взгляд на Галю и получив от нее молчаливое согласие, с каким-то тяжелым чувством поднял трубку. Ему как будто в какую-то долю секунды показалось (но показалось с молниеносной очевидностью), что услышать ему предстоит плохие новости. Просто чувство, не более того.

А она была уверена, что это всего лишь краткий разговор, быть может, вопрос по алахе - и, ответив на него, можно будет с чистой совестью отключить телефон...

Звонил Маркус. Он не поздоровался и говорил вообще не своим голосом, а так, как будто его кто-то душил. Может быть, торопила и дергала жена: что тратить время на звонки раввину? Звони в милицию! Может, сам еле соображал что делает.

- Пропал мальчик, то есть мой сын... На экскурсии... Вернулись без него... Его украли. Я хочу, чтобы ты написал Ребе. Его свитер нашли в овраге...

- В каком овраге? - спросил Маршал с ужасом.

- Какая разница!!! Сядь сейчас же и пиши Ребе.

- Я пишу. - Галя быстро подала мужу письменные принадлежности.

- Имя мальчика и имя матери...

- Вадик, Давид сын Цици. Я не могу больше говорить. Перезвонишь мне, когда

будет ответ. Сейчас я должен буду поднять на ноги международную полицию.

- Почему международную?

- Потому что это случилось в Израиле! "Я ведь не хотела, чтобы Вадик туда ехал! Это ты его отправил!" - закричала жена Маркуса рядом с телефоном.

Маркус дал отбой. Маршал положил телефонную трубку, неторопливо встал и пошел мыть руки, как полагается делать перед тем, как обращаться за советом к Ребе.

63. ВАДИК

Вадик Маркус, толстый, но энергичный пацан, который то отставал от группы, то опережал даже ведущего, отбился на привале, поскольку решил завершить обед произнесением благословения. Для этой цели он извлек из рюкзака молитвенник и стал читать. На переключке за него ответил другой Вадик, не сообразив, что Вадиков вообще-то два, а не того же самого выкликнули дважды по ошибке.

Цепочка школьников потянулась дальше вдоль горных водопадов, а Вадик Маркус, очень довольный тем, что ушли без него (он вообще не любил истэблшмент, стадность и строгие порядки) - принялся выслеживать на каменистом склоне шафанчиков - жирных израильских сусликов.

Шафаны лениво вылезали из расщелин, он кидался в них апельсиновыми корками, водопады мелодично струили свои потоки, и ему захотелось спать. Только он выбрал себе местечко у входа в большую просторную пещеру, откуда были видны и развалины крепости крестоносцев, и масса зелени, и прозрачные горы, как вдруг мимо него, не заметив его укрытия, проскакали искавшие его вожатые. Они кричали: "Вадик!" - а он дремал, свернувшись калачиком на расстеленном свитере. Разбудили его арабские школьники, протопавшие над самой его головой по пути в битан - фруктовый сад с фонтанами. От арабской речи ему стало не по себе, и он пожалел, что отбился от группы. Во сне ему почудилось, что в горах разносилось эхом: "Вадик!" - или это было по правде? Но сейчас-то его уже никто не зовет. После арабов осталось много оберток от конфет. Он вспомнил, что голоден. И тут... к самой воде, в нескольких метрах от той пещеры, где он сидел, подошла кабаниха с шестью кабанятами. К ужасу Вадика, они плескались и хрюкали так близко и явственно целый час!!! А вдруг они тоже голодные? Может, им желудями питаться мало?

Вадик тихонько покинул место своего укрытия и решил двигаться по пролегавшей в неведомом направлении тропинке. Главное - вверх. Там, наверное, шоссейная дорога. Ведь когда едешь в автобусе, то вся эта дикая природа - под тобой, в низинах и оврагах. Вон арабы пошли куда-то вниз - там, значит, для них что-то интересное. А ему бы - вверх. Автобусы зашумят, он и поймет, что шоссе близко. Только бы продрасться сквозь заросли. Тропинка терялась и опять обнаруживалась, только шла она не прямо вверх, а как бы опоясывала каменистую гору, поросшую колючим кустарником и инжировыми деревьями. И шоссе не виделось ниоткуда. И слышно было лишь птичье пение да шорох водопадов. Солнце собиралось скрыться за противоположной горной цепью, а те каменные глыбы, по которым карабкался он, все еще были ярко и щедро освещены.

И в этом ярком свете он вдруг увидел... обглоданного страуса, валявшегося на

камне и белевшего реберной сеткой. Тогда он еще сильнее испугался и взял вверх еще круче, чтоб уйти подальше от этой туши.

Пальцы он сбил, кожу поранил, цепляясь за расселины скал, голова его гудела от жары, которая парила весь тот день и только сейчас стала убавляться.

Жалко, что он свернул с тропы и стал прямиком карабкаться наверх! Теперь уж совсем бездорожье. Глянешь вниз - вон сколько дымчатых скал с колючками преодолел. А вверх посмотришь - ух, сколько еще карабкаться! А главное, что ждет там, наверху? Может, опять какая-нибудь кабаниха?

Тут маленький Маркус громко заорал: "Шма, Израэл!" Так, чтобы себя подбодрить. Эхо тоже разоралось - Шма, Израэл! Он лез и кричал, лез и кричал. И стало темнеть, и в сгущающихся сумерках он, задрав голову, увидел метанье огней полицейской машины. Напрягся, вслушался - точно, шоссе где-то близко.

Он из последних сил влез на пригорок, откуда скатился вниз на шоссе - прямо в объятия полицейского по имени Аарон Мошиах. Такая у него была табличка именная на форменной рубашке. Вадика посадили в машину и принялись оповещать всех остальных патрульных, что ребенок найден.

...А папочка в Ростове, который уже был уверен, что это шантажисты украли его сына, поскольку он богатый человек, - тем временем слушал от своего друга-раввина следующие слова, завершающие ответ Ребе: "И вернется домой с миром".

Ответ был получен в одном из писем Ребе - книга открылась как раз на том месте, где говорилось о чем-то возвращении домой из опасного путешествия. Маршал перевел слово в слово все письмо, от души желая и молясь, чтобы ситуация не исчерпалась одним только удачно открывшимся письмом, а получила и на деле благоприятный исход.

- Когда же он вернется? - воскликнул Маркус. Маршал закрыл книгу.

- От тебя требуется выдержка и терпение, и ты увидишь то, как обещанное Ребе исполнится.

Жена, Циля, бегала по гостинной с сотовым телефоном в руке. Среди массы бесполезных телефонных звонков она уже не знала, на какие отвечать. Но вот высветились незнакомые цифры, она ответила "Алло!" - и услышала:

- Мэдабер мадрих а-квуца. Айелед шелах нимца. Аколь беседер.

Циля возопила к Маршалу:

- Поговорите с ним! Он на иврите что-то, йелед...

На трапезе в честь найденного Вадика гуляла вся синагога.

64. ЧИСТАЯ ПРИБЫЛЬ

Галя смотрела, как все эти творческие личности - Маршал, Бенья, Зоара - вечно

чем-то горят, куда-то несутся, поднимают один за другим немислимые проекты (то рекламные фильмы снимали, то концерты, а теперь, к примеру, постоянную йешиву создать задумали), и ее иной раз переполняло чувство горечи оттого, что она такая вот обыкновенная, тусклая, не парящая в воздухе и не летящая по волнам. Гита, и та уже в своем Кишиневе отличилась! Открыла... уголок аттракционов для детей, что-то вроде дисней-лэнда, только назвала его Тора-лэнд. Алесевский сколотил бригаду работяг, смастерили всякие качели-карусели, лабиринты, домики, клетки для живого уголка. Иностранные спонсоры прислали, как водится, импортную невидаль - дракона огнедышащего со множеством голов, из каждой пасти - либо лесенка, либо особый спуск в ящик с разноцветными шариками... Драконьи головы Алесевский переделал на овечьи, чтоб кошерно было, и получилось очень даже фантастично. Детишки приходят, Гита с ними представление устраивает, истории рассказывает, наизусть фрагменты из Торы учить дает. Ну, а потом - призы и игры. Кому ж не захочется привести своего ребенка в такой садик?

А Галя, казалось бы, ничем из ряда вон выходящим не занимается. Целыми днями занята еврейской школой. И директор, и учитель, и музработник - все в одном лице. И к тому же фонды у Сохнута выбивает. Да если бы только у Сохнута! До самого израильского Министерства образования добралась!

Это министерство вроде бы согласилось поставить школу на свое финансирование. Но Гале надо было пройти там комиссию по благонадежности. А она не знала, что за вопросы ей будут задавать, и... показала себя инакомыслящей. Вот как было дело:

- Садитесь, пожалуйста, Галина Самуиловна! Мы вас слушаем. - Здравствуйте. Вот наша школьная документация, пожалуйста, ознакомьтесь. - С документацией мы знакомы. Вот теперь у товарищей будут к вам вопросы.

- Конечно, конечно. - Так вот, Галина Самуиловна. Мы ходили по зданию школы, вернее, пристройке синагоги, которой оно является... и, знаете ли, были разочарованы.

- Да? - Да. Мы не видели флагов государства Израиль.

- А мы их и не вывешивали.

- Ну, как же так? Пауза. Галя смотрит на членов комиссии, они - на нее. Укоряюще.

- А как вы проводите в школе День Независимости?

- Вот когда будет настоящая независимость, тогда и начнем проводить. Пауза.

- Это вы к чему? - завелся было один из чиновников, но другой перебил его следующим вопросом к Гале:

- А День Иерусалима как вы отмечаете?

- Рассказываем детям, что это самый святой город в мире. Что в нем будет отстроен с приходом Мошиаха Храм. Что нельзя делить Иерусалим ни на какие части

и уступать его кому бы то ни было...

- Ага! Белокурая чиновница торжествующе спросила:

- А арабов, наверное, хотите поубивать, чтобы Иерусалим очистить? Так и учеников воспитываете?

- Нет, убивать никого не надо. Ребе говорит, что перед светом тьма отступит сама. Наше дело - прибавлять в мире света Торы и заповедей...

Резолюция: "Просьбу о финансировании еврейской начальной школы г. Ростова-на-Дону при ортодоксальной общине отклонить".

Хорошо, что есть Маркус. Он говорит, что для него давать школе деньги - не только почетно, но и прибыльно. Чистая, говорит, прибыль. А флажки, конечно, школе нужны. Это работники Министерства верно подметили. Да только не те флажки, не сионистские. Флаги Мошиаха!

65. БЕЗУМИЕ

...Беня поехал в Англию один, не смог никого приобщить к этому путешествию. Маршал, занятый подготовкой ханукальных мероприятий, только дал ему денег и попросил привезти для Гали красивое пальто. Зоара и детишки и подавно должны были остаться дома, поскольку им такая поездка была бы слишком в тягость.

Ребята из рок-группы обмыли его отъезд, синагога попрощалась с ним в лице ее ответственных работников (это были уже не Софа и не Гаррик, так как Софа год назад убыла в Израиль, а Гаррика Беня уволил за нерасторопность)...

И вот Беня вошел в свои родные пенаты, в дом высокий и строгий, возвышающийся среди зеленых лужаек. Мать живет в нем одна, с кухаркой и служанкой. Отец уже умер, дети нашли предлог ее покинуть, и теперь никто не нарушает спокойного ее существования. Спокойного внешне, в силу искусственно поддерживаемого распорядка дня... зато сколько внутреннего драматизма в той фантазмагории, которую мать продолжает плести вокруг себя... только ей некого уже вовлекать в эту фантазмагорию, ведь кухарка и служанка соглашаются со словесными кружевами ее фантазий лишь по долгу службы и из приличия. Нехватка общения, недостаток публики - огорчительны. Матери скучно. Когда сын вошел, она была занята мистическим делом. Держа в руках два вязанных носка - один коричневый, с дырой на пятке, а другой зеленый и без дыры - она с тупым удивлением наблюдала за тем, как, будучи скомканы вместе, оба эти носка совершенно не приобретают свойств друг друга. Коричневый носок не зеленеет от соседства с зеленым, а имеющаяся на нем большая дырка не уменьшается и не распространяется равномерно по пяткам обоих носков. Наблюдать сие было занимательно.

В ее сознании имелась тонкая грань между желанием быть безумной и собственно безумием. Вот и сейчас она смотрела на сжатые в руках носки и как бы прикидывала: в самом деле я ожидаю, что цвет их смешается и дырка расплзется на оба носка... или только кто-то внутри меня так думает, а я со стороны над этим посмеиваюсь? И она выбирала первое. А в других ситуациях выбирала второе. Иногда даже рассуждала весьма здраво. А когда старшая дочь попыталась было

определить ее в прекрасную аристократическую психбольницу, то мать выказала замечательный разум. И сама же пояснила окружающим: это я от страха поумнела, чувствую, что в психушку меня сдать хотят...

- А, Биг Бен пришел! - обрадовалась она Бене, которого не видела лет пять.

- Мамочка, милая, здравствуй, - Бенья присел рядом с ней и заключил в объятия. Приложился к ее сухонькой щеке, погладил все ее блаженно-отключенное лицо.

- Ну, как твоя Лея? Лея было имя первой его жены. Мать упорно не признавала фактов и отказывалась воспринять ту информацию, что жена его давно уже не Лея, а Зоара.

- Все в порядке, - не стал спорить Бенья. Лея так Лея. Праотцу Якову тоже все Лею подсовывали, так что пойдем по его стопам и не будем уточнять. Какая разница?

- А ты как, мам? - спросил он, держа в своей руке ее толстоватую ладошку с характерным для психбольных, неестественным загибом большого пальца внутрь.

- Лея меня не любит. Вы ко мне не приезжаете. Я так скучаю! И мне так хочется, чтобы у вас были дети!

- Мам, у нас же четверо детей, о чем ты говоришь? - Если бы вы питались как положено, у вас бы были дети. Вы неправильно питаетесь. Вы должны есть много яиц.

- Давай я приготовлю нам с тобой яичницу. - подхватил Бенья, встал и пошел на кухню.

Мать посмотрела ему вслед, захихикала. Он без помощи кухарки обслужил мать за завтраком, на десерт нарезал ей банан и размешал в сметане с сахаром - помнил, что так она любит. Они помолчали, попили какао.

- Вот ты меня любишь, - сказала мать, - а остальные - нет.

- Ну, что ты.

- А отцу, наверное, холодно, там, где он лежит. Надо дать ему одеяло! Она забеспокоилась, завертела головой.

- Одеяло! И как же это я не связала ему одеяло?

- Ты связала, мама. Я сам ему отнес.

- Да?

- Да...

- И ему не холодно?

- Нет. Снова молчание, на сей раз уже успокоенное, доброжелательное. Ей

нравилось есть бананы со сметаной.

- Четверо детей! Но это же очень много! Откуда у вас будут деньги, чтобы всех прокормить! - внезапно заговорила она, - детям обязательно надо давать кушать яйца!

Беня только кивал головой. "Интересно, на сколько времени меня хватит", - думал он.

- Мам, - заговорил он перед тем, как убрать со стола, - ты когда-нибудь писала письмо Любавическому Ребе?

- Ребе? Да. Когда ты сидел в тюрьме. ("Откуда она узнала? Ей же никто об этом не говорил!" - изумился Беня).

- Я писала Ребе, чтобы тебя выпустили из тюрьмы. И тебя выпустили. Ребе все способен сделать. Это потому... что он умный человек и ест много яиц.

Она опять напустила на свои глаза выражение безумия и захихикала. Беня попрощался и ушел в город за покупками. По дороге, трогая рукой подстриженные газоны и кукольные деревья, вспоминал хасидскую майсу о сумасшедшем человеке из Любавичей. Мешугенер фун Любавичи. "Мешугенер, мешугенер, зачем ты хочешь поговорить с Ребе?"

"Я должен спросить его, побираться ли мне в Любавичах или переехать в Витебск".

Ребе выехал в сопровождении кучера и хасидов, а мешугенер бросился к коляске и запрыгнул на нее, как его ни старались отпихнуть.

"Ребе, Ребе, я должен вас спросить, ехать ли мне в Витебск, потому что говорят, там лучше с парназой для сумасшедших".

"Оставайся в Любавичах".

Хасиды Ребе поинтересовались у него, почему он дал такой ответ сумасшедшему.

"Таких безумцев, которые знают, что за советом надо обращаться к Ребе, нам и в Любавичах иметь нехудо".

А потом те же хасиды спросили сумасшедшего, как это он додумался подойти со своими проблемами к самому Ребе?

- Мешугенер, мешугенер, обэр сейхел дарф мэн обэн! - объяснил тот.

(Безумец-то безумец, но голова на плечах должна быть!)

Беня выбрал для жены друга изящное пальто, уложился в имевшуюся у него сумму денег, а уж после этого занялся покупками для своей собственной семьи.

"Интересно, сохранилось ли у мамы ее письмо к Ребе. А может, она и это нафантазировала? Удивительно, как меняется выражение ее глаз. То они

отсутствующие, то в них светится мысль, то прыгает истерический надрыв. Невозможно знать, когда воспринимать ее всерьез, а когда - нет".

66. ФИНАЛ

Маршал окончательно раздумал возиться с книгой. Хотя многое там было живо и занятно, но все же... с точки зрения Торы и ее законов, такие вещи писать не следовало. Хотя бы про того же Беню и историю его своеобразной тшувы. Кто будет читать такое? Человек, которому хочется читать обычные светские книги, всегда предпочтет именно их: там ведь он не споткнется через каждую строку о слова "Тора", "Ребе", "святость" и тому подобное, его раздражающее. А человек, отказавшийся от чтения светских книг, как правило, берет курс на освоение всей Торы, письменной и устной, и тут уж ему точно будет не до хабадской беллетристики. И только тонкая прослойка верующих, которым трудно совсем отказаться от чтения развлекательных книжек, нуждается в некоем переходном жанре - назовем это беллетристическим изложением житейских историй тшувы. Но неизбежный хэппи-энд, то есть приход героев ко Всевышнему, хотя в жизни он столь желанен, литературе противопоказан. Кому интересна книга, исход сюжета коей предreshен? Никому. Отсюда - кризис жанра.

Маршал ощущал, что поиск его завершен, что эксперимент принес определенную пользу - и подошел к концу. Отныне он будет искать приложения своих сил в области самой Торы, а не в граничащих с нею плоскостях.

Маркус будет только рад, если необходимость финансировать проект отпадет: в последнее время его бизнес перестал процветать. "Испытание, "нисайон", если выдержишь - будет тебе "нес", чудо" - так по-хасидски растолковывал ему раввин. Маркус и старался выдерживать, но Маршалу становилось неловко его подбадривать, в то же время распоряжаясь его деньгами. Может быть, его жене не нравится, что около пятой части доходов уходит из семьи? Скорее всего, это именно так. Маршал пока что не принял окончательного решения, но склонялся к мысли о том, что этот источник финансирования следует перекрыть. Кризис наступал не только в творчестве и в денежных делах. У Гали что-то разладилось с Зоарой. Та была сторонницей официального закрепления их школы за Министерством образования Израиля. У нее, в отличие от Гали, имелся диплом об окончании израильского высшего учебного заведения, и она могла стать директором такой школы и получать зарплату в размере двух тысяч долларов плюс всякие премиальные. Ее не смущала перспектива развесить бело-голубые флажки в коридоре и пройти лицемерное интервью с чиновниками Министерства. Подумаешь, пообещать им справлять День Независимости, и делу конец! А финансирование солидное.

Она была такая напористая, что как-то без спросу начала добиваться своего, гнуть свою линию, и Галя почувствовала, что она в школе уже не хозяйка.

Нужны ли мы вообще Ростову, подумывали Маршал и Галя каждый по отдельности. Не пора ли попробовать себя в чем-то новом?

А тут еще просочились слухи, что в Израиле открываются высшие музыкальные педагогические училища, причем именно на базе хабадских женских колледжей...

Кошерность и профессионализм - все вместе. Вот какое чудесное продолжение могла

получить Галина музыкальная карьера! К тому же у нее будет право на бесплатное обучение в качестве новой репатриантки, что тоже немаловажно. А самое главное - быть в среде соблюдающих Тору, изучать глубже хасидизм, дышать воздухом Святой Земли.

Галины мысли высказывались вслух, а Маршал помалкивал, тихо занимался сбором информации.

Да, идея переезда в Израиль его привлекала. Но все известные ему варианты абсорбции представлялись не слишком розовыми. Если он пойдет в колель, наконец-то подставит свою бычью шею под ярмо Торы, выражаясь гротескно... то жить они будут на гроши, а в Израиле это очень обидно - быть бедным, когда вокруг столько богатых. Но зато Яшка с Мендиком получают первоклассное еврейское образование, там ведь детсады для мальчиков - это фактически хейдеры. А дальше их будет ожидать плавный переход от школы к йешива-ктана и, в свою очередь, к йешива-гдола. Они вырастут в той же обстановке, что и прирожденные, что называется, "гэбойрэнэ" хасиды, ученые Торы. Их Б-гобязненность сформируется естественным образом, привычки и наклонности будут как у сыновей самых настоящих раввинов, среди которых они будут учиться. Ради этого стоит согласиться на бедность!

Другой вариант: потерпеть лишения в армии и стать армейским раввином. Тут есть ряд преимуществ. Это - зарплата, сфера воздействия на нерелигиозных израильтян, различные льготы, предоставляемые государством. Минусы: трудности с кашрутом, армейская тупость, долгие периоды отсутствия дома.

Еще возможность - освоить техническую специальность и податься на производство. Семью, положим, он обеспечит, но счастлив будет только в течение восьми часов заслуженного сна...

Ну-ну. А еще прибавьте к этому мятежное ощущение себя самого как непослушной ячейки общества, неизбежное при нынешнем положении дел в Израиле. Голосовать не за кого и незачем. Если для этих людей, политиков, Торы нет, то и их право на Землю весьма зыбко. Эта зыбкость определяет и их невразумительную позицию, позволяющую арабам постепенно брать верх во всем. Если Торы нет, то арабы правы. И нас всех надлежит сбросить в море.

...С такими радужными мыслями Маршал и Галя подали прошение о репатриации. О таком, наверно, сказала Ахматова: "Я была тогда с моим народом Там, где мой народ, к несчастью, был..." Перед подачей заявления они открыли "Игрот Кодеш". Ответ Ребе целиком был посвящен проблемам израильской армии и назначению кого-то на должность армейского раввина. Маршал мог верить или не верить, воспринимать или не воспринимать, но страничка была, вот она - черным по белому - вся по заданной теме. В письме рассказывалось о том, как следует строить отношения с работающими на военной базе евреями, в каких направлениях привлекать их к Торе, исполнение каких заповедей предложить тем из солдат, которые не располагают свободным временем - вообще, полный список указаний для армейского раввина.

Он был слегка этим оглушен. Но преобладала все же радость: от наступившей определенности, четкости. На самом деле, он никогда не чувствовал себя штатским человеком. В нем всегда жил военный, именно поэтому он так просто (у других

этот процесс идет со сбоями) подчинил себя воле Ребе, поверив, что таким образом реализует волю Всевышнего максимально полно. Но - встает вопрос - кому он будет подчинен в Армии Обороны Израиля? Ведь прежде всего он должен будет мобилизоваться, только потом его могут утвердить в должности раввина. Одно дело - быть солдатом Ребе, а совсем другое - служить в ЦАХАЕа...? Что имеет в виду Ребе, прозрачно намекая ему на занятие должности "рав цваи"?

Он не знал. Верил, что увидит большие чудеса.

...Начали собирать вещи, прощаться с родней. Бенья после Англии еще пробыл какое-то время в Москве, нанес официальные визиты любавическим представителям Центра, чтобы продолжать работать уже не по-партизански, а как постоянный посланник. Это было очень грамотно с его стороны. Это - дело дисциплины, в конце концов. Не может же раввин назначать и увольнять себя сам! Ростов, конечно, вольный город, но следует отметить, что к концу так называемого двадцатого века на территории России уже не осталось "вольных" городов: всюду назначение раввинов Хабада приобрело централизованный и упорядоченный характер. У них были теперь даже съезды, слеты, газеты, журналы - все как в свободном мире, как, скажем, в Штатах или в Израиле.

Центр не утвердил Бениной кандидатуры. Это было как гром среди ясного неба. Пока он работал сам, собственными силами вил себе гнездо, никто его не прогонял. Но когда дело дошло до официального назначения либо согласия на продолжение работы, последовал почему-то отказ. Должно быть, факты его биографии всплыли в неподходящий момент. Ростов был престижным местом, а среди израильтян в последнее время пошла мода на работу в России. Желающих работать посланниками в СНГ было хоть отбавляй. Бенья и Зоара пережили страшное разочарование, у нее ведь уже были такие хорошие контакты с Мисрад а-Хинух, и вот, на тебе.

Вовремя подоспело предложение старых Бениных друзей присоединиться к вояжу в Индию с целью создания там постоянных хабадских центров. Известно, в буддийских капищах Пуны и Драмаслы бродят толпы израильтян, замороченных мантрами и наркотиками. И души их жадно отзываются на слова Торы, коль скоро есть кому эти слова произнести.

"Ну что ж, - сказал Бенья, - как примерный англичанин, я имею к Индии самое непосредственное отношение. Во всяком случае, к Вест-Индии. А если я возьму с собой свою рок-группу, то мы сможем сбавить там очень колоритный фильм-концерт. Индия так Индия. Только без лотосов. Терпеть не могу лотосов!"

67. ФИНАЛЕ ГРАНДЕ

- Ну я-то ладно, - продолжал Бенья, заходя в кабинет вместе с Маршалом, - меня не утвердил Центр. Но почему уезжаешь ты, на ком все здесь держится? Тебя даже в Индию никто не зовет! Куда ты, извиняюсь, рыпаешься?

- На историческую родину, в солдаты, - насмешливо произнося эти слова, Маршал подумал, куда бы сесть, и занял место сбоку от стола, а не во главе его. То же самое, поколебавшись, сделал Бенья, и роскошное кресло на колесиках осталось незанятым.

- Но почему? - Беня рылся в своей огромной спортивной сумке, ерзавшей по полированной поверхности стола. - Не обращай внимания, я ищу сверток с пальто. Вот он, кажется... Нет. Это не то. Вот оно. Пальто, которое ты просил. Здесь есть отстегивающаяся часть, и вообще оно очень "фэнси".

- Спасибо. Как это мило с твоей стороны. Маршал положил сверток на край стола, налил обоим по стакану минеральной. Беня был некурящий и непьющий, с этим приходилось считаться. Да и ел он все больше здоровую пищу - крекеры из цельной пшеницы, рыбу и овощи "на пару" и кисломолочные продукты. Вот с кого надо брать пример.

Маршал с трудом представлял себе, как можно прожить два дня без жареной картошки с жареным же мясом, но это не важно. Синагогальная кухня обоих более или менее удовлетворяла, по крайней мере, пирожки и компоты, которые там готовились.

- Ты голодный?

- Честно говоря, да, - признался Беня.

- Хочешь, принесу чего-нибудь со второго этажа? - предложил Маршал.

Бенин имидж не позволял ему так запросто ввалиться в кухню, набрать еды и, поболтав с поварами, оттуда выйти. А у Маршала на кухне, как никак, работала теща.

Он понял Бенино молчаливое согласие и отправился в экспедицию. Почему Бене было неловко признаваться, что ушел из дома голодным? Понятно - не хотел выдавать того, что женушка, очевидно, накормила его скандалом вместо обеда. Маршал уже понял по этим и подобным признакам, а также по Галиным жалобам, что у Зоары характер весьма авторитарный. Правильно, надо Бенею в руках держать - иначе он начинает шалить. Когда он вернулся со второго этажа с подносом еды, Оля засуетилась:

- Ой, зачем же вы сами, я бы принесла. "Ты бы принесла, да не того, что надо", - мысленно возразил Маршал. Вот: пачка крекеров и салат для Бени, шпроты и чипсы для него самого. Замечательно, что в холодильнике оказалась банка пива.

- Я не услышал от тебя ответа, - сказал умиротворенный крекерами Беня, - зачем и почему ты решил ехать в Израиль...

Маршал перевел раздавшийся было телефонный звонок на секретарскую линию.

- Да как тебе сказать. Здесь я буду, мне кажется, уже только повторять себя. Все тот же парад и костер на Лаг-Баомер, те же костюмы на Пурим. Та же Ханука. Только люди вокруг меня меняются, а я не расту. У меня тот же репертуар. Нет, я не умею выразить. Что-то кончилось.

Он заглянул в кулек с чипсами - так точно, кончились.

- Но здесь вы обеспечены материально! - воскликнул Беня, отодвигая от себя аристократически недоеденный салат.

"Что, так трудно доесть? Зачем продукты переводить?" - подумал Маршал.

- А там? Что, думаешь, не продержимся? - спросил он, разделяя Бенины опасения, но в то же время осознавая, что "продержаться" в Бенином понимании - это совсем не то, что в его.

- Да ты и в глаза не видел такого обилия платежей, которое тебя ждет в Израиле! За съем жилья, за электричество, за воду, за телефон, за тех, кто в море... Фу, этот ваш Макаревич лезет мне в голову. То есть, я хотел сказать, за детские сады и школу. Здесь ведь нет всех этих расходов. Вы и квартиру-то снимаете за гроши, а все остальное для вас бесплатно.

- Не совсем. Но, в общем, ты прав. Материально там трудно. Поэтому я и выбрал армейскую службу, кева.

- Да ты же там задеревенеешь!

- Зато ко мне не будут приходить Достоевский и Толстой и я не буду с ними спорить о ценностях иудаизма и, леавдиль, христианства. - Маршал не скрывал от друга той полосы бессоницы и откровений, которую прошел.

- Знаешь, как это изматывает! Мне, может, и надо задеревенеть, задубеть. Я слишком ухожу куда-то вглубь. Живу будто в двух мирах. Хорошо, что я не женщина. Представляешь, если бы мне надо было помнить, когда и что ели Яшка с Мендиком, стирать и штопать им одежду, готовить на всю семью, убирать в доме... Я, впрочем, не знаю, для чего говорю тебе все это. Ты ведь и сам такой. Вот поедешь в Индию, обогатишь свой внутренний мир созерцанием дикой природы, буддийских вихар, быстроногих рикш, и что у них там еще есть?

- Только не лотосы, - быстро сказал Бенья. - Нет, конечно, нет. Я уважаю твою неприязнь к этому культовому цветку. Вот, кстати, об экзотике: мне кажется, Бенья, что Ростову нужен не экзотический и оригинальный раввин, вроде тебя и меня, а некто безгрешный, благородный и спокойный. Это все же город РАШАБа. Тут солидность нужна. Я вижу, как наше с тобой место займет человек, рожденный в седьмом поколении хабадского рода, предельно скромный, тихий, ровный...

Он с нескрываемым восхищением устремил взор на черное кресло во главе стола, где уже, казалось, воссел обладатель описываемых им достоинств. Бенья скептически возразил:

- И его надурят в первый же месяц, и община разорится. И никто не будет приходить на шاباتы.

- А вот в том-то и дело, что нет. Ему с Неба будет благословение, и даже жульнический Ростов склонится перед ним, как львы пред Даниэлем. Такой худенький, тихий, святой человек. А? Бенья, что скажешь?

- Я уже сказал. Святых я вообще не видел. - А я видел. Но я имею в виду не абсолютно святого, а - относительно нас с тобой. То есть такой человек, для которого наши с тобой грехи столь же немислимы, как для нас немислимо... ограбление банка.

Беня зевнул:

- Жаль, очень жаль... Такой перспективный город...

- Город не пропадет. ...А между тем город, узнав о решении Маршала, плакал, как женщина. Люди приходили прощаться и уговаривать, чтобы передумал. И в синагогу шли, и в дом на соседней с ней улице. Самые разные люди - все, с кем были контакты на протяжении девяти-десяти лет работы и кто еще не покинул пределов СНГ. Провели вместе длинный шабат, завершившийся фарбрэнгеном.

А на исходе субботы пришли родители семнадцатилетней девушки, которая, сбросившись из-за неудавшейся любви с пятого этажа, чудом осталась в живых и, когда лежала в больнице и отходила после долгих операций, познакомилась с Галей и Зоарой (они явились туда проводить больных). Здоровье девушки теперь поправлялось, а, главное, душа ее окрепла под влиянием постоянных уроков по хасидизму, которые она слушала и находясь в больнице, и после выписки. Но родители волновались - как же теперь, когда обе ее наставницы уезжают? Маршал успокоил их, сказал, что английская семья уезжает еще не скоро, им к переезду в Индию требуется основательная подготовка. И что новый раввин, который появится, придет тоже с женой, так что уроки продолжатся.

Маркус искренне горевал, не хотел расставаться с другом. "Где бы ты ни был, мой маасер тебе обеспечен", - обещал на прощание.

Со знакомыми в Союзе писателей Маршал зашел попрощаться сам. Встретил Соловьева, который радостно пожал ему руку, сказал: "Поздравляю!"

- С чем? (С репатриацией, что ли? Откуда ему знать?)

- Как - с чем? Шутите, Борис Григорьевич? Пожалуйте автограф!

- Не понял.

- Автограф на книге вашей извольте удружить. И на одной, и на другой. Видя, что собеседник совершенно не в курсе дела, Соловьев подвел его к книжному лотку в вестибюле и указал:

- Вам что, не знакома эта продукция? Маршал взял в руки тонкую книжку - "Разговоры с теньями". Потом схватил, не без внутренней дрожи, толстую книгу "Еврейские судьбы". По тому, как он держал обе книги и несколько минут ходил с ними, не осмеливаясь раскрыть, по вестибюлю, Соловьев понял, что о публикации автору ничего известно не было.

Книги будто явились с того света. Рукописи Маршал той зимой уничтожил, с компьютера всю информацию стер. А переданные для прочтения в СП папки этой участи избежали - он о них просто забыл. По ним и был набран текст.

Соловьев привел Ладыжникова, председателя комиссии по отбору произведений. Маршал и про конкурс-то ничего не знал, и про подготовку к Неделе Донской Книги не слышал. А рукопись прошла отбор по большинству критериев и попала в печать. Ладыжников еще извинялся:

- Ваши иллюстрации и список использованной литературы мы не включили. Понимаете, набирали, чтобы успеть к Неделе Донской Книги, очень быстро, и в спешке утерjali. Было несколько изменений стилистического характера.

Редактору не понравилось воспевание Любавического Ребе, так он там подсократил. А так все вошло. На выставке поставили ваши вещи в раздел: "Жизнь национальных меньшинств на территории Ростова и Ростовской области"...

- Ну да, - добавил Соловьев с усмешечкой, - а чтобы организаторов выставки не обвинили в симпатиях к иудаизму, так уравновесили ваши книжки брошюрой какого-то мусульманина, Джабриля...

- В отзывах критиков на книги Бориса Григорьевича Берегового была отмечена философская глубина, - быстро рапортовал Ладыжников, заглянув в папку с отчетностью, - оригинальность мышления, любовь к родному краю, богатство изобразительных средств...

Про любовь к родному краю они точно подметили, подумал Маршал, которому на той неделе предстоял выезд в государство Израиль на постоянное место жительства. Там, в Израиле, он больше не будет относиться к национальным меньшинствам. Это радует.

- Возьмите со склада сто ваших авторских экземпляров, - напомнил Соловьев, после чего усмехнулся: - может, толканете их кому-нибудь на Бен-Йеуде.

"Знают, паршивцы", - пронеслось в голове у Маршала. Он был тревожно-счастлив и не мог сосредоточиться ни на чем. Требовалось только сесть где-то в тишине и проглядеть обе книжки, преодолев дикое нарастание стыда: что за чушь он там понаписывал?

В затемненном углу вестибюля отыскал глубокое кресло, нажал на кнопку, включил торшер у пыльной тяжелой портьеры, нащупал, не глядя, пепельницу.

Остановил себя - зачем я так волнуюсь? Яков-праотец, наверное, еще больше мог бы волноваться, встречаясь с сыном, однако же прежде сказал "Шма, Израэль!" - и лишь затем его поцеловал. Эмоции надо направлять в правильное русло.

Небыстро, отстраненно начал читать. На первую книгу ушло полчаса. "Разговоры с тенями" - это так себе, живо, но не глубоко. Издание приличное. Содержание выиграло от хорошего оформления. Тираж - 15 тысяч! Ничего себе. Захватывает ли чтение? Об этом он судить не может. Его, естественно, захватывает - он бы обрадовался, познакомившись с такой книгой, даже если бы не был ее автором. Ведь в ней изложена точка зрения Торы на очень многие вещи. Кроме того, она расширяет кругозор любого человека, даже ортодоксальный еврей ощутит эмоционального новизну подхода к Торе и заповедям и обогатится, прочтя ее. А почему неглубоко разработан этот подход? Потому что не хотелось перегружать текст рассуждениями, ссылками. В целом, он остался доволен чтением, впечатление создано хорошее.

Взялся за "Еврейские судьбы". Ах, жаль, иллюстрации уплыли, а ведь он выбирал их так тщательно в студии знакомого художника, работавшего в размыто-летучей

манере Шагала и умевшего привнести в эту манеру еще и трезвую жесткость Дали, его ясный, хотя и устремленный в потустороннее, взгляд!

Начал было читать - помешали. Соловьев по-свойски принес бутылку водки, уселся на стоявшее рядом кресло, зазвенел стопочками, расставляя.

- Ну, не стоит, право...

- А, не стоит? Ты мне поговори! В Израиль намылился, а как выпить, так слабо?

- Мне машину вести...

- Довезем тебя, не бойся. Кстати, дружок какой-то тебя по всему СП ищет. Тоже в шляпе, как у тебя, и с кисточками этими, из-под пиджака висящими.

Вот он, пожалуйста... - Соловьев указал на только что заметившего их Алесевского, шедшего по коридору в смущении от обилия декольтированных секретарш, попадавшихся ему навстречу.

- Володя! - Маршал вскочил с кресла и крепко обнялся с другом. - Спасибо за сюрприз!

Он не видел его с той самой последней предсвадебной недели, когда организовывал для него и для Гиты поездку в Кишинев.

- А как ты думал - что не приеду тебя проводить? Не каждый день такое случается, чтобы человек уезжал на постоянку. Да еще какой человек!

Алесевский отпустил его, похлопав по спине, после чего, поискав глазами стул, подтянул колченогую антикварную табуретку, подсел к столику.

- Я ищу тебя уже полдня, с ног сбился. Из синагоги - в ОВИР, оттуда - в детсад, потом сюда. И везде говорят, что ты вроде бы приходил, но наверное, уже ушел. А я - с поезда. Набегался, вообще. Ну, ладно, ребята, за что пьем?

- Как - за что? Вот, у человека книга вышла. Да не одна, а сразу две, - сообщил Соловьев. - А еще у него есть какие-то секретные причины нас сподить, но об этом лучше не будем.

- Борька, ты, что ли, писатель? - недоверчиво спросил Алесевский.

- Ладно тебе, не вгоняй меня в краску. Вот тебе книжка, считаешь на досуге, поймешь, можно меня так обзвать или нет. А сейчас давайте уважим просьбу товарища Соловьева и выпьем. Только, чтоб вы знали, у евреев чокаться не принято. За вас, товарищ Соловьев, лехаим, будьте здоровы. Владимир Федорович, за твоего новорожденного! Лехаим. За мою дорожку - только не слишком афишируйте...

Маршал попросил у Алесевского подаренную им в свое время книжку "ХИГАТ", в которой напечатан также "Йом-Йом", разбитые по календарным датам хасидские афоризмы и рекомендации. Тот вынул из дорожной сумки требуемое издание, и Маршал открыл "Йом-Йом" на фрагменте, который выпадал по еврейскому календарю

на тот день.

Значилось там следующее: "Перед тем, как оставить место жительства, человек должен собрать на фарбрэнген своих друзей и получить от них благословение на дорогу. А хасиды не расстаются и никогда не покидают один другого, где бы они ни были - одна семья".

...Приятно было раздаривать на прощание экземпляры своих книг, подписывать их. Одна - в Кишинев, одна - Маркусу, парочку синагоге оставим... В Дюссельдорф Оля вышлет бандеролью. Книжек двадцать разошлось за два дня.

Вторая книга, которую Маршал сидел и жадно прочитывал (впервые - в качестве опубликованного произведения) вечером того же дня, захватила его, удивила, обрадовала и испугала. Это была не хабадская книга. Он - это стало совершенно очевидно при нынешнем чтении - вышел из своего хабадского статуса, когда писал ее. Она получилась надгрупповой, всеобщей. В ней жили люди. Независимо ни от каких религиозных движений они делали все то, что делают самые разные люди на свете. И это было страшно. Он выплыл в открытое море, там, где нет ни буйков, ни спасателей.

Конечно, в книге был Ребе. Но только в качестве маяка, не ограничителя. Об этом позаботился тактичный редактор.

Потеря это или выигрыш? Как автор, ставивший перед собой определенные пропагандистские задачи, Маршал был разочарован. Но в качестве читателя - поддался обаянию книги, не мог отрицать ее естественную прелесть.

Галины родители в Израиль ехать не намеревались, но и препятствовать молодым, считая себя прогрессивно мыслящими, современными людьми, не смели. Тетя Роза заволновалась, заколыхалась при известии об отъезде, но ничего особенного, что стоило бы зафиксировать, не сказала. А вот родители Маршала отреагировали очень болезненно. Мирра Александровна еще месяц назад заявила, что поедет с ними, а если муж, Григорий, так и не захочет присоединиться, то оставит его, все бросит и - в путь. Муж с ней разругался, назвал предательницей и обещал, что найдет себе вместо нее молодую жену. "Ну и находи", - в сердцах бросила она.

Галин папа, ставший персональным пенсионером союзного значения, ехать хотел еще меньше своего мехутэна, но его Галина мама бросать не собиралась. Выезжать решили в таком составе: Маршал, Галя, Янкель, Мендель, Мирра Александровна. Продрались через пару скандалов, через тоску последних дней, через бюрократические проволочки, через паспортный контроль...

И взмыли в небо. Остался внизу тянувшийся узкой лентой Дон. Маршал нащупывал в кармане пиджака покрытый пластмассой доллар Ребе, успокаивал плачущего от давления в ушах Мендика, не желавшего сосать леденец, отвечал что-то Гале, которая от нервозности не была уверена, в какой сумке что лежит и все его переспрашивала, поглядывал на сидевшую впереди мать, читавшую вслух Янкелю детскую книжечку об Исходе... Вот наступит через пару недель праздник Пейсах, а они уже будут отмечать его в Израиле. Из Египта, значит, вроде как вышли. Неплохой, в сущности, был Египет. Продуктивный, плодотворный, с множеством, как и обещано, искр святости.

А теперь вот будем делать "выборку искр" на своей Земле. Она-то ведь вообще вся искрится, душ ищущих на ней - видимо-невидимо. И в армии, и в кибуцах, и на поселениях, и в центре, и на рынке, и даже в Кнессете. Милая, милая Земля. Ни с чем тебя не сравнить, ничему не уподобить. И любят тебя - каждый по-своему - все, даже те, кто намерен отдавать Голаны. Да не отдадут они Голаны, не отдадут! Спокойно, не волнуйся. Ты же едешь туда, чтобы что-то там улучшить. Б-г даст тебе силы, и ты справишься. Все должно быть по Торе. С приходом Мошиаха все это осознают, а сейчас - надо стараться воздействовать насколько сможешь, где и как и когда только удастся. Все должно быть по Торе. "Тойро циво лону Мойше". Слышишь, Мендик? Ну, как ушки, перестали болеть?

68. РИСУНОК

...Тогда еще Косовский не играл никакой роли в жизни Маршала, поскольку они вообще не были знакомы.

В тот приезд он задержался в Питере надолго - организовывал Торговый Дом, филиал своего парижского магазина: подыскивал помещение, набирал работников, завозил товар.

Ася Шмулевич - робкий и совершенно непрофессиональный агент - пришла где-то спустя месяц на открытие его Торгового Дома, чтобы вписать новую фирму в рекламный справочник и, соответственно, получить за это комиссионные от своего работодателя, лысого немца.

Встретившись глазами с директором новой парижской фирмы, она почувствовала, как захватило дыхание от его внушительного внешнего вида. Во-первых, он выглядел человеком Большого Мира, который запросто пересекает континенты. Во-вторых, был по-мужски красив и импозантен. В-третьих, голос его звучал бархатно и властно. Имя директора было господин Эфраим Косовский. Он прекрасно говорил по-русски (объяснил ей, что из Союза выехал в двадцатилетнем возрасте). Ася посмотрела на него с нескрываемым обожанием. Она была жалкой, бесприютной девчонкой, подрабатывавшей то там, то здесь - рисовала, оформляла, ходила по поручениям рекламного агентства.

Мать ее умерла, а отец взял в дом русскую, и Ася почувствовала, что та ее потихоньку выживает.

Ушла сама, без скандалов. Среди братии портретистов нашелся товарищ - пригласил ее к себе жить. На даче под Питером, без денег, дикарями. Любви и взаимных обязательств у них не было - была лишь попытка согреться душой и телом возле совершенно чужого человека. Иногда зимой им нечего было есть, и тогда они отбирали у собаки то, что она притаскивала со свалки...

Ася была такой свободолобивой, что всем этим не брезговала - лишь бы поменьше ввязываться в быт, в условности, в истэблшмент. Даже в художественном училище, куда поступила, она не училась, а лишь иногда посещала его. В основном занималась тем, чем ей хотелось. Чем же ей больше всего хотелось заниматься?

Рисовать, ловить Б-жественное в окружающем мире, вглядываться в себя, в холст,

в небо, в землю. Все.

Эфраим Косовский всего этого о ней не знал, иначе не связался бы с такой ненормальной. Но он видел в ней трогательную неприкаянность, молодость, еврейские глаза, худобу, черные кудряшки, готовность сразу же прильнуть к нему, если только поманит. И от всего этого у него закружилась голова, как никогда в жизни. Он велел секретарше передать рекламу их бизнеса представляемому Асей справочнику... затем переговорил с девушкой о возможности устроить ее на работу в качестве оформителя... затем еще и еще встречи, по делу и не по делу... он не успел понять, как увлекся. Его действия приобрели лунатический характер.

Она, польщенная его вниманием, бездумно болтала о своем детстве, о страсти к солнечной Италии и к многократно нарисованному ею демоническому Паганини, о Петербурге, который называла "гнилостным, сыростным и достоевским" - да, это у нее были прилагательные такие...

Эфраим Косовский никогда не читал Достоевского - этого ни в подпольной самаркандской йешиве, ни в парижском менеджерском колледже не преподавали. В свое время он получил неплохое традиционное еврейское образование в семье, выехал вместе с родителями во Францию, после окончания колледжа женился, обосновался в Иерусалиме и начал широкую предпринимательскую деятельность, так что до чтения русской классики, понятно, не дошло (в хасидских семьях не принято держать светские книги). Он был серьезным, верующим человеком, крупным бизнесменом, спонсором многих благотворительных программ и организаций, прекрасным семьянином. Никогда не реализовывал дремавшую в нем авантюристскую жилку, хотя порой его и тянуло "на сторону".

Не реализовал бы и в этот раз, если бы не "помог" сам себе. Проще говоря, выпил лишнего. И тогда уже все закрутилось с судорожной лихорадочной легкостью. Только успевал соображать, в тесной квартирке спаивая ее и себя: "Кто она? Родная? Чужая? Хорошая? Плохая?" Он не знал, не мог понять. Знал только, что больше не принадлежит себе. Мазнул рукой вроде по стене - а оказалось, по ее, Асиной, талии. Она не шарахнулась, лишь умоляюще произнесла: "Этого не было. Поймите меня правильно! Этого не было". Она понимала, что он - не просто еврей "по паспорту", а настоящий, религиозный, что у него есть определенные жизненные принципы. И поэтому ей было жутко, что он вдруг полез к ней. Ей, обыкновенной питерской девчонке, непривычной к понятию "грех", было впервые страшно именно от ощущения греха.

И потом, когда совершился на деле чудовищный факт его измены жене - Ася снова с упорством повторила: "Этого не было. Не волнуйтесь. Я вам этого никогда не припомню. Я не хочу, чтобы вы и ваша жена были несчастны... Вы - живите, как раньше..."

На этой фразе он сломался, готов был теперь уже ей - скромной, предпочитающей остаться в тени, бесправной, несуществующей - всю душу отдать. Да так отдать, чтоб весь мир понял, кого он любит. Пусть поймут, по кому сошел с ума богач Эфраим Косовский!

- Я не позволю тебе быть одной. Я сделаю тебя королевой. Я дам тебе все! Мне на всех наплевать!

Пьяный и страстный, он долго орал таким образом в ее нежное ушко. Внутри же своего непьянеющего, трезвого, купеческого сознания клял себя: "Бесчестно поступаю, сулю золотые горы - зачем? Ведь завтра - самолет, улечу в свои цивилизованные края. Увижу жену - в обычном блеске ее общепризнанной красоты. Она умеет наряжаться, когда выходит на люди. Да и в моих глазах она красива, только... быть может... слишком плотски, физически, ограниченно-красива".

"А эта? - думал он уже по пути в аэропорт, перецеловав на прощание Асины руки и преподнес ей что-то непритязательное, брильянтово-золотое, на что она посмотрела с недоумением. - Ни тебе фигуры, ни осанки, ни правильных черт лица. За что, во что я так жестоко влюблен? - продолжал он размышлять в самолете. - Эта неуловимость выражений на лице? Какой-то внезапный луч вдохновенья, внутренняя озаренность, от которой все оживает... и вдруг выхватывается из этого личика один-единственный ракурс. Один лишь угол зрения, допускающий назвать это лицо красивым. Но красивым волшебным, не замкнуто, не ограничено, не материально. Красивым настолько, что во мне, созерцающем это чудо, затрагивается и сжимается самое сердце, вернее, сердцевина его... Такая глубина, которая никогда и ничем, клянусь, в жизни моей не затрагивалась, кроме как жалостью к собственным деточкам, когда они заболели - да и то лишь пока были малы и беспомощны".

Спустя несколько месяцев он снова припомнил это слово - "беспомощность". За это время он много раз приезжал и уезжал, уже однозначно - приезжал к ней. И уезжал - ни к кому. После их первого сближения Ася чуть не ускользнула от него - от стыда, что из-за нее он нарушил двадцатилетнюю верность жене и что она - самое темное пятно во всей его биографии. Тогда он разыграл перед нею и перед самим собой любительский спектакль готовности на самоубийство, чтобы не оставить ей никаких вариантов отступления - и с тех пор их связь сделалась порочно-прочной, постоянной, осознанно-грешной. Раз, провожая его в очередной полет (домой - к спокойной и самоуверенной жене), Ася вдруг перед прощанием посмотрела на него с такой беспомощностью, с какой смотрят только очень близорукие люди, когда лишаются своих очков.

..."Беспомощная", - промелькнуло у него в голове. И он (удачливый, сумевший и в этот приезд заключить выигрышные сделки, а следы любовной своей истории, как всегда, тщательно замести) - растерялся, испугался: как я ее оставлю? Что за ложное положение? Что я натворил? Лучше всех остальных предам, жену, детей... но не ее. Всех брошу, а на ней женюсь. Пусть ей достанется славное имя династии, а заодно и весь я, подарочек.

Но тут по-хорошему вспомнилась жена - ее любящий, дельный уход за ним, и сразу расхотелось сдавать себя в Асины руки. Ася - и быт? Увольте. Это же кошмарный сон. Она и опрятна-то едва ли. Художница, она в этом мире - слегка, проездом. А он - холеный мужчина, избалован всем первоклассным, уютным, качественным и превосходным.

Попытался и ее приучить к высокому уровню материальной жизни - вывез с собой во Францию. Поселил в центре Парижа, куда часто наезжал по делам. Не знал, как развязаться, как выпутаться из этой истории. И жену любил, и ее. Раздвоение было мучительно. Каждое утро в молитве Шахарит принимал решение о полном разрыве, а позднее, после обеда и рабочей напряженки, забот, связанных

с бизнесом, вдруг становилось так ясно, что он нуждается в еще одной, хотя бы одной, встрече с ней...

И вдруг она оставила парижскую квартирку пустой, куда-то переехала, не предупредив.

"...Не волнуйтесь, - писала Ася через несколько дней, сумев исчезнуть из его жизни и оправдываясь перед ним этим первым и последним письмом, - со мною все в порядке. Я вобрала вас в себя, как... как вот этот рисунок, который я вам высылаю, вобрал в себя ваши черты".

Он посмотрел, развернув сложенный листок с рисунком, - и обмер. Нет, ничто от нее (беспомощной!) не ускользнуло: в складке губ его - самодовольство, во взгляде - тьма ложных обещаний, в полуулыбке - двуличие... он не выдержал и отвел глаза.

"Я ведь очень сильная, знаете, - вернулся он к строкам письма, - если сумела вас нарисовать, то, значит, сумею и возобладать над чувствами к вам... Ибо, заключая что-либо в рамки художественного выражения, высвобождаешься от влияния его на себя раз и навсегда. А вы - не горюйте. Всевышний, Б-г Израиля, вас не оставит. Присмотритесь получше к вашей жене... Я думаю, в ней есть все, что нужно для того, чтобы сделать вас счастливым... Б-г не делает ошибок... Он дает нам, людям, все самое хорошее, это мы портим себе сами жизнь, когда не следуем Его велениям. Помните историю (я слышала ее от вас) про вора, который решил стать праведником? Мудрец посоветовал ему использовать ловкость рук на добрые дела, и тот стал методично подсовывать деньги по карманам всех тех, кого когда-либо обворовал. Ловкость рук - и никакого обмана. Так и я - надеюсь, что сумею возратить вас вашей жене в наилучшем виде и, главное, незаметно. Простите себя: вы были безумны. Простите меня... за что? Хотя бы за то, что беру на себя инициативу разрыва. И знаете: я сильна, я справлюсь со всем. Мне не обязательно быть любовницей Эфраима Косовского, чтобы оправдать свое существование под луной".

69. АСИНЫ ИСКАНИЯ

Ася несколько недель жила в доме религиозной подруги-еврейки, с которой познакомилась, когда заходила в женскую школу на некоторые уроки. Семья была очень милая, Асю хорошо кормили, заботились о ней, но она оставалась диковатой и замкнутой. Долго боролась с отчаянием, слонялась по Монпарнасу мрачная, что называется, со смертью в душе. Спорила с внутренним голосом, который внушал ей, что она и есть настоящая жена Косовского, что только ей открыто его сердце, что напрасно она отсекла его от себя. Держал бы ее своей тайной сожительницей еще долгие годы - до тех пор, пока не проболтается знавший их секретер либо все обнаружится каким-то другим способом. Мало ли что могло произойти! Зачем было ей, такой счастливой в этой роли, заботиться еще о чьих-то интересах, кроме своих? Разве не лестно, не приятно жить так, как она жила? Есть мужчина, заботится о тебе, с ума сходит по тебе, красивый, умный, романтический, состоятельный, в конце концов!

Свобода ей потребовалась? Нет, не то. Огласка, скандальный развод и женитьба его на ней? Нет... слишком многих это сделало бы несчастными.

Почему же тогда она прекратила связь, не дожидаясь, пока проболтается шофер либо квартирная хозяйка, - нервы, что ли, не выдержали при мысли о неизбежности обнаружения измены? Нет! Чего ей-то бояться? Она не аристократка и терять ей решительно нечего... Пожалела, быть может, его? Отпустила с миром, чтоб не пришлось ему самому вымалывать у нее "вольную"?

Или разлюбила? Ах, если бы. Нет, нет. Сделала она это по другой причине. Просто захотела, чтобы все стало правильно, по закону Б-га. Было неправильно, а от нее зависело, чтобы стало правильно. Вот она и сделала от нее зависящее. О Б-ге, значит, позаботилась. А кто же теперь позаботится о ней? Б-г, что ли? Сердце Он ей, что ли, новое вставит? Или убьет ее как-нибудь немного, так, чтобы сразу в мир иной впустить?

...Да, прекрасная вещь еврейская религия. Все в ней разумно и соразмерно, приятно человеку и Б-гу. Ася раньше никогда не знала ни о чем таком религиозном, только через Косовского восприняла мерки и стандарты иудаизма. Во многих вопросах он был очень принципиален - например, в Суккот не позволял себе ни есть, ни пить вне шалаша, по субботам придерживался каких-то таинственных законов, с кашрутом носился как с писаной торбой... Закутываясь по утрам в талес, был трагично-красив...

Ася впитывала все это. И все воспринятое ею безусловно ей нравилось, более того - ощущалось единственно-верным, единственно-возможным. И миква, и кашрут, и суббота, и праздники, и молитвы, и законы скромности... Все, все, все несло в себе гениальность Б-га, Его заботливое участие в людях.

Только то нарушение, причиной коего была она сама, подкосившая честную жизнь честного человека, долго не вписывалось в рамки ее понимания. Понятным быть не могло, но болело, болело то смутно, то резко, то нестерпимо.

...На последние деньги она добралась до Питера и уже в первые дни была увязлена грубостью и тяжеловесным ходом российской жизни. Что, люди здесь не умеют чистить зубов? Отчего у них изо рта так дурно пахнет? А сколько пьяни на улицах... А какая нищета, какие обшарпанные подъезды, как дрожат руки пенсионеров, пытающихся продать поношенные туфли в подземном переходе... Россия, матушка, до чего же ты дошла...

Она прибыла к отцу на работу - беспрепятственно прошла за кулисы, увидела его машущим руками и кричащим на актеров. "Пойдем, поговорим", - ласково увела его из театра, велела взять с собой денег, чтобы где-то красиво пообедать вместе. Он-то думал посидеть в ресторане, а она вдруг потащила его в синагогальную столовую. Он терпеть не мог религиозных, не знал о них ничего, кроме того, что хотел и допускал знать, а именно - то, что они все обманщики, и попы, и раввины, и проч.

- Хочешь, расскажу тебе, пап, что со мной произошло за эти два года? - капризным движением руки отметя его несогласие, Ася заставила его надеть белую атласную кипу, которую предлагали всем входящим, и уселась за столик в простом светлом помещении по соседству с синагогальной кухней. Им принесли посыпанную петрушкой жареную картошку, рыбку из дешевых, свежий салат, булочки. Ася попросила водки, пива, разгульно взглянула на окружающих, на отца, ставшего в белой кипе похожим на римского папу Пия 6-го с известной

картины.

Отец присматривался к ней.

- Какая гранд-дама стала.

- Правда? Зазнаюсь, чего доброго. Мне и так все кажется таким плебейским!

- Что именно?

- Даже ты. Не обижайся. Не ты, как человек. А ты, как явление, как представитель себе подобных. Все это - копошащееся, не знающее Б-га. Вот ты надел кипу и думаешь, что делаешь мне одолжение. А есть ты будешь сейчас так запросто, даже не вспомнишь про Всевышнего. У тебя и мысли такой не появляется, что Б-гу надо сказать спасибо за еду. И что руки надо перед хлебом омыwać. Извини. Я не то говорю. Я раздражена чем-то.

- Как там твой купец заморский? - спросил отец, спокойно закуривая, приписав ее тираду той истеричности, которую часто наблюдал у своих актрис и на которую самое лучшее было не реагировать.

- А купец мой - в отставке, - гневно сверкнула она очами, хватанув рюмку водки от отчаяния, - а он, чтоб ты знал, любит меня на всю жизнь. Я его бросила, потому что так жить - не по правде.

- Ну, ну, - пожал плечами отец, - икорки бы.

- Красной можешь попросить - дадут. Так вот, пап, я его любила и люблю. Но то был грех. Я себя заставила выправиться, поступить по правде. А теперь мне плохо, я несчастна, ранена, и не знаю, окупится ли мое правдолюбие.

- Что? - удивился отец, - правдолюбие - окупится? Зачем же ему окупаться? Тогда оно уже и не правдолюбие вовсе, а так, корысть... Только я чего-то не понял: кто тебя настроил на религию? Уж не брошенный ли тобой дружок?

- У него конфликт... он из религиозной семьи... жене никогда не изменял... со мной обезумел... что ж тут непонятного? А я посмотрела, каково жить по-дворянски, и не хочу больше плебейской жизни.

- По-дворянски - это как?

- По Торе. Со всеми возвышенными сложностями и ритуалами, к которым обязывает человека его еврейское происхождение.

Отец посмотрел на часы.

- Я не должен был срывать репетицию только ради этой твоей пропагандистской затеи... Говорил же тебе, что все самые подлые дела творятся с использованием религии.

Ася раскраснелась обиженно. Подумала и возразила:

- А Сам Б-г? Разве Его нет, есть только пропагандистский обман?

- Б-г, может, и есть, но на основании того, что МОЖЕТ быть, я не собираюсь переделывать то, что ЕСТЬ. Есть - работа, жена, привычная жизненная колея. Хотел бы, чтобы и у тебя появилось что-то простое, жизненное. А не то до ручки дойдешь. Бросила мужика, ну и с Б-гом, ищи нового. Обустрой свою судьбу. - Он заговорил быстро и безучастно, глядя в сторону:

- Хватит с меня актерского коллектива, в котором все нервные и ни у кого нет сил заботиться о своей семье. Живут сиюминутным. Все на эмоциях. Объясняешь им роль, ее внутреннюю логику - все зря. Если и будет попадание, то лишь случайное. Теперь еще ты такая же стала.

- Да я тебя никогда не интересовала! - она комкала салфетку, не зная, что вытирать раньше - намоченные слезами щеки или жирные от рыбы губы, - Что ты удивляешься? Я росла на всем случайном, грелась возле случайных людей. Этот мужик был у меня самый нормальный, самый добрый и постоянный...

- Найдешь другого такого.

- Если бы, если бы... Но сердце-то подстрелено... Нечем будет полюбить... Подали вкусные израильские маслины, она их попробовала и задумалась над вопросом: чего ей хочется больше - умереть с горя или съесть еще одну.

...В первый же день она успела рассказать свою историю еще двум людям, помимо отца. Была жгучая потребность обсасывать свою трагедию, а попутно обижаться на непонимание слушателей, их неспособность вжиться в ее муки. Интересно, что с каждым новым воспроизведением история начинала звучать по-иному, свежее и больнее.

Когда она осознала, что таким образом вряд ли придет к катарсису и к утешению, то вдруг сжалась, умолкла, ушла в себя.

Питер заснеженно-мокрый, шпили, набережная, яркость дня. Куда себя деть? В медсестры пойти, в сиделки? Рисовать по потребу дня? Зарабатывать на жизнь? Или - скитаться по богеме, пить, исповедываться, склоняться головой на чье-то плечо, питаться крохами чужого внимания, неведомо где есть, еще неведомое где спать.

А он, милый, незабвенный, где и в каком качестве он хотел бы ее видеть?

Наверное, по-отцовски желал бы ей устроить жизнь, выйти замуж. Но за кого же? Она согласна только за такого, который был бы похож на Косовского во всем, во всем, во всем. Если уж не за него, так хоть за такого же, как он... Но ведь такие, как он, берут только "кошерных" женщин! Ах, кто бы ее откашерил. Сама себя - вряд ли сумеет. Затрефовать себя - это она может. Это - запросто. А откашерить... Она и не знает, как такое делается.

...Впервые помирилась с мачехой. На отцовский вкус, баба она была "прочная, жизненная, положительная", а в Асином представлении - быдло. Но теперь, когда ее, бедненькую, снова прибила жизнь к их берегу, мачеха вдруг выказала себя не плохой, можно даже сказать, доброй.

- Да ты скажи, что тебе не так! - предложила она, видя, что Ася у них ничего не ест, - я ж тебе не свинину, я ж говядину сготовила! Ела бы!

Потом, заметив, что у Аси и одежды зимней маловато, дала ей свою шубку - бери, мол, отец такого добра еще много с гастролей навезет. Ну, Ася и взяла, негордая теперь была, сломленная.

Рисовать она совсем перестала. Внутренне была одержима одним желанием - как бы стать кошерной? Ей не было ясно, что она под этим подразумевает, но ее желание это знало, ведь всякое желание знает, на что оно нацелено. А носитель этого желания может до поры до времени не знать, не уметь найти тому определения.

И еще ей хотелось - дознаться, где ОН, что с ним, счастлив ли, несчастлив?

Ася ходила весь вечер по городу, скрывая от себя, что ей важно заглянуть в Торговый Дом, краем глаза увидеть Косовского. Потом подошла к стеклянным витринам и принялась разглядывать ею же самой некогда оформленные стеллажи. А его не увидела. Так приходила еще раза три. На четвертый раз обомлела: директор ходил по магазину, по внутренним его отделам, да не один, а в сопровождении знакомой Асе по фотографиям жены! И несколько их детей, мальчиков школьного возраста, слонялись за ними без особого интереса от отдела к отделу. Наверное, родители взяли их сюда на зимние каникулы.

Счастлив он или нет - этого узнать прилипшей личиком к стеклу Асе никак не было возможно. Зато одно она поняла: для этих милых деток она - страшная ведьма. Ах, как не хочется быть страшилищем...

А он, оказывается, жив-здоров, энергичен, а жена его - деловая и со вкусом одетая особа... Ну, чего тебе еще, Аська? Поняла теперь, куда влезла было, в какие сани? Вот и не удивляйся, что выкинута из них.

...В ее душе наступило опустошение. Все. История закончена. Никто не покончил жизнь самоубийством, не сделал никаких сенсационных скандалов, никакого сногшибательного сериала из этого не вышло. Муж вернулся к жене и детям, и бизнес его, кажется, по-прежнему процветает. Быть может, в Йом-Кипур ему теперь будет над чем задуматься одной минутой дольше, чем раньше.

...Ася медленно двинулась в никуда. Никуда оказалось проспектом, на котором сидели профессиональные и непрофессиональные рисовальщики и за умеренную плату прямо с натуры за полчаса малевали портреты желающих.

Когда она поздоровалась, узнав знакомых, те подумали, что она тоже явилась подзаработать мазней. Но она вместо этого уселась перед портретистом и попросила нарисовать себя.

Удивленный художник начал вглядываться в ее лицо. Она примерно знала, что его интересует: пропорции и прочие технические параметры. Затем, пока он аккуратно переносил ее облик на большой белый лист, она даже перестала интересоваться его действиями, думала уже о своем. И вдруг глянула на портрет и закричала:

- Остановитесь!

- Минуточку, Асенька, вот тут тень загустить надо...

- Перестаньте, вы все испортите! - она вскочила, потрясенная находкой. На этом примитивном коротком сеансе рисования лицо ее схвачено было с непостижимой гениальностью, и она впервые поняла, какой красавицей могла по праву себя считать.

- Да, это я, это я, - бормотала она, вырвав у него портрет и радостно любуясь, - вот я какая, оказывается... Ох и хороша! И как вы поймали? Душу мою вы на этом листе поймали. Да вот еще - я вовремя его у вас забрала, а то бы загромождали лишними штрихами... Чувства меры у вас, помнится, всегда не хватало.

- Ася, Ася, - укоризненно отозвался художник, - никак не можешь без шпилек. Иди уже, а то вон меня клиенты ждут.

- Нет, я заплачу вам, сколько надо, и тогда пойду! - независимо отрезала она, сунула деньги и скрылась в ночи.

"Да, чудный лик. Надо же, как Б-г влил в мое лицо эту переменчивую светлую нежность, глубину раздумья, нечеткость черт, из которых вдруг составляется красота! И зачем, к чему Он мне такое дал? Да, теперь я понимаю, почему бедного Косовского так сшибло с ног. Это ведь не просто красота, не плоская, типовая, а - умная, глубокая, затягивающая куда-то при длительном созерцании. Душа. Свет души. Бедная душенька, как же я могу тебе помочь выкарабкаться из всего того, что тебе мешает? Чтобы ты засветилась в полную силу..."

70. НАЧАЛО СВЕТЛОГО ПУТИ

...А в "Тании" все - про "битуль", самоустранение перед Всевышним. Ася посидела на лекции в хабадской синагоге, начала было самоустраняться - и сразу на душе полегчало. Отошли куда-то далеко страдания, отпало желание жалеть себя, няньчиться с собой. Понятие красоты приобрело иной оттенок - ведь красота в еврействе связывается с праведностью, а не с эстетикой. А она знала, что далеко не праведна - резка, самолюбива, часто зла. Алтер Ребе, автор "Тании", обещал (не лично ей, а всем читателям) привести того, кто вдумается в его книгу, к высотам служения Б-гу. Для этого существует короткий путь (через самоотречение) и долгий путь (через напряжение интеллектуальных и эмоциональных сил). Вот где откроется внутренняя красота души - в конце этого пути, когда найдешь свое служение!

Удивительно было, что иудаизм, оказывается, существовал совершенно независимо от Косовского и задолго до него... да и при чем тут вообще Косовский?

Ася подружилась с проходящей на уроки публикой, частенько поражала окружающих и даже преподавателя своим знанием религиозных обычаев, мельчайших тонкостей и деталей их... Иной раз она не знала чего-то общеизвестного, а в другой раз - знала то, о чем никто из слушателей понятия не имел. Это было удивительно в их глазах, и ее однажды спросили: "Откуда это вы столько всего понахватались?"

Да причем без разбору, и из законов, и из истории, и из каббалы, и из комментариев на Тору!"

Она промолчала, а про себя решила больше не выдавать своих знаний, полученных столь нестандартным способом...

Допытывались у нее и насчет стойкости в соблюдении заповедей - откуда взялась эта религиозность у молодой девушки, которая нигде не училась и которую в хабадском микромире никто не знал?

Она предпочла и этот вопрос обойти молчанием. В Питерской йешиве было немало парней, которых ее загадочность заинтриговала.

Ее начали было сватать, и она решила попытаться добросовестно выдать себя замуж. Холодно и отстраненно повстречалась с одним, с другим, с третьим, в глубине души желая, чтобы забраковали ее, а не наоборот, чтобы не ранить ничьего самолюбия. И ее действительно "забраковали", сочли неприветливой, закрытой, хотя и не отрицали достоинств.

Проницательная жена посланника Ребе заподозрила, что на душе у Аси камнем лежит какая-то любовная история, и предложила ей поехать за казенный счет в Израиль - поучиться в хабадской школе, заодно и сменить обстановку, проветриться...

Ася с радостью согласилась. На память питерской общине оставила свои работы - виды Петербурга, прозрачно-легкие этюды на еврейские темы...

...Оказалась, не в первый раз уже, в Израиле. (В свое время "купец" повозил ее по многим странам, в том числе и по Эрец, где сам проживал с семьей.)

От аэропорта Бен-Гурион хотела было ехать до Цфата автобусом, следовавшим через Хайфу, однако нужный ей номер ушел совсем недавно, и она в задумчивости побрела на стоянку такси. Семья репатриантов грузила вещи в большую длинную машину.

"Вы не на север случайно?" - спросила Ася, зная то, как в Святой Земле до статистического неправоподобия велико количество чудесных совпадений. Они действительно направлялись в Цфат - русскоговорящее семейство, состоявшее из молодых религиозных мужа и жены, двух ребятишек и женщины с покрытой деревенским платком головой. Доставить их до Центра Абсорбции было делом чести для государства Израиль (также, как, впрочем, отвезти туда любого эфиопа) - и потому платить не требовалось. Асю любезно пригласили занять место, благо чемоданчик у нее был небольшой и влез в багажник поверх тех вещей, что уже заполняли его почти до краев.

- Меня зовут Галя, - сказала молодая женщина с ребенком на руках, - а вас?

Ася ответила. Они сидели в темноте, в несшейся по шоссе машине: муж - рядом с шофером, пожилая родственница и старший мальчик, обложившиеся продуктовыми кулками, на следующем сиденье, а Галя и Ася - позади всех, со спящим малышом, накрытым тоненьким одеялом.

- А у вас там кто-то есть, в Цфате? - снова задала вопрос Галя.
- Нет, - грустно улыбнувшись, проронила Ася, - никогошеньки. Ну вот, опять эта жалость к себе... Самоустраняйся, забывай о своих болячках, помни лишь о Б-ге!
- А у нас - знакомые в хабадском районе. Вам, может, переночевать негде?
- Негде, - сказала Ася, - хотя с утра я пойду оформляться в какую-то "Махон Альту".
- В какую-то? Это - известнейшая школа для баалот-тшува, - поправила Галя, - замечательное место для тех, кто хочет изучать Тору... Наша знакомая как раз там работает. Вернее, работала, до того, как родила близнецов.
- А, - сказала Ася без энтузиазма. Эта школа вдруг представилась ей каким-то большим инкубатором, фабрикой, изготавливающей честных и кошерных девушек, конвейером, который нивелирует ее индивидуальность, отберет у нее все, что составляло боль ее души, кошмар ее ночей - и взамен даст ей что-то гладкое, улыбающееся, стандартное...

71. ЭТАПЫ ИЗЛЕЧЕНИЯ ДУШИ

Чудесный утренний вид, открывшийся из окна спальни, в которую ее поместили в незнакомой хабадской семье, вселил в нее жизнерадостность. Эстер - так звали хозяйку - позвала Асю на кухню, неторопливо показала, где взять кружку и полотенце для омывания рук, дала Сидур, вскипятила воду в электрочайнике. Обе ее малышки бодрствовали, а она, приготовив им для докорма искусственное питание и не смущаясь их требовательным криком, доносившимся из другой комнаты, вежливо расспрашивала Асю и выслушивала ее ответы. Наконец она извинилась и ушла в детскую.

Ася выглянула из окна кухни и очень удивилась: двор был виден, как с первого этажа. А из окна спальни она видела его с высоты этажа пятого... Приглядевшись, поняла, что дом встроен в гору, вот и окна выходят на разные уровни. Тут сплошные горы - то лысые, скалистые, то заросшие леском, пересеченные петлями шоссе. И города-то не видно. Где же магазины, учреждения, улицы, площади? Кругом - дикая природа и разбросанные то тут, то там жилые кварталы блочных домов. Изредка можно видеть движущийся транспорт. Воздух - чистый, первозданный. Холодно, ветрено, солнце лишь блестит, но и оно периодически скрывается. Уже три раза успело скрыться за утро. В большом доме напротив - 14 этажей, а внизу - детская площадка.

В квартире - продолжала свои наблюдения Ася - мебель совсем не подобрана ни по тону, ни по форме, так себе, случайная, лишь бы служила: вот это стол, за ним едят, вот это стул, на нем сидят. Гостиная нелепо объединена с кухней, а из подъезда нет входа в отдельный коридорчик, а сразу с порога попадаешь в эту самую, с позволения сказать, гостиную. Зато нет типичных советских сервантов, сервизов, нету также салфеточек кружевных, оборочек и даже занавесок на окне. Нету кошечек-копилочек, слоников, африканских масок и прочего ширпотребского фуфла. Пошлости нет, но и красоты особой тоже. Вообще трудно уловить какой-то стиль, кроме чисто функционального. А отчего же тогда квартира все-таки дышит благородством? А-а, догадалась она, книги! Конечно же, книги! Они так плотно

стоят и так таинственно светятся золотыми буквами на корешках... И их так несказанно много. Да еще запах - еврейский какой-то запах. Пара картин - картинок, вернее - вид старого Цфата и, конечно, Любавичский Ребе (здесь же живут хабадники).

С эстетической точки зрения Ася была разочарована. Но, впрочем, скоро заметила на той самой стене, к которой прежде стояла спиной, ряд довольно-таки талантливых живописных работ, подписанных одним и тем же именем: Игорь Гельман.

...Эстер уложила малышей спать и вернулась на кухню к госте. Каждая секунда свободного времени была у нее на учете, и она быстро сказала утренние благословения, позавтракала вместе с Асей корнфлексом и пирогами, попила чай, не расслабляясь при этом, а набрасывая на клочке бумаги план - ей очень многое надлежало сделать. Во-первых, привести Асю в Махон. Во-вторых, договориться с дирекцией, чтобы сразу после Песаха ей была обеспечена там кровать в хорошей комнате (Эстер заботилась о всех русскоговорящих студентках). В-третьих, ей надо было начать подготовку собственного жилья к Песаху. А также показать малышей врачу...

Ася пожалела свою новую подругу и предложила ей изменить план. Пусть Махон подождет - все равно там ведь, как выяснилось, весь месяц нисан не проводятся занятия... а она с удовольствием будет помогать Эстер во всем, что требуется: пойдет с ней ко врачу, займется уборкой квартиры...

- Ты правда этого хочешь? - удивилась Эстер. Глаза ее, серо-голубые с желтыми искрами возле зрачков, широко раскрылись при этом вопросе и выразили недоумение. - Не будешь бегать по Старому городу, смотреть галереи художников и синагоги, а сразу подключишься к работе? Обычно все хотят...

- Хотеть не вредно, но... Я тренирую себя на "битуль", - пояснила Ася. - А художника я уже нашла: вот этого. Лучше всякой галереи.

Она указала на работы, висевшие на стене гостиной.

- А, это друг нашей семьи, - отозвалась Эстер, - тебе нравится? Я скажу ему. Он почти не выставляется. Скромный такой, наверно, тоже тренирует себя на "битуль".

Городской центр все-таки существовал - ютился, зажатый горными крутыми спусками и подъемами, в пределах одной кольцевой улицы, где жители Цфата естественным образом сталкивались друг с другом по несколько раз на день. Асе довелось, пока они с Эстер там кружились, со многими познакомиться. Повстречался им и сопровождаемый красивой колли Гельман. Он оказался высоким подтянутым человеком не первой молодости в чем-то джинсово-потертом, с потертой же тускло-латунного оттенка бархатной кипой на черных кучерявых волосах, с точеными и точными чертами мудрого лица (сам он, может, был вовсе и не мудрый, но такова была явная печать, положенная Б-гом на его лицо: изящество и мудрость). Представленный Асе, он тотчас неловко потупился, пробормотал: "Очень приятно" и проследовал далее на теневую сторону улицы.

- А вот и Махон Альта, - сказала Эстер, показывая на прячущееся за толстыми

оливковыми деревьями здание, к которому вели крутые ступени. Но сейчас не будем заходить, а то не успеем в банк... Мне надо взять наличные...

Ася помогла ей втащить двойную коляску по ступеням в банк. Из последующих фрагментов общения она поняла, что в Израиле зарплату выплачивают через банки, и человек пользуется наличными только по мере надобности. Банк же может осуществлять все текущие платежи из месяца в месяц, так что даже не надо об этом заботиться. Лишь бы было достаточно денег на счету. А достаточно ли их - можно узнать по телефону. Но у нее денег совершенно не было, так что ей даже не очень интересно было обо всем этом слушать. Она заметила, что у кассирш в окошечке есть фотографии праведников - Ребе, Баба-Сали, еще нескольких. Есть купот-цдака, есть мезузы на входе.

Те же лица праведников повстречали их и при входе в овощную лавочку, и в супермаркет. А затем Эстер с коляской пошла в направлении поликлиники "Макаби", Ася же осталась в понравившемся ей скверике напротив почты, чтобы спокойно помолиться. Договорились встретиться через полчаса.

Поглядывая на синеватые горы, на чистые белые облачка, Ася помолилась радостно и от души. Про все сказала Б-гу: и про приезд в Израиль, и про решение как можно больше самоустраняться перед Ним, и про новые свои, приятные знакомства - с Галей, с Эстер, с коллегой-художником. Попросила, чтобы наладилась со временем учеба и чтобы снова пришло желание рисовать, и чтобы когда-нибудь она открыла в Старом городе свою собственную студию. И чтобы сейчас у нее было на что жить, питаться, одеваться... А еще - купить серебряный подсвечник для субботней ее свечи. Раньше она по ошибке зажигала две свечи, думая, что перед Б-гом она как бы замужняя (по той же причине хотелось ей и покрывать волосы), но вот обман рассеялся, она одна... она полагает, что угодна Б-гу своим нелегким и праведным одиночеством... и у нее к Нему маленькая просьба: послать ей красивый серебряный подсвечник.

Поклонившись, как заведено, в конце молитвы, она закрыла Сидур и уселась на скамеечку. Да, в Питере так не помолишься... Здесь это все как будто само собой разумеется, никто на тебя не косится... Наоборот - вон женщина возле цветущего дерева тоже сидит и шепчет молитву либо Псалмы, шевелит губами... Февральский, мартовский несмелый цвет деревьев в Цфате... Солнышко пригревает... Чудно, мило...

Она обвела глазами соседние скамьи, расположенные полукругом напротив лестницы, белокаменно приглашавшей углубиться вниз, в старые, отреставрированные улочки Цфата. И вдруг увидела Гельмана, преспокойно, судя по всему, наблюдавшего за ней все это время.

Он ничего не сказал, но с беспечной наглостью продолжал поглощать ее своими темно-карими глазами, так что и она почувствовала за собой некоторое право столь же дерзко разглядеть его.

В свободной позе греясь на солнышке, закинув ногу на ногу и уложив на колени соединенные пальцы смуглых, аристократической формы, рук, он смотрел на нее, как смотрел бы на ландшафт, на скалу с бьющим родником, поражаясь игре светотени и измышляя способы ее изображения.

"Неприлично", - подумала Ася, но оторваться не смогла. Он, удивившись, казалось, тому, что скала и водопад вдруг обрели способность уставить на него свои очи, смутился и, кликнув следовавшую за ним породистую собаку, быстро встал и ушел.

Потом она еще много раз видела его и, хотя он не выказывал ей никакого внимания, ощущала, что между ними что-то возникло, завязалось. Что глаза ее натываются на некое энергетическое поле, когда находят его.

...В Махоне Альта Асе понравилось. Здание было обшарпанное, живописное, сводчатое, старинное. А какие гранатовые ветви свисали в ее окно! А какой балкончик выходил из ее комнатки в сторону Мерона!

Да и уроки были истинным удовольствием, и на английском, и на русском. Когда прошел Песах и началась учеба, Ася зарекомендовала себя такой старательной и скромной ученицей, что сваха не преминула занести ее в свою записную книжку уже в следующем месяце.

В Цфате и на Мероне установилась жара, а тут еще костры Лаг-Баомера, потные от танцев люди, запах свечей и шашлыков, тесные ряды кустарей, торговцев всякой всячиной. Не только день и вечер, но даже сменившая их ночь дышала сухо и разгоряченно.

На подходах к могиле РАШБИ хабадники раздавали проходившим гуляющей толпой людям флажки Мошиаха, разъяснительный материал по поводу соблюдения Торы и заповедей, приглашали зайти внутрь большого шатра, где велся урок по хасидуту. На большом видеоэкране шел показ фрагментов бесед Ребе с выдающимися людьми всех стран и народов, политиками, учеными. Множество народа толпилось перед экраном и увлеченно прислушивалось к шороху разговора - то на иврите, то на идиш, то на английском. Понизу шли титры перевода. Большие тайны содержались в этих фрагментах видеоленты: ведь каждое слово Ребе, сказанное каждому из гостей, несло в себе пророчество и либо уже успело с тех пор исполниться, либо приблизилось за прошедшие годы к своей реализации.

Во внутреннем дворике, близком к могиле РАШБИ, с невероятной силой выплясывали хасиды с пейсами под мощные простонародные звуки песни и аккомпанемента: "Ашрейхем, ашрейхем, ашрейхем Исраэль!" - "Как счастлив, как счастлив, как счастлив ты, Израиль!" На женской половине было тоже не протолкнуться. Ася помогала Эстер кое-как удерживать коляску в углу двора и не быть втянутой в людскую воронку. Было очень, очень особенно - ощущался сам РАШБИ, веселый, довольный, возвышающийся надо всем танцующим кагалом - и сам пританцовывающий.

На исходе Лаг-Баомера сваха позвонила в Махон и принялась рассказывать Асе о различных претендентах на ее руку. Замечательный парень из Канады, русскоговорящий, пять лет в Хабаде, рост выше среднего, зовут Ицхаком. Другой - оле хадаш, звать Ури, инженер, по вечерам изучает хасидут, ищет такую, чтобы была хорошей хозяйкой. Третий - Игорь, художник, живет в Цфате, своя квартира, близок к Хабаду, возраст - старше тридцати.

Что представлял собою последний из кандидатов, Ася уже примерно знала. Ему, правда, было не "за тридцать", а уж скорее "под сорок" - свахе явно не

хватало точности. А двое предыдущих почему-то навевали на нее ужасную скуку, то есть не они, а само перечисление их характеристик.

- Каким образом эти данные к вам попадают? - спросила Ася, - эти люди сами к вам обращаются?

- Или сами, или посредством знакомых. А что?

- И им должно быть известно обо мне хоть что-то?

- Конечно.

- Например, что?

Сваха замолчала, встревоженная нестандартным подходом и обилием вопросов.

- Ну, насколько религиозная, какой возраст, какая внешность, какой характер...

- И откуда же вам знать, какой у меня характер?

- А я пока и не знаю. Но если меня попросят выяснить, то я поинтересуюсь у твоих подруг, у директора "Махона". А что? Ты мне не доверишь?

- У меня пока нет оснований вам доверять или не доверять. Я просто чувствую дискомфорт, когда кто-то посторонний подбирает мне жениха, покопавшись в огромном списке существующих на свете добрых молодцев.

- Ну, знаешь...

"Обиделась", - с опозданием уловила Ася. Но так же твердо прибавила: - Я не готова пока что ни к каким встречам. Мне поучиться надо. Вы уж извините, Симочка. А на шабате у вас так здорово было, так вкусно! Просто пальчики оближешь.

Ася попрощалась и повесила трубку. Гельман заявил о себе официальным образом, попросил с ней свидания через шадханит! Вот, значит, какая она в его глазах уважающая себя барышня. А теперь ему предстоит узнать от свахи об Асиной полной незаинтересованности ни в нем, ни в шидухах вообще! Ну и ладно, пусть помучается. Мужиков до свадьбы надо мучить. А они еще нас помучить успеют... Фу, какая свадьба, причем тут свадьба?!

...Казалась бы, атака отбита, ан нет: позвонила другая сваха. Ася согласилась выслушать ее предложение. Звучало оно чрезвычайно заманчиво: богатый американец, тридцатилетний меценат с симпатиями к Любавичу и со средним уровнем религиозности. Звать Эфраимом.

Асина животная душа встрепенулась. Ах, прелесть! Можно будет взглянуть на этого мецената, и, если он в ее вкусе, то она будет готова и свой уровень религиозности понизить до некоего средне-общепринятого по международным стандартам... и бедности больше не знать... и как трепетно будет она называть мужа заветным именем Эфраим!

...Но в следующую секунду она устыдилась. Во-первых, имя это уже больше не заветное и не оно должно вызывать в ней трепет. Во-вторых, по уровню Б-гобоязненности надо равняться на самых лучших, самых праведных. А в материальном, наоборот, быть довольным средненькой едой и средненькими условиями жизни. И что значит - встречаться с заведомо богатым человеком? Это же просто унижительно! И в еврейском законе к тому же написано, что дочь простого и неимущего не должна родниться со знатым и богатым.

Надо же, за время Пейсаха (этого семидневного праздника, когда определенные ограничения в питании традиционно считаются гарантией приобретения Страх перед Небесами и истинной скромности) вроде бы столько усилий приложила, чтобы изжить в себе любовь к роскоши, восхищение высоким жизненным уровнем. А все равно осталось. Наверное, не остереглась как положено в пасхальном кашруте, съела что-нибудь не то. Как иначе объяснить такую вспышку энтузиазма, то, как загорелись глазки на чужое добро?

...Преподаватель по хасидуту сказал вчера, что, заметив в себе дурную черту, нужно иногда просто переходить к действию, делать мицвы и не думать, не мусолить, не наводить на себя критику.

"Представьте себе, что над вами пролетел воробей и сделал вам на плечо. Ну, что теперь? Будете полдня сидеть и обдумывать ситуацию? Нет, конечно! Смысл грязь - и вперед, иди дальше..."

Вот, значит, так и тут.

72. ХАСИДСКАЯ ДЕВУШКА

Асина жизнь вошла в четкую колею. Раз в неделю помогала на кухне махоновской поварихе, по другим дням занималась оформлением выставок в галерее Бейт-Хабада, ежедневно слушала еврейские дисциплины в течение четырех-шести часов, а в перерывах молилась, перекусывала, почти не отдыхала. Много дало общение с подругами (у некоторых из них были сердечные истории поинтереснее ее, чем ее!) Ночные беседы на иврите на балкончиках и в комнатах Махона, пение нигунов, порой - мелкие ссоры, но в целом - атмосфера любви, взаимопомощи.

И какие экстравагантные характеры попадались! Сара Тюдор, бразильская певица, с грубым, цвета красного кирпича, лицом и волосами, на концах выжженными, как прерия... Дорит Пшутицкий, богемная девушка с шикарным плащом кудрявых волос, каждым своим движением непроизвольно старавшаяся привлечь внимание любого оказывавшегося рядом мужчины - учителя, директора, завхоза... Французская еврейка-христианка, по профессии архитектор, становившаяся медленно, но верно - примерно в том же темпе, что и Ася - вдохновенной хасидской девушкой... А Наралай из Таиланда, принявшая гиюр! А Керен-гиорет, утонченная шведка, вся беленькая и тонюсенькая! А черная девица Батья-Каллиган, как-то слишком уж быстро принятая в лоно еврейства и неправдоподобным образом вышедшая замуж за большого знатока Торы! А забежавшие на пару дней в Махон солдатки, у которых на уроках как будто что-то приоткрывалось в сердце, а потом опять захлопывалось, и они уходили, уезжали на военные базы, стараясь не дать себе задуматься об открывшейся правде...

С помощью своей учительницы Эстер Ася через полгода начала понимать иврит, разбирать тексты в первоисточниках, а вследствие этого вполне адекватно реагировать на провозглашаемое всем Махоном "Йехи...!" Решилась даже участвовать в мивцоим, стучаться в двери чужих домов, раздавать свечи и подсвечники, объяснять людям, что такое Тора, заповеди, Мошиах...

Разные бывали, кроме того, мероприятия - то организация свадеб для пожилых олим хадашим, которые никогда не были женаты еврейским браком, а только гражданским, то рисование декораций к коротким спектаклям, смотреть которые приходили в Махон все хабадские женщины города. Хороши были также экскурсии по стране, поездки на море и на Кинерет, а уж о свадьбах подруг и говорить нечего - что за волнующее переживание!

Асе нравилась эта жизнь. Очень хотелось скопить денег и побывать также у Ребе. Понятно было, что и после 3 Таммуза его место по-прежнему в Севен-Севенти. Стоило бы показать ему Асины рисунки - в частности, ее попытки нарисовать портрет самого Ребе. Как показать? Она много над этим думала. Наверное, зайти в кабинет Ребе и положить работы на стол. И постоять так, ощущая его взгляд, перед пустым - вроде бы пустым - креслом. Впрочем, нет, Эстер же сказала, что и в кабинет к Ребе заходить нельзя: ведь он там реально находится! Заходить можно лишь по вызову, а пока что Ребе никого из нас в свой кабинет не приглашал, с того самого времени, как мы его не видим.

Да, а что касается любви... Поспешное, ложное, невыношенное чувство, не выверенное по Торе, к добру не приведет. А откуда взяться чему-то настоящему? Что, все-таки стоит ей пойти на предлагаемую свахой встречу с кем-то неведомым, но потенциально, по предварительным данным, подходящим?

Ася не знала. Но особо этим незнанием и не мучилась. В еврейском законе говорится, что до замужества девушке засчитывается мицва накладывания тфиллин, которую выполняет ее будущий муж. Стало быть, предполагается, что где-то под небом разгуливает этот самый муж, и есть у него тфиллин. И, более того, она уже имеет заслугу этих тфиллин! Вот до какой степени все предопределено... А раз так, то чего ж трепыхаться...

Есть своя прелесть в неведомом, нераскрытом. Так говорит отец, когда ищет актера на главную роль. Любит эти колебания, эту томительность выбора.

А вдруг она снова ошибется? Ну что ж. Право на неверный выбор является самой сладкой привилегией мыслящего существа... Но ей, наверное, эта привилегия больше не понадобится. Можно поступать правильно, по Торе, и притом быть счастливее, чем когда-либо за всю жизнь.

73. ПЕРВОЕ ПИСЬМО АРМЕЙСКОЙ ЭПОХИ

"Дорогая Галя... Да, мы говорим с тобой по телефону как минимум раз в день, а увидаться сможем, наверное, через пару месяцев... И все же - я буду писать тебе, как будто ты недосягаемо далека... Буду урывать часик ночного сна, чтобы напомнить тебе о себе совсем не поверхностным, а глубинным, выражающим всю суть души способом... Ибо, как ты помнишь, мою душу зовут Галей, так уж получилось. И наконец-то сбылась наша детская мечта, и ты ждешь меня из армии, точно как хотелось нам с тобой девять лет назад, когда мы шли рядом,

сдав лошадей дяде Васе, и строили планы на будущее. Вот и сбылось, как я тебе обещал: пишу тебе из армии, а ты меня дожидаясь. Разве не чудесно?

В первый же день в мобилизационном пункте Тель а-Шомер мне было внушено, что отныне я могу совершенно буднично встретить смерть. С моих зубов сняли слепки на случай опознания тела, в сапоги вставили металлический номерок для той же самой симпатичной цели... Как при покупке лошади специалисты смотрят в зубы и на копыта, так и я теперь вполне отдан и продан, во всяком случае физически, зубами и ногами, в безраздельное владение Армии Оборона Израиля... Зато и я сделал массу ценных приобретений: у меня теперь есть армейская форма, включающая две пары обуви, белье, гимнастерку, куртку, пару штанов и очаровательный головной убор, делающий меня похожим на бородатого фраера.

Нас вывели строем на начало "тиранут" - слово, неизбежно вызывающее у русскоговорящего человека ассоциацию с тиранией, хотя оно означает всего лишь воинскую подготовку. Тиранят нас неподалеку от того же Тель-а-Шомера, на некоем открытом ровном участке земли, в который вбетонированы четырехугольные плиты, и на каждом из таких бетонных настилов устраивается палатка на шестерых солдат. Обхождение очень грубое, щегольское, такое, знаешь, когда тебя как бы хотят этой грубостью щелкнуть по носу, вдавить в землю вместо бетона. Бегаем, строимся, роем, тащим, собираем, разбираем. С оружием я поладил. Меня нехотя, как бы делая одолжение, научили, как им пользоваться (предполагалось, что каждый должен дойти до этого своим умом, а кто не доходил, тому помогали издевками) - и я остался весьма доволен тем, как оно меня слушается, как оно отягощает мое плечо, как оно чистится и как оно иногда даже улыбается. Помнится, Ребе Раяц говорил, что точно выстрелить в цель - это умение, сообщающее цельность душе ("ногеа ле-шлеймут а-нефеш"). Это случайная игра слов - цель и цельность?

Ну, вот и все пока. Скоро впервые в жизни залезу в танк. Надеюсь, у меня не разовьется клаустрофобия.

Завтра у меня дежурство по палатке. Опять буду бедный. Вышестоящий чин будет тыкать меня носом, пышно бранясь, во все углы этого бетонного надгробия, пока я не вылижу рябую поверхность до гладкости фортепианных клавиш. Люби меня, милая. Я так страдаю. Здесь нет, как тебе известно, любавического кошерного мяса, и я, будто заправский каббалист, питаюсь лишь рыбой и овощами весь месяц, и столь же редко, как вижу мясо, допускаюсь в дом родной. Но ничего - пройдет тиранут, переведут в танки, а там подам на раввинскую комиссию, пройду экзамены... и мы перейдем на иной режим, будем, может, видеться с тобой каждую субботу.

Жди, приеду на Хануку, увидишь здорового мускулистого огрубевшего мужика, который по тебе очень соскучился. Скажи, среди ваших преподавателей в семинаре есть мужчины? Кто учит тебя по специальности, по фортепиано? Смотри, я стал простым и на расправу скорым. Рядовой, Маршал".

74. ГОНКА

Побывав у нескольких оптовиков, Эфраим Косовский мчался на своей "Хьюнде" как безумный, искренне желая себе быть подстреленным арабами на территориях либо сброшенным в пропасть столкновением с грузовиком... только побыстрее, чтобы

перестать испытывать все то, что держало его в напряжении уже несколько последних месяцев.

За Асей он следил всеми правдами и неправдами, точно знал, где она и что с ней происходит, а относительно себя самого понимал лишь одно: что он гибнет. Не отпустила его эта гнетущая тяжесть, не прекратилась самим фактом отторжения от него "доченьки", как он ее в мыслях называл. Может быть, думал он, она несчастна, может быть, она томится в своем учебном заведении, куда полудобровольно себя заключила, будто в темницу, и все это из-за его, Эфраима, нерешительности, неспособности порвать со своей семьей, принести все в жертву истинному - как он верил - и единственно-полноценному чувству.

Где-то на участке дороги, смежном с Азой, к нему на тремп попросился солдатик - молодой, высокий, с острым взглядом и не израильским, несмотря на смуглость, бородатым лицом. Косовский подождал, пока тот забросит вещмешок на заднее сиденье - багажник был полон коробок с образцами обуви - и, вытирая дворниками дождевые капли с лобового стекла, вдруг ощутил, что все это уже когда-то было. Была тяжесть мыслей об Асе, были дворники, и левый так же, как сейчас, припадал, прихрамывал, ползая по стеклу, и была сырость куртки усевшегося рядом солдата, холод, который зашел в кабину за тот краткий промежуток времени, пока дверца, открытая им, снова захлопнулась. И первый вопрос, который задал ему тремпист, тоже уже когда-то звучал. Все это было раньше - в реальности ли, в предощущении ли, но точно происходило, может, раз, а может, даже больше... только ушло и растворилось, чтобы теперь снова зачем-то проступить из небытия.

Вопрос - ответ, опять вопрос - опять ответ, несколько более подробный, располагающий к разговору. Ах, вы из России. Ну неужели не слышно по акценту. Да, я сам имею акцент, хотя покинул Россию очень давно. Вы домой на побывку? Да. Ну, конечно, Ханука. Купите дрейдл детишкам, если они у вас есть. Да я и собирался. Буду проезжать какой-нибудь торговый центр - заскочу, куплю. А кстати, вам нужен автобус на Кирьят-Шмона или сама Кирьят-Шмона? Мне нужен на самом деле Цфат, но в Цфат никто не едет, поэтому самое удачное будет доехать до остановки, где я смогу дожждаться автобуса на Кирьят-Шмона, а оттуда доехать до Рош-Пины, и там уже прямо на Цфат. Что вы говорите. А я как раз в Цфат. Неужели? Какая ашгаха пратит. Кто у вас там? У меня там дочь. Да? Да. Дочь-студентка. Я хочу ее провести. А кто у вас? Все: мать, жена, двое детей, слава Б-гу. Ну, в добрый час. Как ваша служба? Наша служба и опасна, и трудна.

Они въехали в пробку, стали частью всего того транспорта, который тягуче плелся, тыкаясь в размытые огни впередиидущих машин. Закурили. Радио, ни кем не слушаемое, забормотало о своем, потом стало передавать эстрадную музыку, взвинченную саксофоном, но звучащую приглушенно, интимно.

...Маршал был удивлен тем, что религиозный, судя по кипе, человек так беззаботно слушает нееврейскую музыку, как будто не ощущает, какой темной, плохой энергетикой наполняет эта любовная песня слушающего ее. Он, конечно, не мог ему указывать, поэтому решил воспрепятствовать хотя бы попаданию музыки в свои собственные уши - а достигалось это очень простым способом - мысленной концентрацией на словах "Тании" или "Теилим". Для вечернего времени больше подходила "Тания", так как "Теилим" после захода солнца и до полуночи обычно не произносят. И поэтому следовало заняться чтением какой-либо главы из "Тании", выученной наизусть, так как в машине было темновато для чтения.

Так он и поступил. Включил свое внутреннее световое табло, и на нем высветилось: "Глава 33. И вот в чем будет истинная радость для души, а особенно тогда, когда человек в какой-то момент видит, что душа его НУЖДАЕТСЯ в очищении и освещении радостью этой... в этом случае да углубит человек мысль свою и нарисует в своем воображении и помысле образ единства Б-жьего настоящего. И как это Он наполняет все миры, высшие и низшие, и даже землю всю эту наполняет Слава Его! И все пред Ним - как несуществующее вовсе! И Он - Един и наверху, и внизу абсолютно! Так же единственно-сущ, каким был до шести Дней Творения. И также в этом месте, где стоит сотворенный мир, - небо и земля и все наполняющее их, - был Он един, наполняя место это, - и так же ныне един Он, безо всякой перемены совершенно. Ибо все сотворенные аннулированы пред Ним в точности как буквы речи и мышления аннулированы в своем источнике и корне, то есть сути и сущности души, в 10 сфирот ее - хохме, бине и даат".

...Косовский повернул голову и увидел, что солдатик о чем-то задумался, а то, может, и задремал.

Жаль. Пока в пробке, могли бы поболтать. Ему вспомнилось, как иной раз в России в ночном поезде, в железнодорожном вагоне, мотающемся из стороны в сторону, изливаешь душу случайному собеседнику с легкостью и уверенностью, что никогда уж больше его не увидишь. Но Израиль - маленькая страна, и только наивный человек может думать, что его исповедь затеряется в складках памяти случайного попутчика. Не тут-то было. И попутчик не случайный, и память его - восприимчивая, еврейская, опасная память... и просторы за окном не российские, поглощающие своей бескрайностью и беспечностью, а считанные, выверенные, уставленные локаторами, утыканные военными базами, исчерканные арабскими ругательствами на мостах, оклеенные фотографиями Ребе Любавического, с его проникающим в душу, контролирующим взглядом. Тут - не расслабиться. Око Всевышнего, обостренное чувство опасности, раздражающее повторение фотографий Ребе: на каждом столбе, на каждом перекрестке. Да еще с подписью "Мошиах"! Косовский нервно постукивал пальцами по рулю, с тоской оглядывая нескончаемые ряды машин.

- Авария, - сказал вышедший из задумчивости солдат, кивком головы указывая в сторону фиолетовых огней полицейских машин, скапливающихся на месте происшествия.

- Ашем язор, - привычной ивритской формулой отозвался Косовский.

...Добрались до Цфата глубокой ночью и, само собой, водитель вдруг вспомнил, что беспокоить "дочь" так поздно не стоит, и поднялся вместе с солдатиком по ступенькам грязенького подъезда, чтобы переночевать в его доме. Маршал заподозрил, что что-то не так в репликах и реакциях его спутника, немножко странный, будто без вина пьяный...

Галя устроила ему постель посреди салона, на диване... тихо зажгли первую ханукальную свечу, спели "А-Нейройс" и легли спать. Перезарядив свой телефон, Косовский сумрачно и кратко дал знать жене, что где-то застрял и что образцы товара подвезет только завтра во второй половине дня.

Ася, закончив дежурство на кухне Махона, ушла к себе в комнатку. Сидя на полу, она принялась срисовывать с фотографии контуры сводчатого потолка и свисающую лампаду - так, по ее мнению, могла выглядеть синагога 16 века, которую требовалось изобразить на заказанной ей иллюстрации к очередной книге ее подруги Эстер о цфатских каббалистах.

Порисовав и оставшись довольна, с примесью, впрочем, легкого чувства раздражения, как всегда бывает при незавершенной работе, она решила выйти, пройтись по городу, заодно купить оливкового масла для ханукальной меноры.

Косовский увидел ее из машины, находясь в которой, выжидал уже час-другой возле Махона.

Он был уверен, что, если только позовет ее, даст знак - она по старой памяти подчинится, быстренько окажется в его машине. Ну, а там уж разберемся. Поговорим о жизни.

Ася разглядела машину и сидящего в ней Эфраима, от страха выронила бутылку с маслом, которая грохнулась о каменные ступени, и твердым быстрым шагом пересекла улицу и вошла в фотоателье.

Он немедленно выскочил из машины и с самодовольным видом проследовал туда же.

Поскольку хозяйка фотографировала клиентку за стеной, изображавшей лес, то на Асю, рассматривавшую альбомы под стеклом, и ее преследователя никто не обратил внимания.

- Что же это ты? А? Совсем зазналась?

- Слушайте, идите отсюда. Вы не должны были...

- Обижаетесь.

- Я не собираюсь вас обижать. Вы не имеете ко мне никакого отношения.

Она сказала это очень твердо и отстраненно. Он изменился в лице - а что он мог еще сделать? хватать ее за руки, тащить куда-то? конечно, нет... - и только неприязненно проронил:

- Не ожидал я такой встречи.

- И хлопнул дверью - вернее, хотел, скорей всего, хлопнуть, но она была вертящаяся, поэтому только протолкнулась с силой.

Ася осталась в приемной ателье одна. Из-за занавески раздавались указания женщины-фотографа: "Поднимите подбородок, посмотрите влево..."

Выйдя на улицу, Ася быстренько добежала до Махона, не глядя по сторонам. Поднялась в затененный дворик и почувствовала себя в относительной безопасности. Вспоминая имевший место эпизод, с трудом преодолела тянущий холодок страха, но в то же время как бы с высоты посмотрела теперь на всю ситуацию, вспоминая изученное в "Законах о тшуве" Рамбама. Там говорилось, что тшува считается завершенной и подтвержденной, если человек прошел такой экзамен: видел ту же женщину, что ввела его в грех, был так же здоров и полон сил, и тем не менее воздержался от запрещенного. Такое испытание только что было предложено ей: некогда любимый человек вдруг всплыл на горизонте, явно чего-то от нее хотел, а она вон как его отшила. Значит, ее тшува - настоящая.

Или просто лицо его огрубело, стало красноватым и каким-то сатанинским, вовсе не привлекательным.

Или же она поднялась на более высокий уровень, посмотрела на него другими глазами.

Вообщем, одно из двух сработало - однако факт, что испытание она выдержала.

Надо будет сказать об этом учительнице, Эстер Герцог. Или старшей подруге, Гале Береговой... Или хоть кому-нибудь. Чтобы похвалили, поддержали. Дали медаль за хорошее поведение.

А впрочем, зачем???

75. ДОМА

...Зажгя в тот вечер два ханукальных огня, Маршал сидел с детьми возле меноры и пел с ними песню.

"Странный человек довез меня тремпом до дома", - промелькнуло воспоминание о вчерашнем. Он не имел обыкновения рассказывать Гале о чужих подмеченных им странностях, да и не до того было в первые дни, проведенные дома. Он заметил, что Галя, пока его не было, научилась быть совсем самостоятельной, даже как бы самодостаточной. В ней появилось что-то совершенно новое, и это новое тревожило и волновало его. Во-первых, она преуспела в поддержании своей красоты, ставшей более отчетливой и неугасающе-стройной... во-вторых, она больше не напрягала его, не требовала от него чего-то срочного - дом и без его помощи содержался в полном порядке, счета были вовремя оплачены, мальчики одеты и ухожены, еда приготовлена к положенному часу. Отъезд Мирры Александровны, вернувшейся той осенью в Россию, никак не отразился на ведении домашнего хозяйства, с которым Галя справлялась очень спокойно и с внутренним ощущением власти над своим временем и своими задачами.

У нее появились свои деньги - бросив семинар, нашла работу с помощью "Керен Карев", организации, объединяющей школьных музработников, и совсем неплохо устроилась на полную ставку сразу в две школы. Поговаривала о своем желании сдать на права и купить машину. Маршал был очень удивлен этим ее неожиданным имиджем - взрослая, красивая, собранная женщина, финансово независимая, вполне устроенная. Его влекло к ней, как никогда раньше, он ревновал ее беспочвенно и оттого особенно жгуче. Близость с ней не могла быть достигнута, не пришел еще заветный день, - а он уже был тут как тут, приехавший на побывку муж, и просто не знал, что с собой делать. Когда наконец он дождал до ее возвращения из миквы, то в его обращении с ней уже не было ничего покровительственного, снисходительного, как прежде. Он, побежденный, сдавался на волю победителя, на ее волю, и она впервые ощутила свою немалую власть над ним.

...Деточки так заметно выросли, у Янкеля появилась новая манера выражаться по-русски, калькируя ивритские обороты, например - "мама, подними телефон" вместо "подними трубку" или "я в середине молиться!" вместо "я сейчас занят молитвой" - стал таким забавным маленьким израильтянином, строгим к младшему братику, серьезным в соблюдении мицвот, с огромным уважением цитирующим своего меламеда:

- Мама, меламед сказал - кто хочет быть святым, должен перед сном ставить воду и тазик у кровати... Мама, я хочу быть святым! Давай я поставлю всем кружки и тазики!

А Менди еще ходил с хвостиком, как девочка, личико его было нежное и гладкое, глазки голубые, полный набор молочных зубов. Перед отъездом Маршал помнил у Мендика совсем маленький словарный запас: мама, папа, я, дай, нет, ать (гулять), мим (маим, вода

на иврите), и еще несколько таких же трогательных словообразований. А сейчас малыш болтал вовсю.

Маршал навел необходимые справки среди хабадников с опытом армейской службы и узнал, каким образом можно стать армейским раввином. Составил себе программу, добился согласия у нескольких авторитетов Алахи по прошествии времени проэкзаменовал его. Закончилась Ханука, а Галя даже ни разу не сыграла ему ничего на пианино... По той простой причине, что и пианино-то у них дома не было. Спасибо друзьям, хотя бы простейшей мебелью обросли, обзавелись старым холодильником, подержанной и откашерованной плитой, а стиральную машину даже купили совсем новую, со скидкой для олим.

- Я совсем другой теперь, - говорил Маршал, прощаясь с Галей, - правда?

- Да, миленький, ты такой, каким всегда, наверно, мечтал быть.

- Знаешь, я так люблю это ощущение подтянутости, хорошей формы! Семь лет сидячего образа жизни меня просто достали. Армия - это классно. Только одно мне пока не удалось там наладить...

- Дай-ка я угадаю. Это не мясо, про мясо ты бы не стал упоминать... Может, книга? Тебе хочется опять писать? Да?

Он улыбнулся, взял ее руку, пожал по-дружески.

- Ошибаешься.

- Ну, а что тогда?

- Влиять на людей. Вот чего мне не хватает. Я в положении подчиненного, и в этом есть своя новизна и прелесть. Но если бы кто-то обратился ко мне со своей проблемой, попросил открыть "Игрот Кодеш" и помочь принять какое-нибудь важное жизненное решение - ох как я был бы рад.

- И что же, никто к тебе не обращается?

- Представь себе.

- Ну, начни с кем-нибудь дружить сам. Он взвалил на плечо сумку.

- Не получается. Не те нравы. Я начал было вступаться за паренька, которого все заклевывали, но вдруг оказалось, что он... с инверсией, голубой... естественно, у меня тут же пропало всякое желание спасти его от насмешек.

- Ужас. А когда тебя переведут в ту часть, где все религиозные?

- Скоро. Давай, лапочка, я пошел. Сэндвич ты мне положила?

- Да... Он двинулся к двери, она вздохнула, но не хотела его, нагруженного очень тяжелой на вид заплечной сумкой и с плечом, оттянутым автоматом, задерживать долгими объятиями. Да и сколько ж можно обниматься...

76. ПИСЬМО ОТ РЕБЕ

Эфраим Косовский, перестав гоняться за Асей и выслеживать ее, провел последующие часы того дня на могилах древних цфатских праведников, логично рассудив, что, если не получилось согрешить, то, значит, так оно и лучше. Добрался до миквы Аризала, погрузил свое грешное тело в ледяную воду, скопившуюся в выемке родника, обрамленного наростами зеленого мха. "Кто окунется в микву Аризала, не умрет без тшувы", - говорили об этом месте. Но ему мало было знать, что где-то незадолго до окончания жизненного пути позволит ему Б-г сделать тшуву. Ему надо было приобрести душевное здоровье прямо здесь и сейчас - иначе невыносимо тащиться по жизни, да и ни к чему.

Он Асю сделал религиозной, так получается. Парадоксик: а кто же сделает религиозным его? Таким, чтобы по-настоящему любить Б-га, Тору, заповеди, собственную жену? Он не знал. Ощущал себя отделенным от Б-га железной стеной. Он понимал, что при своем бычьем здоровье может протянуть на этом свете еще лет так сорок, и чем же они будут наполнены? Ну, купит он еще сотни партий обуви, ну, продаст с разумной прибылью. Пожертвует маасер на синагогу, выбьют его имя на табличке спонсоров... Ну, вырастут дети, покинут дом. Две дочери уже сейчас на выданье. Много, много дней предстоит ему: дальних и близких дорог, сделок, купюр, разговоров, вечерних выходов с красавицей-женой на бар-мицвы и свадьбы.

Г-споди! Зачем??? Зачем это все? Ведь его сердце не задействовано, не участвует ни в чем происходящем... Только рассудок - да и то не целиком, а лишь поверхностная часть его - контролирует ситуацию и пока что, слава Б-гу, сбоев не дает. Автоматический контроль над происходящим.

...Жена страдала, разумеется, тоже, но ей хотелось верить, что измена его ей была лишь временной, что все кончилось - и она принимала это на веру, поскольку и он сам по доброте ей это внушал.

Может быть, так и продолжать? - думал он, одеваясь. - Врать ей, игнорировать собственную сердечную боль, тоску, разыгрывать роль довольного своей жизнью супруга? И что тогда? Он получит за это какую-то награду? Когда? На том свете?

Миква Аризала. Аризал - основатель лурианской каббалы. Неужели он все знал, этот каббалист? У кого какие души, сколько раз спускались в мир, что исправили, что не успели...

Ребе Любавический... Считают его Мошиахом. Молодежь в основном. Аська вон тоже хабадница теперь. По радио какой-то Элизер Герцог вещает: "В книгах Любавического Ребе Короля Мошиаха вы можете найти ответы на любые жизненные вопросы..." А его, Косовского, дед и бабка молоко доставляли прежним Любавическим раввинам. Тоже там, под Витебском, жили. Династия-то у них хасидская, только он вот модернизировался, в большой бизнес выбился. Ну, и доигрался.

...Нет, выхода просто не существует. Надо будет тянуть ляжку. Заставить себя как-то прожить эту жизнь, причем с минимальным ущербом для окружающих. А Аська все-таки молодец, не пропала, по крайней мере. А каким взглядом его

только что смерила! Как будто он исчадие ада! Ну, может, он такой и есть...

На выходе из миквы к Эфраиму подошел дежуривший возле сефардской синагоги Аризала молоденький хабадник, протянул листок бумаги, застенчиво предложил:

- Вы хотели бы написать Ребе?

Тот отказался, но стало ему жаль мальчишку, и он сказал, что готов купить у него один том переписки "Игрот Кодеш". Купил книгу за сорок пять шекелей, сел возле машины - и открыл, не ожидая ничего. Глаза его побежали по строчкам:

- С огорчением узнал о его плохом состоянии духа и отчаянии, связанном с отрицательными моментами поведения... Однако известно постановление Рамбама о необходимости служить Б-гу в радости... Если мы показываем Всевышнему свою радость и воодушевление, то и нам Сверху будет явлена настоящая радость... А то, что вы пишете, будто между вами и Б-гом существует железная стена - знайте, что между евреем и Творцом никогда не может быть такой стены... Уместно напомнить в связи с Ханукой указание нашей Торы, Торы жизни, о том, что каждый еврей подобен свече и должен освещать мир. Относительно же конкретных шагов вам следует посоветоваться с армейским раввином, знакомым вам... С благословением, М. Шнеерсон.

"С каким еще армейским раввином? Не знаю никакого армейского раввина" - подумал Косовский. Он, однако, уже ощутил истинность того, о чем говорилось в письме, релевантность именно по отношению к нему, а не только по отношению к человеку, изначально это письмо получившему (как странно! его тоже, судя по сноске, звали Эфраимом!) - и невольно ожидал, чтобы все и дальше совпадало с реальностью, до малейших деталей. Книга действительно была волшебной. Он никогда не встречал таких книг, чтобы вдруг, ни с того, ни с сего, раскрывались бы как раз на нужной человеку странице и содержали в себе исчерпывающее описание его ситуации... Поэтому упоминание об армейском раввине, никак не объяснимое, его смутило. Он поискал записную книжку, чтобы полистать ее, просмотреть фамилии и род занятий различных своих знакомых. И вдруг вспомнил, что как раз ее-то оставил на журнальном столике у дивана в той семье, где сегодня ночевал.

В доме бородатого солдата в Цфате.

77. АРМЕЙСКИЕ БУДНИ

Галя, когда убирала квартиру, нашла под диваном записную книжку и позвонила по указанному там номеру владельца уже после Хануки. Эфраим же в разговоре интересовался не столько телефонной книжкой - почти вся информация имела у него и так на портативном компьютере - сколько координатами ее мужа: где он служит, когда в следующий раз приедет на побывку. Взял номер его сотового телефона и вскоре, незадолго до начала шабата, прозвонился к нему.

Маршал, начавший службу в танковых частях, был, как обычно в канун шабата, занят стиркой своих личных вещей и мыльной рукой поднес телефон к уху. Сначала ничего не понял - кто звонит и зачем. Потом, услышав слова: "Игрот Кодеш", проявил самый горячий интерес к собеседнику. Живо припомнил своего недавнего знакомого. Эфраим попросил о личной встрече, и Маршал сказал, что

поедет домой где-то через два месяца.

- Вы знаете какого-нибудь серьезного армейского раввина, с которым я бы мог посоветоваться? - спросил Эфраим с несвойственной ему робостью. - Мне Ребе так написал в письме. Но я никак не связан с армией...

Маршал с волнением осознал, что Ребе уже присылает к нему людей, дает его координаты посредством книги "Игрот Кодеш" тем, кто нуждается в его влиянии.

- Я намерен учиться на армейского раввина. Это как раз цель моего пребывания в армии. Но, если вам угодно, могу переадресовать вас к другому, более старшему и уже работающему в этом качестве...

- Нет-нет, - возразил Эфраим, вспомнив необычное чувство понимания и симпатии, которое испытывал к этому солдатику, пока вез его до Цфата, - я с удовольствием поговорю именно с вами.

...За зиму Маршал порядочно поконфликтовал со своим армейским начальством. Танки, конечно, это хорошо, но быть в нерелигиозном окружении и испытывать все неудобства и ограничения плохонького армейского кашрута становилось уже в тягость. Изначально ему было обещано, что сразу после тиранута его переведут служить вместе с религиозными танкистами, а между тем перевод все откладывался. Он просил, чтобы выработали четкий план - когда и на сколько времени его отпустят учиться в йешиву и какого рода рекомендации нужно будет представить, но чиновники в ответ на это вообще отмахивались, говорили, что, пока не пройдет девять месяцев со времени мобилизации, нечего и мечтать о йешиве.

- Хочешь быть вместе с бенишами, с кошерлокуйниками? Пожалуйста! Хоть со следующей недели, - ехидно сказал секретарь в военной форме. "Бениш" означало "бней йешивот", а "кошерлокуйник" было групповое название всех, кто имел тот или иной изъян - очки, плоскостопие и прочее легкое небоеспособие, либо же был единственным сыном в семье.

Как и во многих других сферах жизни в Израиле, понятие "религиозный" в армейских кругах связывалось с неполноценностью, ущербностью, неспособностью или нежеланием дать что-то обществу. Естественно, Маршалу не хотелось вливаться в ряды этих очкариков-шлемазлов, вызывающих насмешку снисхождения даже у штабистов, хотя и он был единственным сыном у своих родителей и мог бы представить соответствующие справки.

Время шло, марш-броски по пустынной местности, ночные подъемы и перетаскивание всех походных принадлежностей, включая палатки и тяжелое оборудование, оставляли ему все меньше силы воли думать о чем-то ином, стремиться к высокой цели... Стояли в Ливане. По шабатам учений не было, народ балдел, врубал музыку, курил, писал открытки девочкам и мамам. Любители философских разговоров тусовались поближе к Маршалу, задавали все те же, что он слышал и в Ростове, вопросы: а как же, если Б-г есть, динозавры?.. И как быть с наукой? А почему была Катастрофа? Куда Б-г смотрел? А отчего бы Б-гу не убрать антисемитов подальше? И еще звучал один чисто израильский вопрос: А почему религиозные не служат в армии и вообще наживаются на трудовом народе?

Маршал научил повара делать вкусный гефилте фиш и в субботний вечер изображал нечто вроде кидуша с трапезой для всех желающих. Но лучше всего было сидеть у костра на исходе шабата (иногда это время было свободным от учений). Ребята думали, он будет их к чему-то призывать, за что-то агитировать. А он двум-трем, осмелившимся подойти поближе, начал тихо отвечать на их вопросы, и тогда стало интересно остальным. Увидели, что есть с кем пообщаться, и от нечего делать уставили свои глаза на него.

- А вот Ребе своего вы почему Мошиахом называете? - забросил кто-то вопросик. Да не кто-то, а ленивый, вечно подгоняемый старшиной Цион. Маршал, зная, что подобная спорная тема может пустить под откос весь создавшийся добрый микроклимат, возразил доброжелательно и спокойно:

- Зачем же сразу прыгать к вопросу о Ребе. Есть много других законоучителей - Моше-рабейну, Йеошуа, пророки, Шломо-а-Мелех, мужи великого собрания, танаим, амораим, геоним... Рамбам, наконец. Разве с ними вам все понятно? - он с серьезным видом оглядел публику.

Ребята загоготали, переглядываясь.

- А "Шулхан Арух" уже полностью от зубов отскакивает? А как насчет Баал-Шем-Това и его учения?.. Вот что я предлагаю: давайте покроем прежде весь этот материал. И только потом, если еще останется вопрос насчет Ребе-Мошиаха, отвечу и на него.

- Ну, это долгая история, - разочарованно подал голос Цион.

- Тише едешь - дальше будешь. Ямщик, не гони лошадей. Разве тебя кто-то подгоняет?

- Да он Рана боится! - кто-то сострил, намекая на каждодневную ругань старшины в адрес медлительного Циона, и эта сногшибательная острота была встречена дружным хохотом. Цион обиженно поджался.

- Заткнитесь, я хочу послушать, что мне тут будут отвечать! - с важностью изрек он и, встав с ящика, пересел поближе к Маршалу.

...Когда-то, много лет назад, в фараонском дворце жил еврейский мальчик. Он был найден дочерью фараона еще младенцем, когда плыл в корзиночке по водам великой реки Нил. Дочь фараона вошла в воду, чтобы достать корзиночку, и внезапно рука ее удлинилась...

- Как выдвигное дуло орудия? - спросил Арье-наводчик, парень с грузинским акцентом, закрепленный за тем же танком, что и Маршал.

- Ну да. Точно. Рука ее удлинилась на два метра и достала корзиночку с младенцем. А злые служанки, пытавшиеся помешать ей в этом и отогнать корзиночку вниз по течению, одна за одной потопили в илистой, Нилистой воде. Малыш закричал - и голос его при этом звучал, как у взрослого ребенка. Принцесса открыла корзиночку и увидела, что на самом деле он совсем крошечный. Он был обрезан, но вряд ли ее это удивило, так как египтяне при Иосифе также подвергались процедуре обрезания... Она попыталась покормить ребенка,

названного ею "Моше", молоком египетских кормилиц, но он только надрывался от плача и не хотел его пить. Тогда ей пришлось в голову вызвать для него еврейскую кормилицу. У еврейской кормилицы он наконец-то насытился. Так получилось, что эта женщина была Йохевед, его родная мать. Так она и осталась при дворце в должности кормилицы собственного сына и, наверное, получала за это зарплату. Тем временем астрологи увидели по звездам, что опасный для государства мятежник, который должен был родиться у евреев и гибель которого должна была наступить из-за воды, - уже родился и уже угодил в воду, где, по их предположениям, и нашел свой конец.

Еврейских младенцев перестали забирать у матерей и бросать в Нил...а Моше с тех пор жил и воспитывался во дворце фараона.

Когда он подрос, фараон однажды увидел, как он забрался на трон и начал примерять корону. Придворные опасливо заметили, что мальчишка слишком много о себе понимает. Некоторые объясняли его интерес к короне и трону его опасным умом, а другие видели в этом лишь проявление ребячества.

Было решено проверить, умен мальчик или глуп. К нему поднесли две чаши - одну с раскаленными угольями, другую - с золотыми монетами. Он, будучи смысленным еврейским ребенком, потянулся было к золоту, и тем самым чуть было не навлек на свою голову беду - однако вовремя вмешался ангел, невидимой рукой отдернувший руку Моше от чаши с золотом и сунувший ее в чашу с угольями. Более того, он заставил Моше набрать пригоршню угольев, взять их в рот и обжечь губы и язык.

Тем самым жизнь его была спасена. Фараон, довольный, обернулся к придворным и заявил - видите, мол, он совсем дурачок, не наговаривайте на него зря.

И вот почему Моше-рабейну всю жизнь изъяснялся с большим трудом, так что за него говорить приходилось хорошо понимавшему его речь брату Аарону.

- Так Моше-рабейну тоже считался бы каф-ламедом, если бы его взяли в ЦАГАЛЬ! - изрек подошедший старшина.

Но никто особенно не обратил внимания на его слова. Завтра он снова будет маленьким царьком. А сейчас, в свободное время на исходе шабата, можно пока игнорировать его, расслабиться, забыть про почти египетский гнет и рабство.

- Так интересно мне никогда никто Танах не рассказывал, - с грузинской задумчивостью произнес Арье, - хотя я школу здесь заканчивал.

- А все это на самом деле происходило? - недоверчиво спросил Цион.

- Вы ешьте, ешьте, ребятки, - сказал Маршал, вынимая из костерка картошку. - Я знаю, вам трудно поверить. Ну, и не надо, не напрягайтесь. Позднее, когда мы с вами проследим всю еврейскую историю от Дарования Торы до наших дней, у вас сложится цельная картина, и тогда вы решите, верить вам в это или нет.

...Все бы хорошо, но целиком намеченный план осуществить не удалось, довел он свое еженедельное изложение еврейской истории лишь до конца периода пророков. Дело в том, что слухи о влиянии Маршала на молодые умы дошли до штаба, и тут,

дабы пресечь его успешную разъяснительную работу среди солдат, начальством было в срочном порядке решено удовлетворить его давнюю просьбу и перевести его к религиозным танкистам. Да, вообще, это и было милосердно по отношению к нему, потому что однажды, когда он заходил на кухню, чтобы посмотреть, все ли исполняется согласно его указаниям, к нему подобралась сзади беззастенчивая девушка-связистка и попыталась заключить его в объятия, за что была немедленно отброшена на мешки с рисом и испепелена страшным взглядом - однако же происшествие возымело свое действие на его эмоциональную сферу, и Маршалу стало очень трудно сохранять свой статус-кво в такой обстановке.

Слава Всевышнему, его перевели к "своим", к собратьям по Торе и по исполнению заповедей, хотя, в сущности, все евреи являются в идеале таковыми...

Экипаж танка включал, помимо него, еще троих ребят, все они были мизрахисты в голубеньких кипах, эсдерники из йешивы "Нахалим", славные и нежные в обращении молодые люди. Они, конечно, тоже любили придуриваться и резвиться на воле, но в сравнении со своими неверующими сверстниками были образцом благородства даже в шалостях и балагурстве. Маршалу дали функцию командира танка - то есть человека, который в случае чего покидает машину последним и обладает рядом других драматических привилегий. Почему именно ему? Потому, наверное, что он перешел сюда из "нормальной", нерелигиозной танковой части - и в соответствии со сложившимся стереотипом считался более хорошо обученным, нежели местные, "датишные".

Им, этим датишним ребятам, не надо было рассказывать про Моше-рабейну, они знали Хумаш и вообще Танах с комментариями гораздо лучше, чем Маршал. Но вот о Моше нынешнего поколения, о Любавичском Ребе, они понятия не имели. Вернее, имели, но крайне узкое и примитивное. Не подозревали о том, что Ребе является лидером всего народа Израиля. И Маршал пользовался самыми разными случаями, чтобы им это продемонстрировать. Правда, поступил опрометчиво, слишком рано выдав свои убеждения - товарищи сразу поняли, что он "хабадник саруф" (пламенный, горящий) и отшатнулись от явной его непреклонности, не захотели воспринимать его идеи. В их кругах это было непрестижно - принимать на веру чьи-то убеждения. У них были свои цадики, "бабы" (в Израиле это слово обозначает сефарда-каббалиста), рош-йешивы, и даже один кандидат на звание пророка, некто из Бней-Брака. К Хабаду они относились как к политической партии, очень, впрочем, симпатичной и чистой от дрызг. Знали, что хабадники раздают пончики на Хануку и подарки на Пурим, что они очень веселые, что Ребе у них - великий человек и даже Мошиах. Но все это вызывало в них некоторое смятение.

...И Маршал понял, что в споры вступать бесполезно, и в каком-то смысле замкнулся в себе. Пока один из эсдерников не попросил его однажды по дороге в столовую - "Помоги мне разобраться с Сихой... Я пытался прочесть те листы, что ты нам как-то раздал. Но мне многое непонятно..."

И они устроили маленький урок вдвоем в ближайшую субботу. Парень - его звали Дан - добросовестно пытался уразуметь, что за удивительные, глобального характера, заявления делает Любавический Ребе в своих Беседах (Сихах). Он как будто подводит итог всей мировой истории! Провозглашает наступление совершенно нового этапа в развитии человечества! Откуда он это знает? Кто дал ему эту уверенность в абсолютной истинности его слов?

Маршал, вне себя от радости, предоставил Дану самому читать и понимать другую Сиху - о разоружении, о создании ООН, об исполнении древних пророчеств, об особой задаче нашего поколения. Ожидал новых вопросов... Но Дани вдруг сам все понял. Он произнес: "Почему же вы, хабадники, не распространяете эту информацию для всех? Вернее, почему занимаетесь этим так мало? Слова Ребе действуют лучше чьих бы то ни было объяснений. Я чувствую, что я должен тоже подключиться к этой работе. Это просто потрясающе. Это знание открывает новые горизонты во всем".

Историю хабадского движения - от первых его ростков в учении Баал-Шем-Това до полного оформления огромной по мощи организации - Маршал рассказывал уже не только Дану, а и еще нескольким присоединившимся к ним молодым людям. Споров на сей раз не возникало, так как инициатива общения не исходила от Маршала - самим ребятам хотелось узнавать от него информацию, и поэтому они не прерывали его никакими проявлениями недоверия. Он начал с описания групп нистаров, с перечисления особенностей их служения Б-гу. Затем раскрыл этапы расширения их влияния на массы и Баал-Шем-Товский подход к Иудаизму вообще. От Магида перешел к Алтер Ребе, к знаменитому примеру с заболевшим принцем, который обычно рассказывают на Йуд-Тет Кислев. Еврейский народ нуждался в раскрытии тайн Торы, каббалы, хасидизма, а тайны эти были за семью печатями, и только с огромным трудом, через самопожертвование, удалось лидерам хасидизма "выбить" Сверху разрешение на их распространение. Семь Любавических Ребе соответствуют семи Б-жественным атрибутам, СФИРОТ. Последний, нынешний, Ребе - это Мелех в своем максимальном проявлении. Это - завершение всего процесса, обещанный Всевышним финал. Небесные тайны спустились вниз, на землю, озарили жизнь людей, способствовали технологическому прогрессу, который облегчил и сделал комфортным также наше материальное существование (как сказал Набоков - "доброта так заразительна, что в нашем веке она стала даже передаваться металлу", - появились добрые механизмы, полезные машины, и все это - параллельно все большему раскрытию духовного света Мошиаха)...

- Вот оно что, - заметил один из слушателей, - значит, прогресс - это не плохо! А я просто не мог понять, как это: мы, религиозные, все время нападаем на телевидение, ругаем прогресс, науку - и в то же время пользуемся многим из того, что ею открыто. Это было противоречие, которому я не находил объяснения. А оказывается, и в этом виден Мошиах!

О своем писательстве Маршал не забывал. Когда в том году начались первые в его жизни танковые учения, то ощущение замкнутого, гнетущего, пещерного пространства действительно вызывало некоторый страх. Глухо, как в танке. Однако как только он привык ко всем производимым действиям и научился согласовывать их с экипажем, мысль его расширила границы тесного пространства и стала все чаще выходить и пастись на пастбищах, полных сочной и густой травы фантазий. Снова стал приходить Гоголь, и был он такой грустный, что Маршал пожалел, что, наверное, обидел его при встрече в Ростове. Целью Гоголя в последний период его жизни было заключить нравственные образцы, диктуемые Торой, в плоть и грань живого творчества, но он в этом не преуспел, потому что не знал радостного и красивого хасидского подхода к реальности. Он хотел соединить мораль Б-жественную с повседневной жизнью, а для этого полагал нужным художественно ее донести до читателя. Получалось, что он давал своему искусству целевую установку. По словам Набокова, идеи не есть истинный предмет

литературы, и, будучи сведена к идеям, литература утрачивает свою принадлежность к истинному искусству. Вот в чем была его ошибка. Он, Маршал, такой ошибки делать не хочет. Он вполне согласен с Набоковым, что, лишь "дав себе волю порезвиться на краю глубоко личной пропасти" и открыв все каналы сверхсознательного самовыражения, можно прийти к созданию того, что называется художественным текстом.

В Толстом происходила борьба между двумя правдами - правдой Б-жественной, которую он воспринимал через искажающую линзу христианства, и правдой Земной, (которая, несомненно, тоже от Б-га), выраженной в искусстве. Только хасидский подход способен объединить эти два проявления Б-жественной воли, вернее, просто снять ту накладку, которая создает иллюзию, будто тут есть двойственность, и, убрав помеху, дать ярко брызнуть одному-единственному лучу. Б-г один, воля Его едина. У Толстого противоречие не снято, наоборот, прелесть его творчества - в испытываемом им конфликте, в динамике внутреннего чувства. Это - тоже путь. Но Маршалу этого мало, он будет двигаться дальше, не удовлетворяясь конвенциональными достижениями толстовского мастерства.

Далее - открытие сюрреализма как нового метода и затверждение его как школы. Автору нечего сказать, и он изящно осуществляет выброс безадресных импульсов и энергий в безвоздушное пространство. Каждый может вообразить что угодно, читая этот не подчиняющийся никаким правилам поток сознания. Вопросы: как быть? что делать? как служить Б-гу? - на этом уровне вообще не звучат и, быть может, даже не существуют. Ошибочным этот путь нельзя назвать уже потому, что это вообще не путь. Это некое физиологическое отправление, пытающееся прикинуться отправлением почтовым.

На этом более-менее исчерпывают себя известные Маршалу попытки просвещенного человечества превратить свое земное существование в Б-жественное посредством литературы.

Есть особый вид литературы - записи раввинов и каббалистов, раскрывающие с помощью кодовых понятий атрибуты Б-га и Его проявления, тончайшие процессы взаимодействия и взаимопроникновения энергий Творца и Сотворенного. Это - так называемые Маамарим и Сихот, Ликутей Амарим и Ликутей Дибурим, то есть собрания речений, бесед, статей и тому подобного. Это - крупнейшее завоевание передовой еврейской мысли, ее аванпост, граничащий с иррациональным прозрением, великий функциональный пласт, который необходимо ввести в сознание всего человечества, ибо именно так оно обретет общий язык с Творцом.

Однако это не есть собственно литература, это совершенно другой вид, и близко не лежащий к области искусства. Так же, как и сама Тора, это, фактически, - прямая речь Б-га, Его внутренний диалог, он же монолог, он же симфония, нечто нескончаемое и, соответственно, не начинающееся, а лишь проглядывающее к нам на Землю голубым своим оком, как небо, явленное частично в проруби разошедшихся облаков или... в отверстии танкового люка.

78. РАЗБИТОЕ СЕРДЦЕ

Пока Бенни и Зоара Вайс обосновывались в грязном индийском селении Пума, Володя с Гитой думали о переезде из Кишинева в Сидней, а Маршал ехал в танке по обнесенному колючей проволокой побережью и размышлял о литературе, в очень

чистеньком немецком городишке под присмотром трех хабадских раввинов прошли гиюр два простых станичных парня - Брыль и Мантула.

Их много и долго обижали самыми различными недоверчивыми вопросами, их отталкивали под самыми разными предложениями, им даже пришлось на каком-то этапе скрыть свою уверенность в том, что Любавический Ребе и есть праведный Мошиах... однако в конце всего этого мучения их ждало желанное присоединение к еврейскому народу, сделавшее их совсем незаметными в той черно-белой хасидской толпе в Севен-Севенти, куда они вдвоем не преминули съездить на Хануку.

Большой и добрый спонсор Рами Антиан дал много денег, чтобы евреи всего мира смогли в ту Хануку посетить Ребе. Для женщин была организована конвенция - на нее удалось попасть Гите вместе с другими находившимися в шликхуте хабадницами - а парням из йешив и прочим приезжим, как обычно, предоставлялась возможность гостить у местных жителей и принимать участие в мивцоим и крупномасштабной программе, известной под названием "Тора-фон", или марафон Торы. В ханукальных мицва-танках Брыль с Мантулой объездили пол-Нью-Йорка и даже побывали в других городах США и встретили там множество русских евреев. Гордые принадлежностью к армии Ребе, они отправили Маршалу сделанные во время этой кампании снимки, подписанные девизом: "Мы тоже танкисты!"

Наконец-то состоялась трепетно ожидаемая Эфраимом Косовским встреча с армейским раввином, который еще на самом деле таковым не стал, но уже заканчивал боевую часть своей армейской подготовки. Эфраим захватил его по пути с военной базы на побережье и справедливо полагал, что три с половиной часа, которые они проведут в дороге, могут быть использованы им для того, чтобы рассказать этому молодому человеку о тех проблемах, которые отягощают его семейную жизнь.

Маршал впервые за много недель видел вокруг себя цивилизованный мир, мир штатских, беззаботных людей, делающих что им хочется, не знающих никакой субординации, никакого форменного и брезентового однообразия...

Израиль слегка покрывался налетом цветения - белого, фиолетового, розового. Зима расплывалась в последних прозрачных дождях, облачное небо весь день обещало порозоветь, а закат успевал выполнить это обещание, разорвав скопление тяжелых туч и в последний миг солнечного присутствия окрасить весь край судорожным малиновым лучом. Начавшиеся по ходу следования горы обволоклись красноватым туманом, столь же внезапно потемнели, похолодели и остались позади машины, смененные уродливым рекламным щитом трэфного "Мак-Дональдса".

- Успеем помолиться "Минху"? - спросил Маршал.

Эфраим кивнул, поставил машину на стоянку у бензоколонки, подал ему Сидур.

- Спасибо, у меня есть свой, - ответил Маршал.

Они начали молиться, обращенные лицами к юго-востоку. Эфраим молился как человек, который знает, что все это от него очень далеко и что тем не менее он обязан молиться, ничего не чувствуя, никак себя не отождествляя с высказываемыми им словами и просьбами. Маршал молился спокойно, ощущая Б-га

очень рядом, вкладывая в приведенный в Сидуре текст значение и ощущение, соответствующее нынешнему дню с его особыми трудностями и задачами и поэтому ожидая от Всевышнего реакции именно на этот актуальный момент. Был, конечно, и в его молитве элемент автоматизма, но наслаждение от произносимых слов не уменьшалось от непродуманности их произнесения. Он ощущал это наслаждение на губах, на кончике языка, на вкусовых рецепторах, расположенных во рту. Наверное, физиолог мог бы дать объяснение подобному феномену. Однако это факт - молитва вкусна.

Эфраим закончил и выжидательно прислонился к машине. Наконец-то. Молитва была трудна ему. Он не находил в ней решительно ничего. Только покаянная часть ее в какой-то мере отвечала его настроению: "Мы были грешны..." Он увидел, что Маршал и ее говорит, опершись локтем на выступ стены, с каким-то радостным воодушевлением. "Наверное, у него нет грехов", - подумал Эфраим. Кому же он в таком случае будет рассказывать свою историю? Радостному, безгрешному, не способному понять? Да и стоит ли?

Конец молитвы Маршал вполголоса пропел и, весь проникнутый чувством хорошего "фидбэка", упругой, налаженной связи с Верхом, целуя Сидур и поправляя автомат за спиной, уселся в машину.

- Я готов вас выслушать, - сказал он, приглашая Эфраима к разговору.

- Я вам уже все рассказал, когда мы ехали в первый раз, - ответил тот, - только мысленно. У меня почему-то было сильное желание прямо тогда посвятить вас в свои проблемы. Я ехал к любовнице.

Маршал ощутил, как весь добрый и счастливый мир, созданный вокруг него хорошей молитвой, вдруг отсох и рассыпался. Стало холодно и неудобно. Подули сквозные ветры. Это было неприятное ощущение, но он не стал ради собственного комфорта отталкивать исповедь Эфраима.

- Продолжайте, - сказал он.

Они въехали в парижское предместье, в период трехлетней давности. Девушка из Петербурга, выловленная израильским бизнесменом и пересаженная на французскую почву, начала чахнуть и увядать. Они любили друг друга - или, возможно, любил один Эфраим, а девушка покорялась. В один прекрасный день она оставила его и послала ему объяснительную записку с рисунком, изображавшим его лицо. Изображение было очень точное и беспощадное и на лице была видна вся та двойная игра, которую он вел по отношению к своей семье и к вере своих отцов. Вот и все. Дальнейшее развитие событий происходило врозь - он фальшиво вернулся в лоно семьи, она, фальшиво или нет, трудно предположить - во всяком случае, сделалась религиозной и находится теперь в хабадской школе.

- Так в чем же проблема? - задал Маршал наводящий вопрос, но и сам при этом понимал, что проблема видна уже хотя бы из того, как Косовский назвал ее своей любовницей, будто она продолжает ею быть.

- Проблема в моем отношении к этой девушке, - ответил Эфраим, - мне не забыть ее.

Они ехали вдоль темнеющей линии моря.

- Не посидеть ли нам у воды, - попросил Маршал, тут же заметив, впрочем, что вряд ли это получится - их несло скоростное шоссе. Вскоре его ответвление позволило им свернуть влево и выехать прямо к морю. Эфраим остановил "Хьюнду", забуксовавшую в глубоком песке. Вода шипела и плескалась поодаль.

- Помнится, вы курите, - сказал Эфраим, вытаскивая из кармана пальто захваченную из машины пачку каких-то изысканных сигарет.

...Поскольку дул холодный ветер, усаживаться они не стали, а начали прохаживаться по береговой полосе, изредка ухватываясь за головные уборы.

- Это море... - заговорил Косовский, пытаясь казаться терзающимся российским интеллигентом. - Понимаете, даже это море. Оно напоминает мне мою низость. Это именно низость религиозного человека, половинчатая приверженность догматам веры, которая, как мне кажется, иногда бывает хуже, нежели ее полное отсутствие... Я не мог иметь дело с девицей, не прошедшей окупания в микве, и заставлял ее окупаться перед тем, как... Я пользовался ее незнанием и выдавал себя за невесть какого страдальца. Сколько вопросов по религии она мне задавала! Как ей хотелось видеть меня праведным! Она очень любила учиться. В Париже я отправлял ее на уроки по Торе. Французский она понимала неплохо. Я хотел держать ее всю жизнь где-то сбоку, на обочине своей семьи. Частью семьи, но отдельно. Вы понимаете?

- Да, да, - сказал Маршал, жестко глядя на него и почему-то отказываясь сочувствовать, - должно быть, вам хочется застрелиться, когда вы об этом вспоминаете.

Косовский посмотрел на него, на свисающий с его плеча автомат и ничего не ответил.

Они вернулись к машине и продолжили путь. После шабата, проведенного с семьей, на обратном пути от Цфата до военной базы Маршал обсуждал с Эфраимом вопрос о том, что такое "йецер а-ра". Написано в святых книгах, что чем значительнее человек, тем сильнее его дурное побуждение. В каком-то смысле зло - двигатель прогресса. Говорится в Гемаре, что, когда Сатане было велено убрать сладострастие из сердец всех живых существ, то на рынок в тот день не было принесено ни одного яйца. Есть концепция "биурум" - выбор искры святости. Бывают сложные и опасные "биурум". Например, солдат, завоевывая местность, видит красивую нееврейку и хочет ею овладеть. По каббале, это не простое желание. Он видит в ней искру, упавшую среди клипот. Он видит, что это его "биур". В целом ситуация негативная, и таковы же ее последствия. Но "биур" должен был быть осуществлен именно этим солдатом, это - не ошибка. Есть вещи трагически-неизбежные, и человек волен выбрать их, ощущая в них именно притягательность неизбежности.

Эфраиму импонировали эти объяснения - ведь они как бы несли в себе оправдание его поступку. Маршал не называл его грешником, не мазал черной краской, а пытался понять. Конечно, это нравилось и даже льстило. Но Косовский хотел

вызвать собеседника на большую откровенность, покопаться в его душе и - быть может, кто знает, - найти себе собрата по несчастью.

- Вы-то никогда, наверное, не сталкивались с таким в собственной жизни, - осторожно заметил Эфраим.

- Вы так думаете? - легко поддался на его коварство Маршал, после чего сделал следующую ошибку и опустил до признания: - Я тоже один раз почти что изменил своей жене.

- Почти - это другое, - хитро заявил Косовский.

- "Там, где находится желание человека, находится и весь он", - процитировал Маршал.

Он не преувеличивал - Светка все же в свое время была для него серьезным искушением, и его мысль не раз пробегала дистанцию от возможности измены и обратно, к чистой супружеской жизни с Галей, как та быстрая лошадь, о которой говорил Баал-Шем-Тов: тем быстрая лошадь и хороша, что, сбившись с дороги и потратив силы на бесплодные блуждания, способна за короткое время вернуться и наверстать упущенное. Но это было уже давно. Это чувство прошло со Светкиным замужеством, а потом, когда Светка оказалась его двоюродной сестрой, то и самый образ ее затянулся рябью и тусклым глянцем, как старое фото в семейном альбоме. Он пересказал все это вкратце Эфраиму.

- Ну, если так... - пожал плечами Косовский.

Маршал спохватился, что пошел не по верному пути, и перевел разговор на другое. "Вот вам пример. Человек рассказывает психологу о своей душевной травме. О том, что не может забыть любимую, и что жизнь его, по всей видимости, кончена. Психолог улавливает, что пациенту очень нравится говорить о своей конченной жизни и что предмет безнадежной страсти в данном случае менее важен, нежели сама возможность мучиться и оправдывать этими мучениями нежелание относиться к жизни конструктивно. Пациент готов платить деньги за новые сеансы "целительных" бесед, но психолог прекращает их, говоря следующее: "Ваша возлюбленная - это лишь предлог. Вам нравится быть несчастным, ваша установка изначально - на самораспускание, опускание все ниже и ниже и, в итоге, саморазрушение. Честнее будет, если вы перестанете при этом оперировать любовной историей, которая ровным счетом ничего общего не имеет с вашим желанием оставаться на дне". Вот такой, - добавил Маршал, - мне представляется и описываемая вами ситуация. Ася, которую вы напрасно потревожили в Цфате, вам абсолютно не нужна. Вернее, нужна, но лишь как предлог для продолжения саморазрушения, предлог, позволяющий вам пренебрегать семейными обязанностями, пить, смотреть на себя как на конченого человека. Ваше падение вам нравится, коль скоро оно иллюзорно освобождает вас от ответственности".

...Эфраим молчал, пораженный таким взглядом на вещи. А солдатик-то не простой, думал он. Осторожно вел машину, чтобы не свалить в пропасть и себя, и попутчика, и мысленно смаковал сделанное Маршалом открытие. Через некоторое время он прервал молчание вопросом, впервые обращаясь к нему на "ты" - как к другу, и в этом было фактически признание правильности поставленного Маршалом диагноза и ощущение дружеского сближения. Вопрос, однако, был не из простых:

- Скажи-ка, а жену свою ты теперь снова любишь, после того, как чуть не изменил?
- Разумеется.
- И что, никогда тебе в голову не лезут всякие там сравнения?
- Нет. Но если бы и лезли, есть же отработанные способы ликвидации всей этой чепухи! Разве вы не учите хасидут или хотя бы мусар?
- Мусар - это про то, как нас будут жарить на сковородке в огненной геенне. Спасибочки. Обойдемся без такого чтива.
- Ну, а хасидут?
- А хасидут - это для больших людей, с большими мозгами.
- А ведь у вас именно большие мозги. Только они заняты, извините, калошами и башмаками. "А коп ин калошен". В то время как в обувь надо ставить ногу, а не голову. Понимаете ли вы меня, реб Эфраим?
- Это ты к тому, чтобы я хасидут учил, уровень свой повышал.
- Да у вас просто выхода другого нет.
- Ах, ты меня не понимаешь! Я был так счастлив с ней!
- Не говорите чепухи. Нежели действительно смена женщины может сделать человека счастливым? Ну, положи руку на сердце, ну что за бред? В чем такая уж разница между одной женщиной и другой? Я молодой, зеленый, не понимаю. Объясните. С точки зрения рельефа местности, физического, что ли, - всех этих гор, долин, ущелий, перелесков - эта новизна сексуального ландшафта вам так дорога? Или что-то другое?
- Другое, - сказал Косовский, улыбнувшись смелым сравнениям.
- Ну, что?
- Личность. Другая личность.
- А я вам докажу, что и не это. Привлекает в женщине ее... запретность. Незавоеванность. Поймите, как работает йецер а-ра. Это фокус, настоящий фокус иллюзиониста. Когда человек решает уйти от жены, то ему представляется - в этом-то фокус и состоит - что он получит свободу, но при этом сохранит и жену, останется хозяином положения... Как? Не знаю! Такая глупая уверенность, что жена будет сидеть и ждать неизвестно чего, что она и дети - как бы у него в кармане и никуда не денутся. А человек заполучит свою желанную и... займет сразу две очереди, продвигающиеся к окошечку, где выдают счастье. Вот какая дикость. Знаете эту мужскую экспансию, этот Соломонов комплекс - пусть, мол, будет много жен и много детей, главное, что я их всех способен прокормить...

- Ну, хватит, хватит, - прервал Косовский, невольно усмехаясь, - я понял.

- А вы говорите - счастливы были. Счастливы? А ну-ка съешьте вот эту шоколадку!

- Зачем?

- Съешьте. Только вместе с фольгой.

- Бр-р. - он содрогнулся при одной мысли о скрипе надкушенной фольги.

- Неприятно, правда? Но шоколадка же очень вкусная! Только условие - съесть ее обязательно вместе с фольгой! Вы улавливаете аналогию? Вы говорите, что были счастливы, когда занимались чем-то, противоречащим Торе. Я удивляюсь, как это может быть. Ведь у этого, с позволения сказать, счастья, мерзкий металлический привкус фольги, железа, греха, смерти. Разве не так?

Наступило молчание. - И почему вам обязательно нужно быть счастливым - "хэппи"? Будьте продуктивным, ответственным, веселым от сознания, что все у вас в порядке, по Торе.

- Да, да, да... - сухо сказал Косовский, - все так, да не так. Ночью это все не срабатывает. Я не могу не думать об Асе, хоть ты меня режь.

Тогда Маршал сказал тоже резко и жестко:

- А это - блажь. Распущенность. Эксплуатировать в мыслях чей-то образ - это очень скверно. Наносит эксплуатируемому вред на астральном уровне. Вы хотите нанести ей вред?

Водитель чуть не проскочил на красный свет, потому что что-то влажное, горячее опустилось на глаза. Очень близко прошел длинный тяжелый грузовик.

- Черт. Как это я. Сейчас бы всмятку... Фу... Вредить, говоришь? Нет. Вредить ей я, конечно, не хочу. Больше того, что уже навредил... - конец фразы он проговорил изменившимся голосом. Голосом, дрожащим от слез.

"Я - вредить ей?" Он свел машину на обочину, приклонил голову на руль и некоторое время рыдал тихо и судорожно. Маршал выжидал, ничего не говоря, думая готовой фразой - "Нет сосуда более цельного, чем разбитое сердце".

Косовский дал себе волю, распущенно и расслабленно рыдал. Потом перестал, вздохнул с облегчением и, высморкавшись, тихонько завел машину и повез его дальше.

Они молчали. Показалось море. Долго ехали в полной тишине.

- Говори еще, - попросил Эфраим. - Я должен буду потом с помощью всех этих твоих доводов... выжигать в себе то, что надо выжечь.

- Я мог бы продолжить, только лучше для этого где-нибудь посидеть... Ваше вождение не совсем безопасно. У меня в запасе еще часик, так что...

- Твоя правда. Их радушно впустила придорожная забегаловка, и, запасаясь баночкой пива, они довольно-таки спокойно сели за столик перекурить.

- Так вот, - сказал Маршал, - предположим... вы бросаете семью и женитесь на Асе.

Косовский вздрогнул.

- Я этого не сделаю.

- Я понимаю, что вы этого не сделаете. Я только хочу проработать версию. Итак, вы пишете жене письмо... как ее зовут?

- Рива.

- Так, значит, вы пишете - "прости, мол, Рива... я не могу выносить двойственности, я предпочитаю разрыв, я подпишу по отношению к тебе любые финансовые обязательства..." Во время заседаний бракоразводного процесса вы выглядите больным и отсутствующим. Дети страдают. Атмосфера крайне нездоровая. Наконец вы свободны и мчитесь к Асе. "Я бросаю к твоим ногам весь мир", - говорите вы. Она согласна вас осчастливить, и вы идете вдоль моря и говорите о свадьбе. Потом вы на ней женитесь. Вы безумно любите ее и рады, что реализовали свою мечту. Каждое утро вы просыпаетесь счастливым человеком. Потихоньку начинаете воспитывать ее, чтобы стала похожей на вашу жену и научилась создавать требуемый вам комфорт. Вам это удается, и вот уже Ася совсем как Рива. Прекрасно. Однажды ночью вам снится сон: брошенная жена и дети посреди дороги, немцы, удушливое слово "афнтлойфн!" - кого-то хватают, разлучают семьи, затискивают в эшелоны, крики детей, женские вопли, дети тянутся к вам, а вы их высокомерно отвергаете, и их швыряют на платформу... Вы просыпаетесь и понимаете, что сон однозначен, типичный кошмарный сон предателя. Предатель - это вы. На всю оставшуюся жизнь. Тут не поможет Ася и вся ее изысканнейшая любовь. Вы страстно желаете только одного - загладить вину, утешить, залечить раны своих дорогих, любимых детей и их мамы. Вы готовы ради этого на все. На Асю вам противно смотреть, ибо она - часть этого фашистского разрушительного налета, который смял дорогих вам людей. Но как же, как можно теперь что-либо исправить? Не будете же вы ползать червячком по земле? Да и не поможет. В их глазах вы - навсегда уже предатель. Вы оставили их посреди дороги и каждый прохожий мог их подобрать и взять себе. Ну-ка, вспомните, ваши родители виделись вам способными бросить вас? Нет, правда? Никогда! Ведь это страшно - дать ребенку ощущение, что он тебе не нужен, что ты его бросаешь. Это жестокость, которой мало кто обладает. Но вернемся к вашему сну. После этого страшного сна вы хотите одного: каким-то магическим образом вернуть все на круги своя, просто все вернуть! Немедленно вернуть все! У вас больше нет других желаний. Вы умоляете Б-га об одном, хотя и знаете, что это невозможно: "Г-споди, верни мне, пожалуйста, моих деточек, чтобы они не смотрели на меня как на предателя, чтобы они забыли случившееся, чтобы Рива приняла меня обратно и сделала вид, будто ничего не произошло..."

- Я тоже себе это так представлял, - сказал Косовский, сидя с прикрытыми ладонью глазами. - Это действительно случилось бы именно так.

-...И вдруг - о чудо! Статус предателя снимается с вас! История аннулируется! Ничего этого не было: ни развода, ни страшного сна. Вы снова с семьей, вы никогда ее не покидали. Г-споди, какое счастье!

- Да, - опустив голову, отозвался Косовский, - это счастье. Маршал открыл банку пива, но тут ему пришло в голову что-то еще, и он предоставил пиву выдохнуться и заговорил снова.

- Знаете, в сказках рабби Нахмана... да и у Лескова в рассказах... есть про цыгана, который продает лошадь, надутую воздухом - выглядит такая лошадь здоровой, гладкой, а как купит ее обманутый мужик, поведет в стойло - она, глядишь, превратилась в тощую скелетину, воздух вышел. Это - излюбленный трюк йецер а-ра. Представит иной раз в мечтах тебе такое! Нагромоздит! Ух, красота-то! Человек готов на эту красоту променять, что только имеет, а потом глядь - все сдулось, как ни бывало! А денежки-то плакали.

- Говори еще, - попросил Косовский.

- Нет уж. Хватит. Я на вас трачу силы и время, а вы еще неизвестно, воспринимаете или нет. Будьте любезны, повторите четко и внятно то, что усвоили до сих пор. Тогда мне есть смысл продолжать.

- Хорошо, - послушно сказал Косовский, - усвоил я следующее: что положение мое - вполне счастливое, что надо быть функциональным и продуктивным, что на удочку йецер-а-ра поддаваться глупо и... - он остановился в недоумении, - что... но постой, я ведь не люблю свою жену! С этим-то как?

Маршал вздохнул. Опять двадцать пять.

- Да не называйте вы ее женой. Я вас убедительно прошу. Жена - это скучное слово. На иврите "иша" - женщина. Так вот, давайте скажем: Рива - ваша женщина. Скажите, вы иногда нуждаетесь в женщине? Отвечаю за вас: ДА. Так вот: Рива, чудесная женщина, дана вам Всевышним и отделена от всех других людей именно для этой цели. Чтобы быть вашей.

- А все другие женщины...

- А все другие женщины для вас - шоколад в фольге. Хотите есть с фольгой - пожалуйста. Разжевывайте фольгу как можно тщательнее, чтоб получше скрипела на зубах.

Косовский помотал головой.

- Ну это ты, брат...

- А что? - Маршал посмотрел на часы.

- Пора двигаться.

- Ладно. С Б-гом. Закончили душеспасительные разговоры, благодарен тебе за них, если будет чего нужно - обращайся...

- Обращусь. Мне бы в Германию кое-что передать - у меня там друзья. Если вдруг поедете.

- Непременно дам тебе знать, когда поеду.

79. ЗАВЕРШЕНИЕ АСИНОЙ ИСТОРИИ

Танковые части были на той недели введены в ряд арабских деревень на так называемых "территориях", где требовалось внешним и фальшивым образом продемонстрировать несогласие израильского правительства с тем, что арабы совершают теракты, стреляют и нападают на еврейское население.

Брезгливо отплевываясь и не имея возможности никак реально отомстить голодранцам Рамаллы, танкисты под свист и улюлюканье местного сброда покружились по деревне, раскатали несколько площадок с эффектно разрушенными бульдозером домами и неуклюже ушли, уползли, дабы не превысить своих полномочий и не порушить там чего-нибудь лишнего.

Израиль украсился многочисленными наклейками и плакатами с призывом: "Дайте ЦАГАЛЮ победить!"

Но такой возможности предоставлено не было. Уже, напротив, были выведены войска из Ливана и брошено там огромное количество армейской техники, а арабы-борцы с ливанским террором были переселены на почетное местожительство в Страну Израиля... Абсурд торжествовал, и все чаще, слушая чей-нибудь спор, будь то люди верующие или отрицающие веру, военные или штатские, правые или левые, Маршал ощущал, как песок во рту, скребущую неправду высказываний всех их. То же, что говорил Ребе, мало кто принимал в расчет. Постыдно мало.

Получив официальное разрешение отбыть из боевых частей на учебу в йешиву, Маршал занялся штудированием тех разделов еврейского законодательства, по которым надлежало сдать экзамены, а, сдав их, был наконец-то назначен на официальную должность армейского раввина на той же приморской базе, где служил до перевода в религиозную часть. Там пока не было ни синагоги, ни библиотеки, ни должного уровня кашрута. Все это надлежало устроить именно ему, и он последовательно и успешно занимался этим. Кроме того, подготавливал праздничные мероприятия и вел первоначально малопосещаемые уроки. Доставал в разных американских организациях бесплатные тфиллин для раздачи воинам, и многие действительно пользовались ими в те или иные неурочные часы. А если гибли солдаты, то он должен был участвовать в опознавании и предоставлять хевре кадише необходимую помощь в подготовке тела к погребению. В танковых частях это было особенно грустно, потому что человек там оказывался распластным либо сожженным.

У израильтян есть такой обычай - окончив службу в армии, срывать на Дальний Восток, кутить там на полученные деньги, знакомиться с низостью буддийских спекуляций, доверчиво принимая их за чистую монету. И вот, по завершении службы дружившие с Маршалом молодые солдатики меняли военную форму на хипежную дрань и мчались в Индию. А там попадали в объятия Бенни Вайса, в мир его музыки, в его Бейт-Хабат в горах под Пуной. Передавали Бене привет от Маршала, как он их и просил. Становились хабадниками или не становились, но, во всяком случае, имели такую замечательную возможность. Таким тандемом

Маршал с Бенеи работали уже лет пять.

Брыль с Мантулой счастливо и бодро осуществляли завоевание бюргерской Германии и привлекали сердца тамошних евреев-эмигрантов из СНГ к светлому учению Ребе. (Звали их теперь Исроэлем и Файвлом - раньше имя Брыля было Павлик, поэтому и переделал на близкое по звучанию Файвл). Мантулина жена, правда, после многих споров заявила о своем окончательном отказе принять религиозный образ жизни, и Исроэль развелся с ней, чувствуя, что не может поступиться полнотой соблюдения Торы. После этого Маршалу от Брыля поступали тревожные известия о его душевном состоянии - "Исролик начинает сходить с ума", "Исролика надо спасти", "Он сидит с гитарой на городской площади буквально целыми днями!" Маршал и рад бы спасти, да как? В Германию, что ли, ехать?

Тут он вспомнил про Косовского. Сам ему позвонил и, услышав живой бодрый голос, порадовался тому, что, по всей видимости, жизнь у него вполне нормальная. Повторил свою просьбу насчет Германии. Эфраим сразу вспомнил и согласился исполнить - только не сейчас, а через месяц.

- А что надо передать? - спросил он.

- Не беспокойтесь, не наркотики и не бриллианты.

- Тяжелое?

- Очень легкое.

- Ладно, ближе к делу созвонимся.

Когда же созвонились через месяц, то Маршал сказал ему очень простую вещь: передать надо всего лишь привет. Некому опустившемуся парню-хабаднику, сидящему на городской площади в Дюссельдорфе и брэнчащему на гитаре. А еще ему надо дать много цдаки - денежной и духовной. Надо поддержать его, поговорить с ним. "Вы сможете, реб Эфраим. Вы же не просто коммерсант. Вы способны быть человеком Ребе..."

Интересное дело: какой бы том переписки "Игрот Кодеш" Косовский не открыл (а он уже к тому времени купил их все) - постоянно раскрывалось письмо с похожим содержанием. А именно - ответ какому-то хасиду, который известил Ребе о своем решении полностью прекратить выпивать, даже на фарбрэнгенах. Ребе одобрял его решение и благословлял на хорошие новости. "К чему бы это?" - думал Косовский и упорно не принимал намека всерьез...

Ася к тому времени нашла себе прекрасного мужа из числа горячих сефардов и жила теперь в доме из семи комнат, с милыми ее сердцу старинными сводами.

...Она познакомилась со своим будущим мужем вполне официально. На первых встречах ей было и странно, и грустно, что - вот, эпоха необыкновенных приключений в ее жизни закончилась, и теперь, скорее всего, пойдет самая заурядная история шидуа: разговоры об устройстве религиозного дома, распознавание характера, привыкание... Внешне молодой человек ей нравился, но не настолько, чтобы потерять голову. Нравилось говорить с ним на иврите, ощущать его горячую, хотя и сдерживаемую, заинтересованность в ней. На

третьей встрече он сказал, что его родословная восходит к рабби Хаиму Виталу. Это Асю изумило: она влюбилась, если можно вообще влюбиться в такую личность, как цфатский каббалист 16 века, в рабби Хаима Витала еще при прочтении книги своей учительницы Эстер, и ей представлялось невероятным, чтобы у этих романтических историй могло быть продолжение спустя четыре века. Но Хаим спокойно объяснил ей, что Моше Пинто, дочь которого вышла замуж за рабби Шмуэла Витала, был отцом многочисленного проживавшего в Египте семейства, к которому восходит и его, Хаима, род. У них в семье постоянно повторяются имена Хаим, Шмуэл, Моше и Йошияу, и есть шофар, который принадлежал самому рабби Хаиму Виталу, если верить семейному преданию. А он, Хаим, ничего особенного в своей жизни пока что не совершил, только служил в адвокатской конторе, до тех пор, пока побывал у Ребе и стал хабадником. И тогда решил, что больше не намерен окунаться в болото дрызг, предпочитает посвятить себя изучению Торы... Но, во-первых, с этим не согласился отец, потративший много денег на то, чтобы сын выучился праву в Сорбонне. А во-вторых, и это главное, сам Ребе сказал ему продолжать адвокатскую практику.

- Вы жили в Париже! - воскликнула Ася, не сумев сдержать волнения.

- Я тоже...

Смутившись нахлынувших воспоминаний о своей парижской жизни, она постаралась перевести разговор на другое.

Дважды удивленная некоей сопричастностью судеб, она только сейчас сделала потрясающее открытие - что у человека, с которым она общается, чистые, резные, как выпуклый синагогальный орнамент, но без излишней восточной сладости, просто черные и нежные глаза. И она сидела, вся объята этими глазами, чувствуя себя тонкой тростиночкой, которую вот-вот унесет за собой этот порывистый черноглазый ветер.

Следующую, после трех свиданий в Цфате, встречу решили провести в Тверии.

"Да, милая, вот ты идешь рядом со мной так грациозно по этим гладким острым камням, стараясь не наступать на крабов, и то и дело окидываешь взглядом озеро Галилейское. Лодка рыбацкая засеребрила, потянула длинную сеть, полную тусклого блеска... вскрикнула птица белесая..." - это у Хаима в голове складывался некий белый стих, в то время как говорил он ей о чем-то другом.

Ася вопросительно посмотрела на него. Он не помнил, о чем они до того разговаривали, потерял нить беседы, и понятия не имел - продолжения или завершения какой фразы она от него ожидала. Так и длилось это ускользание (от прямого смысла, от формальностей), вело их, нескончаемое, к развалинам крепости, к сизой целительной воде серных источников, к рабби Меиру, к свечам у его изголовья...

"Влюбляйся помедленнее, поосновательнее, - мысленно желала ему Ася (не рабби Меиру, конечно, а своему спутнику)...

- Какой ты чудный! Знойный ангел иудейской пустыни с тенистыми оазисами глаз..."

Потом было знакомство с его матерью, франкоговорящей еврейкой, ничуть Асю не впечатлившей, и седобородым отцом, показавшимся ей весьма благородным... Пройдя это собеседование, она уже думала, что Хаим для нее навсегда потерян: такая пропасть была между ней и его родителями во всем - в культуре, ментальности. Но молодой человек не собирался ее упускать только потому, что родители не прониклись ее тихой российской прелестью. Он терпеть не мог доминантных ярких израильтянок, знал, что ему было надо: вот этой березовой ласковости, глубокой, нежной, льнущей. Разлив реки, склоненье ивы.

Шидух завершился очень шумной и богатой сефардской свадьбой, на которой приехавший из Питера Асин папа чувствовал себя абсолютно потерянным. С ним все носились, "приближали" его в срочном порядке к Торе и заповедям, а он только мотал головой и вздыхал - эх, Аська. И сам не знал, что он в это восклицание вкладывает. Может, "вот посмотрел бы дед Мойше, закоренелый религиозник, на твою свадьбу, то-то был бы, старый, рад?" А может, "Асенька, не прогадай, вдруг этот твой религиозный еще двух жен имеет в Арабских Эмиратах"? А может, вздыхал он, вспоминая свою свадьбу с Асиной мамой, даже не свадьбу, а всего лишь регистрацию, имевшую место в приемной комнате Ленинградского ЗАГСа? Он и сам не следил за потоком своих мыслей и ассоциаций, только энергично пожимал руки всем бородатым мужчинам, подходившим к нему для поздравлений, и послушно придерживал на голове кипу даже в самых быстрых плясках. И лехаим пил с полной ответственностью - раз положено, значит, буду.

А Ася плыла, в тонкорунном, узком, облегающем чем-то, с белым мехом, охватывающим оба запястья и шею, блестя вся и покоряла, нимало о том не заботясь. Перед женихом - запомнилось отцу - долго выплясывали ребята из йешивы, особенно усердствовали горские джигиты, даже лезгинку сбацали, и еще какие-то, то зажигательные, то томящие восточные танцы. Отец тоже пошел было выделывать крендели, да упал, ребята подхватили его и превратили все в шутку, принялись подбрасывать в воздух, отпаивать минеральной водой.

Долго сидели, разбирая конверты с деньгами и чеками, мать и сестра Хаима - старательно заносили в блокнот, кто и сколько подарил. У сефарадим так водится - пойдешь на чье-нибудь торжество, обязан дать по меньшей мере столько же, сколько раньше внесли эти люди в твою свадьбу или бар-мицву. Учет строжайший, дело чести. Поэтому, чтоб знать, кому и сколько они теперь будут должны, эти две восточные красавицы возились с бумажками, пока фотограф донимал жениха и невесту причудами своей буйной фантазии и заставлял их позировать то возле оплетенной цветами арки, то у колонн, то на ступенях у фонтана...

Последние гости добирали фрукты с причудливо освещенных горок сладостей... музыканты, резвясь, играли уже по пьяной лавочке, вразной, кто в лес, кто по дрова... развезло и Мизрахи-папу, и он признался в любви своему новоявленному питерскому родственнику, пользуясь услугами переводчика... Вообще-то ему была странна эта российская фигура, но Любавич учит любить всех евреев, даже с совсем чуждой ментальностью и невразумительной внешностью. А папа-Мизрахи был, не без влияния сына, уже почти хасидом Любавича.

Молодых отвезли в иерусалимский "Гранд-отель", в просторный номер с совершенно ненужным телевизором и довольно-таки функциональной кроватью, и там Ася

вполне счастливо предалась любви со своим избранником, знойным ангелом иудейской пустыни с тенистыми оазисами глаз.

А папа, взглянув на увозившую их длинную-предлинную (съемную, впрочем) машину, подобавшую, в его понимании, только какому-нибудь нефтяному королю, так и решил про себя в очередной раз: "Не иначе как саудовский шейх, только прикинулся евреем. Эх, Аська!"

На ночевку отца пригласили к себе Сима и ее муж. У них он и пробыл всю послесвадебную неделю.

Ася не рассказала мужу никаких деталей своей биографии, которые могли бы вывести его из равновесия. Решила, что, если нужно будет рассказать, то он сам ее спросит - ведь есть же в мире порядок, и он, Хаим, знает лучше нее порядки, заведенные в мире, во всяком случае, в еврейском религиозном мире.

На свадьбе рядом с Асей не было осведомленной подруги, которая могла бы незаметно указать ей на того или иного из сидевших за столом почетных гостей и прокомментировать:

- Вот это - главный судья Цфата Алуфи, это - полицейский прокурор Абдулла, а это - декан юридического факультета университета "Бар-Илан", господин Финкельштейн...

Мизрахи стал преуспевающим адвокатом еще при первой жене, когда, не без помощи тестя, с точки зрения карьеры все начало было складываться в его пользу. В Цфате не так уж много изворотливых умов: это город Торы, а не процветающей адвокатуры или бизнеса. Немалую роль сыграло наличие отцовских связей - у папы, почтенного торговца коврами, было их предостаточно. Да и деду в свое время довелось служить секретарем не где-нибудь, а в городском суде. Сначала, окончив Сорбонну, Хаим Мизрахи тоже состоял секретарем у пожилого и опытного адвоката Трабельси, лучшего друга отца, от него и усвоил приемы обращения с подопечными, вник с его помощью во внутренние механизмы ведения дел. Мизрахи не был ни жесток, ни холоден, однако же стоило послушать, как хладнокровно умел он ответить назойливому клиенту:

- Сожалею, не имею пока что ответа для вас. Позвоните через неделю. И это при том, что за неделю вряд ли мог чего добиться и прекрасно это знал, и при том, что решение дела могло затягиваться годами, а он все так же вежливо отсылал клиента на неделю, как будто не смущаясь ни его нетерпением, ни отсутствием какого-либо прогресса... А клиент мог плюнуть на уже заплаченные деньги и найти другого адвоката - пожалуйста! Но почему-то именно у Мизрахи процент выигранных дел был очень велик. И город это знал. Знали, что невыполнимого он на себя не возьмет, а уж если возьмется за "кейс" - то пойдет, как ослик в гору, упорно, медлительно, до победного конца. Дела - и гражданские, и уголовные, и военно-армейские - улаживались по очень простым и безотказным схемам. Надо было оказывать различные услуги как лицам, так и организациям, и распределять эти услуги без спешки во времени и пространстве так, чтобы цепная реакция происходила бесконфликтно.

Когда Ребе попросил Хаима не переключаться целиком на изучение Торы, а продолжать работать на адвокатском поприще, то он, казалось бы, был обречен

оставаться весьма далеким от светлой хасидской реальности, коль скоро его задача состояла в том, чтобы хлопотать за бедолаг-израильтян, не так уж невинно попавших под следствие и глядевших на небо через усовершенствованную решетку в самых разных странах мира. Однако и с ним происходило множество чудес, утверждавших его во мнении, что он делает именно то, чего хочет от него босс - Ребе. Он представлял собой то, что в прошлых веках называлось еврейским словом "штадлан" - человек, имеющий связи в мире сильных и умеющий поддержать тех или иных своих братьев в трудную минуту, смягчить приговор или даже совсем вытащить заключенного из тюрьмы. Положительный эффект подобных операций состоял в том, что успехи религиозного адвоката создавали более хорошее мнение о верующих в среде тех израильтян, которые обычно были настроены "анти". Кроме того, освобождая подсудимого из рук мафиозного латиноамериканского или итальянского правосудия, адвокат получал искреннюю признательность подсудимого и мог положительно использовать свое влияние на него, поведав ему о благе исполнения законов Торы.

Один пойманный на перевозке наркотиков бедолага-еврей, которого Хаим извлек из эквадорской тюрьмы, был, например, связан с чернокожей девицей и собирался на ней жениться. Обстоятельства, при которых он был спасен адвокатом, оказали такое сильное воздействие на его тело и душу, что он, будучи измученным и готовым к самому худшему, но в конце концов обретя свободу - увидел в Хаиме чуть ли не посланца высших сил. Естественно, Хаим при случае разъяснил ему, что нееврейку брать в жены нельзя и что вообще стоит с женитьбой подождать: следует для начала проверить, не подойдет ли ему какая-нибудь йешива в Израиле. Страсть к наркотикам, добавил Хаим, - это лишь следствие нереализованного и угнетенного религиозного чувства, которое еврею просто нельзя в себе подавлять, ибо от подобного самолишения будет страдать весь мир. Сколько евреев, оскотив себя духовно, вырвав из своего восприятия антенну, ловящую позывные Б-га, наполнили мир негативными последствиями этого варварского акта!

Поистине, в тюрьме сидит Б-жественная душа очень и очень многих представителей избранного народа, и нередко, освобождая одного из них из тюрьмы физической, Хаиму удавалось пробудить к свободе и душу, заключенную в плену...

80. НИСТАР

Эфраим как-то подзабыл о маршальском поручении и чуть было не покинул Германию, не заехав в Дюссельдорф. С договорами и приобретением товара все было гладко, дела он закончил и, значит, пора было улетать. Самолет, на который у него имелся билет, почему-то отбыл без него. В этом "почему-то" было три этапа. Сначала рейс отложили. Потом отложили еще раз. А потом он сам (чего с ним обычно никогда не случалось) завозился, замешкался в "Дьюти-Фри", заинтересовавшись новой оригинальной моделью женской обуви, и вылет прозевал. Тут на него нашло покаянное раздумье. Он вернул вещи в камеру хранения и сел в автобус до Дюссельдорфа. Прибыв, позвонил по контактному телефону некоему Файвлу Брелю - так произносилась фамилия Брыля в Германии - и встретился с ним на автовокзале. Чувствовал себя при этом каким-то нистаром, соучастником баал-шем-товской майсы... Пойди туда, передай тому-то то-то, а заодно исправь его душу и вознеси искры святости в таком-то заброшенном местечке...

- Вот вам письмо из Израиля, а мне надлежит идти искать какого-то гитариста на

городской площади... - сказал Косовский, неприязненно оглядывая скамейки автовокзала и немецкие буквы вывесок на ларьках. Брыль быстро прочел записку.

- Так вас Маршал прислал?

- Кто такой Маршал?

- Косовский еще более отстраненно поднял плечи.

- Это мой школьный товарищ, Боря.

- Да, да. Так везите же меня поскорее на площадь, мне нужно сказать пару слов вашему общему знакомому.

Брыль взял такси - на автобусе с таким господином ехать было бы не солидно - и, миновав городскую ратушу, высадился с ним у фонтана на площади.

На одной из лавочек, сидя в позе несчастного, положив на землю кепочку для монет, наигрывал на своей гитаре Мантула. Лицо его было сосредоточено, опущено к струнам, отращенные волосы торчали из-под вязаной на манер брацлавских кип шапочки, одежда была грязна и потерта. Кисти цицис виднелись из-под пиджака - замусоленные и серые. Вообще, это был печальный сколок с прошлого Мантулы.

Косовский помедлил, прежде чем подойти к этому антисоциальному типу, но, вспомнив про Баал-Шем-Това и нистаров, решил сделать шаг.

Исролик пел битловскую песню, перемежая ее с зарифмованными словами Торы, и грустно хлопал длинными ресницами.

Перед его невидящим взором пролетела какая-то серьезная многодолларовая бумажка и опустилась в кепку возле скамьи, полную медяков.

Мантула поднял глаза.

- Следуйте за мной, нам надо поговорить, - сказал Косовский и стал удаляться.

Брыль зашептал:

- Слушай, не валяй дурака, Маршал прислал за тобой своего человека... Он, может быть, устроит тебе гастроли... Он серьезный мужик... Не упускай, Исролик!

Мантула подернул плечами и подняться со скамьи отказался. Эфраим скрылся в ближайшем кафетерии, где, конечно же, по соображениям кашрута почти ничего нельзя было съесть, и занял выжидательную позицию за столиком. Два друга вошли минут через десять - столько времени потребовалось Мантуле, чтобы понять, что от него хотят, и внять увещаниям Брыля.

- Я должен передать вам привет от одного израильского военнослужащего, хорошо знакомого вам, - сказал Косовский Мантуле, - он очень озабочен вашим состоянием. На этом мои полномочия исчерпываются, и я могу продолжить свой путь с чистой совестью. Только если у вас есть какая-то просьба ко мне,

воспользуйтесь случаем.

- Скажите Маршалу... - блуждая взглядом и облизывая сухие губы, проговорил Мантула, - что у меня больше нет веры ни в кого и ни во что. А деньги ваши заберите.

Он положил зеленую бумажку на стол. Косовскому вспомнились слова Маршала: "Этому парню надо дать много цдаки - денежной и духовной". Денежную дать не получилось - отверг. Духовную попробовать?

- Мне странно это слышать... - непроизвольно копируя интимно-располагающий тон Маршала, заговорил с Мантулой Косовский, - молодой человек в вашем возрасте, с вашими способностями - как же получилось, что вы вот так, вдруг, во всем разочаровались?

- Я, пожалуй, пойду, - сказал Брыль и, не подавая руки, попятился к выходной двери. Мантула неловко брякнул гитарой об пол, ставя ее рядом со стулом, на котором усаживался.

- Вы, что ли, меня интервьюировать будете? - буркнул он. Косовский заказал водки и целых помидоров. Бургеры вокруг посмотрели с удивлением. Добротные деревянные столы, стены, стойка бара, освещение - все было немецкое, туповатое, и в то же время таинственное, гофмановское.

Два русских еврея, говорящих о тшуве, как раз очень даже в такое окружение вписывались.

- Скажи-ка, а ты вообще еврей? - спросил Косовский безо всяких церемоний, наливая водочки ему и себе. Мантула вздрогнул и напряг кулаки.

- Я - нет. Я, дяденька, гиюр прошел. Так что называйте меня как вам будет угодно. Можно даже гоем, - сказал он с глубокой, глубокой горечью.

- Ну, что ты, что ты, как можно! - спохватился Косовский.

- Извини, брат. Это я зря ляпнул. Я имел в виду...

Он совсем не предполагал, что так быстро отыщется та болезненная точка, тот нарыв, от которого, видно, все и пошло вкривь у парнишки: гордость, уязвленное самолюбие. А Мантула молчал. Он всеми силами души ненавидел это свойственное коренным евреям удивление при презентации его биографии гера. Того, как они добросовестно пытаются уразуметь, каким образом нееврей приходит к еврейству, что он при этом чувствует, какую процедуру ему предлагают пройти и вообще зачем все это ему было надо. Между тем Косовскому казалось, что именно на это и следует направить беседу, и он принялся расспрашивать собеседника по "наболевшему" вопросу. Исролик бледнел, отвечал ему блекло и неинтересно, а под конец закрыл свои большие темные глаза, вернее, сжал их сильно-сильно и разрыдался.

Ну что, что тут рассказывать??? Ну такой я! Если мне говорят, что произносить благословение на еду - это Б-жественно, то я принимаю на веру и сам начинаю так делать. Мне объясняют про цицис, и я чувствую, что это - волшебное, и сам

начинаю их носить. Я ощущаю все эти вещи как свое, родное... а многие из самых чистопородных евреев - нет. И почему я должен кому-то все время отчитываться? Что я, заводной - чуть кто-то не так посмотрит, я должен ему объяснять, как и почему меня приняли в евреев?

Это было ужасно. Косовский почувствовал себя безнадежно-бестактным, испортившим Маршалу весь его план спасения Мантулы. Надо было что-то предпринимать, расхлебывать заваренную кашу.

- Послушай, - умоляюще заговорил он, - Я дам тебе деньги на билет. Приезжай в Израиль. А там - пусть твой Маршал сам тебя ставит на ноги.

- Не давайте мне денег ни в коем случае, - твердо и зло отказался Мантула. - Я их все равно проиграю.

- Проиграешь? - наивно повторил Косовский и тотчас подумал, что вот так же был бы удивлен, если бы ему такое возразил его собственный двадцатилетний сын. - То есть ты хочешь сказать, что у тебя вообще нет силы воли?

- Я неудачник, - прошептал Мантула. - Из меня никогда ничего не выйдет. Я только под дудочку Брыля плясать умею. Он - в Германию, и я в Германию. Он - жениться, и я туда же. Он - на часовой завод, и мне работку подобрал. А сам я - ни на что не гожусь.

- Ну что ты, мальчик. Зачем же ты так. - сказал Косовский абсолютно искренне, - ты такой хороший, ты просто сам себя не знаешь. Я очень хотел бы тебе помочь.

- А мне ничего не надо... - упрямо твердил Мантула. Косовский вздохнул, опрокинул рюмку водки, выписал чек на сумму, достаточную, чтобы долететь до Израйля, и сунул его в чехол мантулиной гитары.

- Все, дорогой. Я не могу здесь сидеть и вытягивать из тебя твои проблемы. У меня и своих хватает. Захочешь - прилетишь.

Косовский вернулся в столицу и, доплатив, успел на нужный ему рейс. В полете на Израиль в отсеке бизнес-класса, где было уже несколько примелькавшихся ему по прошлым поездкам лиц, сел на этот раз рядом с каким-то пейсатым поновическим функционером. Тот увидел у него раскрытую наугад книгу "Игрот а-Кодеш" и ни с того ни с сего начал издеваться над любавическими, высмеивать их. Эфраим сначала не воспринял это как личное оскорбление, только пожал плечами. Потом ввязался в спор, отстаивая Хабад. Попал в глупое положение, начал будто бы оправдываться за то, что хабадники объявляют своего Ребе Мошиахом. И очень смутился, подумав: "Чего я лезу их защищать?" Он замолчал, проиграл спор ввиду своей неподготовленности и отсутствия достаточно сильных доводов. Противник торжествовал. А Эфраим думал с тихой грустью: "Может, я и не прав, может, я предвзято сужу. Но я знаю одного, по крайней мере, любавического, который присутствовал при родах моей души, когда душа, вся в пьяных слезах, слизи и крови, рождалась в муках на свет Б-жий, и он не брезговал, отмывал эту душу, принимал эти болезненные роды. И мне кажется, что любавическим есть дело до каждого еврея. И что они совершенно не высокомерны и не считают себя лучше прочих. Так что уймись, голубчик, уймись,

кляни лучше кого-нибудь другого, если уж тебе так хочется..."

...Через полтора месяца Исроэль прибыл в тель-авивский аэропорт. Встречать его было особо некому - Маршал находился на военной базе, Эфраим, как всегда, в разъездах, и Исроэль самостоятельно сделал свои первые шаги по Земле Израиля. Приехал в цфатский колель, о существовании которого знал из маршальских писем, и изъявил желание изучать Тору и иврит. Элиэзер Герцог тут же стал его опекать, и ночевка его была теперь обеспечена. Ему пришлось довольно долго доказывать бейт-дину свою принадлежность к еврейскому народу, но через несколько месяцев он все же добился алии. Учился в колеле, изредка подрабатывал грузчиком.

С Маршалом он не торопился встречаться, и вот почему. Ему нравилось, что вокруг него столько новых людей, которые понятия не имеют о том, что он какое-то время хипповал и бродяжничал по Дюссельдору, и воспринимают его гораздо лучше, чем если бы знали о нем разные истории. Он начал "работать на имидж" - то есть старался соответствовать своему хабадскому облику и вести себя наилучшим образом.

В "Махон Альте" было множество потенциальных невест, и он скромно выжидал, пока свахи обратят на него внимание. Когда же это произошло, то Элиэзер по просьбе Маршала позаботился предупредить девушку, которая должна была выйти с Исроэлем на шидух, чтобы она постаралась как можно тактичнее обойти вопрос о его гиоре стороной.

Второй брак Мантулы совершился очень тихо - как дарование вторых скрижалей, тех самых, которые, в отличие от первых, не разбились и остались целыми навсегда.

Это был немалый успех. А, кроме того, успехом могло почитаться и посланничество Косовского в Дюссельдорф, участие последнего в столь добром и правильном деле.

Приглашая Маршала на свою свадьбу, Мантула задал ему один вопрос:

- Как ты думаешь, где нам после первого года поселиться? Первый-то год, понятно, будем в Цфате, среди своих, хабадников, а потом?..

- Очень правильно мыслишь, - сказал Маршал, - я слышал от одного из старых хсидим, что Хабад чем-то похож на навозное удобрение: когда все теснятся кучей, то толку мало, а если разбросать по земле - то улучшают ее качество. Так что, безусловно, найдете себе точку на земном шаре, за которую будете отвечать, откроете Бейт-Хабад. Я и сам перебираюсь с семьей из Цфата в другое место. Будем жить среди нерелигиозных, в Кфар-Шмарьягу, если это название тебе что-либо говорит.

81. А ГУТЭ НАХТ

Маршал взял полагавшийся ему отпуск и уединился на некоторое время в рабочем кабинете на вилле в Кфар-Шмарьягу, куда они с Галей и детьми переехали только сейчас, на пятом году пребывания в Израиле. Это была застроенная аристократическими виллами деревушка неподалеку от его военной базы, место

очень красивое, заселенное преимущественно израильтянами, людьми престижных профессий, мало знакомыми с еврейскими традициями.

Галя была на поздних месяцах беременности, и, приезжая с работы (благо можно было теперь бывать дома каждую ночь) на армейском вэне, Маршал обожал прикасаться к ее животу и, чувствуя ладонью внутриутробные толчки, думать об этом маленьком футболисте, который так славно пасует и отбивает. Мендик иногда спрашивал его - "Пап, а как это - быть в танке?", думая, что, раз он в танковой части, то, значит, все время сидит в танке, и тогда Маршал отвечал, к примеру, так, привлекая ассоциации с недавно посещенным всей семьей зоопарком: "Помнишь бегемота? Вот и танк - он тоже такая бегемотина, которая на всем ходу плюхается в воду. А ты сидишь внутри и ею управляешь". И Мендику очень хотелось эту бегемотину когда-нибудь увидеть живьем. На Пейсах, правда, вся их семья приезжала и участвовала в Сейдере прямо на военной базе, но к танкам детям доступа не было, да и ни к чему.

- Раз, раз, раз... Тестинг, - проговорил Элизер в микрофон, - Исролик, возьми ди-майнер... - он придвинул к перебиравшему струны Мантуле второй микрофон, дал указания осветителю, кивнул публике, после чего на мгновение сосредоточился, поймал заданный фонограммой ритм и врубил звучание своей электрогитары, тут же с тягучей плавностью влившейся в песенный фон. Голоса его и Мантулы были непохожи, их разделяли, кроме того, звуковые грани партитуры, так как мелодия была разведена на два голоса, и сходились они, тем более впечатляюще, только на самых ответственных участках пути. В облике Мантулы было что-то такое неистребимо-джон-ленновское, ринго-старовское, проникновенно-честное, и голос его звучал более тонко, мальчишески-высоко. Элизер держал нижние тона, а когда восходил, то это было как откровение. Они начали с прелестных, затрагивающих глубину души вещей в стиле "муди", а потом, видя, что публика совершенно размякла, ударили хитами попроще - про симху, про Иерусалим, про Мошиаха.

Это был ханукальный фарбренген, устроенный Маршалом для солдат и солдаток его воинского подразделения. Клуб никогда еще не знал такого количества людей в военной форме, рассеявшихся за столами, уставленными всевозможными видами плюшек и пончиков, которым, конечно же, предшествовали салаты и шницели... Горел восьмисвечник, женщины сидели отдельно от мужчин, никто не болтал по пелефонам, все хранили сосредоточенное молчание... Элизер Герцог и Исроэль Мантулин играли на электрогитарах и пели, затем профессор Брановер говорил о научной теории воскресения мертвых, и тут один из молодых офицеров прочувствованным шепотом сообщил Маршалу, что раньше учился в Беер-Шевском университете и помнит лекции этого профессора... Офицеру было предоставлено слово, и, выйдя на возвышение, он наговорил кучу общих мест в духе развитого социализма - что, мол, являясь тем-то и тем-то, мы будем делать то-то и то-то, потому что необходимо что-то там еще. И было совершенно непонятно, что он хочет сказать. Он, очевидно, привык излагать тактические задачи сухим армейским языком. А тут надо было заявить, что он уважает профессора Брановера и верит в воскресение мертвых. Или хотя бы что поздравляет всех с Ханукой. Маршалу пришлось спасать положение и срочно вызывать на сцену профессионального рассказчика хасидских историй, дабы расшевелить чрезмерно дисциплинированную публику. А потом пели нигуны, и солдатки с доверием спрашивали Галю, сидевшую с ними на женской половине в

красивом парике, обо всяких религиозных деталях, и, конечно же, задавали коронный вопрос, спровоцированный израильскими средствами массовой информации... вопрос о том, правда ли, что "датишние делают это, ну, это - через простыню?"

...Галя переносила эту беременность гораздо лучше, чем предыдущие. Работала по-прежнему преподавателем музыки, каждое утро выезжала на своей машине в ближайшую хабдскую школу. И домашние дела, и прочие обязанности выполнялись ею спокойно и четко, уверенным движением человека, точно знающего, чего он хочет. С Янкелем и Менделем занималась Торой и подготовкой прочих уроков преимущественно тоже она, так как у отца время для этого находилось редко.

Даже после родов этот порядок был нарушен лишь ненадолго. Правильно подготовившись к родам, Галя проявила на сей раз замечательную физическую выносливость и функциональную самостоятельность. Когда подошло время, она и родила-то спокойно и спортивно, за каких-то пару часов, если считать от прибытия в роддом.

Пианино, наконец-то купленное, заняло почетное место в салоне, и хасидская музыка стала разливаться по всему дому, а Янкель с Мендиком смотрели на играющую маму с благоговением и только иногда осмеливались тренькнуть крайней клавишей.

По сравнению с той сумасшедшей жизнью, когда он вообще не бывал с семьей неделями, появившаяся теперь возможность по крайней мере ночевать дома уже знаменовала собой рай земной.

Они с Галей стали больше общаться, разговаривать по ночам, и она уже точно знала особенности творчества Гоголя в поздний период, равно как и Набокова в ранний, и он придумывал для нее сюжеты-развлекаловки, а также объяснялся в любви - и, вообще, не давал спать. А если просыпался малыш - то он бежал его успокаивать и менять ему памперс, разогревать бутылочку, когда требовалось, и убаюкивать. И тогда он засыпал уже там, в детской, под ровный морской шорох младенческого дыхания, сказав еще раз "Шма". В конце "Шма" у него была приговорка на идиш, подслушанная в семье старых русских хабдников еще в Нью-Йорке: "А гутэ нахт, ингале. Зог а гутэ нахт дэм Рэбн, Мелех а-Мошиахн, ун а гутэ нахт фар алле идн, аз алле идн золлн хобн хасидише халоймес".

А с Галей были такие разговоры:

- Почему бы тебе не бросить эту свою должность и не засесть за литературу? - спрашивала она.

- А деньги кто будет приносить?

- Я. У меня уже набралось много учениц в Кфаре, они будут приходить ко мне играть на пианино, пока я в отпуске с малышом.

- Ну да. Зависеть от всяких там дамочек с переменчивым настроением. Нет, милая! А, кроме того, я предпочитаю уравновешенное сочетание неприятной работы и приятной семейной жизни любой другой комбинации.

- А если и то, и то будет приятным?

- Не верится мне в такое.

- Ну, будь по-твоему...

- Скажи-ка, ты согласна, чтобы на этот шабат я привез к нам двоих солдат?

Их родные в России, и они совсем одни, некуда податься, кроме как...

- Привози. Пусть спят в зале, разложим диван.

- Но тебе не будет слишком трудно готовить много еды?

- Ничего, только завези все продукты.

. Записи, спрессованные неторопливо
проходящими годами, выглядели так:

"Я пытался срезать Сендере ногти, но от страха поранить его ножницами и переполнявшей меня нежности ничуть в этом не преуспел... Надо бы порасспрашивать тетю Розу побольше о ее детстве, об этом самом мукачевском сойфере Сендере Гонтмахере, в честь которого мы назвали малыша. Меня привлекает военная тема и история нашей семейки. И еще - обработка воспоминаний твоего дедушки, до которых я все никак не доберусь".

"Мне так нравится то, как ты улаживаешь ссоры между Яшкой и Мендиком. Они начинают кричать, жаловаться один на другого, швырять что-нибудь на пол в доказательство своей правоты. Я не вмешиваюсь, так как мне положено оставаться последней инстанцией - высшим судьей. Ты потихоньку, спокойно вытягиваешь из них, из каждого по отдельности, полное описание спорного вопроса. Предлагаешь дать версию решения. Ребенок, поощренный к самостоятельному размышлению, польщен и чаще всего предлагает действительно разумный вариант. Теперь остается только проследить за тем, чтобы принятые детьми решения выполнялись... Папа, то есть я, получит подробный отчет обо всех нюансах их выполнения... О, какие отчеты ожидают меня каждый раз по возвращении домой! Моя реакция чаще всего - армейская, топор да плаха, и наказания не избежать. Они это хорошо знают. Так же прекрасно знают они и то, насколько тяжело мне их наказывать... и насколько лучше было бы, если бы я всегда слышал от тебя только радостные сообщения".

"Как я доволен твоим уроком, который ты делаешь для местных женщин, всех этих министерских жен. Удивительно, что ты, при ограниченном владении ивритом, смогла мобилизовать их на изучение "Сихот". Очень разумно поступила, что предоставила им самим по очереди читать по абзацу, прося их же самих делать выводы и только помогая им разбираться с терминами и сокращениями, принятыми в хасидизме. И как они любят этот урок, с каким уважением на тебя смотрят! А еще, знаешь, я приятно удивлен тем, что ты завела обычай слушать кассеты с лекциями, что дом все время полон букв Торы... Из такого дома действительно выйдет свет на все окружающее. И совсем уж не ожидал, что ты и после отъезда из Цфата будешь поддерживать отношения с Центром хабадских женщин, ездить на их мероприятия. Ты так изящно вливаешься в общественную деятельность, при этом оставаясь совершенно самой собой."

"Заметила ли ты, как внезапно вырос Яшка - такой высоконький, худой, умнящий подросток... чернявый, всегда прилично, по-хабадски, одетый... У него зверская память - он даже жалуется, что, пока едет в автобусе, успевает невольно запомнить все рекламы и телефонные номера, которые выкрикивают и поют по радио. С его памятью надо обходиться соответственно, загружать ее толковой информацией и все время тренировать, расширять ее объем." "

"А сегодня по небу бежали облака с разгоревшимися лицами, будто хасиды на Минху в Севен-Севенти..."

"Ты знаешь, в чем прелесть твоего лица? Когда смотришь на него, то ничто не отвлекает внимания от твоих глаз, никакая другая деталь не перевешивает, все черты лица знают свое место. Помимо красоты, здесь есть правильная акцентировка. Вот в чем прелесть твоего лица. Хотя я люблю в нем не одни глаза, я люблю в нем все".

"Ах, как гаснут, гаснут - по степи, удаляясь, годы! Годы гаснут, мой друг, и когда удалятся совсем, никто не будет знать, что знаем ты да я." Это не мое, это - набоковское, но и он, впрочем, заключает в кавычки, цитирует начало фразы откуда-то. Откуда? Не знаю. Уже угасло, сквозь годы, знание." "У Яшки скоро бар-мицва. Он, знаешь, мечтает о кругосветном путешествии. Я бы хотел съездить с ним и с Менди к Ребе. Какую йешиву мы для него выберем? В Нетании, говорят, хорошая".

"Армия деморализована. Правительству пора заняться самоликвидацией. Уж теперь-то все иллюзии развеются... Сионизм, эта грубая и неверная интерпретация любви еврея к Святой Земле, свое отжил. Солдаты - в дурацком положении отступающих. Почитать у Хемингуэя об отступающей армии..."

"Я хочу как-нибудь описать подробно то, как Янкель учится накладывать тфиллин, как у него продвигается Маймор и как он, увы, попал под сильный дождь в своей новой шляпе фирмы "Борселино", которую мальчики, взрослея, начинают носить, равно как и пиджак, где-то за месяц до своей бар-мицвы."

"Менди будет шляхом... Он - добродушный, простоватый, склонный к полноте. Умеет добиваться своего при любых обстоятельствах - не мытьем, так катаньем: ласково и искусно. Помнишь, как в этот Суккот он прошелся по домам Кфар-Шмарьягу, приглашая нерелигиозных к нам в гости? Никто не мог ему отказать, человек двадцать пришло. Он и фонды сумеет выбивать, вот увидишь, когда вырастет..."

Тихо огибал хутора и станицы свинцовый Дон, пели петухи во дворах Заветного, неспешно копалась на своем огороде бабушка Романовна, по лугу ходили молодые кони, а изрядно постаревший дядя Вася покуривал себе "Нашу марку" и почитывал в газете про арабо-израильский конфликт...

...И надо думать, что читатель снисходительно закрывает глаза на излишне классическое закругление сюжета, когда вдруг увидит, что книга уже кончилась, а он все продолжает кружить, кружить по знакомым лабиринтам, доверчиво дожидаясь, когда же будет поставлена точка. Но точки быть не может. Точку поставит только сам Мошиах. Ведь лишь с его приходом наполнится земля знанием Б-га, как воды наполняют собой мировой океан. И то маленькое, ограниченное

знание, коим мы пытались поделиться с добрейшей души читателем, благополучно растворится в этом океане, подобно незначительной капле, несущей, однако, в себе ту же незамутненную прозрачность, какая свойственна океану в целом.

Глава 82 ЭКЗАМЕН

На пороге стоял шадар - посланец для сбора денег - от крупной иешивы.

- Пожалуйста, присаживайтесь, сказала Галя. - немножко подождите здесь. Она выглядела такой довольной и счастливой. Вчера наконец-то приехал ее отец. Мать и отец снова были вместе, могли теперь радоваться внукам на равных. Это было долгожданное, заслуженное счастье.

Парень благословил предложенный напиток, выпил, озираясь по сторонам.

Стеклянная веранда, тропическая растительность сада. Фазенда.

- Мы в основном отдаем десятину на работу Бейт-Хабада в Индии, - зачем-то добавила хозяйка, будто оправдываясь. - Даже больше чем десятину, пятую часть почти.

Посланец молчал. От женщины мало что зависит, знал по опыту. Придет муж, там и будет решено - дадут постоянное распоряжение банку или нет.

Маршал приехал поздно, привез с базы двоих солдат на шабат, горы продуктов. Дети побежали разгружать, разбили бутылку вина, Галя, поругивая Менделя, вымывала залитый красной жидкостью угол. Допоздна беседовал с шадаром. Иешива, в которой не изучают Беседы Ребе о Мошиахе, принципиально их замалчивают, как я буду вам, то есть вашей иешиве, помогать? Возьмите и вы постоянное обязательство, что будете не только учить Тору в отрыве от реальности, а видеть в ней связь с современным миром. Тогда я прибавлю себе обязательств и дам распоряжение банку.

... Ночью ему приснился лысый монах в оранжевой тоге, шуплый и с горящим взглядом.

Лицо лысого было знакомым до боли. Это было лицо Левки Цфасмана.

- Ты живешь в страсти. - сказал монах, - раньше ты жил в невежестве, но и получив знание, ты не поднялся до благодати, ты остался на среднем уровне - уровне жизни в страсти. Мне дали возможность сейчас прийти к тебе, чтобы предупредить.

- Лева? Ты что, монах, что ли. Я не пойму.

- Я отреченный. Я достиг ступени просветления.

- А где ты живешь?

- Это безразлично. Моя жизнь не связана с миром страстей.

- А о чем предупредить?..

- Твоя жизнь в опасности.

- Почему ты говоришь это?

- Я не говорю. Посмотри на меня получше, и ты поймешь, что я не произношу слов. Я видящий и открывающий. Я не говорящий.

Маршал присмотрелся - точно, не говорит. Слова из глаз передаются.

- А почему ты к буддистам подался, Лева?

- Я принадлежу к вайшнавской традиции индуизма. Мое имя в этом качестве - Чандрамукха дас. Ступень посвящения...

- Ты хочешь повлиять на меня, Лева? Ты хочешь, чтобы я поддался? Да хоть начни будущее предсказывать - я еврей, Лева, евреем и останусь. Тебе это, надеюсь, ясно.

- Пойми же и ты, Боря, что я совершил это усилие и не хотел бы, что это оказалось зря. Если бы ты мог видеть то, что я вижу. Если бы ты видел этот Сатурн, эти Раху и Кету, которые стоят над твоей головой. Если бы ты понимал значение этой комбинации. Но я не в силах передать тебе все научное обоснование, это учение берет годы - я показываю только вывод. Если хочешь, воспользуйся этим откровением, спаси себя, попытайся. Иногда звезды милуют.

- У меня есть Ребе, он может меня предупредить в случае чего, он же может дать указания, что предпринять.
- Это безусловно так, - со смирением согласился монах.
- А не пошел бы ты в Бейт-Хабад к моему другу Бенни Вайсу, - предложил Маршал, - может, вы бы поладили.
- Я пойду, если ты просишь, я не отказываю живым существам в их просьбах.

"Он там, в Пуне, знаешь как развернулся! Столько народу на мероприятия ходит!" ! услышал Маршал сам себя, проснувшись, говорящим кому-то эту фразу. Напрочь забыл, кому и зачем он это говорил. Утро пришло со своими заботами.

Неделя пробежала стремительно - он получил под свое начало еще одного машгияха кашрута, начал его "натаскивать", чтобы к ближайшему шабату тот смог устроить все, как положено, в одной из армейских иешив. Ицик с белыми пейсами, бреславский парень. Трудности начались невероятные, как будто парень просто не понимал, чего от него хотят. Он несерьезно относился к своим обязанностям. Не помнил, откуда получены овощи и фрукты, отделен ли с них маасер, трумот. Завез молочные продукты с низким кашрутом, пришлось отменять заказ, все покупать заново. Кашеровать плиту парень не умел вообще. Между тем начальство утвердило его, у него была какая-то протекция.

Ходили слухи, что солдат вскоре "бросят" на выселение евреев из Гуш-Катифа, где были за десятки лет созданы цветущие плантации, парники, развито такое земледелие, которое экспортом кормило пол-Европы.

"Мои ребята будут выселять еврейские семьи в Гуш-Катифе??" - вздрагивал Маршал при этой мысли.

...Да, мы с ними на дружеской ноге, мы молимся в миньяне, обсуждаем политику, пишем письма к Ребе, но если поступит приказ применить силу против гражданского населения, то они, эти славные солдаты, пойдут и применяют.

Значит, вся моя работа - насмарку?

Как обычно в сложных обстоятельствах, Маршал спросил у Ребе совета. В книге ему открылся ответ, говоривший о сверхъестественных силах и возможностях, о том, что у него появятся силы, которые происходят от самой сущности души.

Этот шабат ему предстояло провести вне дома. Следовало окончательно решить вопрос с Ициком - годен он как машгиях или нет, если принял критику и исправился, это одно дело, но если будет и на таком ответственном участке работы, как кухня шабата, валять ваньку, то придется бороться и доказывать Гади, представителю партии ШАС, который по линии раввина был непосредственным начальником Маршала, что это не работник.

... Дальнейшее известно всем. В супе плавали хрустящие сухарики. Студенты иешивы в обеденном зале мирно пели субботние песни. На кухне и на раздаче, куда ворвались арабские бандиты по наводке водителя, Хасана, находились машгиях с инструктором и двое помощников, их застрелили первыми. "Сверхъестественные силы" сработали, и, падая, смертельно раненый Маршал подумал о семидесяти безоружных людях, которые находятся там, в столовой, за полуоткрытой дверью. Он был прошит огнестрельным шнуром, разрывной болью в животе и груди, но быстро успел отшвырнуть за тяжелую бронированную дверь не менее тяжелую связку ключей, пнуть - вернее, с мучительной болью и медленностью продвинуть дверь до полного ее закрытия, удовлетворенно услышать - защелкнулось. Дальше он ничего не знал, не помнил, рухнул и все вокруг тоже рухнуло. В глубине сознания высеклась фраза - "Триста тысяч моих окурков, от Заветного до Туль-Карема... Ведь материя не исчезает".

... От горной пещеры незаметно отделилась фигура монаха. Он смиренно шел выполнять просьбу товарища. Бенни Вайс знал этих молчаливников из ашрамов. Но этот, придя и заняв темный угол в Бейт-Хабаре, молчал особенным образом. Из глаз его лились слезы просветления и блаженства. Он находился в состоянии Самхита - высшего единения с Творцом.

... На том свете состоялось заседание. Хвалили героического Ицика. Ицик спас жизнь многим людям. Он сумел закрыть дверь, чтобы террористы не смогли перестрелять всех, кто был в столовой. Заслуги Ицика перечислялись подробно. Ангелы кивали и соглашались. Маршал спокойно слушал. В сознании звучало высказывание друга "Ты живешь в страсти". Да, это страсть. Как мучительно сохранять спокойствие, когда хвалят Ицика. Ангелы получили ошибочную информацию, и теперь все лавры отдадут Ицику. Я жил в страсти. Я живу в страсти. Я страстно мучаюсь, что поступок совершил я, а говорят о нем.

Маршал прижал свое "я" к самому низу, ниже уже невозможно. Он не позволил себе и пикнуть. Я не прав. Правы они.

- Видел я сынов Вознесенных. И вот, малочисленны они, - сказал громкий голос от края неба и до края. Наконец-то Маршал увидел Ребе.